М 310
Е49 570

Т. Г. МАСАРИК
ПРЕЗИДЕНТ ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ

МИРОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

ВОСПОМИНАНИЯ

II

ПЛАМЯ — ОРБИС
ПРАГА

E49 — 570

Т. Г. МАСАРИК
ПРЕЗИДЕНТ ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ

МИРОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

ВОСПОМИНАНИЯ

АВТОРИЗОВАННЫЙ ПЕРЕВОД Н. Ф. МЕЛЬНИКОВОЙ-ПАПОУШЕК

II

ПРАГА

1927

ГОСУД. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
№ 32775 1930.

И

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
N оф 8120

LEGIOGRAFIE
Praha-Vršovice, Sámova 665

VII

АМЕРИКАНСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Finis Austriae

(Вашингтон: 29-го апреля—20-го ноября 1918 г.)

63.

На английском пароходе я снова находился в Европе и в Америке, и не только в силу международного права: все окружающие меня путешественники были европейцы или американцы. Прекрасная погода и спокойное плавание создали мне приятный отдых (у меня не бывает морской болезни). На море — волны, течения, погоду, цвет воды и небосклона и т. д. — я обращал, как всегда, довольно внимания: а в этом и есть как раз доля отдыха. Я отметил, что 24 апреля было для нас так называемым меридиональным днем: мы переехали 181° долготы; я вспомнил кругосветное путешествие Ж. Верна и как он неожиданно нагнал один день.

В пароходной библиотеке я нашел кой-какие английские романы и прочел с большим интересом юбилейную работу о Шарлотте Бронтэ, написанную хорошо мне известной писательницей Мэй Синклер.

На пароходе был также мистер Райт, принадлежавший к петроградскому американскому посольству; это дало возможность снова и снова разобраться в русских условиях.

Много времени я посвятил восстановлению всего положения с того дня, когда я покинул Англию. Теперь Россия была окончательно выключена из войны и связана вынужденным миром; русское наступление (Керенского) в 1917 году опоздало. Сами немцы — Людендорф — боялись, что оно наступит раньше и будет, таким образом, опаснее. Русские поражения и революция привели к падению царя; можно ожидать, что проигранная война после Николая сметет также Вильгельма и Карла и всю их систему. Европа тогда была бы избавлена от абсолютизма, демократия кое-что приобрела бы и, таким образом, была бы лучше обеспечена свобода малых народов. С другой стороны, был тот минус, что Россия уже не могла более воевать и что ее внутреннее развитие было неопределенно, а быть может, и в опасности.

Немцы после оккупации Польши продолжали оккупировать другие лимитрофные государства; постепенно они взяли Ригу, острова Эзель, Моон, Даго (сентябрь—октябрь 1917), дошли до Финляндии (2 апреля 1918) и победили там большевиков, которые не хотели признавать независимость Финляндии, объявленную 19 июля 1917 г. Вот доказательство, что немцы не были безусловно за большевиков. Шаг за шагом, начиная победой у Горлицы, немцы захватили Польшу, а за ней и другие мелкие народы; пангерманский Drang nach Osten был, кажется, в этой части Европы удовлетворен. Германия признавала малые государства, возникшие под ее протекторатом и находящиеся под ее влиянием; были признаны Курляндия (15 марта 1918 г.), Литва (23 марта), Латвия (9 апреля) и Эстония (10 апреля), оба последних государства сейчас же (13 апреля) заявили о своем желании примкнуть к Германии.

Украина заключила мир, поддаваясь, в действительности, нажиму сильнейшей стороны; Румыния также.

Немцы и австрийцы были господами Польши. Польша была оккупирована уже летом 1915 г. и в ней было немецко-австрийское управление; постепенно рождался немецкий план (варшавский губернатор, генерал ф.-Безелер) создать полумилионную польскую армию; для этого было создано польское королевство (5 ноября 1916 г.), но польскую армию все же

не удалось осуществить, а немцы и австрийцы, хотя и под щитом единения, долго наступали друг другу на ноги из-за господства в новом королевстве. Россия, с самого начала, в польском вопросе делала большие ошибки; первые обещания сокращались (об автономии цензура не разрешила даже писать!), заявление Временного правительства о необходимости польского независимого государства (30 марта 1917 г.) опоздало.

Подобное же согласие-несогласие царствовало между Германией и Австрией в румынском вопросе.

В противовес этому Греция после изгнания короля Константина (27 июня 1917 г.) присоединилась к союзникам.

Англия продолжала побеждать в Азии, Турция потеряла зимой из-за голода и болезней много войска. В Англии подводная война вызвала значительные опасения, но в конце 1917 г. сами немцы начали сомневаться в ее действенности и целесообразности; подводных лодок с самого начала было мало, но и с тем немногим, что было, немцы произвели впечатление.

Англия в ноябре 1917 г. сделала великолепный ход, заявив, что она за национальное еврейское государство в Палестине — этим были привлечены сионисты и вообще евреи всего мира. Во Франции начал ощущаться прирост американских войск уже с июня 1917 г., но немецкий натиск и сопротивление были все же еще опасны. Нивель со своим планом прорыва немецкого фронта успеха не имел. В конце мая 1917 г. во французской армии были значительные вспышки недовольства командным составом; они были однако подавлены. В командовании опять произошли перемены: генералиссимусом стал Петэн (15 мая 1917 г.), противившийся плану Нивеля, который все еще думал о большом наступлении; весной (24 апреля 1918 г.) главным начальником союзнических войск был назначен Фош. Первоначальная попытка единого командования не оправдала себя вполне, но в ноябре (1917 г.) был создан Союзнический Верховный Военный Совет.

Единое командование было давно необходимо; теперь, когда немцы по выходе России из борьбы подготовлялись к большому наступлению, оно стало еще нужнее. Наступление началось 21-го марта и сначала казалось настолько победо-

носным, что французы помышляли о новом перенесении правительства из Парижа. Но немцы не взяли Амьена, бывшего главной целью их нападения, и это означало их фиаско или по крайней мере неуспех стратегического плана и дальнейшую нерешенность «великой битвы» во Франции.

В области политики во Франции настал осенью (16 ноября 1917 г.) энергичный режим Клемансо, премьера и военного министра в одном лице; для характеристики внутреннего положения во Франции указываю на изгнание Мальви, бывшего министра внутренних дел (7 августа), расстрел редактора Дюваля (15 августа) и некоторых других; бывший премьер и министр финансов Кайо был арестован (14 января 1918), Болo-паша расстрелян (5 февраля). Нужно однако припомнить, что еще до Клемансо в парламенте был принят закон против пораженчества и мирной пропаганды (26 июня 1917 г.). Италия после поражения у Капоретто опомнилась. Победы над итальянцами Австрия добилась при помощи немцев — очевидно ни в тактическом, ни в стратегическом отношении Австрия одна уже не могла действовать с успехом. Мы теперь знаем, что нападение в октябре 1917 г. (я с самого начала ждал, что будет сделана попытка осуществить этот план) имело целью разбить Италию так, чтобы неприятель мог войти через Альпы в южную Францию; Италия однако реорганизовала свою армию помощи английских и французских отделов.

Характерным для общего военного и политического положения было множество уже упомянутых мирных договоров, заключенных Германией со своими восточными противниками; эти мирные договоры, особенно же с Россией, казались мне предвестием мира и с Западом. Действительно в 1917 и в первых месяцах 1918 г. делались с обеих сторон, особенно же со стороны центральных держав, многократные попытки заключить мир. Германия со своими союзниками сделала западным союзникам официальное предложение мира уже 12 декабря 1916 г.; после этого официального предложения был сделан целый ряд тайных. Количество этих тайных предложений нельзя точно определить; они исходили или прямо от решающих инстанций или от влиятельных лиц, уверенных в согласии этих инстанций.

Австрия по смерти старого императора начала вести тайные переговоры с Антантой (в начале декабря 1916 г.), продлившиеся до весны 1918 г. Я скоро буду говорить об этом вопросе подробнее; здесь я только хочу выдвинуть симптоматическое значение этого поведения нового императора, действовавшего при помощи своего шурина Сикста, которого как раз через год разоблачил Клемансо. Переговоры означали ослабление центральных держав; оказалось также, что между Австрией и Германией нет того единства, которое было в царствование Франца Иосифа. Слабость Австрии официально изобразил Чернин (12 апреля 1917 г.) в доверительном докладе императору; этот доклад попал в руки союзников, как тогда говорилось, из-за нескромности Эрцбергера, хотя сам Эрцбергер это опровергает. Меморандум Чернина объясняет переговоры Карла о мире; увидим далее, что эти переговоры не были единственными, что Австрия собственно целый 1917 г. искала путей ко всем союзникам.

В Германии Рейхстаг принял 19 июля 1917 г. резолюцию о мире 214 голосами против 116 (17 не голосовали), в которой по русскому образцу предлагался мир без аннексий и политического и экономического насилия; но и официальная Германия старалась тайно сблизиться с союзниками. С Францией Бетман-Гольвег был готов вести переговоры о мире, полагая в основу уступку Эльзаса и Лотарингии или, по крайней мере, их части; так, по крайней мере, твердили в Вене и это же распространяли австрийские агенты. Об одной такой франко-немецкой попытке даже известны подробности; Фрейхерр фон-дер Ланкен, бывший чиновник немецкого посольства в Париже, служивший в это время в Бельгии (он дал приказ расстрелять мисс Кэвель), завязал сношения с Брианом при помощи различных лиц; дело зашло так далеко, что он, по соглашению, ждал Бриана в конце сентября (27) в Швейцарии, но Бриан не приехал. Эпилог аферы имел место в полемике Клемансо с Брианом.

В октябре (6) Германия при помощи Испании предлагала мир Англии; но из Германии в Англию вели и иные пути (через Гаагу и др.).

Различные переговоры велись между Германией и Россией.

Я уже упоминал о двух немецких предложениях, сделанных царю; кажется, что к концу 1916 г. (в октябре) Россия делала предложения Германии, Германия же России позднее, в декабре. В 1917 г. Бетман-Гольвег вел переговоры о сепаратном мире еще при царском правительстве (в феврале); потом следовала попытка при Временном правительстве с Милюковым. Иные переговоры велись в Скандинавских землях болгарским послом в Берлине Ризовым — однако, я не уверен в том, что в них бо́льшая часть инициативы принадлежала Ризову, а не немецкому канцлеру; в то же время Германия вела более непосредственные переговоры с Россией через Эрцбергера (также в Стокгольме). Германия сделала предложение о мире и Керенскому при помощи поляка Ледвинского, председателя польской ликвидационной комиссии.

Теперь известно, что император Вильгельм осенью 1917 г. склонялся к более скромному миру, чем тот, который был предлагаем в декабре 1916 г.; в начале июля он совещался с нунцием Пачелли, о котором речь будет ниже, и вызывал папу на энергичную пропаганду мира. Но несмотря на это Бетман-Гольвег вышел в отставку (13 июля), т. к. Гинденбург и Людендорф выступили против него, дабы мирные предложения Рейхстага не излагались как слабость. В действительности же, в конце июля, в немецком флоте вспыхивают бунты, и вскоре после этого Людендорф начинает шататься.

В Англии в это время (от лета 1917 г. до лета 1918 г.) Ллойд Джордж был обеспокоен положением на фронте; особенно возможностью, что немецкие подводные лодки помешают ввозу продовольствия в Англию. Он опасался, как мною уже приведено, что у Англии недостаточно солдат, а потому защищал план энергичного наступления на Турцию (что в действительности и осуществилось); во Франции он хотел пока лишь обороняться. Я не знаю, в чьей голове возник этот план; я узнал, что с ним соглашались выдающиеся союзнические военачальники — и даже сам Фош. Читатели, конечно, наверно, помнят, как после миролюбивой речи Ллойд Джорджа (5 января 1918 г.) полк. Репингтон публично против него выступил; английский премьер обвинил полковника в измене. Стремление

Англии к миру характеризует пацифистическое выступления лорда Лендсдоуна, Вимборна и др. Что касается Ллойд Джорджа, он принял, хотя и очень осторожно, участие в тайных переговорах с Австрией, которые вел Сикст; я слышал в осведомленных кругах в Лондоне весной 1917 г., что Ллойд Джордж думал о мире и что был готов сделать Германии значительные уступки.

В связи с этим необходимо вспомнить, что в 1916 и 1917 году говорилось о возможности посылки войск Японией в Европу; спорным вопросом было, должны ли они ехать по морю или идти через Сибирь. У этого плана были приверженцы и враги не только в Америке.

Важное значение имело мирное выступление Ватикана 1 и 30 августа 1917 г. и связанная с ним дипломатическая переписка всех государств; союзнических держав Ватикан нисколько не склонил на свою сторону. Его мирная нота была неопределенна, а потому главные союзнические державы не приняли ее за основу мирных переговоров. Ватикан, однако, одновременно с открытыми переговорами, вел с Германией и союзниками весьма усиленно и тайные переговоры. Он зондировал английское правительство относительно условий мира. При помощи мюнхенского нунция Пачелли, с которым ранее вел переговоры сам Вильгельм, Ватикан дал понять (30-го августа) немецному канцлеру Михаэлису, что Англия желает знать действительные намерения Германии, особенно по отношению к Бельгии. Ответ Германии был неопределенный и неприемлемый.

Весьма важным было обращение президента Вильсона к Сенату 8 января 1918 г., в котором он выразил всю свою программу в знаменитых четырнадцати пунктах. За Германию Гертлинг, а за Австрию Чернин отклонили их, в форме, свидетельствующей о все продолжавшемся ослеплении Берлина и Вены. Я скоро снова вернусь к этому выступлению Вильсона.

На мирные попытки немецкой и австрийской социал-демократиических партий, так же как и на более ранние попытки русских социалистов я уже обращал внимание; дополняю сообщение указанием на съезд интернационала в Стокгольме (в июне 1917 г.), где были представители и нашей социал-демокра-

тической партии (Габрман-Немец—Шмераль). Д-р Шмераль защищал свое австрофильство, но заявил, что 95% наших рабочих и всего чешского народа, вообще, идет за мной, а не за ним; открытое заявление всех трех социал-демократов, требующее самостоятельного чешского государства в рамках федеративной Австро-Венгрии, было направлено против плана австрийских социал-демократов, обещавших народам лишь культурную автономию. Это было первое официальное заявление, пришедшее из Чехии и сделанное за границей. Признание д-ра Шмераля мы опубликовали во всех газетах с прекрасным результатом. Я послал в Стокгольм проф. Максу, чтобы он информировал там наших депутатов о благоприятном положении дела в России и в Европе. Депутат Габрман собирался тогда остаться окончательно заграницей, но мне казалось, что он мог более влиять дома, чем за границей, а потому я велел передать ему, чтобы он возвращался и налегал на то, чтобы дома не допускали никаких компромиссов и уступок, а нас уже больше не опровергали.

Развитие немецкой социал-демократии и то, как она постепенно расходилась в двух направлениях, создавая две партии, было характерным для 1917 г.; в начале 1918 г. начинаются уже политические забастовки в Вене (16 января), в Берлине (28 января); в Германии организуются советы рабочих депутатов.

Когда я просматривал общее положение, то не мог прийти не к чему иному, кроме того, что близится конец: выход России из ряда воюющих, влияние большевизма на социалистические партии Европы, усиление пацифизма, усталость воюющих войск и видимое недовольство в армиях, трудность решающей победы на фронтах, тайные и открытые переговоры о мире — все это убеждало, что война уже не будет продолжительною. Дальнейший вывод из предшествующих военных событий был тот, что решение будет в нашу пользу; это не была пустая надежда, это было убеждение, добытое более, чем трехлетним критическим наблюдением. На стороне союзников было, конечно, немало невыгод, они сделали много весьма грубых политических и стратегических ошибок; но то же самое было и на стороне

Австрии и Германии. Оставалось лишь одно сомнение, а именно, не затянет ли посылка американских войск во Францию войну еще до 1919 г.

Были такие политики и военные специалисты, которые полагали, что война продолжится еще до 1919 г.: сам маршал Фош еще осенью 1918 г., после первых побед над немцами, ожидал решения лишь весной 1919 г. Но по общему положению я полагал, что война окончится еще в 1918 г., а потому и торопился из России в Европу.

Большинство тайных переговоров в 1917 и 1918 гг. остается до сих пор в неясности, факты не описаны принимавшими в них участие лицами. Я кое-что узнавал, но обычно лишь то, что снова ведутся тайные переговоры; назывались действующие лица, подробности же нельзя было выведать; мне было достаточно того факта, что ведутся переговоры, тайные переговоры — вывод я из этого делал сам и, кажется, правильно, то-есть, что война едва ли продолжится за пределы 1918 г.*).

В конце 1917 и начале 1918 г. мы были уже подготовлены к миру. Нашим большим плюсом были легионы. Успех с легионами в России докончил формирование легионов во Франции и ускорил их формирование в Италии. Во Франции, как я уже излагал, мы создали в 1916 г. большой план национальной армии с согласия французского правительства; поэтому Штефаник был официально послан в Россию. Насколько ему удалось или вернее не удалось и почему, я уже говорил. С мая 1917 г. я продолжал действовать в России в том же направлении; как и с каким успехом, это тоже уже написано.

Когда формировка армии в России началась по-настоящему, то я обратился к д-ру Бенешу, чтобы он начал с Францией переговоры о нашей армии и заключил договор с французским правительством. Одновременно я начал прилагать все силы

*) На примере Сикста укажу, как я следил за мирными переговорами; я телеграфировал из Лондона 2 апреля 1917 года нашим в Париж следующее: «Дорогие друзья, обратите внимание — говорят снова идут переговоры и серьезные о сепаратном мире с Австрией, глава правительства выехал из-за этого. Кажется, всем достаточно этой войны. Нам автономию и т. д., немного уменьшенная Австрия».

к тому, чтобы мы отправили во Францию по крайней мере несколько транспортов; это удалось. В них находилась часть наших пленных из Румынии. Из Америки (там Штефаник в 1917 г. организовал набор) приехало во Францию также известное количество добровольцев. Переговоры д-ра Бенеша с французским правительством имели успех. Уже в августе дело дошло до соглашения, а после дальнейших переговоров французское правительство издало 16 декабря декрет об образовании нашей армии во Франции. Окончательно договорился д-р Бенеш с премьером Клемансо в январе и феврале 1918 г. Уже этот договор обеспечивал нам в худшем случае значительные выгоды на мирной конференции.

В Италии затруднения были несколько больше. Мы, чехи, итальянцам были мало известны, а анти-югославянская пропаганда захватывала все большие круги. Штефаник и Бенеш усиленно работали в Италии, а я всюду, особенно же в России, встречался с итальянскими послами. В январе 1917 г. мы получили разрешение собрать всех чехов и словаков в одном лагере. Постоянно делались попытки формировать войско. Созданию войска помогло нам событие у Карцано в сентябре 1917 г. Там (на фронте в Тироле) офицер Пивко — словинец родом — устроил тайком переход своих солдат к итальянцам. Среди перебежчиков было значительное количество чехов. В Италии этот факт произвел впечатление и привлек к славянам симпатии; о карцанской «измене» писали венские газеты, а в парламенте интерпелировали немцы. Вскоре после Карцано в октябре был признан Национальный Совет и было разрешено образование трудовых отрядов; карцанские перебежчики в большинстве остались на итальянском фронте и воевали в октябре 1917 на Монтэ Цебио и у Азиаго. С февраля 1918 года начался набор среди пленных — проводил его Сихрава с Осуским, — и формирование войска было достигнуто. Первый договор между итальянским правительством и Национальным Советом об организации чехословацкого войска в Италии заключил Штефаник с Орландо 21 апреля 1918 г.; за этим успехом последовали иные признания и договоры с итальянским правительством. Из легионеров, усиленно работавших в Италии, стали известны: Ян Чапек,

Бедржих Гавлена, Франтишек Главачек, Иосиф Логай, Ян Боржил и др.; создание наших легионов в Италии большая заслуга Штефаника.

При таких условиях 8 апреля 1918 г. в Риме состоялся конгресс притесняемых австро-венгерских народностей; это был как раз день, когда я доехал до Токио. Какое он имел политическое значение, сейчас увидим.

Сведения, которые я получал об условиях жизни в Чехии и в Вене были успокаивающие. После январского опровержения последовало уже упомянутое первое выступление депутатов в апреле, а главное — манифест писателей в мае; я в нем ощущал подталкивание депутатской политики, а политическое оживление весной 1917 г. я объяснял влиянием русской революции. Эта революция должна была ослабить монархизм и усилить республиканство. Подобным же образом благотворно действовала у нас и русская революция, наступившая после японской войны. Парламент, созванный впервые за время войны (30 мая 1917 г.), высказался в государственно правовом смысле еще за Австрию и Габсбургов, и была предложена программа федеративного государства, состоящего из национальных государств. Это провозглашение не принесло нам большого вреда, ибо рядом с очевидно платоническим признанием всей империи и династии выдвигается борьба за чешское государство и присоединение Словакии. Я думал, что теперь парламент вообще уже не мог вредить, скорее могло быть наоборот. Это было сейчас же видно по интерпеляции социал-демократических депутатов о конфискации стокгольмской резолюции и т. п.

Весьма важным, а для нас и выгодным было решение депутатов в Вене 23 июля; большинство, хотя и незначительное (3 голоса), отказалось принять участие в работах над изменением конституции. Если я не ошибаюсь, на это решение имели влияние иностранные сообщения Габрмана, привезенные им из Стокгольма. Д-р Рашин и д-р Крамарж были выпущены из тюрьмы; они не могли оставаться депутатами, но это было даже лучше, д-р Рашин мог всецело посвятить себя Праге и работе. Очень мне пригодилась интерпеляция немцев в пар-

ламенте (5 декабря 1917 г.) о нашей нелояльности: я узнал, что Чешский Союз депутатов с конца сентября 1917 г. был в полном составе; я представлял себе это единение, как доказательство того, что и наши сознают приближающийся решительный момент.

Декларация 6 января 1918 г. успокоила меня, несмотря на то, что одобрение прежних заявлений означало принятие декларации при открытии парламента; однако, при тогдашней неопределенности, этого за границей не понимали, тем более, что остальное содержание соответствовало нашей заграничной программе. Мне эта неопределенность говорила, что исключительно габсбургская и австрийская политика встречает отпор в собственных рядах, а быть может, и среди большинства депутатов. Да, кроме того, и австрийский премьер, а позднее и министр иностранных дел подчеркнули «изменнический» характер декларации.

За крещенской декларацией последовало упомянутое личное нападение Чернина; это ему очень повредило в Англии и в Америке (личные нападки в этих землях давно уже исключены), а нам принесло пользу, особенно тем, что Чернин в раздражении обвинял народ в том, что он единомыслен со мной («такие Масарики есть и в пределах империи»).

О нас, находящихся заграницей, дома теперь уже довольно знали; узнали наши и о Зборове; депутат Габрман, пленный Пшеничка и др. доставляли им обширные сведения, — я уж не ожидал никакого опровержения, несмотря на то, что положение на французском фронте было более, чем неприятное. Торжественная присяга 13 апреля многое предвещала, для меня особенно радостным было сообщение о первом сопротивлении словаков в Липтовском Св. Микулаше под руководством Шробара.

29 апреля мы пристали рано по утру к Виктории, а после обеда были в Ванкувере. Здесь я получил экстренную телеграмму из Владивостока о смерти Клецанды... Меня ожидал там Шелькинг, бывший чиновник петроградского министерства иностранных дел; своими сообщениями и советами он оказывал часто серьезную помощь нашим людям в Петрограде, когда мы

выступали против политики Штюрмера и Протопопова. И вот снова споры о России, о причинах ее падения и перспективах в будущем.

В Ванкувер прибыли некоторые земляки, как представители своих организаций (Босак от словаков), и Перглер, которого мои американские сограждане определили мне в секретари; об этом я узнал от нашей американской миссии в России; я телеграфировал ему в Токио, чтобы мы могли немедленно воспользоваться длинным путем из Ванкувера для работы. Перглер был у меня в течение всего моего пребывания в Америке и работал с большой энергией и прилежанием; он принял участие в нашем движении еще до моего приезда.

30 апреля я покинул Ванкувер и поехал через Канаду в Чикаго. Путешествие продолжалось без малого пять дней; более длительная была остановка в Сан-Пауле, где я встретился с некоторыми из наших соотечественников, которых я знал по прежним посещениям Америки.

В Чикаго приехал я 5 мая и здесь начался новый фазис деятельности, начался он немедленно в большом масштабе.

64.

В Чикаго земляки приготовили мне, по американскому обычаю, торжественную встречу. Чикаго после Праги было самым большим чешским городом, а также финансовым центром движения. Здесь был Штепина, которого я уже из Венеции начал бомбардировать письмами с просьбой о деньгах; д-р Фишер был во главе национального Союза; Войта Бенеш объезжал наши колонии и заботился об успехе наших сборов. Нашим удалось привлечь почти все Чикаго, не только славянские колонии, которые присоединились к нашим, но и американцев. От вокзала к гостинице растянулось огромное шествие, весь город утопал в наших и вообще славянских флагах. Начало было великолепное и стало примером для иных городов, где у нас были значительные чешские и словацкие колонии. Речи говорились на улице при шествии на чешском и английском

языках. Потом начались малые и большие чешские и чешско-американские собрания. Я должен был вторично приехать (в конце мая) в Чикаго, чтобы устроить собрания для отдельных организаций; тогда то я участвовал в собраниях и говорил речи в некоторых американских учреждениях, как-то — в университете, в главном чикагском клубе журналистов и т. д. В 1902 г. в Чикаго я читал в университете лекции и приобрел тогда среди чехов и американцев много друзей; теперешний президент м-р Джэдсон весьма либерально мне помогал.

Позднее у меня были подобные приемы и собрания в Нью-Йорке, Бостоне, Балтиморе, Кливленде, Питсбурге и Вашингтоне. Всюду собрания и шествия устраивались так, что возбуждали интерес американцев; наши национальные костюмы, знамена, значки и художественно устроенные шествия очень нравились и поэтому обращали внимание на наше освободительное движение, которое таким образом проникало в самые широкие круги американских граждан. Я перед войной метал много громов против любителей парадов, — в Америке я убедился, что я перестарался, — я был все же профессором («педагогом») и недооценивал того, что хорошо устроенная процессия совсем не менее ценна, чем мнимо-сокрушительная политическая статья или речь в парламенте... Помню ясно, как во время процессии в Чикаго мне пришли на память слова знаменитого проповедника Спэрджэна, который говорил, что стал бы на голову, если бы этим мог привлечь внимание к доброму делу, — если можно стоять вверх ногами в церкви, то почему же нельзя на улице?

В Америке, как и в других колониях, были вначале личные и политические споры; Америка была нейтральной, здесь действовали сильные немецкие, австрийские и венгерские влияния, а потому и в нашей колонии было недоверие к революционной деятельности и довольно часто встречались отдельные австрофилы. Но наше направление пробило брешь, и Национальный Совет был с самого начала признан руководящим органом нашего движения. Были еще и теперь отдельные личности, защищавшие австрийскую ориентацию, но их уже не принимали в счет. Главные споры были уже ранее разрешены

при помощи открытых дебатов. Афера Дюриха вызвала настоящее раздражение: об этом вопросе говорил на собраниях и в обществах Штефаник. Дюриха защищал Горкий. Афера была не из приятных, но политического вреда не принесла.

Естественно, что на нашу колонию произвела большое и решающее влияние Америка, объявив Германии войну (6 апреля 1917 г.). До объявления многие были в нерешительности; после объявления войны колебания были рассеяны и единство политических взглядов было укреплено. Влияние этого факта, как я уже сказал, проявилось на сборах в пользу нашего дела.

Работа среди соотечественников шла хорошо; значительное количество наших земляков имеет уже влиятельное положение в американском обществе; у нас был свой чешский сенатор (Сабат), были и иные общественные деятели. Все преданно помогали и совместно работали.

Два события заслуживают особого упоминания. Первое то, что наши католики выступили совместно со свободомыслящими и с социалистами; тот, кто знал отношения обоих направлений в более раннее время, с радостью увидит единящую силу освободительного движения. Католики уже за год до этого (18 ноября) постановили в Чикаго написать меморандум, предназначавшийся папе Бенедикту XV; он был передан папскому делегату, который одобрил начинание «Национального Союза Чешских Католиков» и обещал передать меморандум папе. Меморандум требовал самостоятельности Чехославян и освобождения чехословацкого народа в исторических землях и в Словакии. Я лично принял участие в католическом съезде в Вашингтоне 20 июня. Я объяснил, отвечая на старые обвинения, свою религиозную точку зрения, особенно же, как и почему я стал заядлым противником того политического католицизма, который под влиянием Габсбургов развился в Австрии и Венгрии. Я высказался за отделение церкви от государства по американскому образцу. Как раз американские католики понимали, что независимость церкви от государства не может ни как повредить церкви. Я обещал, что приложу все силы, чтобы разделение церкви и государства прошло без боя; что касается вопроса о церковном имуществе, который мог бы возникнуть

при разделении, то я отверг конфискацию. Когда исполнительный комитет Национального Союза Чешских Католиков в Америке постановил 25 октября 1918 г. выслать своих представителей в Чехословацкую республику, чтобы объяснить духовенству и верующим основание отделения церкви от государства, я очень охотно приветствовал этот замысел (письмом от 15 ноября). Добавлю еще, что и Союз Словацких Католиков в Америке рекомендовал изменение отношений церкви и государства по образцу отделения, принятого в Америке, конечно, сообразуясь со словацкими условиями жизни (в Уилькес Барре 27 ноября).

Второе важное единение произошло в Питсбурге между словаками и чехами. 30 июня я подписал соглашение («Чехословацкое соглашение» — не договор!), составленное американскими чехами и словаками. Это соглашение состоялось для успокоения небольшой словацкой фракции, мечтавшей о Бог знает какой самостоятельности Словакии; идеал некоторых русских славянофилов, также Штура и Ваянского пустили корни и среди словаков в Америке. В противовес этому наши чехи и словаки в Америке договорились до соглашения, в котором для Словакии требуется собственная администрация, парламент и суд. Я подписал это соглашение не колеблясь, так как это было местным соглашением американских чехов и словаков между собой; оно подписано американскими гражданами, не американских граждан было лишь два (под ним некоторые подписывались дополнительно, недопустимым образом). В соглашении было постановлено, что законные представители словацкого народа будут решать сами подробности словацкой политической проблемы. Подобным же образом я установил в Декларации Независимости, что данная Декларация есть лишь попытка характеризовать будущую конституцию, а что о самой конституции будут решать окончательно законные представители народа. И это осуществилось при принятии нашей конституции не только чехами, но и словаками; таким образом, законные представители Словакии высказались за полное единение, и эта присяга конституции связывает не только словаков, но и чехов и, конечно, меня. За единение высказались представители словаков

30 октября 1918 г. в Турчанском Св. Мартине, а еще раньше, именно, 1 мая, следовательно до Питсбургского соглашения, в Липтовском Св. Микулаше. Дело, как раз, в этом единении, — автономия — требование настолько же имеющее за собою право, как и централизация, главная же задача установить правильное соотношение между обоими.

Среди чехов и словаков поговаривали, что в начале года в Америку прибыл граф Кароли, чтобы добиться у американского правительства признания целостности Венгрии; по слухам он желал свободы чехам, но словаки должны были остаться в пределах Венгрии. Полковник Гауз уведомил об этом чехов, и они договорились со словаками об едином чехословацком государстве.

Рассудительнейшие вожди словаков понимали, что территориальная автономия не принесла бы ничего хорошего словакам; им было ясно, что самостоятельное освободительное движение словаков должно было бы кончиться фиаско. Все это основательно и широко разобрали на собрании. Я мог указать словакам, насколько они неизвестны в политическом мире и какого бы фиаско мы дождались, выступая самостоятельно. О самостоятельной Словакии вообще нельзя было серьезно говорить; было бы еще можно стать ей автономною в пределах Венгрии, но при данном положении и это оказывалось невозможным, и, таким образом, не оставалось ничего, кроме соединения. Все малые народы требовали во время войны свободы и единения. Словаки и чехи знали, что я сам был всегда за Словакию; своим происхождением и традициями я словак, чувствую как словак и всегда не только ратовал, но и работал для Словакии. В Чехии к Словакии была всегда живая симпатия. Чехи — Гавличек! — признавали национальную самобытность словаков и моравян. Я знаю Словакию и людей в Словакии довольно хорошо; я был в сношении со старшим и с младшим поколениями, с обоими я работал над возрождением Словакии. Я хорошо знаю, как и русофил Ваянский, когда дело шло всерьез, был за единение, совсем так, как и его отец, а ранее еще Колар и др. Но знаю я и то, как многие словаки в своем национальном и политическом унижении утешали себя фантазиями взамен деятельности и тру-

да. Когда некоторые русские — в том числе и Ламанский — полюбили словаков за их национальную самобытность, то им этого было вполне достаточно, но против мадьярского напора это для них была слабая защита.

Во время войны ожил словацкий романтизм среди словаков в России. Словаки приходили в особый восторг от русских официальных заявлений; они указывали на то, что царь при аудиенции проявил особый интерес к словакам; Николай Николаевич также в своем манифесте к австрийским народам упоминает о словаках. На словаков в России влияли идеи Ламанского и др., а потому некоторые словацкие работники мечтали о самостоятельной или соединенной с Россией Словакии; но нашлись и такие люди, которые провозглашали присоединение Словакии к Польше и даже к Венгрии. В Москве уже в 1915 г. было основано «Словацко-русское общество памяти Штура» и в нем под руководством нескольких политически наивных русских людей выращивались различнейшие античешские иллюзии, полные незрелого и неясного панславизма и панрусизма. Некоторые чехи в России были в этом за одно со словаками. Уже в меморандуме царю в сентябре 1914 г. говорится о «двуедином королевстве»; упомянутый Национальный Совет чехословацких общин в Париже, основанный Коничком, в послании в Словакию (15 февраля 1915 г.) обещает полную самостоятельность «Словацкому краю» с особым парламентом в Нитре; Союз Чехословацких обществ в России (31 мая 1915 г.) заявляет, что Словакия будет иметь свой парламент, политическую и языковую независимость.

В Америке Словацкая Лига, существовавшая до 1919 г. лишь по названию (статут официально принят впервые 17 мая 1919 г.), при объявлении войны опубликовала свой довоенный меморандум, в котором по образцу старого меморандума свято-мартинского требовала автономии в пределах венгерского государства; скоро начали повторяться отдельными лицами и малыми группами местного характера излюбленные в России программы; были то планы самостоятельной Словакии, или Словакии, каким-либо образом соединенной с Россией («словац-

кая федерация» и др.). В этом направлении агитировал в России и в Америке также Коничек.

Но большая часть словаков, и их лидеров в Америке и в России были за единый разумный и возможный план — единое чехословацкое государство; на съезде в Кливленде (в октябре 1915 г.) словаки и чехи сговорились о единстве и совместной работе; на первом антиавстрийском манифесте 14 ноября 1915 г. подписались и словацкие лидеры в Америке. Чехословацкое соглашение в Питсбурге является одной из таких программ и, как видно, не самой радикальной.

Этими двумя действиями, однако, участие американской колонии в войне не может быть вполне охарактеризовано; необходмо еще обратить внимание на ее политическую пропаганду, которую она вела с самого начала войны.

Американская колония скоро при помощи своих организаций начала выступать публично и достигла значительного влияния на американское общественное мнение. Эта деятельность имеет тем большее значение, что Америка два с половиной года была нейтральной. Национальный Союз уже в 1916 г. опубликовал манифест, в котором изложил нейтральной Америке наше освободительное движение; в мае 1917 г. Национальный Союз с Лигой подали при посредничестве полковника Гауза Вильсону меморандум, излагающий наши политические стремления и желания; в феврале 1918 г. был подан иностранной комиссии Сената меморандум, выступающий против Австрии, обещавшей автономию. Кроме публицистической работы действовали множеством политических собраний и лекций. Таким образом, американская колония помогала добыть свободу не только при помощи финансов, но и политически, — этим путем, быть может, еще больше; нашим людям под руководством Перглера удалось привлечь сенатора от штата Айова Кениона, который 25 мая 1917 г. предложил Сенату резолюцию, требующую для будущего мира освобождения чехов и словаков; через год (31 мая 1918 г.) сенатор от штата Юта Кинг предъявляет те же требования. После моего приезда Союз добился на конгрессе (29 июня 1918 г.) расширения новеллы переселенческого закона, дающей возможность нашим легионерам,

так же, как и американским добровольцам, вступившим в союзнические войска, беспрепятственно возвращаться в Соединенные Штаты.

Вскоре после моего приезда мы реорганизовали Slav Press Bureau (14 мая 1918 г.), благодаря чему наша пропаганда получила официальный публицистический центр; редактор Тврзицкий, Сметанка, а также Войта Бенеш преданно работали на пользу нашей печати и, вообще, всего движения.

65.

В Вашингтон я приехал 9 мая; моя работа началась сейчас же несколькими интервью и тесной связью и мистером Чарльзом Р. Крейном, с которым последний раз я виделся в Киеве. С мистером Крейном я был в близких отношениях с 1901 г.: он основал тогда славянский фонд для чикагского университета, в котором я читал в 1902 г. свои лекции о славянах. С тех пор, не выставляя себя вперед, он серьезно посвятил себя славянским делам; одновременно, своим положением в американской промышленности он был введен в политическую жизнь своего отечества. Вступлением к моей американской деятельности была поездка с ним и его знакомыми, министром земледелия Гаустоном (как я узнал позднее, он пользовался покровительством бывшего президента Гарвардского университета Эллиота) и английским майором Иннезом на гетисбургское поле сражения, где 3 июля 1863 г. Мид победил Ли; Гетисбург, как памятник войны за национальное единение, производит на европейца большое впечатление. Это — множество больших и малых, памятников но ни один из них не поставлен отдельным, одному или нескольким, полководцам; демократия проявляет себя и в этом. Нельзя без волнения читать на медной доске послания Линкольна, в котором дух американской демократии выражен известным лозунгом: «Из народа, народом, для народа!» На память о посещении я получил пулю, которую нашел местный священник в одной из могил и которую он спрятал, как ужасающий символ духа войны; подобным же

символом она является и для меня, лежа по сию пору на моем рабочем столе.

Я надеялся, что в Америке, а в особенности с президентом Вильсоном мне повезет. С Америкой я тесно связан лично и семейными узами. Уже с 1878 г. я посещал эту страну довольно часто; американская демократия и развитие американской культуры с самого начала моей научной и политической деятельности, живо меня интересовали.

Есть демократия и демократия. Американская демократия возникла на религиозной основе; на это ясно указывают новейшие исторические работы о развитии американской демократии; Токвиль вполне правильно отметил важность морального влияния религии на американскую республику. Огромная расчлененность Америки на различнейшие секты не ослабила ни республики, ни демократии; это сектанство является доказательством религиозной энергии и одновременно современной индивидуализации. И католики в Америке, подобно тому, как и в Англии, гораздо более крепки религиозно, чем в католических государствах Европы, и на них действует в этом направлении протестантская среда.

Этот религиозный фактор был весьма важным для американской республики, как раз при ее создании: недостаток путей сообщения на огромном мало населенном пространстве делал невозможным всеохватывающее управление из центра; поэтому отдельные религиозные общины и церкви со своей орагнизацией были весьма важны, как единящие факторы.

Американская республика является делом пионеров; это были энергичные люди, которые свою энергию доказали уже тем, что дома оторвались от привычной среды и в Америке смогли удержаться лишь благодаря все возрастающей энергии и трудоспособности. Пионеры искали свободы и благосостояния, — американская республика и по днесь служит прежде всего целям и идеалам экономическим, тем более, что вопросов политических и национальных, как в Европе, там нет. Индепенденство и пуританство были настоящей религией пионеров. Конституция, формулированная в духе рационалистической философии права, распространенной тогда в Англии и во Франции, является

настоящим кодексом пионерского экономизма. Американские колонии благодаря переселению потеряли связь с английской династией; за неимением династии у них не стало и дворянства, армии и милитаризма. Республика возникла на основе общин религиозно организованных, и основатели были не солдатами завоевателями, а пионерами, главным образом — фермерами, потом купцами, торговцами и, конечно, юристами. Этим американское государство отличается от европейских, особенно же от Пруссии, Австрии и России; и французская республика получила в наследство институции старого режима (дворянство, войско), которых в Америке нет и не было. Конечно, американское государство в своем развитии разрослось до размеров континента, но этим оно лишь усилило свои основные свойства. Благодаря постепенному захвату запада и юга пионерство оставалось постоянным моральным и политическим фактором.

Наше государство, об этом я думал неоднократно, а также на гетисбурском поле-кладбище, могло бы походить на Америку тем, что и у нас нет своей династии, а против чужой династии мы враждебно настроены; у нас нет дворянства, войска, нет и милитаристической традиции. В противовес этому, наше отношение к церкви из-за реформационной традиции далеко не интимно и в этом был бы минус, если бы мы не сознали, что демократия и республика должны опираться на нравственность, — надо наше обновленное государство, нашу демократическую республику утверждать на идее, новое государство должно иметь свой raison d'être, признанный светом.

В американской конституции есть особенности, достойные внимания. Особенно президенство. У президента есть большие возможности, данные ему конституцией; он сам избирает правительство, при том не из парламента, — американский президент является по английскому образцу de facto конституционным, избранным королем. Недостатки парламентаризма, против которых теперь всюду протестуют, его неединство, благодаря росту и делению партий, могли бы найти некоторый корректив в американском образце. Примечательно также, постановление, предоставляющее суду высказываться о конституционности закона, а также и иные обычаи.

Дальнейшее политическое поучение нам дает Америка тем, что являет республику и демократию в форме федерации: это полная противоположность европейскому централизму, который нигде не оправдал себя. И швейцарская республика, малая республика, склоняет к автономии и федеративной системе. Во всяком случае, американская федерация и автономия должны противиться централизации, которая сильно развивается на счет и во вред автономии; между автономией штатов и центральным правительством не была еще достигнута должная гармония и не были одолены технические недостатки этой дисгармонии (неединство законодательства, лишние повторения и т. д.)*).

В Европе, особенно в Германии и в Австрии, часто полемизируют с «американизмом», как-бы с односторонним механическим и материалистическим взглядом на мир; указывают на могущество доллара, на недостаток политического и государственного чувства, на недостаток науки и образованности — это односторонние, чрезмерные обвинения, особенно не обоснованные с немецкой точки зрения. Как будто в Германии не завладел всем механизмом, механизм военный, милитаристический, государственный! Материализм в Германии праздновал

---

*) Приведу здесь «Американское Верую», возникшее в итоге публичного конкурса в 1926 и 1917 годах; президент Вильсон и целый ряд политических деятелей и публицистов поддерживали конкурс, результатом которого был этот Символ Веры, составленный Вильямом Тейлером Пейджем, потомком президента Тейлера. Текст Символа Веры является искусной смесью различных фраз из конституции, Декларации Независимости, речей знаменитых людей и т. д. Вот он:

«Американское Верую.

Верую в Американские Соединенные Штаты, а равно в правительство, действующее от имени народа, при посредстве народа и для народа и опирающееся в своей законной мощи на согласие подвластных; в демократию в республике; в державный народ многих державных штатов; в совершенное единение, единое и нераздельное, основанное на тех началах свободы, равенства, справедливости и человечности, за которое американские патриоты жертвовали жизнью и имуществом.

Потому верую, что моя обязанность — любить свою родную страну, поддерживать ее конституцию, повиноваться ее законам, чтить ее стяг и защищать ее ото всех врагов».

триумфы в философии и в практической жизни, а немецкая наука и философия подчинились прусскому пангерманистическому насилию! Что члены царствующих европейских родов и дворяне всех государств выискивали американских долларовых принцесс, всем известно, — в готском альманахе есть тому много доказательств; что эти люди не могут симпатизировать американскому гуманизму, совершенно невоенному, можно легко понять. Если ж это приводится, как доказательство против американского демократизма, то то-же должно быть приведено и против европейского аристократизма. Мне лично американская культура симпатична, думаю, что она симпатична и нашим переселенцам, т. е. значительной части народа. В Америке можно и должно учиться не только механике, но и любви к свободе и индивидуальной самостоятельности; республиканская, политическая свобода является матерью той особой американской наивности открытого обращения людей, как в обществе, так и в политике и в экономике. Идеал гуманности практически осуществляется в образцовых госпиталях (уход!), в Америке развилось благотворительное и щедрое употребление денег и т. д. — Америка во многом развивает прекрасные примеры культуры будущего.

66.

Не хочу и не могу утверждать, что в Америке нет теневых сторон и что там нет тяжелых проблем. В литературе борьба с устаревшими формами пуританизма, его ограниченностью и упрямством ведется уже давно (Хоуторн и The Scarlet Letter, 1850, — и это уже не первое нападение), также ведется борьба с американским пошехонством малых и больших городов и областей. Младшее поколение критиков борется с недостатком национального чувствования искусства всех родов и с непониманием социального и социалистического мышления, с типизацией и стандардизацией всей духовной и культурной жизни вообще. Из того, что американский философ Болдуин с особой силой защищает первенство эстетического сознания («панка-

лизм») следует, что как раз этого чувства в американской жизни нет.

В литературе можно изучить возникновение и развитие декадентства; целый ряд писателей этим занимается, между ними и известная, принадлежащая к старшему поколению, писательница м-с Вортон. Иногда и в наших газетах можно прочесть известия о вытравлениях плода (аборт), как ремесла, об огромном количестве разводов и т. д. Над американским декадансом размышляют: во Франции для декаданса есть одна огромная причина — милитаризм, Франция во время своих войн и революции изошла кровью, ослабела; наоборот, Америка страна без войска, милитаризма, страна богатая, именно из-за богатства и мира чахнет. Если еще говорят об Америке, как о молодой стране, то нужно подчеркнуть, что Америка вовсе не молода, а нова — ее обитатели приходят из старой Европы и истощаются вследствие своей пионерской энергии. В Европе упадок приписывается перенаселенности и его влиянию — в Америке мало жителей и все же есть признаки декаданса! Кто знает, как действует эта смесь народов (great melting pot говорят американцы об Америке) не только морально, но и биологически? Нервность и психоз весьма расширены и количество самоубийств повышается, как и в Европе. Особенно указывают на нервность — я бы скорее сказал: нервничанье американских женщин.

Я был несколько раз в Балтиморе и посетил могилу По: декадент; напрашивается сравнение с Бодлером, хотя между ними значительная разница: у По нет в такой мере нервной сексуальности. Мне приходила мысль также о Достоевском, тоже, конечно, декаденте, я размышлял о том, что в «новом» и «свежем» американском и русском мире мы находим то же, что нам дает и «старая» Франция, — нужно будет основательно пересмотреть обычную классификацию народов.

За всеми этими и иными американскими вопросами я следил постоянно с большим интересом также в изящной литературе. У меня завязались близкие и интимные отношения с Америкой в то время (1877 г.), когда начал выявляться особый американский реализм, а с ним и, вообще, новые течения:

разрыв среди народа из-за гражданской войны был залечен и до известной степени преодолен, так что единение и сила стали обнаруживаться в критическом и реалистическом сознавании собственной американской основы и американизма.

От первого соприкосновения с Америкой мой интерес сосредоточивался на Гоульсе и его реализме: на нем бы можно было доказать тезис, что реализм является демократическим методом — наблюдение над так называемой ежедневной жизнью, de facto неаристократической, и ее художественное воспроизведение. Как раз в то время, когда я начал старательнее заниматься американской литературой, выступил, как известно, Камсток против отечественной и чужой литературы. Благодаря своей личной связи с Америкой, я имел возможность оживленных встреч с великими американскими писателями того времени; в 1877 г. и в следующих двух десятилетиях жили и умирали представители старшего поколения — В. С. Брайант, Лонгфелло, Уиттьер, Лоуэль, Уитман, Холмс, Эмерсон. Вследствие семейных связей я был привлечен к изучению старших писателей и духовных работников, как-то: Томас Пэн, Теодор Паркер, оба Дэна, Даниели Уебстер и др. Имя Хоуторна я уже привел — содержанием своих произведений и их художественным качеством он приближается к По.

В Европе, особенно у нас, американская литература известна лишь отрывочно; это не по заслугам. Признаюсь, что мне не очень нравилась американская философия, и в духе Эдвардса, и в духе Франклина; и новейшие американские философы меня не захватили. Прагматизм Джемса для меня так же недопустим гносеологически, как и позитивизм. Меня больше интересовал брат Джемса, особенно своими попытками изобразить характер американцев (Дэзи Миллер) и европейцев — я, вообще, следил за духовным развитием Америки больше по изящной литературе. Особенно выделяется борьба с пуританством и кальвинизмом во имя более современных, более гуманных взглядов. В литературе отразилась также борьба с рабством, против которого восставали задолго до гражданской войны. В американской литературе вообще заметен сильный эле-

мент прогрессивности; американец не боится нового, он сознает, что его государство и народ возникли благодаря революции; поэтому и искренняя симпатия ко всем народам, которые освобождались. И мы, как до нас иные народы, нашли симпатию в Америке за свою борьбу с Австрией.

Женский вопрос и любовь являются важной темой для американских романистов; как раз в этой области виден рост американского реализма, развивающегося параллельно с реализмом европейских литератур и не без его влияния.

В американской литеартуре можно увидеть, конечно, разнообразные, скорее внешние стороны американской жизни. По ней можно изучать жизнь различных частей огромного государства, его востока, запада, центра и юга, можно изучать социальный быт особых слоев общества, особенно чернокожих и различных переселенцев. Подобным же образом, в литературе изображаются выдающиеся моменты американской истории и их герои (довольно нехудожественно); на всем этом видно, как американские писатели по-немногу сознают основу американизма (в языке, нравах, целом миросозерцании) и его отличия от европеизма и в особенности от англо-саксонства.

Характерна краткая повесть, — в эпоху телеграфа и телефона стремятся к краткости и сжатости в научном и художественном слоге, хотя нужно отметить, что короткая повесть довольно стара (По!). Повести повезло и в Европе.

В Европе в 1914 г. подготовлялась война, а в Америке в это время начали печататься в одном еженедельнике сатирические стихи в виде речей покойников, исправляющих лживые похвалы на своих могильных памятниках. В 1915 году эти стихи вышли в виде собрания Spoon River Anthology. Уже самое название выявляет сатиру на Америку, на ее пошехонство, не только духовное, но, главным образом, нравственное. Двести пятьдесят стихотворений с эпилогом. В этом собрании меня интересовала не поэзия (да ее здесь не слишком много), а революция против господствовавшей до сих пор американской культуры и цивилизации: философские аргументы, которыми пользовались в Европе во время Вольтера и еще до него, а к этому

еще отзвуки Броунинга и отчасти Фауста. Сатира Эдгара Ли Мэстерса является сводкою аргументов молодой — я бы сказал, наимладшей — Америки; автор живет в Чикаго и осуждает Чикаго и, вообще, американские большие города; Иисус, напр., ему представляется земледельцем, который был убит в городе самим городом, банкирами, адвокатами и судьями.

После Мэстерса целый ряд писателей продолжает эту литературную революцию. Дрейзер описывает Чикаго, этого титана среди городов и в этом титане показывает другого титана — мультимиллиардера: Содом и Гомора являются убежищем добродетели по сравнению с тем, что нам Дрейзер рассказывает, — нравственный упадок римских цезарей, Италии в эпоху возрождения, Парижа, Москвы, Берлина не может сравняться с декадентсткой извращенностью Чикаго или Нью-Йорка. А обвинение Дрейзера не единственное, с подобным же выступает Андерсон и многие другие.

Если эти критики Америки сознательно зовут себя реалистами, то это подражание русским и французам; ex thesi они являются противниками романтизма и идеализма (новоанглийского трансцендентализма). Это борьба с церквами, с машиной и всеми ее последствиями, материальными и духовными, т. е. борьба с индустриализмом, капитализмом и мамонизмом, борьба с ограниченностью, с прагматизмом в философии и переоценкой науки, борьба за настоящую свободу совести и за свободу женщин. Tout comme chez nous, в Европе. И те же ошибки — радикальная односторонность против односторонности, неясность и неопределенность целей, отрицание, некоторая, чисто американская поверхностность, то здесь, то там увлечение так называемой свободной любовью и чрезмерная сексуальность вообще. Обвинять пуританизм в недостатке чувства поэзии и искуства, а вследствие этого и духовного прогресса вообще — конечно, односторонность: Ветхий и Новый Завет, который пуритане читали и перечитывали, заключает в себе больше поэзии и романтизма, чем все его ультрареалистические противники; я думаю, что можно было бы написать солидную докторскую работу о том, что По и его фан-

тастика и газетная сенсационность в значительной мере проистекают из удаленности от природы и человечности, от того самого, что своей фантастикой лелеяли пуританство, а после него и трансцендентализм.

Около этих так называемых реалистов находится длинный ряд новейших поэтов, реалистов и идеалистов, и их гораздо больше — в Америке романтизм не был искоренен машиной и капитализмом. Быть может, стал даже сильнее: чудесность, главная составная часть романтизма, обогатилась реалистическими чудесами современной механики. (Произведения Уэльса и их влияние на американскую литературу!).

И в Америке есть целый ряд писательниц, хотя их сравнительно меньше, чем в Англии. Меня интересует это цифровое соотношение, хотя я его и не могу себе хорошо объяснить. Но это теперь оставим в стороне, зато из новых писательниц я бы хотел назвать двух: мисс Казер и мисс Кэнфильд. Обе изображают Запад, собственно, западный центр Америки, куда многие американские социологи передвигают с востока культурный центр новой Америки. Обе анализируют пуританство, но менее односторонне и менее отрицательно. Мисс Кэнфильд пытается совершенно ясно и критически выработать более правильный и чистый взгляд на мужчину и женщину и их отношения, чем тот, который по образцу европейского декаданса преподносят американские декаденты; она облегчает однако, свою задачу тем, что рисует Мефистофеля таким черным, что американская Маргарита легко его преодолевает. (Мисс Казер рисует также чешских переселенцев, и мне кажется, что, несмотря на всю любовь, реалистически верно).

Интересно следить за влиянием Европы на американскую литературу; в новейшей литературе видны рядом с английским влиянием (в прежнее время оно было решающим) сильное влияние французского, русского и скандинавского творчества (немецкое влияние сказывается больше в науке). Америка вообще европеизируется, как Европа американизируется: Америка сама по себе тянется к более деятельной духовной культуре, односторонний экономический интерес и его узость отвер-

гаются; с другой стороны Европа американизируется также сама по себе.

Это сближение новой Америки с Европой достойно внимания и политически. Можно также проследить влияние переселенцев, особенно немцев и евреев. С другой стороны отмечаю тот интерес, который растет в молодой Англии по отношению к молодой Америке; и это не смотря на то (а может быть и именно потому), что молодая Америка сознательно выступает против англосаксонства, заявляя, что Америка уже более не англосаксонская. Органическим является то, что рядом с Уэльсом в Америке, как видим, много читаются Беннет, Кеннан, Уольполь и Лоуренс. То, что Америка присоединилась к союзникам и тем доказала свой живой интерес к Европе, было, конечно, результатом того духовного развития и перелома новой Америки, которые проявились и в литературе.

Впрочем, — как можно видеть — мой интерес к американской литературе был гораздо более политический, чем литературный: как во Франции и Англии, так и теперь в Америке я искал в литературе ответа на вопрос, как американцы примут участие в войне и с каким настроением и успехом. Самые пристрастные критики и противники не предвещали ничего плохого.

То, что я видел и слышал, усиливало убеждение, что Америка будет значительно способствовать победе. Я особенно интересовался количеством посылаемого в Европу войска и его вооружением. С радостью я услышал, что немецкие подводные лодки оказались безвредными и переправка войска и вооружения идет в полном порядке. В Америке я наглядно понял, какое огромное значение в войне играет промышленность, — это огромное количество вооружения и продовольствия. Война масс и массами! Производство патронов и снарядов, пулеметов и т. д. — все это увеличивалось прямо в головокружительных цифрах. А как быстро строились корабли! В начале войны ожидали прямо чудес от фабрикации бесконечного числа аэропланов — надежды, однако, обманули, — и в Америке были спекулянты и акулы. Солдаты с большим удовлетворением рассказывали мне, как французы удивляются их технической

приспособленности, видя, как они проводят дороги от порта к фронту и как у них это скоро идет и т. д.

Мне импонировало питание американского войска, а не только офицеров, — прямо роскошное, сказал бы европеец, привыкший к аристократическому войску, заботящемуся прежде всего об офицерах.

67.

Я старался как можно скорее проникнуть в политическое положение страны. Практически это означало узнать влиятельнейших и решающих лиц в правительстве, в конгрессе и в обществе. В этом отношении м-р Крэн был для меня прекрасным помощником, ибо был знаком почти со всеми людьми, которые меня интересовали, особенно же был близок с президентом Вильсоном; его сын, м-р Ричард Крэн, позднее первый американский посланник у нас, был секретарем у государственного секретаря по иностранным делам Лансинга.

Пропагандистская деятельность требовала посещения главных городов Соединенных Штатов, завязывания личных знакомств и возобновления старых связей. Важно было привлечь общественное мнение; это удавалось и, наконец, удалось. Довольно скоро я был в состоянии печатать интервью и статьи в самых больших и влиятельных газетах, еженедельниках и журналах. Со многими выдающимися публицистами всех направлений я лично встречался; как пример, привожу В. Гарда, с которым часто встречался, потом Беннета, Диксона (Бостон) и Мартина (Кливленд). Я не привожу остальных имен, я бы мог кого-нибудь среди большого количества журналистов и забыть; я много обязан всей американской журналистике.

Я посещал различные общества и клубы (например, уже упомянутый «Chicago Club» и др.). Кроме публицистов были завязаны сношения в Вашингтоне с депутатами обеих главных партий и всех направлений (Гичкок, председатель иностранного комитета в сенате и др.). Конечно, я старался встречаться и с республиканцами и информировать сенатора Лоджа и др. С сенатором Рутом я познакомился еще в России.

Кроме депутатов мне удалось завязать непосредственные сношения с членами правительства и важными чиновниками различных министерств; кроме Лансинга вспоминаю о многих, особенно о Филипсе, первом товарище государственного секретаря, о Полке, советнике государственного управления, о Лонге, товарище государственного секретаря; дальше о военном государственном секретаре Бэкере, государственном секретаре внутренних дел Лейне и др. Наконец, при помощи м-ра Крейна я завязал знакомство с полковником Гаузом и президентом Вильсоном.

Выгодным было знакомство с подготовительным комитетом, который подготовлял материал и меморандумы для мирных переговоров и для президента; назову председателя, профессора Мизеса, и др. Из чехов сотрудничал проф. Кернер.

Позднее, огромное значение имел журналистический штаб (м-р Криль), который был организован для мировой конференции. С ним, как и вообще со всеми важными организациями и учреждениями, я завязал сношения.

На сношения с университетами и ученым миром у меня не было слишком много времени; однако, я был в Чикагском и Гарвардском университетах; Президента Чикагского университета я уже называл; в Кэмбридже вспоминаю, прежде всего, президента Эллиота, который по отношению ко всем политическим вопросам в Европе проявлял, как и во всем, истинно научный интерес. Из историков вспоминаю проф. Кулиджа; проф. Винер, славист, мой давний знакомый; из профессорской коллегии Нью-Иоркского Колумбийского университета поддержал меня своей симпатией и пониманием мировой ситуации президент Батлер.

В Америку довольно часто приезжали из Европы публицисты и иные политически влиятельные и деятельные личности; я встретился в Америке с Бергсоном, Шерадамом, знакомыми мне уже по Парижу и с др.

В Америке, как и везде, поддерживали меня евреи. Как раз в Америке теперь оправдала себя, если можно так выразиться, гильснериада. Уже в 1907 г. евреи устроили мне в Нью-Йорке огромный прием; тогда я лично встретился со многими

представителями, как ортодоксального, так и сионистического направления. Из сионистов назову члена верховного суда Брандейса, по происхождению из Чехии; он был хорошо знаком с президентом Вильсоном и пользовался его доверием. В Нью-Йорке одним из руководящих сионистов был Мэк. В Америке я также лично познакомился с Соколовым, одним из влиятельных вождей сионизма. В Америке, как и в Европе, евреи имеют большое влияние в журналистике; для нас было весьма выгодно, что эта великая держава не была против нас. И те, кто не соглашался с моей политикой, держали себя сдержанно и беспристрастно.

Я должен особо подчеркнуть, что в Америке я особенно занимался пацифистами, а также отдельными личностями и направлениями, определенно германофильскими; в этом лагере были прежние знакомые, а потому для меня было особенно существенно защитить перед ними наше национальное дело. Было это настоятельно еще потому, что пацифизм был довольно распространен и невольно поддерживал, как и в других местах, Германию. А немецкое влияние, прямое и косвенное, было в Америке важным фактором, — это объясняется большим процентом американцев, родившихся в Германии или, по крайней мере, немцев по родителям.

Особо отмечу бывшего президента Рузвельта. До войны, как это видно из моей статьи, направленной против него, я был его противником. Во время войны Рузвельт выступил решительно против Германии и в своих речах и заявлениях заступался за нас, чехов. Его привлек к нам Штефаник. Я встретился с ним мельком однажды на праздновании памяти Лафайета в Нью-Йорке. Там я слышал впервые, как он говорит. Для личного знакомства не было случая, но у нас был целый ряд общих друзей. После войны, незадолго до своей смерти, бывший президент послал мне обширный план задуманного путешествия в Европу с политическими лекциями. Он собирался и у нас в Чехии прочесть целый цикл таких лекций.

Last not least, — очень скоро я начал искать знакомств в финансовых кругах, не только правительственных (в министерстве финансов – министром был Мак-Аду, зять Вильсона),

но и банкирских и иных (например, Banker's Club в Нью-Йорке и др.).

Я организовал, как видно, — впрочем, как и всюду, — нашу пропаганду демократически; цель была привлечь американское политическое общественное мнение, а с ним и через него правительство и народ. Я очень скоро убедился по письмам и по многим приглашениям устроить собрание, а также по посещениям ранее мне незнакомых лиц, что наше дело весьма успешно прививается; я это видел по ежедневной печати. Всюду в обширной стране мы приобрели друзей и приверженцев; из многих я приведу молодого морского офицера Тоунсенда, — к сожалению его унес грипп; уже смертельно больной он работал для нас. (Он был сыном первого секретаря при американском посольстве в Вене).

Для моей работы у меня был, как я уже упомянул, Перглер; однако, мне скоро понадобился литературный секретарь, и я его нашел в лице Цисаржа, образованного, как в области математики и естественных наук, так и литературы. Он вместе с Перглером пропагандировал много и успешно.

68.

Демократия и демократическая пропаганда не исключали живых сношений с посольствами; через них я должен был поддерживать деятельность Бенеша и Штефаника в Европе. Они все оказывали мне весьма ценные услуги.

На первом месте необходимо упомянуть французского посла Жюсерана; он был уже много лет в Вашингтоне, знал всех и был сам известен, из всех посланников он обладал наибольшим влиянием на американских государственных деятелей и на президента Вильсона. Благодаря своему политическому и литературному образованию Жюсеран (он был английским и французским писателем) являлся признанным авторитетом, как среди дипломатов, так и в обществе.

Довольно часто также приходилось вести переговоры с французской военной миссией; не менее приходилось встречать-

ся с теми французами, которые были посланы в Америку с особыми поручениями, как например, философ Бергсон и др.

Очень приятны и часты были мои встречи с англичанами. Советник посольства Голер, знающий Константинополь и Петроград, заменял в то время посла. Потом приехал в Вашингтон лорд Ридинг, который весьма существенно нас поддерживал.

Из числа знакомых англичан назову еще сэра Вильяма Вайзмена, которого я знал по Англии и который, как шеф английской разведки, много нам помогал. Я о нем буду скоро еще говорить.

Итальянский посол граф Челере хорошо понимал наше положение и помогал созданию наших легионов из пленных в Италии; он понимал, что значат легионы, морально и политически, против Австрии, а потому и помогал, как мог.

Представителем Бельгии в Вашингтоне был барон Картье, опытный и хороший советчик.

Японский посол, граф Иши, помогал в затруднительных сношениях с Японией и Сибирью.

Наконец, само собою разумеется, что сейчас же по приезде в Соединенные Штаты я завязал сношения с сербским послом и со всеми югославянскими деятелями и работниками.

Россию представлял в Вашингтоне и в большевицкое время прежний посол Бахметьев.

69.

К пропаганде, благодаря которой мы в Америке (и у союзников) добились признания, примыкает и совместная работа с заграничными органами и представителями остальных народов, стремящихся к освобождению. Для меня с самого начала важно было, так сказать, наглядно показать союзникам, что целью войны является и должно быть политическое изменение именно центральной и восточной Европы, освобождение целого ряда народов, подавленных центральными державами. Поэтому я выступал как можно чаще публично с вождями других освободительных организаций.

Возможность тесной совместной работы с югославянами была мне дана уже моими отношениями к югославянам до войны и особенно во время балканских войн. Еще в Праге начал я с ними работать во время войны; я уже изложил, как эта работа развивалась в Риме, Женеве, Париже, Лондоне и в России.

В Америке совместная работа с югославянами стала более плодотворной благодаря тому, что у югославян, как и у нас, в Америке находятся значительные колонии; в колонии были люди известные американцам (проф. Пупин); председателем национального совета (вашингтонского) был доктор Бьянкини, брат далматинского депутата, которого я знал много лет. В Америку к своим соотечественникам югославяне также выслали своих представителей уже в 1915 г. д-ра Поточняка, Марьяновича, Милана Прибичевича, позднее (в 1917 г.) д-ра Гинковича и др. Совместно работали не только вожди, но и все мы выступали на общих собраниях за свободу Югославии, а они на наших за нашу свободу.

Теперь, когда я даю отчет о нашей совместной работе с югославянами в Америке, я должен кое-что добавить, а также высказаться по поводу политических вопросов и отношений югославян. Я буду это делать с приличествующей сдержанностью; для нашей же пользы я следил весьма внимательно за развитием политических обстоятельств, касающихся югославян; я знал многое уже с давних пор, многое я узнал во время войны, — я не пишу, однако, историю югославянского освободительного движения, но привожу лишь то, что нас непосредственно касалось и во что мы были втянуты стечением обстоятельств.

О своем отношении к югославянскому вопросу я уже сказал, что считал Сербию, несмотря на ее временные неуспехи на фронте, — центром югославян; центром политическим и военным, а это во время войны имеет главное значение. У хорватов были, конечно, свои особые права, с их стороны было правильно опираться на свои исторические права и культурную зрелость; это не мешало, однако, признавать Сербию за политический и кристаллизующий центр. Это было дано историей, правильной оценкой руководящих идей и сил, а главное — правильной оценкой Австрии и Венгрии.

Война была спровоцирована Австрией из-за Сербии; Сербия (тогда малая) полагала свои главные надежды на торжественное обещание царя великой славянской, братской державы, — поражения России с весны 1915 г. перенесли центр тяжести сербского и югославянского вопроса на Запад. Лондонский договор от 26 апреля 1915 г. сделал из отношений Италии, Сербии и Югославии огромную проблему, определяющую в значительной степени дальнейший ход войны и военной программы.

Мне не нравились условия лондонского договора, но, в связи с военным положением, главным вопросом 1915 г. было, если и не выступление Италии, нужное и для Югославии, то, во всяком случае, чтобы Австрия не осталась победительницей. У Италии была своя ирредента, и было естественно, что она требовала свои меньшинства и ссылалась на исторические права. Этой точки зрения сначала не понимали; среди хорватов и словинцев некоторые считали меня чрезмерным италофилом и сербофилом; потому с тем большим удовольствием отмечаю здесь, что с течением времени хорватские вожди, особенно д-р Трумбич, признали важность Италии для всего союзнического дела, особенно же для югославян. После лондонского договора и Россия пошла в югославянском вопросе с Италией и союзниками.

Я допускаю, что многие сербы, особенно официальные лица, были настроены против хорватов, зато хорваты, в свою чередь, были предубеждены против сербов. Общий интерес принуждал, однако, не выступать недружелюбно по отношению к Сербии. До какого абсурда доходили некоторые сербофобы, видно из того, что говорилось, будто наше движение финансируется сербским правительством! Некоторые особенно подозревали прямо Штефаника. Смотря по обстоятельствам, я давал иногда объяснения (также и письменные) и боролся с недоверием. Но было не только недоверие; было еще некоторое, я бы сказал, дружеское соревнование — югославянские друзья не скрывали своего удивления, что мы, чехи, так скоро проникли в политический мир, особенно же они нам завидовали за отдельное упоминание о нас в ответе Вильсона союзникам. То же можно

было наблюдать и на поляках, — и те и другие забывали о наших легионах и о нашей объединенной и последовательной программной деятельности; что же касается югославян и поляков, то они долго колебались относительно программы. У нас не было ни споров, ни внутренней борьбы, которые были у наших друзей, и мы привлекли союзников как раз своей дисциплиной и определенностью, в то время, как югославяне и поляки союзникам друг на друга жаловались. Лишь в России, вначале не было все в порядке в нашем лагере. Поддался этому, ни на чем не основанному подозрению и д-р Трумбич, как я слышал от участников дебатов на Корфу, где он нас обвинял в эгоизме. Главным, однако, было то, что Трумбич, председатель заграничного комитета, с Пашичем на Корфу (20 июля 1917 г.) договорились и оба подписали декларацию; сербское правительство и Югославянский Комитет договорились до полного государственного единства трехъименного народа под главенством династии Карагеоргиевичей; учредительное собрание, избранное на основании всеобщего избирательного права, после заключения мира выработает конституцию, которая будет принята квалифицированным большинством. Я тем более радовался свиданию Пашича и Трумбича на Корфу, что Югославянский Комитет уже с 1916 г. начал опасно шататься; я узнал в Америке, что относительно декларации на Корфу Трумбич и Супило сговорились со Стидом и Сетон-Ватсоном. Значительным политическим успехом было то, что когда после этой декларации в июле Ллойд Джордж говорил о целях войны, то с ним на трибуне были Соннино и Пашич.

Примечателен и успешен был съезд в Риме (8 апреля 1918 г.); все притесненные народы Австро-Венгрии сговорились об общих действиях против своего притеснителя, итальянцы же и югославяне сговорились особо о своей дружбе. Это соглашение ослабило результаты лондонского договора; договор этот впрочем с течением времени потерял свою остроту; несмотря на то, что многие итальянские политики ссылались на него, европейское и американское общественное мнение — да и президент Вильсон — его не признавали. Заслуга соглашения в Риме принадлежит опять-таки Стиду и Сетон-Ватсону.

Сближение итальянцев и югославян развилось после Капоретто — обе стороны увидели, что они ближе друг к другу, чем к Австро-Венгрии, а югославяне поняли, что поражение Италии было бы и поражением югославян. Стид в половине декабря созвал итальянцев и югославян на совместное совещание; здесь они договорились относительно выступления против Австро-Венгрии. Потом Стид уговорил Орландо, чтобы он вступил в переговоры с Трумбичем; это произошло в присутствии Стида в январе 1918 г. В феврале итальянская и французская парламентские комиссии подготовляли конгресс притесненных народов Австро-Венгрии; задача была не из легких. Начали в Париже с доктором Бенешем; из итальянцев приняли участие депутаты Торре, Галенга, Амендола, Боргезе и Лапарини, доверенный Биссолати; с французской стороны выступали Франклен Буйон и Фурноль. От румын был Флореску, от поляков Дмовский; поляки при переговорах были сдержанны. Доктор Бенеш получил задание привлечь югославян, задача весьма трудная, потому что наши югославянские друзья предъявляли Италии весьма радикальные требования. Итальянцы Торре и Боргезе выехали в Лондон; переговоры велись со Стидом и Сетон-Ватсоном, но все время с большим трудом, — д-р Трумбич от всего отказывался, лишь после усиленных уговоров Стида и Сетон-Ватсона была найдена, наконец, общая формула. Несмотря на это, д-р Бенеш должен был уговаривать д-ра Трумбича в Париже, чтобы они не уклонялись. Наконец, состоялся конгресс, он прошел торжественно и имел серьезное политическое влияние и значение.

Влияние усиливалось тем, что Англия начала выступлением Нортклифа усиленную антиавстрийскую пропаганду на итальянском фронте; план этой пропаганды выработал Стид. Он предложил, чтобы союзники сейчас же объявили свободу австрийских народов и чтобы весть о том ввиде летучих листовок попала в руки славянских солдат в австрийской армии. Несмотря на то, что генералиссимус Диац был согласен со Стидом, у Соннино, как всегда, были свои возражения; но английское и французское правительства дали свое согласие. Нет сомнения, что летучки с этим заявлением союзников имели значительное

влияние на наших и прочих солдат на итальянском фронте. От нас были на Римском конгрессе Бенеш и Штефаник; значение конгресса выразилось в том, что Америка приняла его резолюцию (29 мая), и что заявление Америки об этом было принято на союзнической конференции 3 июня.

Прежде чем изложу последний фазис наших и югославянских отношений, я должен буду вернуться к России и ее отношениям к Сербии и югославянам.

Для официальной России не было югославян, была лишь Сербия и Черногория. В царской России югославянский вопрос решался династически и семейно, а потому действовали влияния не только сербские, но и черногорские; после лондонского договора правительство сообразовалось с ним и запрещало, например, выступления в пользу Далмации, которые по инициативе Супило начал проф. Ястребов. Правительство высказалось даже в итальянской правительственной газете «Messagero» за Италию.

После Супило — деятельность которого там я уже описал — в Петроград приехал от Югославянского Комитета (летом 1915 г.) д-р Мандич; он скоро убедился, что для официальной России югославянского вопроса, собственно, не существует: предполагалось, что Сербия получит Боснию и Герцоговину, в возмещение австрийской оккупации, и, кроме того, доступ к морю. Это был, очевидно, план относительно Сербии. То, что Черногория могла бы перестать существовать, в Петрограде никому не пришло в голову. В то время Россия, как и остальные союзники, еще принимала в расчет Болгарию. Когда осенью 1915 г. Австрия начала побеждать Сербию, и Болгария выступила против союзников, то официальная Россия с большим неудовольствием приняла эту «измену» Болгарии, но делала за нее ответственной Сербию! Сазонов видел эту вину в том, что Сербия не вернула во-время Болгарии Македонию.

Когда поражение Сербии и Черногории в начале 1916 г. было завершено, мнение официальной России меняется. Также некоторые члены Думы, особенно Милюков, начинают интересоваться югославянским вопросом; но какой-либо ясной и

определенной югославянской программы, программы соединенного югославянства еще нет.

В то время, когда официальная Россия выступила с Дюриховским предприятием, была сделана аналогичная попытка и с югославянами. Не удалось. Зато выступает сербское правительство с планом соединенной Югославии под руководством православной Сербии (православие подчеркивается); посланник Спалайкович работает в этом направлении.

Против этой программы выступает Милюков за соединение югославян без различия вероисповеданий. Для характеристики официальной России отмечу, что в то время «Новое Время» доказывало невозможность и бессмысленность такого единения. Профессор Соболевский еще в феврале 1917 г. выдвигает русскую официальную точку зрения в славянском вопросе вообще.

Пришла революция, и революционная Россия как высказалась за нас и нашу программу, также высказалась и за единение Югославии.

Но возникли затруднения, недоразумения и споры между югославянами и в Югославянском Комитете; несмотря на это при помощи Стида и Сетон-Ватсона удалось устроить свидание на Корфу, а потом и римский конгресс.

Когда я приехал в Россию, то спор между сербами, хорватами и словинцами был весьма злободневен; были значительные программные несогласия. Словинцы издавали «Югославию» и домогались Великой Словинии, которая была бы федеративно связана с Сербией и Хорватией. Устные объяснения, данные мне по этому поводу словинцами не уменьшали неопределенности и чрезмерности этой программы.

Результат был тот, что югославянский легион распался, хорватская и словинская части отделились от сербской и прозябали в Киеве.

Некоторая неровность в отношениях между нами и сербами произошла из-за несогласий, возникших вследствие отхода наших добровольцев из сербских частей после боев в Добрудже; некоторые наши добровольцы были также в остатках югославянских легионов в Киеве.

Печальные последствия имел для югославян в России несчастный инцидент в Солуни. Тайное офицерское общество «Црна рука» (иначе «Уједиьење или смрт») начало свою революционную деятельность на солунском фронте, и было сделано покушение на жизнь королевича; бывший начальник сербского генерального штаба Димитриевич (в июне 1917 г.) был расстрелян, некоторые участники были сосланы в Африку, — верховное командование на солунском фронте было французское и, как уверяли меня сербы, требовало наказания виновных. Приверженцы Димитриевича в России старались привлечь к себе симпатии; они подали и мне меморандум. О «Черной руке» я узнал кое-что еще до войны, в Белграде, — само собой разумеется, что я отнесся отрицательно к необдуманности политически раздраженных людей; я, однако, постоянно успокаивал рассорившиеся партии и взволнованных людей. Я признавал, что у сербов в некоторых случаях были сделаны ошибки, но в их положении требовались и более спокойная тактика и дисциплина.

Когда я приехал в Америку, то увидел сейчас же, что среди югославян не было спокойствия. У хорватов были колонии не только в Соединенных Штатах, но и в южноамериканских республиках, и я наблюдал, как там действовали различные местные взгляды и личности — совершенно так же, как вначале у нас. Много крови испортило то, что вашингтонский посланник Михайлович, с которым я познакомился в Риме, был Пашичем уволен (в конце июля); посланник, как говорили, тогда последовательно защищал точку зрения соглашения на Корфу и объединение югославян, из-за чего и впал в немилость, потому что Пашич, — так объясняли более спокойные хорваты — под влиянием заявления Вильсона и Ллойд Джорджа в пользу Австрии (в январе 1918 г.), не видел возможности соединить всех югославян, а потому хотел спасти для Сербии, по крайней мере, Боснию и Герцеговину и выход к морю. В Америке действительно соглашение на Корфу толковалось односторонне и так, что оно соответствовало более великохорватской и республиканской программе.

Когда 3 сентября 1918 г. мы добились много значив-

шего признания Соединенными Штатами, югославянские лидеры хотели такого же признания и обратились ко мне, чтобы я вступил об этом в переговоры с правительством. Уже в половине октября я получил из Парижа от д-ра Трумбича подобное же предложение. Для меня было само собой понятно, что я всюду работал для югославян; договоры в Риме и на Корфу мне облегчали эту работу в Америке. Но, как не спали наши враги, так же не спали и враги югославян, — союзнические правительства и влиятельные деятели были уведомлены обо всех спорах и инцидентах между югославянами и настраиваемы против них. Какое было в конце войны настроение в некоторых кругах, можно видеть из слов, сказанных Клемансо о хорватах еще на мирной конференции, а именно, что Франция не забудет участия хорватов в войне на неприятельской стороне! До известной степени действовала тоже точка зрения официальной православной России, которая не очень противилась хорватскому сепаратизму. Кроме того, противники югославян указывали различным американским учреждениям на австрофильские декларации, особенно словинских депутатов от 15 сентября и боснийско-герцеговинских католиков от 17 ноября 1917 г.

Вечные затруднения возникали для югославян с самого начала из-за следующего: у всех был свой официальный представитель в Сербии, которая, как началась война, высказалась весьма энергично за единение. Сербия всюду вызывала самые сердечные симпатии. Однако, югославянские эмигранты из Австро-Венгрии, бывшие еще формально австро-венгерскими подданными, должны были как-нибудь организоваться, и так возник Югославянский Комитет; сербские посланники и правительство в то время не могли официально представлять интересы граждан, бывших в международном отношении ещч австрийскими и венгерскими гражданами; я знаю, что Пашие сам поддерживал создание и работу Югославянского Комитета и рекомендовал его союзническим правительствам. Однако, вскоре взгляды Комитета начали расходиться со взглядами сербского правительства; уже первое вмешательство Супило весной 1915 г. обеспокоило не только Россию, но и западные

союзнические круги. Вскоре после того военные неудачи Сербии и Черногории усилили, как я мог наблюдать, хорватскую (великохорватскую) ориентацию, ибо в их глазах судьба Сербии становилась неопределенною. После поражения и Сербия, из-за неопределенности общего положения, как я уже указал, должна была считаться с менее блестящим будущим. Не стану об этом распространяться, — я часто оказывался между двумя и больше огнями, но могу смело сказать, что я всегда действовал в интересах югославян; когда, наконец (в половине 1918 г.), мы увиделись с д-ром Трумбичем в Париже, то весьма хорошо договорились. Конечно, этому еще предшествовала (в начале ноября) женевская конференция, о которой я узнал еще в Вашингтоне. Там Пашич согласился с Трумбичем и д-ром Корошцем и представителями различных партий не только о национальном и территориальном единении, но и о том, что Национальный Совет Югославии (Narodno Vijeće Slovenaca, Hrvata i Srba), основанный 6 октября в Загребе, признан сербским правительством за представителя и правительство югославян из бывшей Австро-Венгрии и что будет избрано единое правительство для Сербии и югославян рядом с сербским и югославянским правительствами. Это я считал возмещением за противосербское заявление югославян в Вашингтоне 1 ноября, домогавшееся Югославянской республики (Женевское соглашение состоялось 9 ноября) и написанное д-ром Гинковичем (д-р Гинкович вышел из Югославянского Комитета, а за ним стояла и значительная часть американских югославян). Нет сомнения, что женевское соглашение усилило югославянский дуализм; тот факт, что оно не было подтверждено сербским правительством и королем, не помог. В частности указывалось на то, что это было единое правительство без Пашича, — говорилось, что враги Пашича воспользовались женевской конференцией против него.

Новые споры с сербами и подозрения возбудила итальянская оккупация хорватской и словинской территории. Загребский сейм 4 ноября послал Вильсону протест против этой оккупации, потом следовал протест из Далмации, Боснии и т. д. В хорватских кругах распространялись слухи, что посланник

Веснич согласился с итальянцами об оккупации. Д-р Трумбич стоял на точке зрения, что оккупацию нужно было возложить на американское войско, но не на итальянцев, а также и не на сербов, — конечно, эта точка зрения встретила отпор в Сербии.

Как я уже сказал, я упоминаю лишь о тех фактах из истории югославянского освободительного движения, которые имеют значение для нас; хочу еще подчеркнуть, что жалобы на нас не имели и не имеют основания. Если же я еще и теперь читаю, что Радич приписывает моему влиянию на союзнических государственных деятелей политический перевес Сербии в Югославии, то мне не остается ничего иного, как констатировать факт и ждать, пока успокоятся мысли. Между нами не было споров о принципах, потому что о югославянской программе решают югославяне, а не мы; правда, я советовал постоянно своим друзьям, чтобы они более конкретно работали над этой программой. Часто я не одобрял тактику, например, Супило по отношению к России. Вот другой пример: когда Ллойд Джордж в январе 1918 г. требовал от Австрии лишь автономии для угнетенных народов, Югославянский Комитет протестовал против этого в «Times»; вначале хотел даже невозможного собрания всех югославян с королем и скупщиной во главе, которое бы решило о будущем устройстве югославянских земель. Одно из руководящих лиц еще в Америке упрекало меня, что я не выступил против Ллойд Джорджа и т. д. Не выступил публично — это так; но я зато обратил на недостатки этой программы внимание президента Вильсона, который в ту пору требовал для Австрии того же, что и Ллойд Джордж; что касается Англии, то мои взгляды были там известны и там были бдительные друзья. Кроме того, президент Вильсон осведомил секретно союзников о содержании моего меморандума, который я ему послал из Токио. Я непрерывно вел переговоры с союзническими правительствами и государственными деятелями, но не печатал об этом в газетах.

Для полноты упоминаю, что ко мне явился также представитель Черногории, вернее черногорского короля. С того времени, когда я еще в венском парламенте высказал сомнение в правильности черногорской политики, я был в немилости у

короля. Допускаю, что я коснулся его в своей речи слишком резко; он мне дал это почувствовать, когда потом, хотя и с его разрешения, я был в Цетинье. Но война загладила эти воспоминания, и король послал своего генерала. Он уже как-то очень блистал золотом, а это не производит хорошего впечатления на американцев. Я стоял на точке зрения: Черногория должна слиться с Сербией, черногорский же представитель работал в интересах короля. Я ему напомнил, что король Николай весной рокового 1914 г. сам предлагал сербскому королю соединение Сербии и Черногории — конечно, после войны это единение будет иным, более тесным. Американские черногорцы почти в то же время подали решительный протест против политики короля Николая.

Повторяю, я очень советовал, еще раньше в Англии и во Франции, да и с самого начала, уже в Риме, чтобы югославянские друзья выработали более точную административную программу, чтобы они практически решили неотложную программу отношений и степени автономии и централизации, а на случай надобности — и объединения земель бывшей Австро-Венгрии и Сербии. Задача унификации естественно будет стоять на первом месте для всех освобожденных славянских народов и государств, а потому было вполне уместно подробно заняться этим вопросом и готовиться таким образом к переговорам о мире и к первым шагам нового государства. При этом я представлял себе, что заграничный комитет, по крайней мере, значительная его часть, отправится, как можно скорее, в Белград, чтобы договориться там о дальнейших планах с местными политиками.

70.

Были у нас также оживленные сношения с поляками. Я продолжал ту работу, которую начал в России; там у нас с поляками бывали совместные собрания, а с польскими вождями я поддерживал всюду живые связи. Вспоминаю особенно о Грабском. В Америке были Падеревский и Дмовский; из числа американских поляков с удовольствием вспоминаю о публици-

сте Чарнецком. С Падеревским я познакомился лично лишь в Америке, а с Дмовским мы были уже вместе в Англии.

Я устроил в Нью-Йорке (15 сентября) по римскому образцу собрание угнетенных народов Австро-Венгрии; поляков представлял Падеревский, югославян — д-р Гинкович, румын — Стоика. Я о нем упоминаю, потому что таким образом яснее вырисуется способ нашей пропаганды. Собрание было огромное, целый Carnegie Hall был наполнен не только славянами и румынами, но и американцами. Падеревский был известен в Америке, а потому многие из тех, что слышали его игру, пришли послушать его политическую речь; я сам был подготовлен к сжатому изложению нашей национальной и политической программы, однако, Падеревский, которому я уступил первое место, выбил меня из колеи. Он сказал очень мало о своей польской программе, но потом пустился говорить обо мне, конечно, в дружественном тоне. Он рассказал часть моей биографии и так меня хвалил, что прямо в глазах рябило. Я был тем более удивлен, что Падеревский по своим убеждениям был консерватор, и я скорее мог ожидать заявления о несогласии кое в каких вопросах. Речь Падеревского близилась к концу, а я еще не знал, как буду ее парировать. В последний момент я решил, что тоже не буду говорить о своей программе, но буду говорить за Падеревского, а именно, так, что буду излагать соотношение политики и искусства. Кроме того, у меня был косвенный умысел заступиться за Падеревского перед теми его соотечественниками, которые восставали против его политического руководства потому, что он будто бы умел лишь играть на рояле. Польская литература, главным же образом Мицкевич и Красинский дали мне конкретный пример, как политика уживается с поэзиею, а потому я видел и в художнике Падеревском надлежащего политического будителя своего народа. Речь хотя и не была политической, по крайней мере не прямо политической, имела сильные отзвуки, как это было видно из критики различных газет и как мне сказали после собрания присутствовавшие американские политики и публицисты. Им было интересно знать, говорили они, как я отвечу Падеревскому. Они были довольны. Я привожу этот анекдотический случай для того, чтобы пока-

зать, что в пропаганде не бывает всегда самым действительным излагать непрерывно свою программу, а важно возбудить и удержать интерес слушателей. Это была вообще моя основная политика всюду, особенно же в обществе и в частных разговорах.

С поляками, особанно с Дмовским, мы часто рассуждали об отношениях наших народов после войны. Сам Дмовский стоял за тесную связь, часто говорил прямо о федерации. Думали мы и о Силезии. В польских кругах уже тогда требовали присоединения польской Силезии, говорил об этом и Дмовский, отнюдь, однако, не агрессивно. Я предлагал, чтобы мы сначала сговорились о тексте какого бы то ни было чешско-польского договора, которым мы бы доказали союзникам, особенно американцам, свою дружбу и одновременно противопоставили себя радикалам с обеих сторон. Я предлагал Дмовскому, чтобы он сам формулировал такое заявление; за собою я оставлял экономические требования, дорогу через Тешин, достаточное количество угля. Я обращал внимание, что как раз поляки не должны против нас выдвигать чисто национальную программу (лингвистическую), если они придают такое значение программе исторической. Я видел в этой несоразмерности и несогласованности некоторую опасность для поляков. Обоим нам было ясно, что предмет спора был довольно незначителен и что все должно быть улажено без вражды. План упомянутого заявления Дмовский не разрботал.

Отдельные личности на обеих сторонах, наши и поляки, сеяли раздор; я часто должен был вмешиваться, чтобы дело не дошло до публичных споров. Поляки жаловались на притеснения поляков в Силезии и доказательством для них был поэт Безруч, наши жаловались на австрийско-немецкую ориентацию поляков. Я остановил в последний момент издание полемических статей против германофильских заявлений А. Брюкнера, слависта в берлинском университете.

Не хочу умалчивать, что иногда и в союзнических кругах возникала некоторая неровность в отношениях с поляками, и что мне приходилось неоднократно объяснять польскую политику. Говорилось, что поляки идут de facto не только с Австрией, но и с Германией.

Я должен здесь припомнить, что с 14 октября 1917 г. в Польше (русской) было правительство («регентство»), созданное Австрией и Германией. У этого правительства, нужно признать, было весьма тяжелое положение между двумя «освободителями», у каждого из которых была своя особая польская программа; говорилось об ориентациях австрийской и немецкой. Австрия и Германия были заодно лишь в том, чтобы использовать Польшу для своих целей; какие это были цели, видно уже из того, что после долгих споров, возникших со времени оккупации Польши в 1915 г. (я уж касался этих необычных отношений), они впервые 12 августа 1916 г. сговорились, что ни одна, ни другая не допустит, чтобы их польские земли достались польскому государству. Но Германия была сильнее, чем Австрия, а потому добилась того, что за нею остались верховный контроль над Польшей и командование польской армией. Варшавское правительство это кое-как признало, и так возникла третья ориентация, регентская, ищущая компенсации за Галицию и Познань в России. Антирусское настроение усиливало эту политику. Я иногда узнавал кое-что о переговорах в польском вопросе. Варшавское правительство само подало в конце апреля 1918 г. Австрии и Германии более определенный план; о нем рассуждали довольно долго, но без всяких результатов, так как и Германия и Австрия медлили с решением. Так случилось, что представители варшавского правительства были в конце сентября (1918 г.) у императора Вильгельма в Спа, а потом в Вене. Я скоро узнал и подробности этих переговоров; в тот момент было важно, что Варшава стояла на точке зрения, враждебной союзникам. Это проявлялось еще в том, что поляки не соглашались с политикой интервенции союзников в России; усиление России помешало бы, конечно, компенсационной варшавской политике, стремящейся захватить Литву, Белоруссию и часть Украины.

Эти политические условия вызывали частые дискусии о польском вопросе с союзническими политиками и государственными деятелями; это случалось еще вследствие того, что их часто вызывали представители России. Моя точка зрения была дана всею моею программой: я думал, что Варшава пре-

ждевременно отказывается от Галиции и Познани (император Карл уже летом 1918 г. думал о потере Галиции), и видел для Польши и для мира опасность во взятии значительной русской территории. Однако, я мог объяснить себе как психологически, так и исторически варшавскую ориентацию.

Встречались мы и с украинскими, галицкими и венгерскими малороссами. Из галицких малороссов между прочим был в Америке и Сичинский, застреливший несколько лет тому назад галицкого наместника. Это был, сверх всякого ожидания, милый и разумный человек. Я должен был очень следить за тем, чтобы своими встречами с ним и вообще с малороссами не раздражать поляков. По отношению к Сичинскому поляки в Америке держали себя, хотя и отчужденно, но все же прилично.

С русскими были сердечные, но довольно редкие встречи. У посла Бахметьева после большевицкого переворота было необыкновенное положение. Хотя американское правительство его и признавало, но все же с некоторой сдержанностью; это происходило еще от того, что некоторые влиятельные американские публицисты, а также и политики питали симпатию к Ленину и большевикам. Это были симпатии абстрактные, относились больше к врагам царизма, но все же они были.

Особое отношение американского правительства к большевикам особенно ясно проявилось на случае с проф. Ломоносовым. Он был послан в Америку в 1917 г. правительством Керенского. После большевицкого переворота он перешел на сторону Ленина и пытался потом завязать с американским правительством сношения, как официальный представитель Советов. На большом собрании в Нью-Йорке (в половине июня) он объявил себя приверженцем большевиков и перестал быть членом русской миссии. Правительство его интернировало. Мои отношения с ним были незначительные и носили характер частный.

Из остальных русских, живших в Америке, вспоминаю барона Корфа и князя Львова; последнего я знал по Петрограду. Не задолго до отъезда из Америки я вел переговоры со Львовым о том, чтобы русская эмиграция в различных государствах сговорилась, наконец, на какой-нибудь политической програм-

ме, по крайней мере — в общих чертах. Было прямо неприятно смотреть на то, как русские не умели организоваться заграницей.

С румынами я продолжал совместную работу, начатую в России. В Америке было меньше румынских представителей; из депутатов на время приезжал Лупу.

71.

Довольно часто я встречался с представителями литовцев, латышей и эстонцев. В Америке у этих народов, особенно у литовцев, были колонии; а благодаря этому сами собой завязались сношения. Бывали у меня политические разговоры также и с греками, армянами, албанцами и иными народами. Из этих разговоров возникла особая, единящая политическая формация: «Демократическая Уния Средней Европы» («Mid-European Democratic Union»). Вначале я хотел создать американское общество, которое бы взяло на себя работу помощи малым притесненным народам; в этом виде план не удался, но была организована Уния, и я был против своего желания избран ее председателем. Моим помощником был американский профессор Герберт Адольф Миллер из Оберлэйна. Уния собиралась довольно часто, и в ней разбирались все этнографические и политические проблемы среднеевропейских народов. Чтобы характеризовать способ нашей работы привожу пример: я свел поляков и литовцев (д-р Шлупас), чтобы они заранее объяснили друг другу свои программы, и чтобы таким образом в пленарном заседании Унии не возникали слишком живые споры. Таким же образом я действовал с греками и албанцами и т. д. Прилежно посещали наши собрания также итальянские ирредентисты. Уния настолько окрепла, что ее депутация была принята Вильсоном; от Унии говорил я. Не знаю, кому пришла счастливая мысль устроить в Филадельфии публичное собрание и лекцию, где бы изложены были программы отдельных народов. 23 октября была подписана в историческом и достопамятном Зале Независимости (Independence Hall) сводка всех совещаний,

а потом я прочел во дворе наше общее заявление, причем, по исторической традиции, ударили в Колокол Свободы. Выступление было вполне американское, но от чистого сердца и имело успех. С филадельфийского конгресса был послан привет президенту Вильсону.

Наша Уния была очень удобным органом пропаганды, практической целью которого было давать более широким кругам, главное же, газетам и различным обществам, информации об отдельных народах или обо всех народах, составляющих Унию. Было их в Филадельфии одиннадцать. В план входило также дать американцам ясную картину пояса малых народов в Средней Европе. На этот пояс я постоянно указывал и объяснял его значение для войны и для всей истории Европы. При помощи взаимного знакомства и объяснений, наконец, представители различных народов должны были готовиться к мирной конференции. Идеалом было, конечно, чтобы мы сговорились и пришли на мирную конференцию с согласным планом. Это, конечно, был идеал. В действительности было много несогласий. Так, например, поляки вышли из Унии, заявляя, что они не могут заседать в Унии рядом с малороссами, которые выступили неприятельски в восточной Галиции против поляков. Некоторые поляки говорили нам, что настоящая причина отхода была иная. Остальные представители, несмотря на несогласия, остались в Унии. Одно время нам грозила опасность, что министерство иностранных дел выскажется против проф. Миллера, который возбудил против себя официальный протест каким-то выступлением. Но я устранил опасность, и Уния еще долго действовала и после моего отъезда. В общем, я преследовал в Унии разработку плана мира, который я изложил в «Новой Европе».

72.

Особо стоит отметить Подкарпатскую Русь, особенно же ее представителей в Соединенных Штатах.

Считаясь с самого начала с разделением Австрии и Венгрии, я не забывал о малорусской территории в Венгрии и о судьбе

ее после развала Венгрии. Значение края каждому ясно: он находится в соседстве с остальными территориями, населенными малорусским народом, с румынами, мадьярами и нами (словаками; на малорусские части Словакии словацкие писатели давно обратили внимание). Пока Россия побеждала, нужно было принимать в соображение, не будет ли она притязать на Подкарпатскую Русь, тем более, что она сейчас же оккупировала Восточную Галицию; однако, тогда Россия еще считалась с тем, что мадьяры могут выступить против Австрии, а потому в этом вопросе у нее не было определенного плана. На это, как и на особое мадьярофильство официальной России я уже указывал. Союзникам не было желательно, чтобы русские перешли на южную сторону Карпат; об этом может дать интересные сведения уже из эпохи мирных конференций д-р Бенеш. То, что Россия проиграла, дало возможность присоединить Подкарпатскую Русь к нашей республике. Вначале это было, конечно, лишь тайным с е р д е ч н ы м желанием. В России, особенно же на Украине, я должен был заняться этим планом, потому что украинские вожди рассуждали со мной о будущем всех малорусских частей, находящихся вне России. Против присоединения Подкарпатской Руси к нам они не имели возражений.

В Соединенных Штатах есть значительное количество переселенцев из числа венгерских малороссов. Скоро встретился я и с ними, так как они были знакомы с тамошними словаками и чехами. Они вступили в Среднеевропейскую Унию и были представлены д-ром Жатковичем. Первые предложения от лица русин мне сделал Пачута; он был в сношении с нашими словаками и представлял русофильское, отчасти даже православное направление. Д-р Жаткович был представителем большой части малороссов, тех, которые были организованы церковно и были преданными католиками, униатами. Политически мало кто из них был точно ориентирован. Интеллигенция, приходившая из дома, была воспитана по-мадьярски. Мало кто, даже из тех, кто признавал свою национальность, умел правильно говорить на своем языке; каждый говорил на своем местном наречии, а у более образованных можно было наблюдать, что лишь теперь, во время разговора, они начинают создавать некоторые грамма-

тические формы и слова. Это и понятно, — ведь во время венгерского владычества у них не было школ. Сами себя они называли «угорскими русинами» (по-английски: Uhro-Rusins, Rusin Greek Catholic Churches, Rusinia; направление Пачуты: Carpatho-Russians); как католики они были очень сильно против великорусского православного направления, по этим же причинам они отвергали и украинцев, видя и в них православных. Но они были настроены и против галицких малороссов. В лингвистическом отношении, как уже сказано, они были у самого начала литературного языка, держались своего наречия (собственно — наречий), более с историческим, чем фонетическим правописанием, чем и отличались от украинцев.

При дискуссиях Среднеевропейской Унии они учились и узнавали политическое положение и возможное отношение к соседним народам. Они начали встерчаться с поляками, украинцами и румынами; о мадьярах они были конечно лучше осведомлены, и те вели среди них оживленную агитацию. Наконец русины решили сами, что присоединяются к нам.

Впервые они вынесли постановление о своей политической будущности на своем съезде 23 июля 1918 года в Гомстеде; они выразили здесь свои пожелания еще предположительно: если невозможна полная независимость, то русины должны будут соединиться со своими братьями в Галиции и Буковине; если невозможно и это, то они должны получить автономию. В каком государстве, сказано не было. Но уже 19 ноября они созвали второй съезд в Скрэнтоне, и на нем было постановлено, что русины с широчайшей автономией, как государство на федеративном начале, присоединяются к чехословацкой республике; как видно из терминологии, постановление было сделано по американскому образцу, у которого конечно не было много общего с условиями жизни в Венгрии и Австрии. Они требовали, чтобы к этой Руси были присоединены все «первоначально» русинские подкарпатские жупы бывшей Венгрии. После этого русинские организации устроили голосование по своим приходам и большинство высказалось за присоединение к Чехословакии. Я получил от д-ра Жатковича об этом меморандум. Я сам обращал его внимание на главные русинские задачи,

особенно на культурный и экономический вопрос. Я указывал на затруднения финансовые, которые возникнут в освобожденной Подкарпатской Руси, на недостаток чиновников, учителей, а так же и священников, которые бы могли служить народу на его языке. Я наблюдал также некоторую натянутость между униатскими русинами и словаками; чехи для них были более приемлемы, чем словаки.

Что касается языка, то я одобрял заведение у них в школах и в учреждениях малорусского языка. Если даже считать малорусский язык русским наречием, то все же по педагогическим причинам считаю введение этого языка более удобным. В этом отношении я принимал суждение самих великороссов, как оно было формулировано петроградской Академией Наук и выдающимися русскими педагогами. Однако я обращал внимание на то, что малорусский язык на основе местного языка должен быть создан писателями, вышедшими из самого же народа; я опасался лингвистической путиницы, искусственного лингвистического синкретизма и предвидел тяжеловесные формы, которые бы могли возникнуть из писаний бюрократов. Что касается руссофильского направления, стремящегося к великорусскому языку, то я не видел причин, почему бы ему, как меньшинству, подобно как и другим меньшинствам, ставились преграды.

Ведь в нашем народе есть аналогичное (аналогичное — не тождественное) явление в употреблении словацкого языка, как литературного.

Наконец, я припоминаю, что я очень подробно обращал внимание д-ра Жатковича на политическое значение его родины и на затруднения, которые возникнут вследствие соседства с Польшей, с галицийскими и румынскими украинцами и с мадьярами. Но д-р Жаткович, а равно и остальные руководящие деятели среди русин, взвесив все обстоятельства, честно признали, что присоединение к нам для них является наиболее желательным.

Как в Париже велись переговоры относительно Подкарпатской Руси и как действовали сами русины у себя дома, относится уже к эпохе мирных переговоров. Вспоминаю лишь то,

что образовалось три национальных совета (пряшевский — ужгородский — густский), которые через некоторое время соединились и провозгласили окончательное присоединение к чехословацкой республике 8 мая 1919 г.

73.

Прежде чем перейти к описанию заключительного периода своей деятельности в Соединенных Штатах, считаю долгом дополнить сообщение о нашей пропаганде в Америке, которая была организована при помощи Воски сейчас же в 1914 г. Я довольно часто упоминал уже о ней, а также изложил, как при помощи Воски я завязал в самом начале войны связи с Антантой в Лондоне. Воска вернулся в половине сентября 1914 г. из Лондона в Нью-Иорк и там сейчас же передал о положении дел моим друзьям — американцам, особенно же Чарльзу Крену. Воска добился единой организации нашей чешской журналистики в Америке и принимал участие в соединении организаций, созданных в самом начале войны в различных городах Соединенных Штатов, в единую организацию «Чешского Национального Объединения». Одновременно он завязал близкие сношения с американской журналистикой, а очень скоро и с вашингтонским правительством. Я жду, что Воска сам когда-нибудь опишет подробно свою деятельность в Америке. Я ограничиваюсь тем, что даю некоторую главную хронологию и оцениваю политическое значение этой нашей американской работы. Время от времени я получал от Воски при помощи особых курьеров письменные и устные сообщения, таким же способом я посылал ему сообщения и распоряжения в Америку. О целом движении я получал также и другие американские и английские сообщения.

Воска организовал между прочим целую сеть разведки. Некоторым его знакомым и друзьям очень скоро удалось узнать наверняка, что центральные державы в Америке при помощи своих посольств, консульств и различных отдельных агентур ведут важный шпионаж и тайную работу против союзнических

государств. В противовес этому Воска организовал при помощи некоторых должностных союзнических лиц контр-разведку. Стид дал Воске рекомендательное письмо к корреспонденту «Times», а тот рекомендовал его в свою очередь английскому морскому атташе в Америке Гаунту. Поскольку мне известно, из наших чехов основательно помогал Копецкий, чиновник австрийского консульства в Нью-Йорке, позднее наш первый консул в Соединенных Штатах.

Немецкую пропаганду вел особенно усиленно финансовый атташе д-р Альберт; поэтому он был нами взят под надзор. (Как от него достали post-folio на верхней нью-йоркской дороге, является необыкновенной историей, — о ней писали, когда она произошла). Немцы на различных заводах, особенно же изготовлявших амуницию, устраивали забастовки; кроме того был организован заговор, направленный на корабли, перевозящие союзникам продовольствие, оружие и снаряды. На этих кораблях должны были устраиваться пожары, взрывы при помощи бомб и т. д. Далее наши узнали, что немецкие и австрийские офицеры убегают из русского плена через Соединенные Штаты в Германию при помощи русских паспортов; эти паспорта они легко покупали от русских офицеров в русских лагерях для военно-пленных. Была также обнаружена тайная связь Мексики с центральными державами. Организация Воски открыла агента берлинского правительства, который устраивал в Соединенных Штатах для немецкой армии шведские и голландские заказы; грузы целых кораблей были таким образом задержаны как контрабанда. Большим успехом тайной организации Воски было раскрытие и арест американского журналиста Арчибальда. Далее организация Воски уличила австрийского посла Думбу в том, что он организовывал на американских заводах забастовки (пришлось его отозвать 29 сентября 1915 г.). Наши тоже узнали, что немецкий военный атташе фон Паппен интригует не только в Канаде, но также и в Соединенных Штатах и в Мексике. На основании этих наших сведений австрийские и немецкие дипломаты и военные атташе были высланы из Соединенных Штатов. Президент Вильсон в своем обосновании объявления войны Германии отсылает к

этим интригам, особенно в Мексике. Наша тайная организация открыла далее возникновение немецко-ирландского заговора против Англии.

Все это имело место уже в 1915 г. и придало нам не только в Америке, но также в Англии и во Франции большое политическое значение. Доказательством этого является тот факт, что Воска уже в конце 1915 г. был уполномочен выдавать чехословацкие паспорта, которые визировались, как равноправные, не только сербскими и русскими, но и английскими учреждениями. О том, насколько английские правительственные и военные круги ценили эту деятельность, руководимую Воской, у меня есть доказательство в виде письма английского морского атташе в Америке от 27 декабря 1915 г. Привожу следующий пример, как практично и целесообразно работал Воска: английские торговые суда, вооруженные против подводных лодок, не имели права входить в нью-иоркскую гавань, — американское правительство было до мелочности нейтрально; Воске удалось добиться того, что запрещение было снято.

Эту работу, а особенно успешную контр-разведку, организация Воски продолжала вести в течение всей войны. С особенным удовлетворением я должен отметить, что при этой тайной работе, в которой было занято по крайней мере 80 человек, не нашлось ни одного изменника. Это можно сказать вообще обо всей нашей заграничной деятельности.

Из важных фактов, бывших в 1916 г., привожу прежде всего раскрытие многих задуманных покушений на заводы и на купленных в Америке для союзнических войск лошадей на судах (отравление и т. д.). Наша же организация открыла, что Берлин вел переговоры с генералом Хуэртой о войне между Мексикой и Соединенными Штатами. В этом же году разведочная деятельность была распространена и на немецкие подводные лодки. Была преграждена им возможность запасаться на американских берегах. Наша тайная служба узнала об организации немецкого заговора в Индии и открыла во Франции агентов, которые работали в интересах Германии над заключением мира. Среди них был уже приведенный Боло-паша (арестован во Франции 1 октября 1917 г. — расстрелян 5 февраля 1918 г.).

Наша организация выяснила суммы, которые были выплачены немецкими посольствами в Америке с этой целью.

Нашей же организацией был разоблачен и Требич-Линкольн. Важно еще отметить, что в 1916 г. наша тайная служба завязала сношения с русской тайной полицией и таким образом мы узнали обо многих немецких интригах в России. Между прочим Воска в своих сообщениях обратил внимание на Председателя Совета министров Штюрмера.

Финансирование нашей тайной службы было официально принято на счет английской тайной полиции; на первые расходы дал сам Воска. Когда осенью 1916 года он мне сообщил, что у него нет больше средств для дальнейших расходов, то я счел справедливым, чтобы на расходы давали союзники, потому что эта работа велась исключительно в интересах союзников и главное англичан. Я устроил тогда в Лондоне так, что эти расходы стали оплачиваться.

В 1917 г., когда Америка вступила в войну, наша тайная деятельность изменилась, оттого что само правительство стремилось усовершенствовать тайную разведку. Благодаря этому мы получили большое облегчение, а Воска, по соглашении с французскими и английскими учреждениями, выехал в Россию, чтобы устроить там информационное бюро, которое могло бы сообщать сведения в Вашингтон. Воска получил от вашингтонского министерства иностранных дел рекомендацию во все американские учреждения в России и таким образом была дана американская помощь нашей пропаганде в России. Не буду приводить подробностей из того времени, а ограничусь одним интересным сообщением. Нам удалось установить, что какая-то г-жа Симонс была на службе у немцев и содействовала передаче немецких фондов некоторым большевицким вождям. Эти фонды посылались через стокгольмское немецкое посольство в Гапаранду, где и передавались упомянутой даме. Керенский, внимание которого обратили на Симонс, велел арестовать немецкую агентку; однако, она была потом освобождена; защищалась тем, что поддерживает большевиков на собственные средства. Эта отговорка удалась ей лишь потому, что Воска прекратил дальнейшие расследования, когда оказалось, что

в это дело запутан один американский гражданин, занимавший очень высокое положение. В наших интересах было не компрометировать американцев. Это не единственный случай, так как среди американских граждан и в американских учреждениях в Европе встречались люди иностранного происхождения и враждебного образа мыслей в политике.

Свою деятельность в России Воска закончил в начале сентября 1917 г. Позднее он был послан в Европу и вел свою тайную работу в союзнических государствах. Кроме того, он был офицером связи между американской и нашей армией. Благодаря такому своему положению ему удалось нашей армии, в особенности в Италии, обеспечить при содействии Американского Красного Креста и иных организаций помощь для организации нашего отдела здравоохранения. По объявлении перемирия Воска был прикомандирован к американской мирной делегации в Париже. В этом положении он был с секретарем президента Вильсона Крилем послан для организации инфорамции в средней Европе. Тогда я, уже как президент, дал согласие, чтобы Прага стала центром этой информации.

Оканчиваю этот сжатый очерк заметкой, что такая наша тайная деятельность в Америке, как уже было сказано, весьма содействовала тому, что наш вопрос завоевал в Америке так быстро в правительственных и решающих кругах деятельные симпатии. У Воски была возможность давать сообщения о нашей деятельности в Европе и о моих планах главным членам американского правительства, а также полковнику Гаузу и самому президенту Вильсону.

74.

Тяжелой задачей для нашей пропаганды в Америке и всюду являлось убедить в необходимости разделения Австро-Венгрии. К Вене не было той непосредственной политической неприязни, какая была к Берлину; французы, англичане и американцы воевали лишь с немцами, австрийский фронт был направлен на восток и на юг, а потому на западе против Австрии не было той прямой вражды, как против Германии. Против Австрии были

Италия и Россия, но и в этих государствах были влиятельные австрофилы. Австрия по общему мнению считалась противовесом Германии, необходимой организацией малых народов и народных осколков, охраной от балканизации. Первоначальное заявление Палацкого о необходимости Австрии было всеобщим мнением у союзников.

Австрия с самого начала войны и вела себя иначе, чем Германия. Непосредственно объявила войну она лишь Сербии, России и Бельгии; остальные народы были сами принуждены объявить ей войну. Даже Италии она не объявила войны. Германия в этом отношении была более непосредственна и прямолинейна; позднее Австрия с неудовольствием переносила эту тактику, — император Вильгельм в феврале 1917 г. прямо потребовал от Карла, чтобы он прервал сношения с Америкой, но Карл отказался это исполнить.

Союзнические правительства были также под непосредственным влиянием австрийских и венгерских дипломатических деятелей; всюду в союзнических государствах было достаточное количество австрофилов среди дипломатов (лица, служившие в Вене), были семейные связи (особенно среди мадьярской аристократии) и т. д.

В Америке так же, как и всюду, австрийцы и мадьяры вели сильную пропаганду; она могла быть беспрепятственно организована потому, что Америка сначала и долго потом была нейтральной. У мадьяр в Америке есть тоже колонии и, как у себя они держали в руках словаков, русин и другие народы, так и в Америке они могли влиять на колонии этих народов, даже во время войны. Даже вожди этих колоний часто не видели, насколько они находятся под венгерским влиянием. Австрийцы и мадьяры весьма агитировали тем, что представляли себя как жертву Германии; они распространяли слухи, что против своей воли были немцами принуждены объявить войну.

Всюду мадьярам помогала революция 1848 года и воспоминание о Кошуте, который жил как изгнанник в союзнических землях.

Австро-Венгрии благоприятствовала также католическая пропаганда. В Америке, Франции, Англии, а также и в Италии

католики защищали Австро-Венгрию, как главное католическое государство. А католическая пропаганда была ловкая. Работали тайно и при помощи не политических лиц; это нужно было в каждом государстве разузнавать и уже в связи с этим устраивать подобным же методом свою антипропаганду.

Я уже упоминал о политике Ватикана в начале войны; с течением войны Ватикан осторожно изменял свою позицию, не желая быть связанным с пораженными державами, но Австрию все же постоянно защищал. Отношение к Германии не было таким ясным и единообразным; конечно, в Германии есть весьма значительное католическое меньшинство и немецкий католицизм стоит много выше, благодаря своей теологии и церковной организации, чем католицизм в Австрии. Однако, католическая австрийская династия имела свои преимущества перед протестантской в Германии; у Австрии были свои старые католические традициии; охотно принимались комплименты Вильгельма католицизму и Ватикану, но значительная часть ватиканских политиков была против немецко-прусского владычества и верило в Австро-Венгрию и в то, что она в своих же интересах будет крепкой стеной против Германии. По крайней мере Гаспари защищал этот взгляд, а потому высказывался (в 1918 г.) против устройства новых государств, считая их слабыми для отпора Германии. Он хотел лишь свободной Польши, но опять-таки по австрийскомй плану. До известной степени центральные державы привлекли к себе Ватикан тем, что обещали ему помощь для восстановления папского государства, независимого от Италии. Ватикан с самого начала войны с большим неудовольствием переносил то, что его сношения с католическими государствами и организациями не были достаточно свободными; вопрос стал более острым с тех пор, как Италия приняла участие в войне, особенно же вследствие лондонского соглашеня, по которому папа не должен был быть допущен к мирной конференции. В противовес этому возник план, поддерижваемый Австрией и Германией, что курии будет обеспечена территория вдоль Тибра к морю, чтобы избавить папскую дипломатию от неприятного проезда через Италию. В 1916 и 1917 гг. этот план усердно перетряхивали в газетах.

Австрофильские взгляды и настроения в том виде, в каком они держались в официальных союзнических кругах до весны 1918 г., лучше всего характеризуются заключениями президента Вильсона об Австрии; его заявление об Австро-Венгрии в послании Конгрессу от 8 января 1918 г. было еще австрофильским. В этой своей самой обширной программе, формулированной в четырнадцати пунктах, он говорит, что «народам Австро-Венгрии, положение которых в среде других народов мы желаем видеть вполне обеспеченным, надлежало бы предоставить свободнейшую возможность автономного развития». И Вильсон ссылается на заявление Ллойд Джорджа, который в своей речи к рабочим 5 января 1918 г. заявил, что для англичан не является целью уничтожение Австро-Венгрии.

Вильсон в своих четырнадцати пунктах повторяет в более определенной форме то, что сказал 4 декабря 1917 г., когда излагал Конгрессу, какое значение имеет сделанное Австро-Венгрии заявление, что Соединенные Штаты находятся с нею в войне. И здесь, в объявлении войны, Вильсон обрушивается главным образом против Германии, а об Австрии говорит, что ее народы, так же как и народы Балкан и Турции, должны быть освобождены от бесстыдного иноземного владычества прусской военной и троговой автократии. «Мы, однако, обязаны сами себе заявить, что не желаем ослаблять или преобразовывать австро-венгерскую империю. Нам безразлично, как она хочет промышленно или политически жить. Мы не задумали и не желаем что-либо ей диктовать. Мы лишь желаем, чтобы дела ее народов во всех отношениях, как малых так и больших, находились в их собственных руках». В этой речи высказано мнение, что Австрия должна быть освобождена от прусского владычества; это мнение в Швейцарии излагал профессор Геррон, доверенное лицо Вильсона. Геррон сказал еще в марте 1918 г. Ламмашу, что Америка пошла против Австрии, потому что та с Германией; против самой Австрии она не чувствует никакой вражды. Лишь этим взглядом президента Вильсона на отношение Австрии к Германии можно объяснить и весьма характерный факт, что Соединенные Штаты объявили войну Австро-Венгрии лишь 4 декабря 1917 г. В книге принца Сикста

говорится, что президент Вильсон это сделал под влиянием моих настояний; однако я должен это утверждение исправить. Я действительно советовал при посредстве некоторых знакомых этот шаг президенту Вильсону, как логическое последствие войны с Германией, но сомневаюсь, чтобы этого было достаточно в то время. Насколько мне известно, объявление войны Австрии требовала после Кобарида Италия, чтобы тем была усилена позиция правительства внутри страны; эту просьбу передал президенту Вильсону американский посол в Париже Шарп.

Весьма сильным было также австрофильство в Англии. Правда, еще в 1849 году Пальмерстон высказал свое весьма резкое суждение («животное!») об Австрии, нечто подобное сказал и Гладстон (1880 г.); в начале войны Ллойд Джордж произнес фразу об империи на слом (ramshackle Empire), но очень много влиятельных англичан или симпатизировало Австрии, Вене и Будапешту, или держались того мнения, что хотя Австрия ничего и не стоит, все же она лучше, чем все эти малые народы, и что Австрия мешает распространению Германии и «балканизации» Европы.

Насколько это австрофильство укоренилось, видно лучше всего из того факта, что Соннино, хотя и требовал части Австрии для Италии, был, однако, за сохранение Австро-Венгрии: это проистекало из политического консерватизма, опасающегося «балканизации» Средней Европы, а у Соннино особенно из-за политики, не желающей единения югославян.

Наконец, у Австрии были защитники в лице социалистов, особенно марксистов; они были также против балканизации, а потому принимали Австрию, несмотря на ее реакционность. Кроме того, немецкие марксисты принимали политику Германии по отношению к Австрии; несмотря на то, что основатели немецкого социализма очень резко осуждали Австрию. Лассаль видел в Австрии, в ее основах принцип реакции, а потому и последовательного врага всех стремлений к свободе. В интересах демократии Австрия «должна быть разорвана, разделена на куски, уничтожена, раздавлена, ее пепел должен быть развеян на все четыре стороны». Маркс видел скорее принцип реакции в России, но осуждал также и Австрию. Эти аргументы

ad hominem в споре с социалистами оказывали мне довольно хорошую службу.

При таком благоприятном для Австрии настроении император Карл сам начал переговоры о мире с Антантой при помощи шурина, принца Сикста Бурбонского, служившего со своим братом в бельгийской армии; я уже упоминал о том и указал на внутреннюю связь этих переговоров с другими попытками заключить имр; попытки в 1917 г. делались со всех сторон. Переговоры были начаты в конце января 1917 г. матерью Сикста, посланной Карлом в Швейцарию; позже они велись различными доверенными лицами императора; Сикст сам приехал в Вену к императору. В письме от 24 марта 1917 г., предназначенном президенту Пуанкарэ, Карл обещает, что будет стараться изо всех сил принудить Германию вернуть Эльзас-Лотарингию; для Австрии просит сохранение монархии с прежними границами. Во время переговоров, тянувшихся, собственно говоря, с декабря 1916 г., Сикст говорил (в 1917 г.) пять раз с президентом Пуанкарэ; министр Бриан соглашался с планом, а также и Ллойд Джордж, с которым Сикст несколько раз говорил. Принц Сикст был также у английского короля.

Не буду пускаться в подробности. Между императором и графом Черниным возникли по поводу этого вопроса разногласия и споры; позднее Чернин нелояльно выступил против французов и особенно против Клемансо в своей уже упомянутой речи в венской ратуше. Он уверял, что Клемансо послал к нему человека для переговоров (перед началом нового немецкого наступления); на это Клемансо ответил просто, известными словами: «Граф Чернин солгал!» Австрийское правительство лгало дальше; наконец, император Карл новыми неправдами защищался перед императором Вильгельмом, нападая при этом на Клемансо; лишь опубликование фотографии письма Карла положило, наконец, предел лжи. Клемансо прикончил Карла и Чернина резким словом, метко характеризующим габсбургское австриячество: «Consciences pourries». Все эти вещи теперь достаточно объяснены в печати (особенно как доверенным Сикста, так и Рибо); читатель может сам проследить лживость и бесконечную неловкость Габсбургов. Значение переговоров Сикста

заключалось в том, что они велись прямо влиятельнейшими лицами с обеих сторон — австро-венгерский император сам писал президенту французской республики, в переговорах участвовали Бриан, Ллойд Джордж, английский король и др. К ним присоединился еще французский генеральный штаб. Если бы не было русской революции, то Сикст, по желанию Карла, вел бы переговоры и с царем.

Вена начала переговоры с Антантой с нескольких сторон, так сказать, концентрически: граф Чернин начал переговоры (на свой страх?) с Антантой при помощи своего друга графа Ревертеры, отставного советника посольства, а также и некоторых других знакомых; Ревертера свиделся с графом Арман, шефом французской разведки во Фрейбурге в Швейцарии; переговоры тянулись от июня 1917 г. до февраля 1918 г. Ллойд Джордж был также с этой стороны уведомлен и одобрил программу переговоров. Д-р Бенеш был весной 1918 г. в сношениях с майором Арманом; Арман верил тогда в возможность революции в Австро-Венгрии; быть может, он способствовал кое-чем в этом направлении, ожидая, что Австрия тем еще охотнее пойдет на мир. Его переговоры велись с ведома французского генерального штаба, и сам Фош их одобрил. Переговорам содействовали с французской стороны Пенлеве и Клемансо.

И еще с одной стороны вела Австрия переговоры с Антантой. В сентябре и декабре (1917 г.) вел переговоры о мире с генералом Смутсом бывший посол в Лондоне граф Менсдорф. Сетон-Ватсон полагает, что предложения Менсдорфа были сообщены союзническим правительствам, и что заявление Ллойд Джорджа, цитированное Вильсоном в январе 1918 г., было сделано под их влиянием. Ллойд Джордж — по некоторым сведениям — еще в январе 1918 г. посылал генерала Смутса к графу Менсдорфу.

О переговорах Сикста, как я уже говорил, я узнал в Лондоне перед своим отъездом в Россию; в Берлине об этом вопросе много говорили и оттуда дошли частичные сведения в Лондон. Я не мог узнать в точности содержания, но мне этого и не требовалось: мне было достаточно, что Австрия уже завязала прямые сношения с союзниками. Я догадывался, чего Вена хотела и что предполагала. Подробности я узнал позднее.

На австрийские мирные выступления я смотрю так: союзники с самого начала войны подумывали о том, что Австрию можно оторвать от Германии; они бы заключили с Австрией мир, с Германией же воевали бы далее и вполне ее победили бы. Это я заключил еще зимой 1914 г. из упомянутых лондонских сообщений; официальный взгляд на Австрию всюду мне это подтверждал. В этом смысле работала австрийская пропаганда: Австрия идет с Германией по принуждению, она собственно настроена против Германии. Сам Карл так дословно говорил. После смерти Франца Иосифа, положение Карла во Франции и в Англии было тем сильнее, что он не был ответствен за войну; он постоянно высказывал свое желание мира и этим приобретал симпатии у союзников.

План отделить Австро-Венгрию от Германии поддерживался успехами немцев, поражением России, а позднее русской революцией. В 1916 г. мы скоро начали замечать, что наш друг и сотрудник Сватковский начал не в шутку мириться с Австрией; под влиянием режима Штюрмера он начал положительно защищать соглашение с Австрией а если будет нужно, то и с Германией. Сватковскому симпатизировали некоторые влиятельные французские журналисты, которые до того были с нами и против Австрии; поэтому я мог догадаться, что и правительственные круги благоволят к этим взглядам, а потому я непрерывно следил за вопросом.

Что особенно во Франции с самого начала войны была распространена мысль отделить Австро-Венгрию от Германии, видно из того, что посол Палеолог предложил еще 1 января 1915 г. подробнейший о том план Сазонову. Я сообщал об этом в связи с иными вопросами; честно присовокупляю, что Палеолог объявил план за свой личный, а не официальный, и потому я его привожу лишь как симптом. Во Франции рядом со старой симпатией к Австрии, особенно же к Вене скоро приобрела большое влияние военная точка зрения: ослабить в военном отношении, а потом и победить Германию при помощи сепаратного мира с Австрией. Тут решало в общем неблагоприятное положение на фронте. Этим можно объяснить, что министр Бриан, который за год до того (в феврале 1916 г.) принял нашу програм-

му, возглавлявшуюся требованием уничтожения Австро-Венгрии, годом позднее шел на предложения Сикста, которые были направлены как раз к тому, чтобы изолировать и уничтожить Германию. А рядом с Брианом соглашались с Сикстом (что значит и с Карлом) Мартен, заведующий протоколом (главный церемонимейстер), Фрейсинэ, Жюль Камбон, Поль Камбон и др., — то есть целый ряд влиятельных и решающих личностей. Это мое изложение предмета, мне кажется, подтверждается точкой зрения французского генерального штаба и генерала Фоша; после неуспеха Нивеля генеральный штаб начал заниматься еще важнее этим планом.

Что касается Клемансо, то я недостаточно осведомлен об эволюции его взглядов. Когда я впервые вошел в сношения с официальным Парижем, то слышал, что Клемансо к нам не благоволит. Еще в Америке мне сообщили, что весной 1918 г. он хотел вести переговоры с Австрией и что начал завязывать сношения, кажется, при помощи знакомого журналиста (не этим ли злоупотребил Чернин?), но что неловкость Вены его оттолкнула. Во всяком случае, именно Клемансо нам очень помог.

Наши часто останавливались над этими симпатиями к Австрии; а не были ли в сущности французы и все другие в этой своей политике поддерживаемы и удерживаемы — как раз нами? Кто у нас, начиная собственно с основного взгляда Палацкого, не проповедывал австрофильства и мысли, что Австрия — спасение от Германии? А что можно было прочесть во время войны об официальной Праге до 1917 г.? Французы должны были переориентироваться так же, как и мы, и многие из них сделали это весьма основательно. Например, Шерадам, с которым я был в сношениях, перед войной он писал, также высказываясь за сохранение Австрии, но во время войны убедился, что Австрия уже не может сопротивляться Германии.

Переговоры Карла не могли иметь успеха. А то, что это могло случиться и как случилось, является доказательством — весьма поучительным доказательством, — насколько официальные круги с обеих сторон были плохо политически ориентированы. Союзники обязались лондонским договором сделать Италии значительные территориальные уступки за счет Австро-

Венгрии; Румынии обязались дать Трансильванию, а Сербии обещали минимально Боснию и Герцоговину и свободный выход к Адриатическому морю — что же тогда оставалось от Австро-Венгрии? Nota bene — Австрия, особенно сам Карл, были готовы пожертвовать целой Галицией предполагаемому польскому королевству под протекторатом Германии! То, что появился план, поддерживаемый также французским генеральным штабом, дать Австрии в виде возмещения прусскую Силезию или Баварию, является снова и снова доказательством официальной неориентированности.

Этим реальным затруднением я объясняю, что министр Рибо был особенно осторожен по отношению к Карлу и не хотел вести переговоров без Италии; Англия тоже остерегалась вести переговоры с Карлом без Италии. Правда, Карл и его уполномоченные утверждали, что Кадорна и Король (вероятно во время первых переговоров Сикста) предлагали Австрии мир, но мне кажется, что тут что-то недоговорено. Некоторые уполномоченные Карла усиливали свое предложение утверждением что и революционная Россия — князь Львов — предлагала Австрии мир, но, кажется, это утверждение, как и об Италии, уже не действовало ни на французов, ни на англичан. В Париже были сведения, что наоборот, Австрия — Чернин — предлагала России мир. Я сам узнал в России (в августе 1917 г.), что голландский корреспондент привез секретное послание от Австрии тогдашнему министру иностранных дел Терещенко; Австрия предлагала России сепаратный мир; насколько мне известно, Терещенко против этого ничего не имел, но тогдашнее правительство не имело уже силы и соответственной отваги. О мирных переговорах с Россией я впрочем говорил уж раньше.

Насколько неупорядоченными были переговоры Антанты с Карлом, видно из того, что в половине декабря 1917 г., значит в то время, когда Австрия (при помощи Ревертэры, Менсдорфа, а в особенности Сикста) еще вела переговоры с союзниками, Франция признала наш Национальный Совет главой чехословацкой армии, организовываемой во Франции; приказ о создании этой самостоятельной чехословацкой армии во Франции вышел на основании соглашения министра Клемансо с д-ром

Бенешом 7 января 1918 г., за день до того, как Вильсон сообщил Конгрессу свои четырнадцать пунктов, и день спустя после австрофильской речи Ллойд-Джорджа. Наконец, беспорядочность этих переговоров видна из того, что в январе 1917 г. союзники в ответе Вильсону требовали нашего освобождения и это требование было введено в окончательной формулировке министром Брианом.

Я не удивляюсь тому, что так действовала Австрия и, особенно Карл. В 1917 г. Австрия уже видела свою слабость, а потому и пропагандировала свой неискренний антинемецкий план. В апреле 1917 г. граф Чернин написал свой знаменитый доклад о положении Австрии (это было сделано по распоряжению Карла после гамбургского свидания) для императора Вильгельма и немецкого верховного командования; я уже упоминал о том, что Антанта скоро о том узнала. Само собой разумеется, что это повредило мирным переговорам Карла.

Упомяну лишь кратко о том, как Германия и особенно император Вильгельм приняли разоблачения Клемансо; есть сведения о Каноссе Карла, но есть и другие сообщения, говорящие, что Карл свои предложения сделал с ведома Германии. Это утверждает Людендорф, — что касается критического установления фактов и их оценки, фирма весьма несолидная. Но Бетман-Гольвег во время переговоров Сикста был не прочь уступить Франции, по крайней мере, часть Эльзаса-Лотарингии.

Для нас в 1918 г. было важно, что Клемансо так резко выступил против Вены. Тем, что Клемансо разоблачил перед политической общественностью образ действия Карла и Чернина и обличил нелояльность австрийцев, он нам очень способствовал и облегчил нам антиавстрийскую пропаганду, за которую я усиленно принялся сейчас же после своего приезда в Америку.

Когда я приехал в Америку, то нашел всюду в официальном мире и в широких кругах, несмотря на обличение Клемансо еще очень сильное австрофильство, а потому у нас было много работы против Австрии. Но наша пропаганда удавалась всюду — в общественном мнении целой Америки, в вашингтонском обществе, а также в иных городах и вообще среди широких поли-

тических кругов. Наши статьи, интервью, лекции, меморандумы и т. д. изо дня в день привлекали к нам симпатии приверженцев. Политически действовал исторический аргумент, что по праву наше государство еще существует и что у него такие же права, как, по крайней мере, у Венгрии; в этом отношении мы могли ссылаться на свидетельство книги Вильсона о государстве (The State). Действительны были аргументы о избирательных преимуществах дворянства и вообще обо всех недемократических учреждениях; факт, что немцы и мадьяры, то-есть меньшинство, угнетали большинство граждан, всегда и всюду действовал весьма сильно. Столь же сильно действовали сообщения об австрийских и мадьярских жестокостях, совершенных над нашими гражданами, как над гражданами других народов. Мы приводили доказательства из публикаций проф. Рейса и др.

Серьезным был аргумент, который нам давали мадьяры и немцы своей ложью и неправдой; опровергая их, мы всегда выигрывали. Пример: на собрании, устроенном мадьярофильскими пацифистами, оратор бессовестно лгал, что мадьяры в 1870 г. в парламенте протестовали против аннексии Эльзас-Лотарингии; я изобличил оратора и указал, что это случилось в чешском парламенте, в то время, как венгерский парламент высказался под председательством Андраши за нейтралитет Австро-Венгрии, чем, конечно, помог Пруссии. Тот же Андраши шел с Бисмарком, так, что de facto, мадьяры положили начало тройственному союзу и его политике. Этим аргументом я мог и должен был часто пользоваться против мадьярской пропаганды.

Как и всюду, задачей пропаганды было ознакомить Америку с нашей политической и культурной историей; о чехах и бывшем чешском королевстве знали, но затруднения возникали со словаками; их не знали и американцы с трудом понимали, что они составляют часть нашего народа.

Американцев нужно было убедить, что наш народ хочет быть свободным и к свободе стремится. В этом случае приходилось опровергать постоянно повторявшиеся указания, что чешские вожди и передовые личности не выступают дома вра-

ждебно против Австрии. То опровержение, с которым там выступили в январе 1917 г., ставили нам на вид еще и в Америке. Довод был тем более действительным, что, казалось, оно подтверждает мнение Вильсона.

В противовес мы приводили и постоянно повторяли, что опровержение без сомнения было вынуждено, и парализовали его позднейшими заявлениями. В этом, как уже было упомянуто, нам помогла интерпелляция немцев в декабре 1917 г.; мы ее приводили, как доказательство что наш народ действительно борется против Австрии.

В том же смысле была использована декларация 6 января 1918 г., а для словаков мы воспользовались сватомикулашским манифестом (1 мая), несмотря на то, что текст в том виде, как мы его получили в Америке, был очевидно неполный или фальсифицированный венгерской цензурой.

Наша антиавстрийская пропаганда усиливалась пропагандой остальных народов Австро-Венгрии. В своих статьях и различных публикациях мы защищали также права прочих народов, а с руководящими лицами среди югославян, поляков, малороссов, румын и итальянцев мы были в тесной связи. Очень часто бывали совместные совещания. Римский конгресс был для нас полезным оружием, то же самое можно сказать и о Средне-европейской Унии.

Хорошо действовало доказательство, что и Австрия виновата в войне. Австрийская и венгерская пропаганда сваливала всю вину войны на Германию; мы доказали, что велика вина и Австрии.

Когда император Карл и различные политики начали давать различным народам, а особенно чехам обещания (в тронной речи при открытии парламента император обещает изменения в конституции и управлении, упоминая прямо о чехах), то этим пользовались против нас. В противовес этому мы среди других доказательств приводили факт, что австрийские министры Зейдлер и Чернин (последний в Брест-Литовске) противились формуле Вильсона о самоопределении народов; мы основательно осветили резкую манеру, с которой Чернин ответил Вильсону на его условия мира. Но главным и наиболее сильным

образом мы указывали, что Австрия свои обещания делает из-за слабости и что дает их неискренно; осенью 1917 г. Карл подумывал короноваться как чешский король, и наместник Куденгове этот план поддерживал; но венское правительство этот план отвергло, не говоря уже о том, что формальное коронование ничего не значило для нашего народа. Однако все это едва ли бы нам помогло, если бы за это время наше политическое положение значительно не изменилось благодаря тому, что по примеру Франции и остальные союзники признали наш Национальный Совет и его стремления по той причине, что в трех союзнических государствах у нас были свои легионы. Нам в Америке особенно помогли известия, разнесшиеся по целому свету, о нашем сибирском походе.

75.

О так называемом сибирском анабазисе я здесь скажу лишь столько, сколько необходимо для понимания и дополнения этих сведений о нашей политической работе за границей.

Я был в Японии, когда произошел роковой челябинский инцидент. 14 мая в Челябинске, как мне было тогда сообщено, немецкий пленный ранил нашего солдата, за что и был на месте убит. Челябинские большевики были на стороне немецких и мадьярских пленных, после чего последовали дальнейшие, уже известные события в Челябинске, закончившиеся взятием города нашими отрядами. Это были последствия прежних споров, возникших между местными советами, Москвой и нашим войском, ехавшим по железной дороге во Владивосток. 21 мая Макса и Чермак, как представители отделения Чехословацкого Национального Совета, были арестованы в Москве.

Об этих и последовавших затем событиях я узнал лишь в Америке; в конце мая наши отряды постановили в Челябинске организовать переход войска во Владивосток военным способом. 25 мая действительно начался бой, воинский анабазис со сражениями; первые неопределенные сведения о победоносных

боях наших с большевиками начали приходить в конце мая, говорилось особенно о взятии Пензы (29 мая). Потом следовали известия о взятии других городов на Волге (Самара, Казань и т. д.) и о занятии городов и железнодорожной магистрали в Сибири.

Действие этих известий в Америке было удивительное, можно сказать — невероятное: вдруг, чехи, чехословаки стали известны каждому; наша армия в России и в Сибири стала предметом всеобщего интереса, и ее продвижение вызывало прямо восторг. До известной степени, как часто бывает в таких случаях, восторг рос, благодаря неосведомленности; однако, американское общественное мнение, действительно, воодушевилось. Анабазис наших русских легионов действовал не только на широкие круги, но и на круги политические. Держать в своих руках главный железнодорожный путь, занять Владивосток — все это представлялось в виде чуда или сказки; успехи немецкого наступления во Франции создавали нашим действиям темный фон. Господству на великом пути приписывали серьезное военное значение и спокойные политики, и военные; сам Людендорф способствовал протесту своего правительства, предъявленному большевикам против нашей армии в России, и приписывал нашему анабазису то, что немецкие пленные не могли возвращаться домой и этим усилить армию.

Политический успех в Америке был решительный, тем более, что и в Европе сибирский анабазис расценивался и принимался подобным же образом. Бесспорно, что анабазис имел влияние на политическую решимость правительства в Соединенных Штатах; сообщения о событиях в Сибири приходили в Америку прямым кабелем, раньше чем в Европу и имели там более сильный отзвук; в Америке наши легионы стали популярными в начале августа, в Европе же немного позднее. В Европе политическая и военная общественность были более живо заинтересованы домашними событиями, так как там велась война*).

*) Как доказательство американского понимания сибирского анабазиса, привожу слова из письма от 13-го сентября 1918 г. уже умершего мистера Лэйна (уже упомянутого министра внутренних дел Вильсона):

Скоро начали доходить до меня, — ни в одной войне иначе и не может быть, — и неблагоприятные сведения. Сначала это были сведения о разных недостатках в армии; немного спустя, начиная с сентября, армия начала покидать взятые города на Волге. Бои на таком растянутом фронте были затруднительны, а взятие волжских городов было, кажется, стратегической ошибкой. Через некоторое время более обширные сообщения начали нам приносить печальные сведения о моральном состоянии нашей армии в Сибири; началась большевицкая пропаганда, смешанная с пропагандой всех наших врагов.

Мне более всего были неприятны сообщения союзнических офицеров, приезжавших из России и Сибири, рисующие упадок дисциплины в нашей армии; эти сообщения лишь в малой степени просочились в широкие общественные круги, но и это, конечно, нам вредило. Тем не менее, мы были обеспечены симпатией большей части общественного мнения и правительственных кругов.

Я просил у правительства помощи нашим солдатам, и дело, действительно, дошло до вспомогательной военной экспедиции в

«Велик свет — правда? А его величайшей романтикой является вовсе не тот факт, что Вудро Вильсон является его господином, но наступление чехо-славян на протяжении пяти тысяч миль в русской Азии, — армия на чужой территории, без правительства, без пяди земли, и все же она признана за народ. Это действует на мое воображение; я думаю, что во время войны ничто не было таким разительным с тех пор, как бельгийский король Альберт сдерживал немецкое наступление под Льежем» (The Letters of Fr. K. Lane, 1922, p. 293).

Из Англии у нас есть письмо Ллойд Джорджа от 11 сентября 1918 г.: «Президенту Чехословацкого Национального Комитета в Париже. От имени британского военного министерства посылаем Вам наше сердечное поздравление по поводу блестящих успехов, достигнутых чехословацкими войсками над немецкой и австрийской армиями в Сибири. Известия о событиях и победах этой малой армии является, действительно, одной из величайших эпопей истории. Наши сердца полны удивления перед отвагой, стойкостью и дисциплиной Ваших соотечественников; это указывает, как те, кто в своих сердцах носит дух свободы, могут побеждать время, пространство и недостаток матерьяльных средств. Ваш народ оказал неоценимую услугу России и союзникам в их борьбе за освобождение мира от деспотизма. Мы никогда об этом не забудем.

Ллойд Джордж».

Сибирь и до деятельности президента Вильсона и Американского Красного Креста. 3 августа 1918 г. американское и японское правительства согласились в том, что оба пошлют во Владивосток несколько тысяч войска; цель этой экспедиции была объявлена в следующих словах: «оказать чехословакам такую защиту и помощь, какая только возможна, против вооруженных австрийских и немецких пленных, которые на них нападают». Президент Вильсон открыл на это кредит в 7 миллионов, которые и были выданы из фонда, находящегося в его личном распоряжении. Был основан особый комитет для подачи помощи сибирской армии, который должен был распоряжаться деньгами: в нем был также наш представитель. Вспоминаю здесь о лицах, которые нам помогали: В. Кр. Мак Кормик посвятил много времени нашим легионам и повлиял на Вильсона так, что нам открыли кредит; усиленно нас защищал Воклэн, а в вопросах, касающихся легионов, снова нам помогли секретари Лансинга Полк и Лонг. Лендфильд, особый ассистент в Department of State, весьма интересующийся всеми русскими делами, был нам чрезвычайно предан. Генерал Гетгальс, проводивший Панамский канал, председатель отделения по закупкам для армии, очень нам помогал, как и начальник штаба генерал Марч. Привожу еще капитана Шельдона, командированного генеральным штабом к нашему военному атташе Гурбану; один из первых, с кем я завязал сношения по всяким делам, был капитан Бленкенгорн. Это краткое и сухое перечисление имен указывает, как наш вопрос проник при помощи сибирского анабазиса в высшие и решающие официальные круги. Американский Красный Крест решил пожертвовать нам различных вещей на сумму 12 миллионов; однако, эта помощь, как и все движение в нашу пользу, была более слабою, чем мы ожидали, потому что сообщение с Сибирью и перевоз различных предметов из Америки был часто затруднительным, а иногда и прямо мнимым.

Военная миссия, посланная в Сибирь, изменила свои взгляды на японцев и, благодаря этому и иным осложнениям, также свои планы; в борьбу с большевиками она не вмешивалась; я приспособлялся ко взглядам правительств и военных авторитетов Антанты, но это особенного успеха не приносило —

союзные державы не могли сговориться друг с другом, а мои взгляды на Россию все же отличались от союзнических планов, узко политических и военных, а потому как раз в данном положении недостаточных.

Положение принудило нас создать особую информацию о сибирских событиях. Опираясь на сведения, которые у меня были как о России, так и обо всем нашем, а также по сообщениям, доходящим до нас при помощи курьеров и лиц, приезжавших из Сибири и из России от нашей армии, мы давали и газетам, и различным политическим лицами правительству сообщения. Когда, например, начали говорить о Семенове и когда о его отношении к нашей армии начали ходить неверные сведения, то я подал американскому правительству и президенту меморандум, изображающий этого авантюриста, с которым некоторые наши люди совершенно напрасно нежничали, в настоящем свете. Развитие событий оправдало меморандум (написанный полковником Гурбаном, бывшим с конца июля на должности военного аташе в Вашингтоне). Американский генерал Черчиль некоторое время спустя вполне подтвердил наши сведения, а этим еще раз, как и в иных многих случаях, наш авторитет был снова усилен.

Вопрос, кто был виноват в том, что в Сибири начались бои — мы или большевики, нет необходимости здесь подробно разбирать. Думаю, что мнение французского офицера, а потом большевика Садуля касается всего происшествия. Садуль видел вполне ясно уж в феврале и марте 1918 г., как и позднее, когда начались бои, что большевицкое правительство в Москве неправильно судит о положении и неправильно приписывает нашей армии какие-то реакционные тенденции. Это было неверно и неискренно, особенно у Троцкого, который сам еще в марте 1918 г. ожидал помощи союзников против Германии. Положение обострялось, благодаря отдельным местным советам и влиянию неразумных и политически незрелых местных величин. Я приводил уже договор с советами от 26 марта 1918 г.: комиссар Сталин от имени московского совета приказывает местному комиссару в Пензе, чтобы наши солдаты по договору были пропущены во Владивосток, но уже 28 марта, то-есть через

день после приказа, наши перехватили телеграмму омского совета, требующую разоружения нашего войска и переправки его в Архангельск. Давлению местных советов поддалась, наконец, и Москва. Наши солдаты провели лояльно частичное разоружение, которого требовала Москва (оружие, будто бы, было русским имуществом); наши солдаты понимали затруднительное положение Москвы по отношению к немцам после Брест-Литовского мира, по которому на русской территории не должно было оставаться вооруженных сил, могущих действовать против немцев, но с другой стороны ясно почувствовали нелояльность Москвы. Было нелояльно, что большевики в июне предложили немцам, чтобы они разрешили против наших в Сибири вооружить немецких пленных; немцы были более корректны и высказались против этого. Правда, Москву натравливали своим неразумным и изменническим поведением чешские большевики. В противовес всем подкрашенным сообщениям, в конце июня я послал Чичерину объяснение в изложенном смысле; оно было напечатано во всех американских и европейских газетах. Наши бои в Сибири не были вовсе интервенцией против большевиков; они возникли не из политики вмешательства, но по приведенным причинам, принуждавшим нас к обороне.

Поэтому совершенно несправедливо обвинять нас в том, что мы, хотя бы и невольно, содействовали убийству царя и его семьи большевиками в Екатеринбурге (16 июля 1918 г.). Первое официальное сообщение в Москве гласило, что расстрелять царя приказал местный совет, опасаясь бегства царя и в виду возможности, что его увезут чехословаки; наши заняли Екатеринбург лишь 25 июля, главное же, у наших легионов в Сибири совершенно не было плана освободить царя. Несчастный! Его собственные люди, черносотенцы, принесли его в жертву и обсуждали об его устранении, а в случае надобности, и убийстве; пришли большевики и осуществили то, что замыслили монархисты, — история любит так иронизировать...

Уезжая из России, я оставил, как уже упомянуто, приказ, чтобы не было отступлений от принципа невмешательства; но я положительно подчеркнул необходимость обороны, если бы на нас сделала нападение какая бы то ни было славянская

партия*). Это я дал письменно Клеланде: наше войско не должно было выступать в пользу той или иной партии, но могло и должно было защищаться — оборона ведь нечто иное, чем политически задуманная интервенция. Из Вашингтона я сам, конечно, не мого давать подробных политических приказов, тем более военных. Наше отделение в России и отдельные военные отряды должны были, в зависимости от положения, решать сами и мне не оставалось ничего иного, как только положиться на их рассудительность и добрую волю. Это доверие не было обмануто. Солдаты сами очень хорошо чувствовали, что им не хватает политического руководства; вспоминаю при этом о телеграмме, посланной в половине июля Гайдой и Патейдлем, требующими верного политического руководителя. Но его на месте не было, а руководить на такое расстояние не было возможно.

Я не хочу и не могу защищать все, что случилось в легионах после моего отъезда, не только в области политики, но и в стратегии. Я видел некоторое отсутствие единства в действиях и колебание политических руководителей, припадки авантюризма и частую беспомощность отдельных военных отрядов (я в данном случае говорю лишь о 1918 г); я обвинял сибирских руководителей, что они не увидели сразу неспособность Колчака и его германофильского окружения и т. д. Но в пояснение и извинение смело могу сказать, что поведение большевиков было некорректно и нелояльно; наши солдаты были убеждены, что большевиков против нас ведут немцы, особенно австрийцы и венгры, и что они воюют собственно против Германии и Австрии. Во всех сообщениях указывалось на участие немецких и венгерских пленных в большевицких отрядах, выступающих против нас. Политика союзников в Сибири тоже была неясна; из числа подробностей привожу, что как раз французский начальник Гинэ усиленно поддерживал фронт на Волге, ожидая помощи

*) В моем заявлении от 7 марта 1918 г. сказано: «Пока будете в России, сохраняйте, как и до сих пор, полный нейтралитет во внутренней борьбе партий; лишь тот славянский народ и та партия, которые открыто вступают в союз с неприятелем, являются нашими врагами». При этой формулировке я имел в виду не только возможные осложнения с русскими, но в некотором отношении и с украинцами и с поляками.

от сказочной союзнической армии у Вологды. Нашим же казалось, что воскресший чешско-русский фронт является обновлением борьбы с немцами и австрийцами.

В общем дело устроилось хорошо, даже лучше, чем предполагали не только наши враги, но и наши более справедливые критики. Что касается дисциплины нашей армии, то нужно принять в соображение ее долгую бездеятельность, разбросанность по Сибири от Урала до Владивостока, всеобщую нервность в России; что касается военной стороны, то я допускаю недостатки импровизированной армии и ее командования, как я уже это изложил. В качестве последней причины необходимо снова припомнить неодинаковое и неопределенное отношение антанты, а позже и Америки, к России и возникающие от этого несогласия и неуверенность; например французская миссия рекомендовала нашему отделению план посылать во Францию войско не только через Владивосток, но также через Архангельск и Александровск на Мурмане, чем бы единство и сила войска были серьезно ослаблены.

Наше войско долго переносило безропотно материальные недостатки и морально страдало от долгой разлуки с семьей и родиной; некоторый упадок дисциплины мог ожидаться. Но несмотря на все это и несмотря на многие разочарования, с которыми приходилось встречаться, армия не была деморализована; отдельные части пережили значительный кризис, как об этом свидетельствует самоубийство Швеца, которое однако своей трагичностью подействовала очистительно.

О духе нашей сибирской армии нужно судить не по одним военным действиям. Наши солдаты постоянно и всюду помимо своей военной деятельности предпринимали различнейшие хозяйственные работы. Весьма скоро были отрганизованы при войске трудовые дружины (в августе 1918 г.); немного позднее была устроена торговая палата, а потом сберегательная касса и банк. На Урале и в других местах наши солдаты организовали промышленные работы; нельзя не сказать и о весьма прилично устроенной военной почте. Обо всем этом надо помнить, когда говорится о нашей армии в России и в Сибири. Дело не только в сиянии героического анабазиса; мы не хотим его преувеличи-

вать, но совершенно неправильно считать его лишь минутной ракетой. В связи с этим должно быть упомянуто, что в Сибири начали записываться в нашу армию и наши немцы; из них формировались рабочие отряды.

Наконец надо указать на состоявшееся сравнительно без всяких недоразумений возвращение нашей армии вокруг света. Я подразумеваю здесь прежде всего тот факт, что наши солдаты своей дисциплиной, своей манерой держать себя на остановках в продолжение своего кругосветного пути распространяли среди незнакомых народов сведения о нас; об этом у меня есть весьма приятные вести, полученные от капитанов американских и других кораблей, перевозивших наше войско. И в этом проявляется дисциплина. Во-вторых, выдвигаю вперед всю технику переезда и вижу в этом снова ловкость и способность к организации. Мало людей могут себе ясно представить, насколько сложно с чисто технической точки зрения было возвращение с далекого востока почти вокруг света домой. За то, что этот возврат был осуществлен в сравнительно краткий срок (первый транспорт из Владивостока домой был завершен 9 декабря 1919 г., 17 июня 1920 г. прибыл в Прагу генеральный штаб, а 30 ноября эвакуация была закончена), мы должны быть благодарны союзникам, которые нам дали для этого суда, и министру Бенешу за успешные переговоры с союзниками.

Мой план заключался в том, чтобы армия как можно скорее могла попасть во Францию; там ей следовало участвовать в военных действиях. Армия во Францию не попала; но главное было, что армия у нас была и что она все же действовала. Сибирский анабазис и есть как раз доказательство, что я был прав в своих усилиях создать большую армию, и что они принесли нам плоды; малые, не военные, а политические отряды, каких хотели наши в России и русское правительство, затерялись бы в России и растворились бы в большевицкой крепкой водке.

Говорить о том, что бы случилось, если бы наша армия переправилась во Францию, когда война клонилась уже к миру, — такие и подобные рассуждения я уже оставляю историкам и

политикам. «Если бы», — вот бы я этим хорошо воспользовался в политическом отношении.

76.

Резюмирую все, что было до сих пор сказано о формировке нашего войска в союзнических армиях и объясню политическое и международное значение нашего заграничного войска.

В самом начале войны всюду в чешских колониях совершенно непреднамеренно явилась антиавстрийская программа — поступать в союзнические армии. В государствах, которые воевали и мобилизовали, наши колонисты, бывшие уже гражданами этих государств, прямо призывались в эти армии; те, которые не имели подданства, шли добровольцами.

Во Франции вначале наших принимали лишь в иностранные легионы. Там они не оставались слишком охотно и стремились как можно скорее попасть в настоящую армию или создать самостоятельную часть. Во Франции наших было, однако, очень мало; их количество сначала просто не принималось в расчет. Лишь позднее во Франции была сформирована особая армия, когда приехали добровольцы из России и Америки. Несмотря на это, Франция раньше всех поняла значение наших легионов и поддерживала их формировку не только у себя, но и в России; французы сами имели значительное количество эльзасских и лотарингских добровольцев, а потому и проявляли больше инициативы.

В России были иные условия. Там наша колония была больше, а потому можно было подумывать о создании особой военной части. Так возникла Дружина, но как часть русской армии; лишь после того, как в нее стали записываться в значительном количестве пленные, возникла мысль о самостоятельной чешской части. Историю нашего русского войска я уже рассказал.

В Италии наших колоний не было; по городам были лишь отдельные лица или группы. Но когда началось увеличиваться количество наших пленных, то и в Италии начали работать над

созданием наших военных частей. И здесь был успех, хотя он и пришел позднее, чем в иных местах.

В Англии была незначительная колония в Лондоне; но она начала весьма скоро и плодотворно вести агитацию за поступление в английскую армию. Наш соотечественник Копецкий; при помощи Стида, добился в начале войны того, что чехи имели право поступать в английскую армию.

В Америке, где было больше всего наших людей, долгое время было невозможно формировать военный отряд, потому что Америка оставалась нейтральной; лишь в 1917 г. она решилась принять участие в войне. Потому некоторые из наших, бывшие в Соединенных Штатах, вначале записывались в канадскую армию, где организовалась чешская рота из привлеченных в Соединенных Штатах Тврзицким и Цисаржем добровольцев; но и там были затруднения, потому что американское правительство требовало от своих граждан точного исполнения нейтралитета. В 1917 г., после объявления войны Америкой, Штефаник, с согласия французского правительства, организовал набор в наши легионы во Францию; я не ожидал многого от этого предприятия, так как несколько тысяч наших молодых людей поступило в американскую армию сейчас же по вступлении Америки в войну весною 1917 г.

Я с самого начала и еще будучи в Праге стремился к созданию нашего войска. Я передал через Англию при помощи Воски в Россию, чтобы там принимали наших пленных и перебежчиков. Наибольшее количество пленных у нас было в России, потому-то мои глаза и обращались прямо туда, а там после многих мытарств мы, наконец, и создали настоящую армию. Из России мы послали небольшую часть также во Францию.

Возникновением легионов была создана проблема, как привести в порядок отношения чехословацкого войска к армии государства, на территории которого формировались легионы; одновременно с этим возник вопрос об отношении нашего и иностранного войска к нашему Национальному Совету, как руководящему политическому органу освободительной революции.

Эта проблема была поставлена в России, во Франции, в Италии, а также в Англии и в Америке, потому что с этого мо-

мента английские и американские войска могли на фронте во Франции встречаться с нашими частями, что и случалось. Для Америки это было проблемой еще потому, что в нашем войске были также американские граждане и наши люди из Америки вообще. Так вышло вполне естественно, что с зимы 1917 г. всюду в союзнических государствах, даже в Японии и в Китае, чешская военная проблема должна была быть международно разрешена. Лишь в советской России вопрос стал неопределенным, так как Россия стала нейтральной и еще потому, что вообще все международные договоры с Россией стали неопределенными.

Решение было всюду одинаково: каждое союзническое правительство разрешало на своей территории формировку и набор добровольцев среди пленных и непленных; одновременно союзническое правительство признавало Национальный Совет политическим органом нашего движения, а потому в военном отношении верховным командованием войска. Или, выражаясь иначе, — наше войско было, хотя и частью союзнической армии, однако оно было и войском автономным, подчиненным Национальному Совету. Я был главным начальником, даже диктатором армии, как меня провозгласили солдаты в России, но, конечно, ни в коем случае не главнокомандующим; мое положение было соответствующим отношению суверена к армии, находящейся под руководством своих вождей и учреждений. Этими военными вождями в данном случае были французские, итальянские и русские генералы.

Признание Национального Совета верховным военным авторитетом заключало в себе признание единства целой армии, т. е. всех частей во всех союзнических государствах. Так как наша русская армия стала частью армии во Франции, то главным ее начальником был французский генералиссимус, а он назначил генерала Жанена генералиссимусом всех наших легионов. Генерал Жанен, как было изложено, был с военной миссией в России; он узнал Россию и русские военные условия и уже в России узнал наше войско. В начале 1918 г. он производил от имени Национального Совета наборы во французских лагерях для военнопленных, куда попали наши пленные солдаты через

Италию из Сербии. На своем пути в Сибирь он остановился у меня в Вашингтоне, так что мы могли хорошо договориться о возможных задачах нашей армии в Сибири. Генерал Жанеч исполнял свою тяжелую задачу лояльно и обдуманно.

В действительности функции ген. Жанена не могли развиваться, потому что отдельные части не были соединены в единое целое, а русские легионы остались в Сибири; во Франции была соединена часть легионов из России с легионами из Америки и с первоначальными добровольцами во Франции; В Италии легионы были значительно больше, чем во Франции; но до соединения с французскими не дошло, лишь незначительная часть, — кажется, батальон, — был послан во Францию, чтобы все же доказать единство нашей армии.

Так как армию мы создали довольно поздно, то до этого, с самого начала заграничной деятельности, нашей целью было добиться признания нашей национальной и политической программы, представляемой Национальным Советом. Наше движение было революционно, в Соединенных же Штатах действовал принцип законности; а потому признание нашей программы и Национального Совета шло понемногу и не без затруднений. Сначала признание неформально осуществлялось так, что союзники признавали лично меня, д-ра Бенеша и Штефаника и с нами вели переговоры; к этой категории явлений принадлежит председательствование премьер-министра Асквита на моей лондонской лекции.

Подобным же образом шло дело и в военной области. В начале войны у нас были затруднения из-за действовавших международных договоров и обычаев; наши пленные были для Союзников с международной точки зрения австрийцами. Во всех союзнических государствах довольно долго не понимали и не признавали различие между австрийцем и чехом и словаком. Не только на Западе, но и в России — и там всего строже — считались с этой государственной и международной действительностью. Наши это с трудом понимали и вследствие этого возникало много тяжелых инцидентов во всех государствах. Потому успехом было уже то, что мы вначале добились в отдельных

государствах для наших пленных, как и для иных не немецкого и не мадьярского происхождения, различных облегчений.

Первое официальное и положительное признание нашей национальной программы было сделано министром Брианом 3 февраля 1916 г.; об этом было издано официальное коммюнике. На этой основе, опять при помощи министра Бриана, Антанта в ответе на вопрос Вильсона об условиях мира требовала освобождения чехов и словаков из-под чужого владычества. Это было 10 января 1917 г.

1917 г. был для нас опасен тем, что император Карл тайно стремился к скорому и сепаратному миру, чтобы спасти таким образом свою империю. Я уже излагал, как эти шаги Габсбургов всюду оживляли австрофильство, и как Карл больше всего ухаживал за Францией. Попытка Карла потерпела крушение и была вполне уравновешена формировкой наших легионов в России, Франции и Италии и военными договорами с Францией, начиная с декабря 1917 г. Национальный Совет, а с ним и наша политическая программа, постепенно всюду признавался, после этого признавалась и наша армия. Лето 1918 г. принесло нам ряд решающих признаний всех союзных государств.

Как политически признавалась и расценивалась формировка легионов и их участие в общей борьбе, лучше всего видно по декларации министра Бальфура (9 августа 1918 г.), которую поэтому здесь и привожу:

«*Декларация*.. С самого начала войны чехословацкий народ сопротивлялся общему врагу всеми средствами, бывшими в его руках. Чехословаки создали значительную армию, воюющую на трех фронтах и всеми силами стремящуюся задержать немецкое вторжение в России и в Сибири.

Принимая в соображение это усилие добиться независимости, Великобритания считает чехословаков союзниками и признает три чехословацкие армии за единую союзническую армию, находящуюся в регулярной войне с Австро-Венгрией и Германией.

Великобритания признает также за чехословацким Национальным Советом права верховного органа чехословацких национальных интересов и нынешнего заместителя (trustee) бу-

дущего чехословацкого правительства с наивысшею властью над этой союзнической и воюющей армией».

На основании этой декларации д-р Бенеш заключил от имени Национального Совета 3 сентября первый договор с Великобританией. Политическую идею наших легионов кратко высказал в следующих словах французский президент в речи при открытии мирной конференции в Париже: «Чехословаки добыли себе в Сибири, во Франции и в Италии право на независимость.»

О размерах нашей заграничной армии даю следующую (неокончательную) статистику:

Войско русское	92.000	чел.
,, французское	12.000	,,
,, итальянское	24.000	,,
,,	128.000	чел.

К этому количеству сражавшихся нужно прибавить 54.000 так называемого итальянского ополчения, формировавшегося после примирения, — в общем, значит, 182.000 человек.

Полагаю, что перечень этих голых цифр дает понятие о нашем заграничном военном движении и о его политическом значении: количество и качество легионов объясняет, почему союзнические правительства и армии признавали наше войско и нашу деятельность и почему они наше движение принимали с уважением и с симпатиями. А наше заграничное войско имеет и будет иметь значение дома: если сосчитать семейные, родственные и дружественные связи легионеров, то получается, по крайней мере, миллион лиц, которые непосредственно связаны с легионерами, — легионы являются для нашего государства значительной и важной политической силой.

Приведенные цифры приблизительны и основаны на сведениях, собранных до февраля 1923 г.; поскольку по этим сведениям я могу определить потери, как павшими, так и умершими, они должны равняться 4.500 ч. в России (с Сибирью), Франции и Италии... Этими жизнями, принесенными в жертву, мы заплатили за свое признание своей независимости.

Дата	Франция	Англия	Италия	С. А. Соединенные Штаты	Россия и остальная Европа	Япония и Китай
VIII 1914					Манифест Николая Николаевича к австровенгерским народам.	
20 VIII 1914					Царь принимает чехословацкую депутацию, она предстанила ему славянскую и русофильскую программу. — Образование чехословацкой дружины в русской армии одобрено Военным советом	
15 IX 1914					Сазонов принимает чехословацкую депутацию; восстановление чешского королевства совпадает с намерениями русского правительства	
17 IX 1914					Царь принимает чехословацкую депутацию надется, что желания чехослова-	

					кои (восстановление королевства под скипетром Романовской династии) исполнятся.	
2 X 1914	Постановление министерства внутренних дел, что благонадежные чехи должны иметь то же положение, что и граждане союзнических народов					
19 X 1915		Премьер - министр Асквит принял председательство на лекции проф. Масарика в лондонском университете и дал письменное заявление. Чехи и иные граждане союзнических государств получили освобождение от секвестрации имущества и интернирования. (Посте-				

Дата	Франция	Англия	Италия	С. А. Соединенные Штаты	Россия и остальная Европа	Япония и Китай
		ценно это достигалось просьбами в отдельных случаях с самого начала войны).				
1915 и 1916	На Западе развивает деятельность Национальный Совет, как руководящий орган заграничного движения. Возник он из нескольких предшествовавших попыток и был постепенно признан всеми революционными организациями. В России образовано отделение Совета.					
13 I 1916					Дружина переименована в Чехословацкий стрелковый полк	
3 II 1916	Бриан принял проф. Масарика и его программу разделения Австрии.					
17 IV 1916					Дано разрешение создать чехословацкую бригаду в русском войске	
27 VI 1916					Согласие царя на освобождение славянских пленных, однако под давлением Штюрмера, поддержи-	

					ваемого царицей, согласие было взято назад в начале августа.	
20 X 1916					Дано разрешение на чехословацкую дивизию в русском войске (8-XI 1916 взято назад).	
22 XII 1916					Царь ответил на заявление московского комитета о лояльности: Я уверен, что чехи не будут обмануты в своих надеждах.	
4 I 1917					Царь в ответ на телеграмму генерала Ходоровича разрешает нашим офицерам воевать под русскими знаменами за осуществление национальных стремлений угнетаемых ныне славянских народов.	
10 I 1917	Антанта отвечает Вильсону на запрос от 21-го декабря об условиях мира: освобождение чехословаков от чужого владычества одно из главных условий					

Дата	Франция	Англия	Италия	С. А. Соединенные Штаты	Россия и остальная Европа	Япония и Китай
24 III 1917					Временное Правительство (по почину Милюкова) утверждает Правила о формировании чехословацкой армии.	
13 VI 1917	Соглашение французского министра Тома с проф. Масариком о высылке 30 000 пленных во Францию. Это первый договор государства с Национальным Советом.					
7 VII 1917					Победа у Зборова.	
17 VIII 1917	Первый договор французского правительства с Национальным Советом о нашей армии					
18 VIII 1917					О.Ч.С.Н.С. объявляет революционный васм в	
					20 миллионов франков на заграничное войско и движение.	
4 X 1917			Италия разрешает пленным формировать трудовые отряды.			
9 X 1917					Утверждено формирование I самостоятельного чехословацкого корпуса в России (генералом Духониным).	
16 XII 1917	Рапорт правительства президенту Пуанкаре о создании чехословацкого войска под руководством Национального Совета.					
19 XII 1917	Декрет о создании чехословацкой армии во Франции.					
7 I 1918	Приказ о создании чехословацкой армии во Франции (Клемансо—Бенеш). Правительство и Нац.					

Дата	Франция	Англия	Италия	С. А. Соединенные Штаты	Россия и остальная Европа	Япония и Китай
	Совет подписали «Статут об организации чехословацкой армии во Франции»					
15 I 1918					Договор о войске с украинским правительством.	
7 II 1918					Чехословацкий корпус в России объявлен частью французской армии	
10 II 1918					Договор с большевицким командиром Муравьевым, обеспечивающий вооруженный нейтралитет	
15 II 1918	Нэш Совет дает приказ о наборе во французские легионы					
16 II 1918					Советский генералиссимус Муравьев обещает свободный проезд во Францию.	
11—14 III 1918					Переговоры с украинцами и немцами у Бахмача.	

21 IV 1918			Первый договор между правительством и Национ. Советом о создании чехословацкого войска в Италии (Орландо-Штефаник).			
14 V 1918					Челябинский инцидент, приведший к боям с большевиками, начавшимся 25. V.	
22 V 1918		Лорд Роберт Сесиль именем министерства иностранных дел признает право чехословацкого народа на полную независимость				
24 V 1918			Торжественная передача знамени легионерам в Риме; речи Орландо, римского городского головы Колонна, американского посла Пейджа и Штефаника			

Дата	Франция	Англия	Италия.	С. А. Соединенные Штаты	Россия и остальная Европа	Япония и Китай
29 V 1918				Правительство одобряет резолюцию конгресса угнетенных народов в Риме.		
3 VI 1918	Военный совет в Версале, премьер-министры Франции, Англии и Италии присоединяются к американской декларации и выявляют свои истинные симпатии к освободительным стремлениям чехословаков и югославян, поляках прямо обещается государство					
8 VI 1918		Правительство согласно признать Нац. Совет руководящим органом чехосл. движения, а войско борющимся на стороне Антанты (Бальфур-Бенет)				
14 VI 1918			Король делает смотр войскам в Ордиано.			
26 VI 1918				Правительство дополняет декларацию от 29.V, заявляя, что правительство Соед. Штат. стоит на точке зрения полного освобождения всех ветвей славянского племени от немецкого и австрийского владычества		
29 VI 1918	Правительство признает права чехословацкого народа на независимость, а Национальный Совет — высшим органом всеобщих интересов и первой основой (basis) будущего правительства (Пишон).			Конгресс принял новеллу к закону о переселенцах, которою нашим летчикам из Соед. Штатов обеспечивается возврат в С. Ш. наравне с американцами-добровольцами в союзнических армиях.		
30 VI 1918	Пуанкаре с министром Пишоном, Лейгом и Лебреном передают знамя 21-му полку в Дарней.		Второй дополнительный договор о чехословацком войске (Орландо—Штефаник).			
1 VII 1918		Правительство соглашается с речью президента Пуанкаре, произнесенной им в Дарней.				
4 VII 1918					Маклаков, как посол в Париже, поздравляет Национальный Совет с признанием Н. С. Францу-	

Дата	Франция	Англия	Италия	С. А. Соединенные Штаты	Россия и остальная Европа	Япония и Китай
					ским правительством	
7 VII 1918					Сербский посланник поздравляет по тому же поводу	
12 VII 1918					Советское правительство упраздняет О.Ч.С.Н.С. в России	
13 VII 1918					Думовский от лица Польского Национального Комитета поздравляет Нац. Сов. с признанием его французским правительством.	
2 VIII 1918						Японское правительство издает декларацию о военной интервенции в пользу Чехословакии (по предложению Америки).
3 VIII 1918	Союзнические правительства решили в Вашингтоне, особенно при помощи американско-японского договора, оказать военную и материальную помощь нашей армии в Сибири.					
9 VIII 1918		Декларация Бальфура: Чехословакия является народом союзническим, три чехословацкие армии единой союзнической армией, ведущей регулярную войну с Австро Венгрией и Германией. Великобритания признает Национальный Совет высшим органом народных интересов, заместителем (trustee) будущего правительства и высшей авторитетной инстанцией для армии.				
23 VIII 1918				В комиссии по иностранным делам независимость чехословацкого народа объявлена одним из важнейших условий мира (Сенатор Лодж).		

Дата	Франция	Англия	Италия	С. А. Соединенные Штаты	Россия и остальная Европа	Япония и Китай
3 IX 1928		Правительство признает будущее чехословацкое правительство в лице Национального Совета (Лорд Роберт Сесиль и Бенеш). — Правительство заключило конвенцию с Национальным Советом о чехословацкой армии и дипломатических сношениях; Чехословацкий Национальный Совет с армией получает международное положение, подобно Сербии и Бельгии.		Американское правительство признает Чехословакию в состоянии войны с Германской и Австро-венгерской империями, Национальный Совет за правительство de facto, имеющее право управлять и военными и политическими делами чехословацкого народа, правительство вступает с этим правительством de facto в сношения для ведения войны с общим врагом		
9 IX 1918						Японское правительство признает чехословацкое войско регулярн. войском, ведущим войну с Австрией, а Нац. Совет — руководящим органом, с которым готово быть в постоянных сношениях.
11 IX 1918		Ллойд Джордж благодарит Нац. Совет от имени британского правительства и союзников за сибирской анабазис, никогда не забудем неоценимых услуг, оказанных России и союзникам				
27 IX 1918				Соединенные Шт. решили, что американское войско не может быть использовано в Сибири		
28 IX 1918	Правительство заключает с Нац Советом договор о положении чехосл. народа во Франции: обязывается восстановить чехосл государство в исторических границах					

Дата	Франция	Англия	Италия	С. А. Соединенные Штаты	Россия и остальная Европа	Япония и Китай
1 X 1918		Англия вступает в прямые дипломатические сношения с нац. Советом, как чехословацким правительственным органом				
3 X 1918			Орландо говорит в нашу пользу речь в парламенте			
X 1918						Китайское правительство признает армию в Сибири за регулярное войско, ведущее войну а Нац. Совет — руководящим органом.
7 X 1918					Всероссийская Директория признает Нац. Совет правительством de jure чехословацкого государства.	
14 X 1918	Бенеш сообщает союзническим государствам о создании Временного чехословацкого правительства в Париже по постановлению председателя Нац. Совета от 26-го сентября, а одновременно как первый министр иностранных дел назначает посланников.					

15 X 1918	Правительство признает Временное чехословацкое правительство (Пишон)					
18 X 1918	Временное чехословацкое правительство объявляет независимость чехословацкого народа (Декларация Масарика в Вашингтоне).					
18 X 1918				Вильсон в ответе Австро Венгрии на предложение от 7-го заявляет, что со времени опубликования его XIV пунктов 1.1 1918 произошли политические события величайшей важности, а поэтому он не может принять австро-венгерских предложений. С тех пор правительство Соед. Штатов признало состояние войны между чехословаками и австрийской и немецкой империями, а равно и то, что чехословацкий Нац. Совет		

Дата	Франция	Англия	Италия	С. А. Соединенные Штаты	Россия и остальная Европа	Япония и Китай
				является правительством de facto, ведущим войну и обладающим соответствующим авторитетом для решения политических и военных дел чехословаков. Признало также в полной мере национальные стремления югославян. Президент поэтому не может принять простую «автономию» этих народов за основу мира; они, а не он, должны решить, какое предложение со стороны Австро-Венгрии удовлетворит их взглядам на права и судьбы их, как членов семьи народов	
24 X 1918			Сонино признает Временное Правительство.			

28 X 1918			Борский принят как посольский представитель нашего Вр. прав.			
4 XI 1918	Бенеш приглашен на союзнические переговоры. о перемирии в Париже					
15 XI 1918	Первая военная французская и английская миссия в Праге.					
22 XI 1918					Греция признает наше правительство и входит с ним в официальные сношения.	
28 XI 1918					Бельгия признает Врем. правительство и вступает с ним в официальные сношения.	
4 XII 1918	Союзники подают из Парижа через полковника Сикса протест венгерскому правительству против удержания Словакии. Чехословацкое государство признало оккупацию, чехословацкое войско правило за союзническое; чехословацкое государство уполномочено занять Словакию на основании перемирия, по которому союзники, а следовательно и Чехословакия имеет право занять земли быв. австровенгерского государства и иметь там при посредстве войска административный надзор.					
8 XII 1918			Наша армия торжественно, присягает республике в Падуе в присутствии короля			
14 XII 1918			Первый военный транспорт из Италии на родину.			
16 XII 1918			Президент Масарик производит смотр чехословацким войскам в Падуе			

77.

Теперь бы мне было нужно перечислить отдельные официальные признания, которых мы добились, особенно в 1918 г.; чтобы упростить изложение, я даю хронологическую схему (см. табл. на стр. 92—109) того, как мы, то-есть наш заграничный Национальный Совет и легионы, были союзниками признаваемы, считая с начала войны.

Касаюсь главным образом дат значительных для нашего революционного дипломатического боя. Связь и значение этих отдельных фактов выступят яснее от того, что они указаны синхронистически.

Из таблицы также становится ясным, как наше пропагационное и дипломатическое движение дополнялось военным движением и как из него выростало.

Таблица послужит также восстановлению предыдущего изложения.

Эта сухая схема не говорит ничего о нашей общей работе и стараниях заграницей, о постоянных размышлениях, о напряжении нервов и возбуждении чувств, благодаря чему был достигнут политический успех. Какое путешествие по целому свету, сколько интервенций в различных министерствах в Париже, Лондоне, Риме, Петрограде, Вашингтоне, Токио, сколько посещений разнообразнейших влиятельных лиц, сколько меморандумов, сколько телеграмм, сколько писем, сколько вспомогательных вмешательств союзнических послов и наших политических друзей, сколько интервью, сколько лекций, статей и т. д., — но без нашей заграничной пропаганды, дипломатической работы и крови легионов мы бы не добились независимости.

78.

Из этой таблицы также ясно видны важность и решающее значение 1917 и 1918 годов, как для наших политических стремлений так и для участия наших войск в войне; 1918 г. был реша-

ющим для всех воюющих народов и для всего хода войны. Не исполнились ожидания тех, что предсказывали войну еще на 1919 г. С ней было покончено летом 1918 г. ; покончено экономически и стратегически.

1918 г. принес Германии Брест-Литовский мир и мир с Румынией, а благодаря этому усиление армии против союзников во Франции; было ясно, что Германия будет стремиться достигнуть решительного конца при помощи этой увеличенной армии ранее, чем Америка будет в состоянии послать во Францию еще большие массы войск. Немцы, как я слышал, сначала полагали, что Америка вообще окажется не в силах выслать какое либо войско, подтверждая сами себе это предположение некоторыми опытами с флотом в своем море; однако, они ошиблись, а потому весной 1918 г. стали стремиться с еще большей энергией к решительному концу. Они бесспорно знали, что и во Франции многие выдающиеся генералы с нетерпением ждут подкрепления из Америки; из Англии к ним доходили слухи о возрастающем пацифизме и о согласии некоторых руководящих лиц (я уже указывал на Ллойд Джорджа) покончить войну. Что касается численности войска, то немцы в этом отношении вполне сравнялись с союзниками. Итак началось наступление; для увеличения эффекта Париж начали бомбардировать из дальнобойных орудий (с 23 марта). Однако, несмотря на захват территории и большое количество пленных, — немцы находились от Парижа в 85 километрах, и уже была у кой-кого мысль об эвакуации правительства (не у Пуанкаре!) — немецкая армия дела не решила.

Союзники, наконец, нашли приемлемую для всех форму, как объединить командование в руках Фоша; было это не легкое дело: не только английские, но и французские военачальники ревниво относились к вопросу о первенстве. Союзнические армии были соединены, и в июле Фош начал противонаступление; после чувствительного поражения немцев у Амьена (8-го августа) их окончательное поражение было решено — немецкие войска постепенно, хотя и в порядке, отступали перед победителями. За четыре года до этого 4 августа немцы начали бои в Бельгии и во Франции; 8 августа, через четыре года, они от-

ступают разбитые. Немцы поговаривали, что на этот раз у них был свой Мясоедов, но более критические из них уже начинают сомневаться в военных способностях Людендорфа и допускают, что немецкое наступление уже заранее было проиграно. Это поражение было тем более чувствительным, что немцы начали наступление, имея количественный перевес войск; а до тех пор перевес на западном фронте всегда имели союзнические войска.

Немецкая агрессивность была также ослаблена успехами итальянцев (начиная с июня) и поражением Болгарии. Наконец, Австрия была совершенно разбита и армия деморализована (от 24 октября по 3 ноября). Особенно разлагающе подействовало на Австрию поражение Болгарии — на Балканах и из-за Балкан началась война — поражение на Балканах ускорило окончательную победу союзников. Разложение проявляется в Австрии и в Германии, как в войске, так и внутри самого государства. Центральные державы были вынуждены ликвидировать войну и просить перемирия и мира.

Австро-Венгрия, нелояльная как всегда, послала без согласия Германии мирное предложение (14 сентября) воюющим державам (еще бы!), прося их выслать в нейтральное государство делегатов, которые бы обсудили все вопросы. На эту ноту Клемансо ответил 17 сентября в сенате — «Между правом и преступлением не может быть никаких сделок». Министр Пишон ответил таким образом: послал Австро-Венгрии через швейцарского посланника речь Клемансо. Президент Вильсон отверг предложение, указав, что Соединенные Штаты свой взгляд на мир часто и ясно формулировали, а потому не могут принять предложенную конференцию. Более отрицательным чем содержание, была форма отказа — всего 66 слов; мне говорили, что эта резкая сжатость была умышленной. Газеты коментировали факт, немецкие и австрийские журналы до сих пор считают американский ответ насмешкой.

21 сентября Болгария капитулировала и уже 29 заключила с союзниками перемирие; я уже сказал, как поражение Болгарии подействовало на Вену и Берлин. В тот же самый день, когда с Болгарией было заключено перемирие, немецкое

военное командование требует от правительства, чтобы оно добивалось перемирия и мира.

Однако, и в союзнических армиях, особенно во французской, начинает появляться усталость. Я уже указывал на строгий режим Клемансо. В Англии и в Америке усиливается пацифистское движение — всюду проявляет себя желание мира.

Мы были подготовлены к ликвидации войны и к началу мирных переговоров. Схема таблицы ясно указывает наше движение: мы непрерывно стремились к признанию, которого во-время и добились от всех союзнических государств и главных деятелей войны. Мы были признаны в Европе, Америке и Азии.

Наши на родине также осознали положение. В Праге в половине мая 1918 г. при торжествах Национального театра было устроено собрание всех притесняемых Австрией народов; при этом присутствовали и итальянцы. Сама собой напрашивается аналогия с римским съездом, а также пример Среднеевропейской Унии в Америке. Что Вена и после этого съезда мстила преследованиями, доказывало лишь ее слабость.

Я уже вспоминал об имевших значение собраниях словаков в Липтовском св. Микулаше (1 мая). Чехословацкий Национальный Комитет, создавшийся 13 июля, понял признаки времени и стал более последовательно за нашу программу независимости. Мы также обратили внимание на августовское собрание в Любляне, на котором было постановлено, что все славяне соединяются для совместной работы за независимость.

Учреждение нового Национального Комитета 13 июля было само по себе программой, так как он был создан после бывшего «Национального Комитета», который вызвал сильный протест; программа казалась удовлетворительной, хотя с точки зрения права и мало определенной.

Я не мог хорошенько понять, почему рядом с Национальным Комитетом был образован (в начале сентября) Социалистический Совет; мы хорошо использовали заявление депутатов 29 сентября, особенно же парламентскую речь председателя Чешского Союза от 2 октября и заявление Национального Комитета от 19 октября признавших нас заграницей впервые вполне открыто и определенно.

Я снова и снова убеждался, что на родине уже не будет явной австрофильской политики, ведь она стала совершенно излишней; судя по всему положению, дело шло скорее о формальной, чем о действительной ликвидации Австро-Венгрии, потому что уже не только венгры, но и немцы были против династии. Можно было ожидать, однако, что Вена в последний момент начнет давать всяческие обещания; по полученным точным сведениям в Вене обсуждали форму, в которой можно бы было объявить национальную автономию.

Чтобы предупредить действия Вены, мы объявили Национальный Совет Временным правительством; мы вели об этом с д-ром Бенешем несколько раз переговоры, чтобы быть готовыми в нужную минуту. Теперь она настала; 13 сентября д-р Бенеш сообщил мне о положении в Париже и проект такого преобразования Национального Совета; 26 сентября он получил мое полное согласие. После предварительных переговоров с правительством о нашем признании д-р Бенеш 14 октября официально сообщил союзническим правительствам об образовании нашего Временного Правительства, пребывающего в Париже. Я был председателем Временного правительства и совета министров, а также министром финансов; д-р Бенеш был министром внутренних и иностранных дел, Штефаник военным министром. Одновременно было сообщено о назначении следующих посланников: Осуского в Лондоне, Сихравы в Париже, Борского в Риме, Перглера в Вашингтоне, Богдана Павлу в России.

Министр иностранных дел Пишон признал Временное правительство сейчас же, 15 октября; за французским признанием последовало признание со стороны союзнических держав; таким образом, мы были de facto и de jure независимы, свободны! Манифест Карла пришел post factum.

Пришел он поздно и в другом отношении. Вена непрерывно старалась влиять через нейтральные государства — Швейцарию, Голландию, Швецию — на австрофильские круги в союзнических государствах. И во Франции были политики, которые бы хотели еще в последний момент вознаградить решительный отход Австрии от Германии, но Австрия, хотя и обещала, с другой стороны боялась Германии и своего собственного немец-

кого населения, а потому тянула. Поэтому опоздал манифест Карла, опоздал Ламмаш со своим правительством, опоздал и Андраши со своим признанием Вильсоновской новой австрийской программы. Об этом как раз я и хочу теперь говорить.

79.

Немецкие и австрийские военные и политические писатели сходятся во мнении, что ответ президента Вильсона от 18 октября на предложение мира со стороны Австрии приложил печать к судьбе Австрии и принес основное решение о нашей свободе. Вильсон лично и как представитель Соединенных Штатов стал в Европе огромной моральной и политической величиной: Америка приняла участие в войне без каких-либо видов на территориальную аннексию, а потому ее голос имел такое значение; американское войско было решающей частью союзнической армии.

Хочу теперь подробно изобразить конец Австро-Венгрии.

5 октября Германия обратилась к Вильсону с предложением перемирия; я уже писал, что немецкое военное командование само предложило 29 сентября своему правительству подать союзникам предложение о перемирии и мире. Немецкие военачальники поняли положение и действовали решительно, стараясь предупредить необходимость сдачи войска и выдачи оружия. Австрия и Турция присоединились к Германии и подали в тот же день подобную же просьбу. Германии был дан первый ответ (8 октября) в форме вопроса о подлинном смысле предложения; 14 октября Германии был дан окончательный ответ в отрицательной форме. Австро-Венгрии президент Вильсон ответил лишь 18 октября.

В своем предложении Австро-Венгрия дословно принимала программу Вильсона с его XIV пунктами и иными его заявлениями, взятыми особенно из речей от 12 февраля и 27 сентября 1918 г.; в первой из этих речей Вильсон докладывает конгрессу о сделанной Гертлингом и Черниным критике его XIV пунктов и выводов Ллойд Джорджа; Вильсон сводит свою обширную

программу к четырем пунктам. В речи от 27 сентября он устанавливает пять принципов для заключения мира и столько же для организации Лиги Наций. В Вене полагали, что такой услужливостью привлекут Вильсона — они не понимали отказа на мирные предложения, последовавшего в минувшем месяце.

Тем больше было волнение в Вене и в австрофильских кругах по поводу того, что Америка так долго не отвечала Австрии; в Вашингтоне даже пробовали нащупывать почву окольным путем. Когда, наконец, пришел ответ, то он был совершенно неожидан.

Я узнал в это время, что император Карл готовит манифест, обещающий преобразовать Австрию — не Венгрию — в федеративное государство. Это была последняя попытка утопающего; в ней, однако, скрывалась опасность, на которую надеялись его авторы. Было необходимо помешать эффекту, который манифест мог еще иметь в тех кругах, где все еще оставалось много симпатий к Австро-Венгрии. Поэтому я воспользовался этим моментом для опубликования Декларации о Независимости, о которой подумывал уже довольно долго. Логически эта декларация проистекала из самого создания нашего Временного правительства 14 октября, о чем мы и сообщали союзникам; была выбрана такая форма, которая бы могла напомнить Америке ее собственную прекрасную декларацию; наконец, у Декларации нашей было и тактическое значение: в тот момент, когда был опубликован манифест Карла, над домом, где я жил, как председатель нашего Временного правительства, развевались флаги свободного чехословацкого государства, объявившего себя как раз единым властителем своих судеб...

В Декларации я отверг позднюю попытку Карла создать австрийскую лжефедерацию и наметил главные принципы, которые Временное правительство кладет в основу нового государства. Первую редакцию я дал прочесть ряду своих друзей (между прочим Брандейсу и редактору Беннету); их замечания по существу и по форме принял во внимание небольшой комитет, который последний раз просмотрел Декларацию нашу со стилистической и правовой стороны (в нем участвовал замечательный специалист и юрист мистер Кальфи). Это был прекрасный

пример гармоничной совместной работы и в то же время первый государственный акт высокого стиля, исполненный под моим руководством.

Декларацию я передал государственному секретарю Лансингу, чтобы обеспечить таким образом вперед согласие американского правительства; это было сделано еще и затем, чтобы в последний момент перед ответом Австрии напомнить Вильсону нашу точку зрения. Своим успехом этот шаг оправдал себя; успех был большой не только в общественном мнении и в печати, но и в правительственных кругах и особенно в Белом Доме. Президент Вильсон в посланном мне письме говорил, что Декларация Независимости его глубоко тронула, как это мы увидим из его ответа Австро-Венгрии. И этот ответ, опубликованный 19 октября, помечен как и наша Декларация, 18 октября.

В своем ответе Австро-Венгрии президент Вильсон подчеркивает, что Соединенные Штаты изменили свой взгляд на Австро-Венгрию и ее отношение к Соединенным Штатам, как это особенно ясно видно из признания чехословацкого Национального Совета правительством чехословацкого народа de facto. Соединенные Штаты также признали национальное стремление югославян. Таким образом президент не может удовлетвориться лишь автономией этих народов в качестве основы для мира, как он это предполагал в январе месяце в своих XIV пунктах. Не он, а эти народы сами должны быть судьями выступлений австровенгерского правительства, благодаря которым должны были быть осуществлены их стремления и их личное понимание собственных прав и судьбы.

В дипломатической литературе можно найти мало примеров такого мужественного и честного отказа от своих собственных более старых взглядов: именно потому это так и подействовало. Вообще президент Вильсон не скрывал, что в течение войны менял свои взгляды; так например, в декабре 1917 г. полковник Гауз передавал Бернсторфу, что президент не согласен с условиями мира, формулированными Антантой, считая их невозможными, но уже в апреле он пришел к необходимости объявить войну Германии и этим самым был неизбежно приведен к ревизии своей европейской программы.

В различных книгах при критике ответа Вильсона постоянно перетряхивается вопрос, как могло случиться, что президент в такое короткое время отказался от своего бесспорного австрофильства. По Америке ходили различные легенды о моих к нему отношениях; скажу теперь, как можно кратко, главное.

Президент Вильсон с начала войны был подробно осведомлен о нашем заграничном движении своими министрами, которым делал доклад Воска. Если мне не изменяет память, то Воска был представлен Вильсону даже лично. Первую обширную программу нашего движения президент Вильсон получил в меморандуме, написанном для министра Грея уже в 1915 г. При своем пребывании в Америке в 1917 г. генерал Штефаник также уведомлял о движении американские правительственные круги и президента Вильсона. Далее слышал президент Вильсон о наших стремлениях, обо мне и о нашей работе от мистера Чарльза Крейна и др. Я лично послал президенту (в конце января 1918 г.) из Киева обширный телеграфный разбор его XIV пунктов в основе в том же смысле, в котором я обсуждал эту программу в «Новой Европе». Далее, президент Вильсон получил из Токио мой меморандум (в апреле), в котором я собирал все свои взгляды на Россию и на отношение к большевикам.

Приехав в Вашингтон, я очень скоро оказался в сношениях с министрами Вильсона и с секретарями министров, которые решали вопросы, нас прямо или косвенно касающиеся. Кроме Лансинга, это были уже названные ранее лица: Бекер, В. Филлипс, Полк, Б. Лонг, Ф. К. Лейн, Гаустон. Секретарем у Лансинга был Ричард Крейн, и с ним, как и с его отцом, я был в постоянных сношениях.

В связи со всем этим я должен вспомнить и помощь, оказанную французским послом Жюсераном, о котором я уже упоминал; он нас всюду всячески поддерживал, также и у президента. Но главным образом я должен здесь привести имя влиятельного советника и друга Вильсона полковника Гауза, с которым я, как и с другими, разбирал весьма подробно все вопросы войны и ожидаемого мира.

Кроме этих постоянных личных сношений, приведу еще

тот факт, что по мере надобности я подавал отдельным министрам и особенно Лансингу обширные меморандумы или краткие ноты, в которых разбирал и освещал со своей точки зрения важнейшие спорные вопросы.

Наконец, необходимо отметить, что сибирский анабазис привлек также внимание и симпатии Вильсона.

Мои отношения к Вильсону были чисто деловыми, я полагался, как и во всем нашем движении, на справедливость нашего дела и на силу своих доказательств. Я верил, как и верю до сих пор, что честных образованных людей можно убедить аргументами. Относительно президента Вильсона, как в устных спорах, так в своих меморандумах и нотах, я полагался исключительно на аргументы и на силу заботливо подобранных фактов. При этом я ссылался на заявления и труды президента. Я был знаком еще до войны с его трудами о государстве и развитии американского конгресса; я прочел внимательно его речи и мог для усиления своих аргументов приводить из них цитаты.

Таким образом я достиг того, что президент Вильсон и министр иностранных дел Лансинг шаг за шагом принимали нашу программу. Это не было лишь мое личное влияние; наше дело приобретало при помощи пропаганды и работы наших людей симпатии политического общественного мнения, а Австро-Венгрия их теряла. Перемену ситуации доказывает тот факт, что начальник отделения по делам Ближнего Востока в министерстве иностранных дел Патней, известный в Америке юрист-писатель, защищал наш взгляд на австрийский вопрос в меморандумах, написанных для Лансинга как раз во время моего пребывания в Америке. Патней знал нашу антиавстрийскую литературу и был в сношениях с секретарем Перглером.

Отход от австрофильства доказывают признания, которые мы постепенно получали от Соединенных Штатов.

Первое заявление Лансинга от 29 мая принимает лишь резолюцию римского конгресса притесняемых народов Австро-Венгрии. Лансинг уверяет нас и югославян в симпатиях Соединенных Штатов. Этому заявлению предшествовала речь американского посла Ф. Пейджа: он при передаче знамени итальянским легионам в Риме сказал блестящую речь за нас.

В благоприятном для нас смысле действовал и недавно скончавшийся посол в Париже Шарп.

Я вел переговоры с государственным секретарем Лансингом относительно его заявления. Результатом моей критики, а также и разговоров с остальными членами правительства было объяснение, данное Лансингом 28 июня его майскому заявлению; здесь Лансинг особо подчеркивает, что проявление симпатий к нам и к югославянам означает желание полного освобождения всех славян из-под владычества Германии и Австрии. Это был значительный шаг вперед; собственно говоря, это был первый большой успех в Америке, официальные круги которой, несмотря на все симпатии, какие нам удалось в них возбудить, останавливались из-за нашей проблемы перед значительными затруднениями, ибо наше положение с международной точки зрения было без прецендентов.

Припоминаю, что и сербский посланник подал государственному секретарю Лансингу меморандум относительно заявления 29 мая.

Более ясное и окончательное признание мы получили 3 сентября. Об этом признании мы сговорились с государственным секретарем Лансингом: я ему подал согласно нашим переговорам (31 августа) обширный меморандум, выдвигающий необходимость такого признания со стороны Соединенных Штатов. В это время уже шли переговоры о нашей армии в Сибири и о том, как ей помочь; в этом смысле Лансинг и составил свое заявление; образцом ему послужило признание Бальфура. Оно заключает в себе признание состояния войны между нами и германской и австрийской монархиями; Национальный Совет объявляется правительством de facto, ведущим регулярную войну и имеющим право решать военные и политические дела чехословацкого народа. Государственный секретарь Лансинг был так любезен, что показал мне заявление до его опубликования. Я выразил ему свою благодарность и признательность, а также поблагодарил письменно президента Вильсона за этот акт политического благородства, справедливости и политической мудрости. Ответ Вильсона подтвердил мне, что взгляды

Белого Дома на Австро-Венгрию значительно изменились и улучшились.

Четвертое и решительное признание относится к 18 октября. События, которые после этого признания и нашей Декларации Независимости разыгрались в Австрии и в Венгрии, подтверждали президенту Вильсону и американским государственным деятелям мой взгляд на условия жизни в Австрии и мое мнение, что Австрия и Венгрия погибнут изнутри. На президента Вильсона и на целое правительство произвело впечатление то, что мой анализ Австро-Венгрии, всей войны и ее развития были правильны. Я сам был весьма обрадован тем, что так сошлись обстоятельства и что они настолько оправдали мою точку зрения. Доверие американских государственных деятелей было этим усилено не только ко мне, но и ко всему нашему делу, что было ценной основой для наступающих переговоров о мире.

Если приходится говорить еще о моих личных отношениях с президентом Вильсоном, то приведу следующее.

Прежде всего, мы, конечно, вели переговоры относительно Австрии и Габсбургов. Разоблачение Клемансо дало желаемые доказательства. Я обратил внимание на некоторые отношения императора к союзникам. Германия в начале войны спасла, по крайней мере, частично Австрию от русских; Германия и позднее, оказывая помощь, оттеснила Россию на восток и освободила всю полосу окраинных государств, начиная Финляндией и кончая Украиной. Германия была принуждена, хотя и неохотно, помочь Австрии и против Италии. Габсбурги, однако, ударили немцам в тыл. Президент был против засилия прусской Германии и против ее опеки над Австрией, но вероломность Габсбургов должен был признать. В суждениях о прусском царизме, как я это называл, мы вполне сходились; отвечая 23 октября на немецкий ответ от 20 октября президент весьма сильно подчеркнул этот взгляд. При этом речь перешла на более старый план европейских союзников отделить Австрию от Германии, но и этот план возник, собственно говоря, в предположении, что Австрия будет нелояльной по отношению к Германии. Освещение Габсбургов именно с этой стороны имело

значительное влияние на Вильсона, как и на остальных государственных деятелей.

Далее я обращал внимание президента на вину Австрии в провокации войны; он признал, что Германия ее не гнала к войне.

Когда начали приходить мирные предложения и когда нужно было начать переговоры о перемирии, я высказал президенту свое убеждение, что войну необходимо вести далее, и что союзники должны принудить немецкую армию сложить оружие и даже, быть может, войти в Берлин; я утверждал, что из-за этого не падет больше солдат, чем пало бы в будущем, которое явилось бы следствием неопределенного мира. Я допускал, что президент прав, считая войну выигранной и стратегически, — это ведь само собой явственно из решения военного командования просить мира. Однако, зная убеждения немецкого народа в его широких кругах о непобедимости немецко-прусского войска и его военачальников, я опасался, что массы немецкого народа не поверят в стратегическое поражение Германии и Австрии. Я припомнил президенту, что он сам посылал своего друга Гауза в Европу для того, чтобы он там обсудил с союзническими военачальниками вопрос о том, как достигнуть длительного, а не минутного мира, припомнил и то, как год тому назад сам президент прекрасно это изложил рабочим в Буффало. Припомнил я ему еще и то, как он обосновывал, перед конгрессом объявление войны Австро-Венгрии, хотя в то время он еще и не думал об ее уничтожении. Он вполне справедливо требовал военного обезвреженья Пруссии, а это могло быть, с моей точки зрения, сделано наилучшим способом тогда, когда маршал Фош поведет союзнические армии через Рейн. Президент был, должно быть, бо́льшим пацифистом, чем я; кроме того он знал настроение американского народа и должен был с ним сообразоваться. Я видел в ноябре в Нью-Йорке непроизвольность, с какою праздновали перемирие, когда было получено преждевременное о том сообщение, — я понимал точку зрения президента. Мнение президента Вильсона представлял потом в Париже до его приезда полковник Гауз в противовес Фошу, который (это было во время переговоров о перемирии

в начале ноября) настаивал на походе союзнических войск, по крайней мере, к Рейну. Я считаю свою точку зрения правильной и теперь, особенно после опыта, принесенного миром. Я хочу еще припомнить, что против плана Фоша были настроены не только президент Вильсон и полковник Гауз, но и Клемансо; если я не ошибаюсь, то американские военные, как английские и сам Ллойд Джордж, были за наступление через Рейн.

Из более частных вопросов привожу, что президент Вильсон данцигскую проблему хотел разрешить так, как она была разрешена: он не желал присоединения Данцига к Польше. Я возражал, что condominium (совладение) в какой бы то ни было форме доставит немцам и полякам более поводов к постоянным ссорам, чем окончательное присоединение, и будет увеличивать немецкое недовольство из-за коридора между немецкою территориею и обособленною Восточною Пруссиею. Президент симпатизировал полякам и югославянам; но по некоторым признакам у меня создалось впечатление, что лондонского договора он не принимает; то, что он его тогда совсем не знал, я услышал позже, в Париже, когда возник конфликт между итальянцами и югославянами; вопреки этому в американских кругах утверждали, что президент о том забыл. С Лансингом, поскольку я помню, я говорил о договоре, он его знал. То, что этот тайный договор, который все же разгласили по свету большевики и который был опубликован также в американских газетах, возбудил в официальнейшей Америке такое малое внимание, является интересным и поучительным примером, как мало интересовались американцы европейскими делами.

На спорные вопросы между югославянами и итальянцами внимание президента и State Departement, еще во время моего пребывания в Америке, было обращено протестами югославян.

Когда в правительственных кругах и в публицистике начали перетряхивать вопрос о том, поедет ли президент Вильсон в Европу для мирных переговоров, то я высказал ему свое мнение, что ездить в Европу ему не следовало бы; по крайней мере он не должен был бы там оставаться после открытия конференции. Зная характер Вильсона, зная его приверженность к Лиге Наций, как главному пункту мирных переговоров, и зная

личности остальных европейских миротворцев, я опасался, что обе стороны будут взаимно друг другом разочарованы. После такой долгой войны и страшного умственного и нервного напряжения у всех, кто действовал на мирной конференции, легко могло случиться, что знакомство с личными слабостями отдельных политиков и государственных деятелей усилило бы такое разочарование. Я полагал, что президент Вильсон мог бы легко повредить своему огромному авторитету, который он приобрел, шаг за шагом, в Европе, и даже потерять его. Однако, президент, сознавая великое значение мирной конференции, хотел там защищать сам американские идеалы. Он был убежден, что у Америки есть миссия объединить все человечество и что ему то удастся сделать.

Мы говорили также о том, почему президент Вильсон, в отличие от европейских государств, не создал при объявлении войны коалиционного правительства, ограничиваясь министрами демократической партии. Я особенно настаивал на вопросе, не было ли бы удобным пригласить в Париж для мирных переворов также политиков из республиканской партии. Президент Вильсон полагал, что в Париже между партиями могли бы возникнуть трения; однако, иногда соглашаясь со мной, он допускал, что для коалиционных компромиссов у него нет врожденного таланта. «Говорю Вам откровенно» — так приблизительно он формулировал свое мнение — «я веду свое происхождение от шотландских пресвитерианцев, а потому немного упрям (stubborn)». У меня для этого было свое, иное объяснение: война привела всюду, а также и в Америке к особому роду диктатуры, к решающей власти отдельных политических деятелей, в Америке случилось то же самое; но как раз во время Вильсона отношения президента к конгрессу стали ближе. Я наблюдал этот процесс тем более внимательно, что знал взгляд Вильсона на конгрессовую централизацию, развитие которой, по моему мнению, как раз сильно поддерживала конституционное положение президента, — американская конституция определила положение президента слишком по образцу английского монархизма. Мне также не казалось, что Вильсон проявил какую-либо партийность при выборе военных и морских на-

чальников; наоборот, он выбрал многих республиканцев и этим доказал значительную серьезность. Однако, я допускаю что президент был слегка недотрога и не любил критики.

К личным переговорам с президентом я приступил сравнительно поздно. В Вашингтон я приехал 9 мая, а впервые виделся с Вильсоном 19 июня, воспользовавшись приглашением, которое мне передал м-р Чарльз Крейн. Следуя своей тактике, которой я руководствовался в течение всей свой пропагационной работы за границей, я старался влиять на государственных деятелей публицистической дискуссией, статьями, интервью и т. д. Прежде чем говорить с президентом, я говорил с личностями, с которыми он встречался и которые имели на него известное влияние. Дискуссия с людьми, так основательно подготовленными, бывает, конечно, плодотворнее, чем личная и минутная пропаганда; кроме того, она может быть и короче.

Значение антиавстрийского решения Вильсона наш народ хорошо и по собственному душевному побуждению оценил; здания, улицы, площади и учреждения по всей нашей стране, носящие его имя, являются очевидным доказательством нашей благодарности. Мне бы не было трудно сделать характеристику Вильсона, как человека и государственного деятеля. Я слышал о нем много от людей, довольно близко к нему стоящих; я читал весьма внимательно его речи и погружался в его мышление и мысли; я следил, как сначала его горячо принимали в союзнических государствах и как потом эти же страны к нему охладели; немцы сначала тоже его принимали, но позднее были настроены против. Я видел с самого начала в Вильсоне честного, прямого выразителя как демократии по образцу Линкольна, так и вообще американских политических и культурных идеалов. Я уже сказал о его взгляде на роль, предназначенную Америке судьбою; если бы он знал лучше Европу и ее затруднения, то формулировал бы свой идеал более практично. Он последовательно отличал «союзников» от Америки, называя ее лишь «присоединившейся». Американская континентальность вела его в европейской политике к излишней абстрактности. Его великий лозунг самоопределения народов не был также достаточно разработан для того, чтобы стать безопасным руковод-

ством для Европы. Также и его Лига Наций осталась, не без его вины, непонятой; это правильная и великолепная концепция, особенно в том отношении, что Лига должна была быть основной частью мирных переговоров. В общем у меня создалось впечатление, что для американца Вильсон является более теоретиком, чем практиком, мыслящим более дедуктивно, чем индуктивно. В связи с этим меня интересовал слух, что он со своими министрами охотнее переписывается, чем говорит (сам печатал на машинке для них свои резолюции и советы); очевидно, он был несколько необщителен, — я в этом не видел недостатка; наоборот, это является ручательством спокойного и серьезного взгляда на политические вопросы. Я думаю, что он это доказал в отношении к Германии и решением начать войну: он не допускал, чтобы отдельные факты его возбуждали, но не забывал о них, и когда их набралось много, то весьма решительно объявил войну. Американский народ шел за ним. Войну он вел так же решительно, именно поэтому немцы против него так восстали. Людендорф хорошо понял вес ответов Вильсона на немецкие предложения перемирия и мира. Я не считал обоснованными обвинения (между прочим, исходившие и от Рузвельта) в том, что Вильсон должен был ранее объявить войну.

Вильсон был и есть одним из величайших поборников современной демократии. Уже в своей первой политической кампании за место губернатора в Нью-Джерсее он провозгласил веру в народ и доверие к нему основой демократии в противность монархизму и аристократии: народы обновляются снизу, а не сверху, монархия и аристократия всюду и всегда ведут к упадку. Это убеждение доказало свою правоту прямо грандиозно во время мировой войны — три великих монархии пали со своим аристократизмом, разбившись о демократические народы.

81.

Мой рассказ об изменении взглядов президента Вильсона на Австро-Венгрию был бы неполным, если бы я не указал еще на один источник, из которого черпал сведения об Австро-Венг-

рии президент Вильсон. Это был уже упомянутый проф. Геррон.

О профессоре Герроне читатель лучше всего узнает из его сочинений. Геррон — это один из тех американских идеалистов, для которых демократия является живой программой не только политической, но и моральной. Поскольку мне известно, проф. Геррон президента Вильсона в Америке лично еще не знал (во всяком случае, с ним много не встречался), лишь труды Геррона сблизили этих обоих людей, ибо Вильсон признал доводы американского профессора правильными и проникновенными. Проф. Геррон уже до войны был в Европе, а во время войны уехал в Швейцарию, где, как неофициальный поверенный Вильсона, вел переговоры со многими австрийскими политиками, особенно с осени 1917 г. и весь 1918 г.

Я познакомился с произведениями Геррона еще в Швейцарии и начал следить за его дальнейшей литературной и публицистической работой; я следил за американской политической публицистикой и особенно интересовался Вильсоном, так что я никак не мог пройти мимо проф. Геррона, о котором, кроме того, я уже кое-что слышал и до войны. И опять какая-то странная случайность привела меня к косвенным сношениям с проф. Герроном через Осуского.

После объявления войны Осуский чувствовал, что у него есть обязанность кое-что предпринять; он решил ехать в Европу, так как Америка в июне 1916 г., когда он именно решился, была нейтральной. Так как из-за подводной войны обыкновенные пароходы уже не ходили, он нашел транспортное судно, везшее военный материал, и таким образом пробрался ко мне в Лондон. Мне казалось, что молодой словак может принести пользу нашему делу пропагандой, а потому мы уговорились, что он поедет к д-ру Бенешу и научится французскому языку. Так он стал нашим сотрудником. Словацкая Лига в Америке, правда, дала ему инструкции, но, данные на расстоянии и без знания действительных условий, они не могли быть обязывающими. В 1917 г. Осуский одно время хотел вступить в войско.

В июле 1917 г. Осуский заехал как-то в Швейцарию. Ему показалось, что пропаганду против Австрии оттуда можно вести

успешнее, чем из Парижа, так как в Швейцарию почта доходила из Австрии и Внегрии более регулярно и скоро. Когда в октябре 1917 г. до Парижа дошло известие, что на мирный конгресс, подготовляемый в ноябре в Берне, приедут Карой и Яси, Осуский в октябре окончательно переехал в Швейцарию. Как американский гражданин он вошел в сношения с американской миссией; когда он услышал, что у проф. Геррона бывают многочисленные лица для переговоров, он представился ему, и общий интерес их скоро привел к совместной работе. Осуский владел не только немецким, но и мадьярским языком и, благодаря этому, стал незаменим не только проф. Геррону, но и американскому посольству; как раз посольству и некоторым газетам он оказал услугу тем, что уличил венгерского переводчика и корреспондента в том, что он допускал ложь в сообщениях из Венгрии. Перед этим Осуский помог Сетон-Ватсону уличить в подделках сообщений венгерского корреспондента «Morning Post». Очень скоро он начал подавать различные доклады американскому посольству и проф. Геррону, которые были посылаемы в State Departement в Вашингтоне, а некоторые прямо президенту Вильсону. Благодаря своему знанию венгерских дел и личностей, он мог осветить отступления от правды, которые дозволяли себе тогда Карой и Яси (даже самые приличные мадьяры в возбуждении от войны и полагаясь на незнание венгерских дел во Франции и Англии, допускали двухсмысленности, различные неточности, а иногда и подделку), так что даже мадьярофильские газеты, которые мадьяры хотели привлечь на свою сторону, признали и осуждали нечестность мадьяр.

Я ожидаю, что Осуский издаст когда-нибудь обширные воспоминания о своей деятельности и встречах; вполне понятно, что он мне все сообщал, а следовательно, и я могу рассказать кое-что относящееся к делу. О политических сношениях проф. Геррона в Швейцарии я кое-что слышал и из иных источников; об этом говорилось в политических кругах, да и сам проф. Геррон не делал из этого тайны.

Меня интересовали, конечно, главным образом некоторые австрийцы, мадьяры и немцы, посещавшие Швейцарию и проф. Геррона. Это были проф. Ламмаш (о его переговорах с проф.

Герроном опубликованы доклады их обоих), промышленник Мейнль из Вены, проф. Зингер («Zeit») и д-р Герц; далее, проф. Яффе из Мюнхена, д-р де Фиори тоже из Мюнхена (о его переговорах как будто в интересах баварского двора было недавно упомянуто в немецкой печати), депутат Гаусман из кабинета принца Баденского, проф. Квидде, Шейдеман, а также Кароли и проф. Яси и др. Посредником иногда бывал барон де Ионг ван Бек ен Донк, бывший голландский чиновник, о пропагационнной деятельности которого и о сношениях с австрийцами у меня были различные известия. У проф. Геррона бывали также югославяне — например, д-р Трумбич.

О сведениях, посылаемых проф. Герроном в Вашингтон, я слышал уже кое-что в Вашингтоне; для меня было важным, что президент Вильсон часть этих сообщений передавал Бальфуру. Позднее проф. Геррон большинство своих сообщений и меморандумов с ведома президента Вильсона посылал прямо Бальфуру, а тот сообщал их узкому кругу официальных лиц.

В Берне у проф. Геррона была возможность познакомиться со многими людьми из дружественного и враждебного лагерей; он виделся, по преимуществу, с представителями австрийских и венгерских народов и знакомился с их программами. Изучением и наблюдением событий он дополнял личные впечатления, а потому мог передавать президенту Вильсону не только желания своих политических посетителей, но и свои личные взгляды на них. Осуский оказывал проф. Геррону значительные услуги переводами и комментариями венгерских и других источников и самостоятельными меморандумами о главных событиях и личностях. Осуский, например, был в Риме на конгрессе австровенгерских народов и посылал о нем сообщения проф. Геррону; он также подавал сообщения проф. Геррону обо всем нашем движении дома и заграницей их вообще обо всем, что было важного в политическом отношении.

Проф. Геррон понял и оценил значение наших легионов; американский социолог не только видел то, как отдельные государства признавали наш Национальный Совет и принимали постепенно нашу антиавстрийскую программу, но и убедился, что наше освободительное движение серьезно и на основании

этого определял значение и задачу нашего народа для реконструкции Европы, особенно Европы восточной. Проф. Геррон увидел искусственность и невозможность существования Австро-Венгрии; он совершенно верно увидел в том, что Ламмаш, Герц и др. передавали ему для Вильсона, специфическую габсбургскую неискренность. Карл и его агенты хотели использовать Америку и Вильсона для своих целей.

Ламмаш (в начале февраля 1918 г.) изображал Геррону Карла, как противника прусского и венгерского господства и просил, чтобы президент Вильсон обратил внимание на речь Чернина от 24 января и высказал радость по поводу того, что Австрия готова мириться; после этого император должен был написать папе письмо, которое бы и опубликовал; в этом письме император обещал бы принципиально автономию всем народам. Проф. Геррону эти обходные действия не понравились, и он потребовал, чтобы император выступил сам и честно решился бы изменить форму правления своей империи; лишь при этом условии президент и вся Америка приняли бы и поддерживали бы такой план.

Задняя мысль всего этого предприятия видна на первый взгляд; не народам, а папе хотел император пообещать автономию, да еще при этом лишь в принципе. Главная забота заключалась в сохранении престижа: Вильсон должен был начать, исходя из речи Чернина, о которой, по словам Ламмаша, сам император полагал, что она недостаточно выражает его взгляды, хотя и была произнесена по желанию самого императора. Эти заботы о престиже проявились снова в письме императора к президенту от 17 февраля с просьбою прислать особого посла от президента; эта просьба произвела на президента дурное впечатление, как видно из отрицательного ответа (5 марта). Поэтому, когда Ламмаш уже 14 октября обещал переустройство Австрии в федеративное государство, на это не обратили внимания ни Геррон, ни Вильсон.

Более подробную программу подал проф. Геррону в сентябре д-р Герц. В ней обещано, что Австрия освободится от Германии и будет демократической; Австро-Венгрия претворится в конфедерацию самостоятельных государств. Герц не

говорит ясно, как были бы государственно организованы чехи, поляки и югославяне наряду с немцами и мадьярами; чехи были бы без словаков, Словакию бы чехи получили позднее «само собой». Польша была бы присоединена к Австрии личной унией; читай: русская Польша и польская Галиция. Познань, конечно, осталась бы при Германии. Трансильвания получила бы автономию. Италия бы получила Триентскую область (по плебисциту); Триест стал бы вольным городом, но в экономической связи с Австро-Венгрией. Малороссийская часть Галиции досталась бы Украине, наконец, Сербия бы могла присоединиться «при известных условиях» по собственному желанию к австро-венгерскому-югославянскому государству.

Таким образом еще в конце сентября Вена мечтала о своем увеличении, а Герц наивно полагал, что эта Великая Австрия была бы демократичной и антигерманской! Читаешь прямо как фарс, когда Герц говорит о свободном присоединении Сербии к новому югославянскому государству и при этом утверждает, что «давление не может быть допущено ни при каких условиях». Однако, я признаю, что Герц привел в защиту Австрии все, что было по-австрийски возможно.

На словах Вена и Будапешт соглашались с тезисами Вильсона, но в действительности хотели свое господство над нами и остальными народами не только продолжать, но еще и усилить. Проф. Геррон оценил весьма хорошо ту автономию, которую Австрия обещала народам. При всех важнейших случаях проф. Геррон сообщал президенту Вильсону эти свои взгляды, не скрывая убеждения, что Америка с Австрией не должна вступать в соглашение. И на это проф. Геррон указывал нам позже, когда Лансинг от имени президента и правительства передал нам официально признание нашего Национального Совета и его программы.

После мирного предложения Австрии 14 сентября, на которое Клемансо так резко ответил, проф. Геррон послал в Вашингтон ноту, которая по решительности и строгости ничуть не отличалась от приговора Клемансо; в тот же день Вашингтон дал уже приведенный лаконический ответ. В том же духе составлен и последний ответ президента Вильсона Австро-Венгрии,

Президент Вильсон не был проф. Герроном или мною настроен против Австро-Венгрии: американская демократическая программа президента-мыслителя привела его к тому, что он стал не только против прусского немечества, но и немецкого габсбургства. Война была не только вопросом мощи, военной организации и политики, но и моральным вопросом. Конечно, в Вене такой политики не понимали и с ней не считались. Американская демократия, вообще демократия погребла Австро-Венгрию и Габсбургов.

82.

После ответа президента Вильсона Австро-Венгрии, после нашей Декларации Независимости оставалось лишь продолжать в том же направлении. С этим было еще довольно много работы; Австрия, фальшивая до конца, бросала Германию и просила у Вильсона (27 октября) особого мира; она приняла его унизительное условие относительно нас, но толковала его себе все еще в свою пользу. Я послал об этом государственному секретарю Лансингу ноту (последнюю), объясняющую фальшь австрийской политики до самого конца; проф. Геррон также обратил непосредственное внимание президента на то, чтобы он не имел никаких дел с Австрией, что она уже является политическим мертвецом.

На всякий случай я хотел еще добиться признания Бельгией и Грецией. Об этом мы начали в Вашингтоне переговоры (13 ноября) с послами; официальное признание пришло в Париж из Афин 22 ноября, а из Брюсселя 28 ноября.

Всеобщее внимание, как в Европе, так и в Америке, во второй половине октября и в первой половине ноября было обращено на быстроту, с какою шли отдельные сцены заключительного акта мировой трагедии, начавшейся русской революцией, — распадается Австро-Венгрия, падает прусская Германия. В Вене разразилась революция (21 октября), то же случилось и в Венгрии (Тиса был убит 31 октября); из Австро-Венгрии образуются самостоятельные государства: австрий-

ское, чехословацкое, югославянское, венгерское. В Германии началась революция в Киле восстанием матросов (28 октября), в начале ноября подняли восстание Гамбург, Любек, Бремен, Мюнхен, Берлин. Рейхстаг изменил конституцию (парламентаризация империи), Людендорф подает в отставку; 9 ноября и имперский канцлер Макс Баденский сообщает, что император и наследный принц отрекаются от престола; он сам отказался от своей должности; его место занял социал-демократ Эберт; 10 ноября Вильгельм бежит в Голландию; после императора исчезают в революционном провале все немецкие династии; наконец, отрекается и Карл. В тот же день (11 ноября) Эрцбергер с Фошем и адмиралом Вемиссом подписывают перемирие, спасшее Германию от сдачи армии и потери вооружения; австрийская армия, особенно на итальянском фронте, была уже совершенно деморализована, — германская вернулась в довольно сносном порядке. Как всегда, история и при этих великих событиях охотно предавалась символам и иронии: берлинский университет (20 октября) высказался за новый режим и прямо за социал-демократию; первая за отречение императора подняла голос «Frankfurter Zeitung» (24 октября), и уже после нее социал-демократия (28 октября); глава социал-демократической партии становится имперским канцлером. Шейдеман объявляет со ступеней Рейхстага республику, социал-демократы берут в свои руки власть.

Во всем этом меня занимали события на родине, а главным образом переворот 28 октября; первые сообщения были путаные; о встрече делегации Национального Комитета с д-ром Бенешем в Женеве у меня сначала были также сведения неполные и даже тревожные. Австрофилы утешали себя, что Габсбурги еще удержатся; первое сообщение д-ра Бенеша (5 ноября) объяснило до известной степени положение, а отречение Карла убедило даже австрофилов в правильности нашей иностранной политики.

В сообщениях Бенеша также говорилось, чтобы я ехал, как можно скорее домой. Я тогда уже собирался в дорогу. Приятной была весть о декларации словаков в Турчанском Святом Мартине (30 октября). За то меня беспокоили сообщения о сепаратистическом движении немцев и их попытках орга-

низовать «Deutschböhmen»: когда же начали сообщать, что возникают также «Sudetenland», а позднее «Deutschmähren» и даже «Böhmerwaldgau», то мои опасения рассеялись; такая раздробленность сама была сильным аргументом против отделения. Однако, вопрос о наших немцах оставался все же важным. Американцы и англичане держались абстрактной формулы самоопределения.

Я обратил серьезное внимание на постановление немецко-австрийского временного парламента от 12 ноября, которое гласило, что «немецкая Австрия является частью германской республики».

До меня доходили также странные сведения из Швейцарии о нашей пражской делегации; я слышал, что Вена вела переговоры с нашей делегацией и хотела бы вести и со мной. Поэтому я послал из Лондона в Швейцарию особое доверенное лицо, чтобы оно на месте собрало более верные сведения о том, что хочет еще предпринять Австрия после женевской конференции и переворота в Праге. Сведения должны были мне быть переданы в Лондон.

В Вашингтоне я также услышал, что император Карл свое последнее предложение Вильсону сделал по соглашению с Ватиканом. Судя по всем обстоятельствам, мне как-то не верилось, чтобы Ватикан еще так рисковал из-за Австрии; правда, Карл и его приближенные, как видно из плана, предложенного Ламмашем Геррону, в тяжелые моменты находили утешение в союзе с папой, но политика Ватикана была тогда уже очень осторожной. В действительности, по более поздним сообщениям, Карл ноту Андраши Вильсону послал одновременно и папе, ожидая, очевидно, что святой отец что-нибудь предпримет. Были ли о таких действиях предварительные уговоры, я не мог удостовериться.

Когда 14 ноября в Праге была объявлена республика, а я избран президентом, я послал нашим солдатам во Франции, Италии, России и Сибири приказ, уведомляющий о возникновении нашего государства и задачах войска: французское и итальянские легионы скоро вернутся домой, а в России и в Си-

бири наши молодцы должны еще потерпеть бок-о-бок с союзниками.

Вследствие того, что Национальный Совет превратился во Временное правительство, признанное союзниками, русское отделение Национального Совета было ликвидировано 14 декабря; генерал Штефаник, назначенный военным министром, стал наивысшей административно-военной инстанцией в Сибири.

15 декабря я был последний раз у президента Вильсона, чтобы сердечно его поблагодарить и уверить во всеобщей благодарности нашего народа. Теплым было прощание со всеми нашими политическими друзьями и приверженцами; я простился с государственным секретарем Лансингом и остальными знакомыми членами правительства и чиновниками. Сердечным было прощание с послом Жюсераном и его супругой и со всеми его коллегами.

Приготовление к мирному конгрессу были почти закончены; я знал от Лансинга, что он в свое время составил для себя программу, в общем близкую нашей точки зрения.

Пропагационная работа, однако, еще не была закончена; газеты хотели интервью от нового президента. Было их значительное количество.

После избрания меня президентом республики американское правительство открыло нам кредит. Рядом с идеальными движениями души и симпатиями государственный долг бывает иногда также действительным средством политической взаимности; я вел переговоры с американскими финансовыми деятелями, стараясь обеспечить заем. Первый заем в 10 миллионов долларов я действительно перед отъездом и подписал.

20 ноября в 12 часов дня (в Праге новые республиканцы в этот момент только-что вставали с постелей) наше судно «Carmania» отчалило от Нью-Иоркской пристани. При отъезде из гостиницы (Вандербильт) я был неожиданно поражен первыми военными почестями, которые мне были оказаны, как президенту (часть матросов ожидала меня при выходе из гостиницы) — эти военные почести, оказываемые мне при каждом приходе и отходе, при каждом посещении, всюду и везде постоянно напоминали мне, что я перестал быть частным лицом...

VIII

МИРОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ГЕРМАНИЯ

Из Вашингтона в Прагу через Лондон, Париж, Падую.
20 Ноября — 21 Декабря 1918 г.

> «Славяне сами не вызовут эту борьбу. Пусть военное счастье некоторое время склоняется нерешительно то туда, то сюда, я все же уверен, что немцы превосходством своих неприятелей на востоке и западе будут побеждены; а потом могло бы прийти время, когда немцы начнут проклинать память ими чтимого гениального человека пяти миллиардов, — это будет тогда, когда они будут принуждены вернуть миллиарды еще с процентами».
>
> *Франтишек Палацкий:*
> «Послесловие к 1874 году».

83.

Наконец, снова на море и уж без страха перед немецкими подводными лодками! Последний удобный случай для отдыха и для проверки совести; но президентство мешало этому. Не только на американском материке, но и на корабле я замечал на каждом шагу, что потерял свою личную свободу и частное положение — теперь я стал общественным, официальным человеком, официальным постоянно и всюду. Так этого хотели и настойчиво требовали не только наши, но и чужие граждане;

власти приказали сторожить новоиспеченного правителя своим тайным полициям даже на корабле...

Приятной для меня случайностью было то, что мы отплыли в день рождения моей жены; мы отпраздновали этот день с нашей Ольгой скромно обычным количеством роз и воспоминаниями — нет, не воспоминаниями, а мыслями и чувствами двух близких друг другу душ, разделенных пространством; ведь это что-то иное, чем воспоминание.

Море, море! Мозг и нервы отдыхают. Море, только море и небо, ночью и днем; шум машины и ворчание винта не мешает. За время пребывания заграницей я отвык от регулярного сна; не думаю, чтобы за все это время я спал как следует пять ночей; мозг все время в деятельности, как заведенные часы, он взвешивал, сравнивал, считал, отгадывал, что может принести завтрашний день на полях сражения, в министерствах различных государств — это было постоянное измерение расстояния и уклонения от нашей цели. Море успокаивало нервы; успокаивал и осмотр корабля; как всегда, я осмотрел и «Карманию» и дал офицерам возможность объяснить, в чем пошло вперед мореплавание. Я вспоминал о своей первой поездке (в 1878 г.) из Франции в Америку и тогдашнее, довольно несовершенное судно. Тогда я ехал в Америку, как неизвестный человек, без положения, но полный надежд и готовности к работе; теперь, я возвращался как президент, также питая надежду, что мне удастся и дальнейшая работа.

После того, как я был выбран в президенты, еще в Америке, а потом в Англии и дома много, очень много людей ставили мне стеореотипный вопрос, как я себя чувствую в роли президента после того, как добился нашей независимости. Само собой разумеется, что я должен быть абсолютно счастлив. В Праге меня посетил знакомый писатель из Германии лишь для того чтобы увидеть собственными глазами действительно счастливого человека. Счастливого?

Как президент я думал лишь о продолжении работы и об ответственности, которая останется после войны всем, кто будет политически мыслить и работать. Счастливым, более счастливым, чем раньше, я себя не чувствовал; мне, однако

доставляло удовольствие сознание внутренней связи, если хотите логики, продолжительной жизненной деятельности: от ревизии личной жизни и своей заграничной деятельности я перескакивал к ревизии мировой войны и политического развития Европы от 1848 г., года моего собственного рождения, и искал в массе подробностей красную нить законного развития.

Итак, мы будем свободны, у нас есть независимая республика! Сказка, — я снова и снова повторял это, иногда бессознательно, иногда нарочно громко: мы действительно сво-бод-ны, у нас наша рес-пу-блика!

Мне не хотелось говорить — целыми днями я ходил по палубе, глаза блуждали по морю, а в голове стучали эти новые задачи, ожидания мирных переговоров и их постановлений, одна забота больше другой! А одновременно с планами на будущее я приводил в порядок главные события четырех лет войны и просматривал свою личную освободительную работу.

В этом вихре мыслей мне становилось ясным лишь одно: при всей науке и философии, при всей разумности и мудрости, при всей осторожности и дальнозоркости — ход жизни отдельного человека и народа складываются до известной степени иначе, чем хотим, желаем и делаем; и все же в этом ходе есть логика, которую мы открываем ex post. Планы и все усилия действующих политических вождей, тех, кто делает историю, представляется как vaticinatio ex eventu.

Во все время войны я постоянно сравнивал обе воюющие стороны, их планы и усилия. На стороне немцев была очевидная подготовленность и обдуманность целого, огромного действия, а также самоуверенность, с какою они определяли будущее развитие собственного народа, Европы и целого света; но в конце последствия открывают роковые ошибки народа, бесспорно великого, народа мыслителей и во многом учителя всех народов. На другой стороне были союзники, которые и сами по себе и в общем не представляли целого: с самого начала у них не было положительного плана (выиграть войну хотели обе стороны, но это не план), они делали большие политические и стратегические ошибки, и все же победа досталась им; это случилось не только благодаря собственному превосходству, но и из-за

ошибок врагов. Битва у Марны является для меня таким примером массовой человеческой слепоты; допустим, французы сами не ожидали победы, как это допускают даже некоторые французские стратеги, и что немцы проиграли лишь из-за ошибки подчиненного офицера, ставшего известным по литературе о Марне полковника Гентше; не становится ли от этого вопрос «почему» еще более острым? Или вот другой пример: в 1917 г. и в начале 1918 г. австрийцы и немцы могли добиться от союзников мира, благодаря которому мы и иные освобожденные народы получили бы меньше. Союзники были готовы заключить мир, некоторые из них сделали бы это даже очень охотно: ясное, честное слово о Бельгии и открытое отделение от Германии смягчили бы Францию и Англию по отношению к Австро-Венгрии; неискренность официальной политики Вены и Берлина, неудержимое стремление к господству и ослепление способствовали тому, что союзники выдержали и победили. Кто ожидал в начале войны падения России и появления коммунистической республики, кто предвидел эту революцию, которая всюду возникла из войны и изменила политическую внешность Европы и всего мира?.. Мудрый Шекспир уже давно сказал прекрасно об этом: «Our indiscretion sometimes serves us well, When our deep plots do fail: and that should teach us there's a divinity that shapes our ends, rough-hew them how we will».*)

Из того, что Провидение заботится о нас и о мире, вытекает вовсе не фатализм бездеятельности, но, наоборот, оптимизм синергизма, строгий приказ усиленной работы, работы ума. Лишь в таком случае мы смеем ожидать так называемой счастливой случайности, этой внутренней логики жизни и истории, и полагаться на помощь Божию.

Из деятельности заграницей и изо всей жизни я находил в своих воспоминаниях примеры того, как мне не удавались мои планы и как несмотря на это результаты моих стараний

*) В. Шекспир — Гамлет, принц датский, V акт, 2 сцена. В переводе: Наше неуменье предвидеть нам иногда оказывает хорошую службу там, где не осуществляются наши стремления; это должно было бы научить нас, что боги создают наши цели, хотя начерно мы и можем высекать, как нам угодно.

были лучше, чем мои мудрствования. Как, например, я волновался от нетерпения, когда союзнические войска не наступали достаточно быстро, а сколько, как раз, помогла нам затяжная война, благодаря которой мы смогли стать известными своей пропагандой и могли принять участие в войне своими войсками! Если бы союзники скоро победили, то мы бы не добились независимости: Австрия осталась бы под какой-нибудь формой. Я налегал на Прагу, требуя, чтобы депутаты и журналисты приехали ко мне за границу; их не послали, дело было сделано без них, а теперь, когда я хорошо обдумываю все происшедшее то полагаю, что мы остались одни к лучшему: мы должны были напрячь все силы и могли работать более систематично и дружно. Также неожиданно нам принес пользу сибирский анабазис и мн. др. Из более старых лет я вспоминал и теперь вспоминаю как мне не хотелось уезжать в 1882 г. из Вены в Прагу; и тогда у меня уже были планы мировой борьбы, а вместо этого я должен был в Праге погрузиться в изучение нашего народа и принять скоро участие в его политике и т. д., — жить всегда одним только умом — безумие!

А сколько со мной всегда было этих счастливых случайностей дома и заграницей. Счастливой случайностью было то, что по объявлении войны я мог обосновать для полиции свою поездку в Голландию и что вообще у меня был заграничный паспорт на три года, данный незадолго до войны; во время войны мне бы его уже не дали. (Я узнал лишь теперь, что начальник полиции Кржикава попал в немилость за то, что выпустил меня заграницу). Лишь благодаря счастливой случайности я проскочил на границе в Италию; у пограничного чиновника были большие сомнения относительно того, можно ли меня пропустить, а до тех пор, пока на его запрос пришел телеграфный ответ, я успел ускользнуть. Из Швейцарии я хотел еще раз заехать домой, я доставал уже для этого визу, но друзья в Праге своевременно узнали о том, что меня сейчас же бы арестовали и подвергли наказанию. Такая же счастливая случайность была в 1916 г. и с поездкой в Париж (из Лондона). Я сговорился, что приеду на пароходе «Sussex», но для д-ра Бенеша срок не годился, и он мне телеграфировал, чтобы я не

ехал, «Sussex» был потоплен немцами и, как известно, это потопление было причиной энергичного американского протеста. Также во время путешествия из Шотландии в Норвегию я ехал на пароходе, который лишь благодаря присутствию духа капитана был спасен в последний момент от взрыва немецкой миной. А сколько таких счастливых случайностей я пережил во время революции и боев в Петрограде, Москве и Киеве. Если бы я был более суеверен, то мог бы впасть в ошибку Вильгельма, считавшего себя орудием в руках Божиих. Но вера в теологию, повторяю, не должна соблазнять нас ни на бездейственность, ни на гордыню, — никогда не забывайте, что не о нас одних заботится Провидение. Ведь то же самое может о себе сказать д-р Бенеш, которому удалось организовать в Праге, на глазах у полиции маффию, и который благополучно выбрался заграницу. А еще с каким паспортом! Когда он мне показал паспорт, с которым перебрался через границу, то я прямо испугался — так он был неумело нацарапан и переправлен, что я бы догадался с первого взгляда. А вот немецкий таможенный чиновник не догадался. А когда я во время революции в России выбирался благополучно из уличных сражений, то в большинстве случаев я не был один, а с Гузой, с которым тоже ничего не случилось. Припоминаю и иные такие счастливые случайности: мы шли с Клецандой на киевский вокзал к Муравьеву — вдруг выстрел, и пуля перед нами вонзилась в телеграфный столб; мы оба почувствовали, как она пронизала воздух — очевидно, одно и то же Провидение бодрствовало над нами обоими.

Не раз я слышал насмешки, что профессора Вильсон и Масарик, профессора и ученые Бенеш и Штефаник решают мировую политику — профессорское звание в данном случае не играет значения. Есть профессора и профессора. Решающим было то, что мы, по крайней мере, мы трое добились своего профессорства и своего положения вообще работой и трудолюбием, что я родился бедным и никогда не разбогател; благодаря всему этому я приобрел знание людей, жизни и сделался, при всей своей теоретичности, практичным. Но как часто и горько я укорял свою судьбу, а именно она мне и помогла! То же самое можно сказать о Бенеше и Штефанике. А профессором я никогда

не хотел быть; мой план состоял в том, чтобы стать дипломатом и политиком. Я был совершенно несчастен, когда я не мог попасть в Вене в академию восточных языков и добиться дипломатической карьеры; а в конце концов — все же я политик и дипломат! Я не хотел быть профессором, но судьба меня рано привела к учительству; после недолгого учения ремеслу я стал учителем и обучением я зарабатывал себе на хлеб, будучи еще гимназистом и студентом; не миновало позднее меня и профессорство, оно помогло мне и в политике; во всяком случае, оно не вредило.

В философии я стремился к научной философии, к научной точности, к конкретности и реализму; я боялся слишком школьной философии, этого пережитка и продолжения средневековой схоластики. Особенно мало меня привлекала и удовлетворяла метафизика. Философия для меня была, главным образом, этикой, социологией и политикой; по ученому нужно было бы сказать, что я являюсь активистом, быть может, и волюнтаристом — всегда я был деятелем и работником. Я никогда не признавал расхождения между теорией и практикой, т. е. между правильной теорией и правильной практикой; я противился всегда одностороннему интеллектуализму, а также практике без мысли. Платон был моим первым и главным политическим учителем; после Платона Вико, Руссо, Конт, Маркс и др. Первый мой более обширный труд «Самоубийство» дает in nuce философию истории и анализ современной эпохи; здесь я впервые выдвинул важность и необходимость религии для современного человека и общества. Свою метафизику я переживал в искусстве и, главным образом, в поэзии; поэзия мне также помогала в политике, конечно, поэзия реалистическая. В течение всей своей жизни я был, правда, читателем философских и научных трудов, но одновременно и беллетристики и литературной критики. Я сознательно развивал образность, но от фантастичности я спасался благодаря науке и ее точности. В науке всегда идет дело о нахождении правильного метода; я стремился к критицизму в противовес поверхностности, налегал на точный, безжалостный анализ также в социальной и исторической областях. Но анализ для меня был не целью, но лишь

средством; с самого начала синтез и организация характеризовали мое стремление. Доказательством этого могут быть все мои произведения.

Я совершенно не жалею о своих выступлениях против Краледворской и Зеленогорской рукописей, как и обо всей своей деятельности как критика, хотя в воспоминаниях мне иногда бывают неприятны ошибки, которые я сделал.

Мои противники под предлогом, что отечество и национальное сознание находится в опасности, жаловались на мой рационализм, хотя я был принципиально против одностороннего рационализма, забывающего о чувстве и воле и их психологическом и этическом значении. Конечно, я не признавал каждое чувство. До чего дошло тогдашнее Пошехонье, видно из того, что я должен был доказывать перед судом, что мой труд о самоубийстве не проповедует самоубийства! И т. д.

В политике я наблюдал и изучал людей так, как критиковал и изучал характеры в современной поэзии, в романе. Для политической организации необходимо знать людей, выбирать их и давать им задания. Скоро я усвоил себе такое прямо монографическое наблюдение людей, с которыми я встречался и которые стояли на первом плане общественной жизни. Я собирал всевозможные факты о своих друзьях и противниках; отыскивал биографические и иные сведения обо всех политически деятельных людях. Прежде чем я вошел в сношения с политиками и государственными деятелями, я прочел их труды или речи и ознакомился с ними всевозможным образом. Эта особенность проявлялась у меня с самого детства; около четырнадцати лет, когда я должен был стать учителем, мне в руки попалась физиогномика Лафатера; я читал ее с огромным интересом, понимая ее значение для учителя. От этого у меня по всей вероятности осталось постоянное изучение людей. И себя!

Скоро после переезда в Прагу я начал принимать участие в политике и пришел в сношение со всеми нашими руководителями. Первоначальная депутатская деятельность в парламенте и в сейме (1891—1893) мне нравилась, но не удовлетворяла меня; меня душила партийность, партийная узость, церковность малых партий и партиек. Главным же образом, я чувствовал не-

обходимость достичь большего политического образования и найти сотрудников; я еще не был зрелым. Для меня была важна не только политика в парламенте, но политика в более широком смысле: политика культурная, политика, как я говорил, неполитическая и, конечно, публицистика. Поэтому после первого пребывания в парламенте я погрузился в изучение нашего возрождения, в изучение Добровского, Коллара, Палацкого, Гавличка и современников. Я искал поучения для дальнейшего развития нашего народа, поучения относительно наших целей и нашей главной работы в дальнейшем.

Чешский вопрос я всегда понимал, как мировой вопрос; из этого проистекало постоянное сравнение нашей истории с историей целой Австрии и Европы вообще; единой целью всей моей публицистической работы и всех произведений было, так сказать, вчленить наш народ в организм мировой истории и политики. Благодаря тому, что мы жили под фирмой Австрии, Европа о нас мало знала. Отсюда — мои постоянные путешествия по Европе и Америке, изучение главных культурных земель, их истории, философии и литературы. Я знал по личным путешествиям и наблюдениям Австрию, Германию, Америку, Англию, Россию и Балканы, Италию; во Францию я не ездил потому, что с гимназических лет я изучал ее язык и культуру и внимательно следил за ее развитием. Это знание света пригодилось мне во время войны; в такой же мере и знание языков, благодаря которому я мог иметь непосредственное сношение с людьми.

Во второй период своей депутатской деятельности (с 1907 г.) я изучал прилежно Австрию и всю ее структуру. Я собирал в Вене и всюду все, что касалось императора, целого двора и всего Габсбургского рода; Франца-Фердинанда, Фридриха и др. я наблюдал во всех подробностях. Я всегда бывал на заседаниях парламента, но часто читал там политические книги и особенно мемуары. По обязанности депутата я вникал в государственный аппарат и наблюдал этот управляющий механизм. Я занимался также усиленно наблюдениями и изучением армии; припоминаю, например, как я розыскивал в Вене биографические данные о Конраде фон-Герцендорфе, когда о нем начали

говорить; не раз у нас были о нем с Махаром разговоры, скорее даже споры, потому что я его не ставил так высоко, как мой друг. У меня в войске было несколько знакомых и друзей, которые прошли венскую военную школу и могли осветить мне все устройство австрийской армии, особенно же высший командный состав. Я был хорошо осведомлен о военных австрийских планах.

Зачем я все это делал? Мыслящие люди могли это понять по моему постоянному интересу к проблеме революции; отсюда и мои рассуждения об историческом и естественном праве в связи с вопросом об основе истинной демократии. Из этого у меня произошел конфликт с правящей партией по поводу тактики; то же самое было и с нашими радикалами. Я, конечно не мог им сказать, почему меня так занимает, собственно, даже беспокоит вопрос революции; я ожидал, что настанут такие условия, при которых я буду принужден разрешить этот вопрос практически; признаюсь, я желал, чтобы эта чаша миновала меня. Быть может, я был несправедлив к радикалам в вопросе об Омладине; это было начало, первые попытки, которые имели, бесспорно, воспитательное влияние. Я расходился и теперь расхожусь принципиально с радикализмом: из наблюдения современной истории, из изучения прошлого опытный человек, мыслящий политически и исторически, извлекает для себя политическую программу, которую последовательно осуществляет. Коротко говоря, политик, государственный деятель идет своим путем, осуществляет свою идею — радикалы бывают часто слепы так же, как и реакционеры, одни и другие делают как раз обратное тому, что делает их противник, живут на счет совести своего противника. По этой же причине я отвергаю так называемую золотую середину, бессмысленную политику и тактику болтания от стены к стене.

Знание славянства, особенно югославян и русских, привело меня к борьбе с Эренталем из-за австрийской политики на Балканах; наше обычное славянофильство мне было несимпатично. Мне была противна эта славянская болтовня, то, что раз уже осудил Неруда; я не мог спокойно переносить этих патриотов

и славян, которые не научились азбуке, а с русскими и вообще иностранцами должны были говорить по немецки.

Живо припоминаю, как меня корили мои ближайшие коллеги, когда я занимался пересмотром словацкого вопроса когда я ему оказывал особое внимание в «Naší Době» и в «Čase». Мне не было довольно абстрактной и узко политической национальности и любви к отечеству, незнания действительного народа в Чехии, Моравии и Словакии. С детства я чувствовал себя конкретно чехом, что проявлялось в понимании характеров, взглядов и жизни моих земляков там в Словакии, а с течением времени в Моравии и в Чехии. И Прага дает, конечно, такие же права как Чейковицы или Быстричка; но в Праге слишком много людей, которые живут не бытом Малой Страны*), описанным Нерудою, а отвлечениями и фантазиями, нажитыми в кофейнях и трактирах. Это касается, конечно, всех городов, есть и у других народов, но от этого не становится менее отталкивающим. Свою принадлежность к чехам и словакам я чувствую, так сказать, по деревенски, диалектически; философски же я чувствую с Гусом, Хельчицким, Жижкой и т. д. вплоть до Гавличка.

Дома и в Вене меня давило Пошехонье; и пражское Пошехонье, и также венское, вообще австрийское. Незначительность лежит не в географии, но в людях, характерах, нравах. Мировой масштаб нельзя приобрести лишь обычным путешествием, официальными международными и междугосударственными сношениями; он приобретается только духовным углублением в жизнь отдельных лиц, народов и всего человечества.

Правда, я имел особое преимущество и счастье в том, что мой жизненный путь скрестился с жизненной дорогой Шарлоты Гарриг; без нее я бы не уяснил себе смысл жизни и свою политическую задачу — таким образом, Америка совместно с Францией мне, а через меня и народу, помогла более всего достигнуть свободы...

Я лишь намечаю, как меня подготовляла моя жизнь к роли, данной мне мировой войной; я лишь намечаю, как понимаю

*) Одна из старинных частей Праги. — *Прим. перевод.*

телеологию в жизни отдельной личности, народа и человечества и как жизнь личности органически соединяю с общей жизнью.

При всей своей политической энергии, могу сказать с чистой совестью, что я никогда не выступал без вызова и никогда мне не хотелось быть на глазах у людей. Например, борьба из-за рукописей — я был вызван и даже принужден ее вести; процесс Гильснера — меня прямо спровоцировали споры с Эренталем из-за загребского и фридъюнгова процессов — мои хорватские ученики прямо вытащили меня из Праги и т. д. Мои литературные работы являются тоже в значительной степени ответами на настойчивые вопросы. Огромная правда кроется в поговорке: bene vixit, qui bene latuit. Это относится не только к монахам, но и к политикам. Si parva licet componere magnis: Бог управляет вселенной, а никто его не видит, и наверное он не радуется славословию несчатных священнослужителей.

И другое правило: не хотеть быть всегда первым, достаточно быть вторым, третьим. И этого многие не понимают. Я очень решительный индивидуалист, но знаю, что я не один и живу не только собой, но и жизнью и трудами предшественников и современников. Наблюдательный практик, политик убедится скоро, что под солнцем мало нового, а что своего он вносит еще меньше; кроме того, в политике мы должны думать не только об организации, ведении и творчестве, но и в совместной работе и дисциплине. Быть может, каждый человек хочет быть каким-то Наполеоном, но одинаково нормальный человек и слушается, охотно слушается.

Нельзя и без третьего: терпение необходимо в жизни! Во всем, всюду, особенно же в политике. Без терпения не может быть истинной демократии — пусть демократ будет неудовлетворен, пусть его нельзя будет легко удовлетворить, но нетерпеливым он не смеет быть. Терпение — вот поручка гуманности.

На корабле мы получали по беспроволочному телеграфу сведения о последних событиях на фронте и в Европе вообще, — мысли, помимо воли, возвращались постоянно к войне. Вспоминаю опубликование баварским правительством документов по вопросу о вине в войне и заявление по этому поводу бывшего

канцлера Бетмана-Гольвега; Фош вступил в Страсбург (25 ноября) и, наконец, 28 ноября Вильгельм торжественно отрекся от престола и власти манифестом, помеченным Голландией. Этим актом он не только отрекся, но и признал революцию.

Немцы начали свое последнее наступление, будучи убеждены, что брест-литовский мир им обеспечивает победу; все внимание могло быть отдано усиленному фронту во Франции. Невозможность прорвать фронт и победить союзников, несмотря на известное количество местных успехов, увеличивает окончательное поражение; немецкая теория о «Dolchstoss», о том, что будто бы победа союзниками была достигнута исключительно вследствие деморализации армии социалистической агитацией и революционизированием внутри, не выдерживает критики. А если бы даже это было верно, то было бы лишь новым доказательством недальновидности немцев и большого незнания собственных, домашних условий жизни. Если в этом случае думают об особом влиянии немецкой социал-демократии, то тогда необходимо указать и на влияние социалистов и пацифистов и в союзнических государствах — у французов ведь тоже есть своя теория о «кинжале», помешавшем наступлению Фоша за Рейн. В общем, во всех воюющих землях росла одновременно усталость и отвращение к войне и всюду по одинаковым причинам и основаниям.

С самого начала я следил внимательно за развертыванием действующих войск, их стратегией и тактикой и пришел к заключению, что французы своей стратегией и тактикой превосходят немцев. Сначала я опасался, что преимущество будет на немецкой стороне; но развитие войны меня убедило, что пруссаки, именно вследствие своего пруссачества, т. е. внешнего порядка и механизма, слабее французов в военном отношении. Прусский абсолютизм, а в последнее время влияние императора вредили войску; оно окостенело, бюрократически надеялось на свою организацию, на количественный перевес, на некоторые свои преимущества, как например, скорое перебрасывание войск по хорошо проложенным, в стратегическом отношении, железным дорогам и т. д. Французскому войску была на пользу республика и большая свобода, проникающая также и в армию и.

дающая место критике. Не оправдалась и немецкая тактика, полагающаяся на сомкнутые фалангой ряды и обход неприятеля; французы действительней оперировали с более короткими рядами, расставленными друг за другом с промежутками. Немцы были и в военном отношении централистами и абсолютистами, а французы индивидуалистами и республиканцами. Французы во время войны сами называли свою тактику «le système D», т.е. «se débrouiller» (самому найтись), французский солдат умел, как индивидуалист, выбраться из каждого положения.

Стратегический план Шлиффена, как я часто слышал от французских и немецких специалистов, был хорош, но не годился для мировой войны; быть может, это случилось потому, что Мольтке его неудачно изменил (он слишком растянул западную армию, почти до Швейцарии, тогда как Шлиффен хотел лишь до Страсбурга), или, быть может, из-за того, что он превратился в бюрократическую схему; я склоняюсь к этой второй альтернативе.

Я хотел ориентироваться при помощи военных специалистов в шлиффеновском и в двухфронтовом планах уже по той причине, что географическое положение и границы нашего будущего государства отсылали к аналогии с Германией. Меня интересовало то, что у немецкого верховного командования уже в более раннюю эпоху были колебания и несогласия. Дело касалось того, против кого из неприятелей в двухфронтовой войне поставить главную военную силу — против Франции или против России? При этом немцы руководствовались наставлениями своего главного военного учителя Клаузевица, который советовал нападать всегда на наиболее сильное место. Кто в таком случае был сильнее, русские или французы? Мольтке старший в позднейшее время хотел прежде броситься со всей силой на Россию, а на западе быть в оборонительном положении; это соответствовало политическому положению — Англия тогда была настроена против России (план Мольтке был разработан детально в восьмидесятых годах). С Мольтке были согласны Бисмарк и Вальдерзе, начальники генерального штаба после Мольтке. У Шлиффена (занял место после Вальдерзе в 1891 г.) было нелегкое положение, ибо он выступал против

авторитета Мольтке и склонялся ко взгляду, что главный удар должен быть направлен против Франции; Австрия должна была ударить на Россию. Главный штаб с императором решились на главный удар против Франции; по некоторым сведениям план Шлиффена идет, собственно, от императора Вильгельма.

В 1914 г. политическая ситуация значительно изменилась: Англия шла с Россией и Францией, а к Англии присоединились Италия и Америка. Силы и их распределение были иные, чем при старшем Мольтке. Оккупация Бельгии вела также к тактическим изменениям, с которыми не были хорошо согласованы главные пункты Шлиффена. Мольтке младший принял для войны 1914 г. план Шлиффена, но после битвы у Марны противился ему и возвращался к плану своего дяди Мольтке старшего. Но для этого уже было поздно и это доказывает лишь, как немецкое командование было дезориентировано. До известной степени дела пошли по плану Мольтке старшего, т. к. на востоке немцы победили русских и вели наступательную войну, а во Франции они были осуждены к позиционной войне, то-есть собственно к обороне. Французы органически приспособили свою тактику к меньшему количеству войск, в то время, как немцы слишком полагались на свое традиционное количественное превосходство. Когда против них рядом с французами выступили остальные союзники, они не сумели во время изменить план и тактику; при начале последнего наступления в 1918 г. у них был количественный перевес или, по крайней мере равновесие. Немцам не доставало живости и изобретательности на фронте, они поражали подробностями (например, дальнобойными орудиями) — хорошие, честные генералы, но ни в коем случае не военачальники; с этим связана неспособность к единому, большому начинанию, самообман при помощи маленьких частичных действий и успехов. Особенно для меня было загадкой, почему немцы так усиленно и упорно хотели взять Верден — если бы они в 1916 г. (во время Штюрмера!) перебросили большую часть войска в Россию!

Быть может, военачальники в этой войне — и не только у немцев — не выявили и не могли выявить себя. Впервые война была, в настоящем смысле слова, войной масс, целых народов,

демократической войной, если можно вобще употребить это слово в такой связи. Военный демократизм, кажется, проявляет себя в том, что в огромной армии решает не один, а несколько военачальников; вся война и отдельные битвы выигрываются благодаря соответствующей координации отдельных самостоятельных армий. Уже Вольтер отметил, что теперь нельзя совершить ничего великого с величайшими армиями: военная сила удерживается в равновесии, а потому из такой войны проистекает лишь народное бедствие. О мировой войне это можно сказать в значительной мере.

Поражение Германии произошло не только благодаря военным недостаткам; война, как вполне правильно сказал Клаузевиц, это — политика другими средствами; вся немецкая точка зрения на европейское и мировое положение, как и на собственный народ, была ложна.

Пангерманский план — немецкое войско, офицерство были ориентированы пангермански — был ученый, но в то же время неправильный. Немцы неверно определили военные, политические и экономические силы; переоценивали себя и своих союзников и недооценивали своих противников; до самого конца они упрямо не верили в военную мобилизацию Америки, как вначале недооценивали Англию. На примерах они доказывали, что американцы не могут перебраться через море; в своей фантазии они совершенно неверно увеличивали силу своих подводных лодок, уже недостаточных по количеству. Германия совершенно непонятным образом обманывала себя относительно Австрии, продолжая это делать и тогда, когда с самого начала можно было видеть бездарность австрийских военачальников в Галиции и Сербии. Бездарность Австрии и Германии, думаю, доказывает наступление на Италию; мне казалось, что лучший, более энергичный австрийский и немецкий военачальник мог бы лучше воспользоваться северной Италией против Франции. Но для чего эти военные рассуждения штатского человека — у Германии и Австрии в 1918 г., когда Россия и Румыния вышли из рядов воюющих, числом было не многим меньше войска, чем у союзников, на французском фронте обе стороны сравнялись в численности — а все же, в конце концов, немцы были пораже-

ны. Nota bene, англичане и американцы свои армии импровизировали, лишь у французов и частично у итальянцев была более старая армия и военные традиции: блестящее доказательство, что прусский милитаризм не оправдывает себя. Абсолютистический монархизм был и в военном отношении поражен демократией.

Немцы почти совсем не считались с промышленным преимуществом союзников. Англичане очень скоро выучились сопротивляться подводным лодкам, то же самое и американцы; американцы, например, изобрели более действительные газы, но из гуманности их еще не употребляли; Эдисон способствовал армии тоже несколько полезными изобретениями; правда, от него ожидали чудес, но он сделал больше — мелкими изобретениями он повышал боеспособность своих соотечественников.

Наконец, немцы слишком верили в механизм организации и материальную силу, они не умели считаться с моральными силами — они верили в дегенерацию Франции, но не видели дегенерации Австро-Венгрии и не были способны понять моральную силу Англии и Америки, Италии и Сербии — немцы пали в битве жертвой своего прусского милитаризма, своей науки, своей истории, своей философии, своей политики.

Окончательной победе способствовали рядом с Францией и остальные союзнические армии. Англичане удерживали для себя и для союзников свободу моря и этим давали возможность доставлять провиант, материалы и разный товар не только себе, но и во Францию: я уже обращал внимание на длительную и упорную борьбу Англии с подводными лодками, кончившуюся поражением Германии; англичане и американцы сумели потопленные корабли возмещать новыми. Кроме борьбы с подводными лодками, флот не играл большой военной роли, он был больше всего занят охраной торгового флота. Как солдаты англичане отличались прямо исключительной устойчивостью и выносливостью. То, что английский военачальник — Хег — приписывает окончательную победу союзников чуду, свидетельствует, что он признает силу и энергию немецкого напора и одновременно критикует условия на стороне союзников, так как и у них не все было в порядке, особенно же не хватало един-

ства командования; того же самого, правда, не доставало и у неприятеля, но немцы все же умели держать на узде венских политиков и стратегов. Конечно, в течение целой войны немцы доказали удивительное терпение, храбрость, а в мелочах и ловкость: они сопротивлялись большинству народов всего света. За это им уважение!

Заслуга американцев в победе всем известна; дело не только в том, что они явились в критический момент со свежим и храбрым войском, но и в том, что они вообще присоединились к союзникам. Америка помогала союзникам перед вступлением в войну продовольствием, товаром и военным снаряжением; Америка помогла союзникам выступлениями Вильсона и его авторитетом, который он приобрел во время войны в целом свете. Своими выступлениями против Америки в самой же Америке, своим непониманием положениея, когда Америка объявила войну, немцы наиболее очевидно доказали свою политическую близорукость.

Но нельзя забывать и об остальных союзниках и, прежде всего, о несчастной России. Мы должны указать особенно на участие России, правда не непосредственно в победе союзников — ведь сама Россия была наконец побеждена и покинула союзников, но в успешной обороне в начале войны; на России вначале так же, как и на Франции лежала главная тяжесть союзнической войны. Это было до тех пор, пока Англия не создала большой армии, пока Италия не вступила в ряды союзников и пока Америка не решилась на активное участие в войне. Русская сила — хотя бы и внешняя и количественная, а не внутренняя и не качественная — была в тяжелые минуты надеждой для Запада так же, как и для австрийских славян в Сербии, Румынии и других местах, и способствовала таким образом моральному воодушевлению для дальнейшего сопротивления и твердости в борьбе. Начальные русские успехи против Австрии имели не только свое военное, но и политическое значение, психологически — политическое значение, которое особенно заметно в первых стадиях нашего движения. Радость, вызванная этим русским участием и русскими заслугами во время войны, испорчена теперь для нас не только сознанием

позднейших неудач и катастроф, в которых прежде всего была виновата внутренняя гнилость, но и критическою оценкою моральных качеств этих военных заслуг и жертв. Русские жертвы не являются в такой степени жертвами сознательным, идеальным целям как у остальных союзников. Большинство павших русских умирало не на службе идее, народу, государству, но как пассивная жертва стремлений, которых не знала и не понимала. Величайшую русскую войну вел царизм, за грехи и преступления которого было заплачено гекатомбами человеческих жертв; мотивы и цели этой войны возникли из несчастной не русской политики старой России. Это обесценивает в значительной мере в наших глазах все действительно необычайные усилия и жертвы России во время великой войны, в которых столько печальной трагики, искупленной разве тем, что без военных страданий и потрясений не пришло бы такое скорое и полное освобождение России от старого режима. Но и это освобождение должно было быть куплено гекатомбами человеческих жертв...

Много содействовала победе в начале и в конце войны Италия. А что сказать о Сербии, которая несмотря на неуспехи из-за перевеса противника, выдержала до конца, которая выдерживала все ужасы австро-венгерской солдатчины, которая с таким самопожертвованием уступила Албанию и лояльно стала на сторону союзников на Балканах, когда наконец все же пожала плоды своего героизма. Румыния и Греция оказали великим державам желанную помощь.

85.

Каков же смысл мировой войны? Что означает это огромное, массовое явление в истории Европы и человечества?

Марксистское объяснение войны недостаточно. Матерьялизм вообще научно невозможен, а матерьялизм исторический (экономический) односторонен. Я не хочу сказать, что объяснение всего капитализмом было бы совершенно неправильно; нет, — оно односторонне, неполно и неопределенно. Самое по-

нятие капитализма неопределенно; конечно, давно до капитализма были войны — никто не указал, в какой степени капитализм виноват в возникновении и развитии войны. Что разумеется под капитализмом, — вся целиком экономическая система, или только финансы, или же in concreto финансовые деятели, банкиры? Или крупная промышленность? В каких государствах? Ведь капитализм есть во всех землях, так что тут капитализм стал против капитализма — который же из этих капитализмов был решающим? И так, мы снова приходим к вопросу, которая из воюющих сторон вела оборонительную и которая наступательную войну, ибо это различие весьма важно для характера войны.

В том, что экономические интересы, точнее «auri sacra fames», были всегда значительной причиной войн, никто не сомневался; но рядом с этим есть и иные решающие мотивы. Историки нас постоянно учат (так же историки марксистские!), что в новое время войны велись для того, чтобы государства, их властители и руководящие государственные деятели усилили свою мощь, авторитет, престиж, расширили свою территорию частями соседних земель и покорили их жителей, приобрели колонии. Говорят об империализме, особенно великих государств. Предполагаются различнейшие мотивы военных наступлений: желание господствовать, тщеславие, жадность, расовая и национальная ненависть и т. д.

Объяснение войны национализмом тоже односторонне и неточно. Ведь и национализм есть во всех землях, так что снова возникает вопрос, чей и какой национализм был причиной войны? Кто начал наступать и кто лишь оборонялся? Каково содержание этого национализма? Конечно, национальные споры и соперничество были одними из причин войны. Но эту войну нельзя считать исключительно национальной; действовали здесь также экономические и иные причины. Народы не являются еще субъектами прав; в борьбе участвовали государства, а народы лишь косвенно, поскольку они были организованы своими государствами и поскольку они были представлены в государствах. Государства же, очевидно, не вели исключительно национальную политику; то, что называется политикой (в общем,

политикой государственной), вещь сложная: различные династии, правительства, влиятельные государственные деятели и политики, журналисты, парламенты, партии, различные умственные направления и т. д. Точно научно констатировать, кто собственно вел и определял политику определенного государства, кто в данном случае решал и по каким причинам и основаниям, кто имел больше и кто меньше влияния и т. д., вот задача, которую должны разрешить истинная история и философия истории, более правильная, чем пангерманская и националистическая философия.

Я достаточно объяснил, что национальная идея и национальное чувство в новое время в значительной мере определяли политику и войны; но нельзя сказать, чтобы войны, и особенно мировая война, были национальными. Англия и Америка определенно приняли участие в войне не из национализма, распространенного на материке, хотя и признавали национальный принцип, в особенности право малых народов в Европе на независимость и свободу.

Поэтому нельзя говорить, что война была боем германцев и славян, германцев и романцев — она была мировой. Возникновение и развитие войны показывает, что национальность или, в некоторых случаях, национальный шовинизм был лишь одним из элементов рядом с остальными.

Иногда война объясняется спором церквей и религий православие русских и сербов, католичество Австрии, протестантизм немцев и католичество французов и т. д. были тоже одной из действительных сил, одной, в связи с остальными.

Историки отличают и характеризуют войны стереотипными названиями: войны династические, за поддержание престижа, религиозные, политические, освободительные, расовые, захватные, разбойничьи, колониальные и т. д.; о последней войне говорят вообще, что она мировая. Правда, это количественное определение, но все же названием означается характер и особенно значение.

86.

Характер мировой войны можно, в значительной степени, уяснить сравниванием военных целей обеих сторон и их программ. Попытаюсь в общих чертах формулировать программу обеих сторон во время войны: Запада, ведущего огромное большинство человечества, и Германии, ведущей меньшинство центральных держав. Это разделение народов на два лагеря не имело лишь военного временного значения, но вытекало из всего культурного положения. Друг против друга стояли идеи и взгляды на мир и жизнь.

Я вполне сознаю, что краткая формулировка целых национальных и культурных программ отважное дело; но анализ войны и ее историческое освещение, данные здесь и в «Новой Европе», позволяют эту попытку.

Средневековая мировая теократия, централизованная под духовным ведением папства, как международного авторитета, была в новое время заменена большей свободой отдельных государств и народов. Реформация, классический гуманизм, наука, искусство и философия, стремящиеся к понятию и познанию природы, человека, истории и общества, заложили новые духовные и моральные идеалы и основы для организации нового общества. Реформация, гумманизм, наука, искусство и философия подготовили великие революции в Англии, во Франции и в Америке (т. е., в действительности, снова в Англии); великий результат этой революции был тот, что государство и церковь — собственно, уже церкви — делались независимыми по отношению друг к другу. На Западе, в Европе и в Америке с течением времени до последних дней всюду старались отделиться друг от друга государство и церковь; вера от этого ничего не потеряла, а, наоборот, приобрела, так же как приобрела и политика. И не только государство, но с ним постепенно и все учреждения и общественные составные части были освобождены от церкви: наука и философия, школа и воспитание, мораль и, наконец, самая вера.

Что касается государства, которое после реформации взяло на себя руководство обществом и, по примеру церкви, стало

абсолютистическим, то французская революция провозгласила великий лозунг: «Свобода, равенство, братство»; объявлены и внесены в закон права человека и гражданина, Франция и Америка становятся республиками, Англия, а временами и Франция — конституционными монархиями. В противовес старому аристократизму — монархизм является лишь одной из форм аристократизма — развивается в различных формах, степенях и качествах демократия.

Революционный процесс не исчерпался Великой французской революцией: последовал целый ряд революций, мы и сейчас находимся среди этого своеобразного процесса, ибо во время мировой войны и из нее самой возникли также революции. Этого то как раз стражи старого режима не ожидали. Революционность стала постоянным свойством во всех областях, не только в политике. Быть может, что во время мировой войны мы преодолели не только старый режим, но и переходное революционное состояние.

Идеалом Великой революции была гуманность; морально это означало: симпатии и уважение каждого человека к другому, признание человеческой личности, человек не должен быть для человека средством. Политически и социально это означало равенство всех граждан в государстве и сближение и единение народов и государств, а благодаря этому и всего человечества.

В правовом отношении верили в существование равного, естественного права на свободу и равенство всех отдельных личностей и коллективных единиц, особенно же народов. Эта идея естественного права стара, мы наследовали ее от греков и римлян, она была освящена церковью и церквами; содержание этого естественного права с течением времени было формулировано политически и социально.

С идеалом гуманности была тесно связана просвещенность, стремление к знанию и образованию; отсюда в последнем столетии всеобщее признание науки и попытки создать новую философию, основанную на науке; отсюда же постоянные усилия, направленные на школьную организацию, всеобщее образование, обязательное школьное обучение, на так называемую по-

пуляризацию наук, развитие журналистики, публицистики, вообще печати и т. д.

Революция и великие перемены во взглядах и в жизни утвердили идею и идеал прогресса во всех областях человеческих стремлений и действий, веру, что народы и все человечество достигнут постепенно, благодаря личным усилиям, высшей и наивысшей ступени совершенства и удовлетворенности.

В этом, кажется мне, заключаются руководящие идеи европейского Запада. Я говорю Запад, хотя, главным образом, думаю о Франции, ибо Запад, Франция и соседние народы — Англия с Америкой, Италия и остальные романские народы — составляют одно культурное целое, как ясно показывают история взаимных влияний западных народов и их развитие, особенно политическое.

Если бы мне нужно было характеризовать это в нескольких словах, то я бы сказал: в средние века человечество (знаю, что под человечеством нужно подразумевать Европу бывшей римской империи) было организовано католической теократией экстенсивно; из реформации и революции возникает демократия, попытка организовать это человечество интенсивно. Противопоставляю демократию теократии; мы находимся в переходной эпохе, во время перехода от теократии к демократии на основах гуманизма.

87.

В средние века и Германия принадлежала к ядру культурной Европы. Но в новое время Германия все больше и больше стала отличаться от нее и обособляться. Прусское государство, усиленное реформацией и бывшее с самого начала государством воинственным, начало господствовать в Германии. И на западе господствовал в значительной степени так называемый этатизм; но на Западе государство стало органом парламента и общественного мнения, в Германии же монархическое государство было прямо обожествлено, а его абсолютизм получил всеобщее признание — лишь в конце мировой войны прусский король, как немецкий император, решился на парламентаризацию Гер-

мании. Пруссия и Германия были, собственно говоря, организованным цезаризмом; конечно, Фридрих Великий, Бисмарк и Вильгельм были, в отличие от Наполеона, особыми цезарями, более цареподобными. Слово «царь» возникло из слова «цезарь», но какое в них различие и в самом слове, и в понятии! Солдат, прусский офицер стал для-немцев меркой общественной организации, даже всего мира. Солдат и война делаются постоянной институцией. Реформация, классический гуманизм, наука, искусство и философия не устранили теократии в Германии так последовательно, как на Западе; немецкий народ принял реформацию лишь наполовину и немецкая реформация (лютеранство) приспособилась к католицизму — возник особый род цезаропапизма, хотя и иной, чем цезаропапизм русский.

Гуманитарные идеалы Лессинга, Гердера, Гете, Канта, Шиллера, почерпнутые из западного мирового развития, созданные совместно с ним, были заменены пангерманским империализмом. «Берлин-Багдад» означает усилие приобрести господство над Европой, а через нее и над Азией и Африкой. Уже в этом виден идеал старого света: Германия продолжает и поддерживает идеалы римской империи даже географически. Наоборот, идеалом Запада является организация всего человечества и, прежде всего, соединение Европы и Америки, а затем и остальных частей света, всего человечества, — одним словом, гуманизм экстенсивный и интенсивный. Во время мировой войны это единение было достигнуто.

Пангерманизм не признавал права народов на независимость, он хотел быть главным и единым вождем и господином всех. В пылу воинственности, он заявлял, что идеалом является многонациональное государство, и Австро-Венгрия с Германией были живыми образцами такого государства; не забываю в этом случае и русского государства, формировавшегося в значительной степени по прусскому образцу. Союзники объявили право всех народов на независимость, народов, не только больших, но и малых; следствием этой программы является Лига Наций, завершающая демократические идеалы, как они были формулированы в Америке, частично и осуществлены.

Немцы отвергли естественное право и заменяли его пра-

вом историческим. Хотя Кант и признается руководящим философом, но его склонность к естественному праву и Руссо была отвергнута, как и весь идеал гуманности. Историческое право при помощи дарвинизма было превращено в теорию механической эволюции, дающей успех сильнейшему: война и ведение войны становятся божественными институциями. Прусский милитаризм употребил теорию английского естествоиспытателя для усиления своего военного аристократизма, провозглашающего главным догматом так называемой реальной политики, что каждое право родится из власти и силы, при чем власть и сила, как правило, отожествляются с насилием.*) Немецкий народ объявлен народом прирожденных господ.

88.

Разницу между старой и новой Германией сами немцы иногда формулируют следующим лозунгом: Веймар—Потсдам? Гете — Бисмарк? Кант—Крупп?

Опруссачение всей Германии было, прежде всего, политическое; прусская теократия воспользовалась упадком германской империи, пережитками католической теократии и захватила Германию и Австрию своей твердой и единообразной военной и гражданской организацией. С течением времени пруссачество стало контролировать все культурные попытки и сделало из Германии империю внешнего порядка, как я уже ее характеризовал в «Новой Европе».

Последствия опруссачения сказываются не только в политике, но и в немецкой философии, науке, искусстве и, конечно, теологии. Когда руководящие лица и сословия народа начинают полагаться на власть и насилие, тогда начинают пропадать

*) Доказательство этого пангерманского отожествления власти с насилием дает проф. Шефер: «Staat und Gesellschaft», 1922 (значит еще после войны); он доказывает, что право есть лишь выражение властных отношений, особенно публичное право (264 стр.); но тут же у него власть превращается в насилие: «иначе не может быть, насилие и власть умеют создавать право» (264 стр).

симпатии, люди теряют интерес к чувствам и мыслям своих ближних, а чужих так и совсем, ибо для всяких сношений со светом достаточно государственного механизма, команды, кулака; тогда перестают свободно мыслить и возникает ученость без живых идей.

Вот объяснение великих ошибок и ложных шагов немецкой истории и немецкого мышления до и во время войны; Бисмарк и его насильническое обращение с близкими ему людьми, вот тип такого пруссака, стремящегося к господству. Это развитие я изобразил бы схематически так (после предшествующих объяснений это допустимо):

Гете — Кант — Фридрих Великий
Гегель
Мольтке — Бисмарк — (Вильгельм II) — Лагард — Маркс — Ницше.

В Гегеле я вижу, синтез Гете и Канта и антиципацию Бисмарка; он принял прусскую идею государства, как главного выражения национальности и общества вообще, своим пантеизмом и своей фантастикой он составляет переход от Гете и Канта и их всемирности к пруссачеству и его механизму, материализму и насильничеству. Недаром Гегель был в самом начале теологом — он и в этом отношении формулировал основы прусской теократии; Бисмарк и Вильгельм непрерывно проповедывали Бога, но, конечно, прусского Бога. Гегель своим «абсолютным идеализмом» служил авторитарности прусского государства, он отказался от гуманизма и всемирности Гете и Канта и дал основу для теоретического и практического насильничания. Бисмарк и бисмаркизм вполне поглотили Гете — прусское государство стало непогрешимым вождем народа и его духовных и культурных стремлений.

Маркс превратил пантеизм и абсолютный идеализм Гегеля, пройдя философию Фейербаха («человек есть то, что он ест»), в материализм и принял механизм прусской организации и государственности (всемогущий централизм), несмотря на то, что подчиняет государство экономическим отношениям. То, что во время мировой войны немецкие марксисты, несмотря на свой

социализм и свою революционность, приняли без критики прусскую политику и были так долго вместе с пангерманцами, происходит из их методической и тактической родственности. Недемократический взгляд о необходимости больших экономических единиц соответствует прусскому стремлению к сверхчеловеку. Сам Маркс судил о славянских народах не иначе, чем Трейчке или Лагард.

Ницше из уединения солипсизма бросился к дарвиновскому праву сильнейшего — «белокурый зверь» оснует царство новой аристократии и церкви одновременно; христианская теократия будет заменена теократией сверхчеловека.

Антитезу Гете и Бисмарка, Канта и Круппа я понимаю не в смысле дуализма парсов — психолог может найти некоторые характерные элементы прусского «реального политика» и в Гете и в Канте.

Правильное немецкое расчленение было бы таково: Бетховен — Бисмарк! В Бетховене видим немецкого гения, нисколько не опруссаченного: корни его художественного творчества — в чистом, настоящем вдохновении, и музыка его идет из сердца в сердце, как он сам сказал при каком-то случае. Его Девятая Симфония, это — гимн человечности и демократии, — вспомним, как он прямо выругал веймарского олимпийца за то, что тот не умел держать спину несклоненной перед сильными мира сего. А этот единственный «Фиделио»! Лишь у Шекспира можно найти подобную сильную любовь жены и мужа; во всей мировой литературе нет примера такой сильной и чистой супружеской любви — до сих пор и лучшие поэты занимались лишь романтической стадией добрачной любви. А в «Missa Solemnis» Бетховен дал свое восторженное религиозное Верую, верование современного человека, поднимающегося над наследственными церковными формами до вершин, почувствованных лишь наиболее зрелыми душами нашей эпохи — Гайдн, правда, укорял его, хотя и дружески, за то, что он не верит в Бога... К Бетховену я бы присоединил его великого учителя Баха с его религиозной музыкой; в философии я бы указал Лейбница. Стремление Лейбница к соединению церквей естественно вытекает из монадологической системы, из его основного понимания миро-

вой гармонии; пангерманские шовинисты могли бы увидеть в этом гуманном стремлении влияние славянской крови Лейбница. Я в Лейбнице вижу продолжателя платонизма, хотя и с сильными зародышами субъективизма, доведенного до чрезвычайных размеров Кантом и его последователями.

Мне очень жаль, что я недостаточно образован музыкально, чтобы проследить немецкий дух в блестящем ряде великих музыкантов—Бах, Гендель, Глюк, Гайдн, Моцарт, Бетховен и др. (Шуберт, Шуман). Но и в музыке было выражено пруссачество — Рихард Вагнер является гениальной синтезой декаданса и пруссачества.

Великолепная, прекрасная и благородная немецкая музыка не захватила достаточно крепко сердце народа — пруссачество действовало сильнее.

89.

Немецкое мышление после Канта и, в значительной мере, благодаря самому Канту, сбилось с пути. Кант противопоставлял односторонностям английского эмпиризма и особенно скептицизму Юма односторонний интеллектуализм мнимого чистого творческого разума; он построил целую систему априорных вечных истин и этим начал свою эту фантастику немецкого субъективизма (идеализма), необходимо ведущего к солипсистическому одиночеству и эгоизму, аристократическому индивидуализму и насильническому сверхчеловечеству; Кант бывший против скепсиса, возникшего из противодействия теологии метафизике, вернулся в конце концов — и в этом по примеру Юма — к этике и построил мировоззрение на моральном основании, но его наследники схватились за его субъективизм и под именем различных идеализмов отдались произвольной конструкции целого мира.

Этот метафизический титанизм необходимо вел немецких субъективистов к моральному одиночеству; фантастика Фихте и Шеллинга породила нигилизм и пессимизм Шопенгауэра; титаны раздражаются, иронизируют — а раздражение с иро-

нией и титанизм являются contradictio in adjecto и, наконец, приходят в отчаяние. Гегель и Фейербах ищут прибежища в государственной полиции и матерьялизме, благодаря чему спасаются от метафизической фантастики; они подчиняются прусскому капральству, которое ярко выразил уже Кант своим категорическим императивом. Немецкие университеты стали духовными казармами этого философского абсолютизма, завершенного идеей прусского государства и королевства, обожествленного Гегелем; Гегель для государственного абсолютизма под названием диалектики и эволюции создал маккиавелизм, основанный на непризнании принципа contradictionis. Право производится из власти и насилия. Ницше и Шопенгауэр отвергают эту преемственность, но лишь на словах, в действительности же как раз Ницше стал философским проповедником гогенцоллерновских выскочек и пангерманского абсолютизма.

Гегель объявил не только непогрешимость государства, но и единоспасительность войны и милитаризма; Лагард и его последователи сочинили для пангерманизма философию и политику, которые и были поражены во Франции; за прусскими полками пала философия, проповедывавшая: уничтожить поляков (ф.-Гартман), разбить упрямые головы чехов (Момзен), стереть вырождающихся французов и надутых англичан и т. д. — прусский пангерманизм был опровергнут войной. На вопрос: Гете или Бисмарк, Веймар или Потсдам — война дала ответ.

Отвергая односторонность немецкого мышления, которому положил начало Кант, я не хочу сказать, что немецкая философия, все немецкое мышление ошибочны, не хочу сказать, что они слабы, поверхностны, неинтересны; нет, это интересная и глубокая философия, но глубокая потому, что не могла быть и не была свободной. Это схоластика, вроде средневековой, данная готовым, заранее установленным официальным кредо. Как прусское государство и пруссачество вообще, так и немецкая философия, немецкий идеализм абсолютичны, насильственны, неправдивы, они заменяют величие свободного, объединяющегося человечества колоссальной и своего рода грандиозной постройкой вавилонской башни.

90.

Противоставление: Гете — Бисмарк я почувствовал весьма остро на своем личном развитии. Начиная со средней школы, я был в немецких школах, целый ряд своих произведений я писал и публиковал на немецком языке, я знал хорошо немецкую литературу; она естественно была для меня более доступна, чем другие литературы. Гете стал одним из моих первых и главных литературных учителей; рядом с Гете я увлекался Лессингом, Гердером и слегка Иммерманом. Шиллера, как человека, за его характер я любил больше чем Гете, но как поэту-художнику и мыслителю я отдавал преимущество Гете. Его безмерный эгоизм — вот золотой мост к прусскому пангерманизму. Уже по этим именам видно, что я не принимал, подобно французской, и немецкую романтику, которой, конечно, не мог изображать, но которая для меня не была главным культурным, а скорее переходным элементом; меня также отталкивали ее реставрационные и даже часто реакционные стремления.

Следил я и за новейшей литературой, довольно много читал, а главным образом изучал развитие драмы прямо в театре; но французская и английская литературы были мне ближе — в них современный человек может больше найти.

Гете был для меня меркой для всех литератур — также и для нашей — той меркой, которую он установил сам своим требованием и программой мировой литературы; его главное произведение — Фауст — дает его преемникам в Германии и всюду правдивым анализом современного и особенно немецкого человека главную и руководящую задачу: преодолеть фаустизм. Преодолеть художественно то, что хотел философски Кант, преодолеть скепсис, субъективизм, пессимизм и иронию, преодолеть насильничество сверхчеловека (слово «сверхчеловек» идет от Гете или, по крайней мере, им узаконено).

Немецкие литературные критики считают по праву, что новая литература начинается от Геббеля. Геббель анализирует пореволюционные условия жизни, он вырастает в эпоху реакции, он видит ее насквозь; он подпал под ее влияние постольку, поскольку слишком по-гегелевски переоценивает государство, которому чрезмерно приносится в жертву индивидуум: он по-

нимает государство чисто по ге-гелевски, а потому не симпатизирует революции (1848 г.), не смотря на то, что усиленно бунтует против тогдашнего общества, — однако, в его бунте чувствуется какая-то нерешительность. Он хорошо постигает социальные проблемы эпохи и морального перелома, который происходит в аристократическом и буржуазном обществе; он много размышляет о самоубийстве; женский вопрос, вопрос отношения женщины к мужчине, проблему любви он преподносит нам в различнейших формах. Но как раз здесь проявляется эта особая нерешительность: он отвергает старый взгляд на женщину, но одновременно боится впасть в крайность эмансипационного движения.

Эта нерешительность является уделом переходной эпохи и проявляется у Геббеля не только во взглядах, но и в его искусстве. Он решительный драматург, театральный реалист, но в нем еще есть значительная доля романтики; он прямо наслаждается всем, что необычно, проблематично. Для него характерно, как он дает новый смысл и объясняет по иному исторические фигуры (Юдифь). Художественная нерешительность, главным образом, заметна на его лирике; он пишет стихи, но в них нет истинной лирической поэзии, слишком много рефлексии. В этом отношении его нельзя сравнивать с Гете. Меня вообще интересовало отношение Геббеля к Гете; прежде всего, тем как он сделал титанизм, так сказать, государственным, выводя перед нами Олоферна, Ирода и др. Это узкий, грубый, я бы сказал, прусский взгляд. Что касается формы, то мне кажется, что он подражал классицизму Гете, по крайней мере, в своих позднейших драмах он приближается художественно к Ифигении. Геббелем я занимался сравнительно много еще потому, что он жил в Вене, где я нашел еще живые следы его деятельности. Мне казалось, что на этом немце с севера можно как раз проследить пагубное влияние Австрии — Вены. В Вене меня театр привел к австрийским поэтам, особенно к Грильпарцеру: на нем можно изучать меттерниховскую Австрию и ее роковое влияние на великих людей — хотя бы вот на нашем соотечественнике Штифтере. Автобиография Грильпарцера является убедительным документом. Это австрийство я видел и на

Раймунде, Бауэрнфельде и Анценгрубере — а прямое влияние Вены на Нестроя. Все они писали с австрийскими оковами на руках. Грильпарцер чувствовал Вену, как Капую духа, а для Анценгрубера Австрия была убийцей духа.

Из австрийских поэтов меня весьма привлекал Ленау, особенно своей переработкой Фауста. Интересовало меня у австрийских поэтов и то, насколько и как их привлекали чешские темы (У нас полемизировали с Грильпарцером и Геббелем). Своим декадентским эпосом привлекал внимание Гаммерлинг.

Само собою разумеется, что я читал романы Гуцкова, Шпильгагена и др., тогда популярных. До известной степени меня интересовал А. Штерн и его позднейшие романы, в которых он метко критикует опруссаченную новую Германию после 1870 г. и ее безъидеальность. Я любил так называемых реалистов О. Людвига, Г. Курца; но Г. Фрейтаг мне не нравился.

Сильно меня интересовал Гейне, но больше всего с политической точки зрения. Ко всем этим я бы мог присоединить еще Берне и молодых немецких радикалов вообще.

Я здесь не хочу давать обзора новейшей немецкой литературы, но лишь в грубых чертах характеризую мое к ней отношение. Под прусским и габсбургским абсолютизмом, в особенности во время меттерниховского режима после революции, не развивалась свободная, вольная литература; самые большие таланты поддавались реакции (Геббель) или были ею сломлены (Грильпарцер); более мелкие неудовлетворенные люди часто довольствовались схоластическими протестами и революцией à la Штирнер и Ницше; Гейне удалился во Францию, Р. Вагнер помирился с империализмом и его внешним блеском. Позднейшая литература даже слишком гладко принимала новый и новейший курс или же ютилась в аполитическом уединении — прусская победа ослепляла.

Чрезмерность и безвкусие немецкого натурализма, а потом декаденства, модернизма, символизма и всячески называемых литературных категорий, несвязанность импрессионизма и беспомощное самовозвеличивание так называемого экспрессионизма соответствуют моральному кризису и упадку нового об-

щества после 1870 г. За этой-то новой литературой я уже следил из Праги; постоянное сопоставление ее с нашим чешским творчеством и с французской, английской, американской, скандинавской и русской литературами убеждали меня в действительном кризисе немецкой культуры, в ее распадении, недостаточности, слабости. Этим объясняются и чрезмерные влияния скандинавов, русских и французов, а также и постоянные попытки вернуться к старикам, особенно к Гете. Г. Гауптман является для меня представителем такого слабосильного усилия. Прекрасный анализ этих немецких Детей своих немецких Отцов дает уже Вассерман в своих довоенных романах («Die Masken Erwin Reiners»), или в наше время один из вождей экспрессионизма Эдшмид.

Экспрессионизм является, по преимуществу, немецким; это немецкий субъективизм, а потому он уже заранее осужден. Экспрессионисты являются не чем иным, как глашатаями кантианства, собственно говоря, неокантианства и субъективизма à la Ницше. Экспрессионистический поэт и критик Паульсен (едва ли случайность то, что он сын кантианца Паульсена) объясняет нам, что поэт в себе имеет уже готовые формы (термин Канта), а мир дает ему лишь семена, из которых в душе вырастают деревья и целый мир. И так, — субъективизм со всем его абсурдным насильничеством. Паульсен верно говорит, что экспрессионизм в основе немецкое явление.

Я не клевещу на немцев, говоря, что их литература во время войны была грубо шовинистической, качественно и количественно на том же уровне, что и немецкая публицистика и журналистика, гнавшие в Берлине так же, как в Вене и Будапеште — всех в войну. Штильгебауэр (я его читал в английском переводе), потом Унру и еще немногие были исключением, как и Ферстер, Шюкинг, Ниппольд, Грелинг и др.

Как деталь приведу , что я умышленно следил за Эльзас-Лотарингской школой; меня интересовало, как в ней (например, у Флаке) проявляется влияние французских соседей — удивительная комбинация парижской упадочности и «приват-доцентской» учености.

В своем первом труде «Самоубийство, как массовое общественное явление современной цивилизации» (1881 г.) я пытался объяснить удивительный и страшный факт, что в новую эпоху, начиная с конца XVIII века, всюду в Европе и в Америке как раз у образованных, именно наиболее образованных народов растет количество самоубийств; это достигает такой степени, что о склонности к самоубийству приходится говорить, как о патологическом состоянии современного общества. Эта склонность современного человека к самоубийству находится в связи с увеличивающимся психозом.

Подробным анализом причин и мотивов отдельных самоубийств я был приведен к познанию, что главною побудительною, а часто и решающей причиною самоубийства является ослабление характера из-за потери веры. В исторической перспективе современная склонность к самоубийству и состояние психоза являются последствием переходного состояния и невыработанности нового мировоззрения и недостаточной организации на нем основанного общества.

Средневековая католическая теократия утвердила в целом христинском свете единое мировоззрение и соответствующий ему моральный и политический режим; но католическая теократия в новое время — тем-то оно и новo! — падала и падает: научная, философская и художественная революции, политическая и социальная революции характеризуют переход от средних веков к новому времени. Юм и Кант, скепсис и попытка преодолеть скепсис, вот два глашатая новой эпохи. Эпоха, очевидно, переходная, стадия духовной и моральной анархии: установившийся, всеми признанный авторитет церкви пал, должен был пасть из-за своего абсолютизма, из-за преждевременного, искусственного и насильственного установленія всеобщего мировоззрения и политического режима. В противовес этому духовному абсолютизму по всей линии вспыхнула революция, в самой церкви и помимо церкви. Всеобщее единение, вселенскость, длительная вселенскость не могут быть диктуемы, вынуждены, они должны быть достигнуты свободным со-

глашением на основании опыта и разума. Человек возмутился и взбунтовался против непогрешимости, абсолютизма и инквизиторства; так развился революционный, чрезмерный индивидуализм и субъективизм, ведущий к солипсизму и эгоцентризму, т. е. к духовному и моральному одиночеству, ко всеобщей анархии вместо прежней вселенскости: скепсис, критика, ирония, отрицание и неверие подавили веру и способность верить, человек стал беспокойным, непостоянным, изменчивым, нервным; при значительной энергии, часто искусственной увеличиваемой, он впадал в утопизм, при постоянном искании и предприимчивости он был обманут, постоянно обманут; идеалист бросался в наслаждения, но не находил удовлетворения; так распространялся пессимизм не только теоретический, но и практический — нерадостный взгляд на жизнь и неудовлетворенность, недоброжелательность и отчаяние, а отсюда же усталость, нервность, психоз и склонность к самоубийству.

Современное общество, рассматриваемое с психофизической точки зрения, является патологически раздраженным, разбитым, расщепленным — оно как раз в состоянии перехода, перерождения; в количестве самоубийств я нахожу прямо арифметическую мерку для этой душевной, моральной и одновременно физиологической болезненности. Число самоубийств достигает теперь в Европе и Америке около 100.000 человек в год! Характерно возрастающее количество самоубийств детей. Сосчитаем жертвы самоубийства для тех, на кого действуют только крупные цифры, за десять, пятьдесят лет — миллион, пять миллионов! А мы пугаемся статистики войны, даже мировой войны! Отчаяние в себе и в жизни и самоубийство хотя бы одного ребенка не являются ли более трагичными, а для жизни человека и культурных народов более важными, чем все жертвы войны? А каково это общество, какова его организация, каково его моральное состояние, что оно может спокойно и безразлично это переносить?

Но более полный разбор проблемы самоубийства и склонности к самоуничтожению желающий найдет в моей книге.

Психологически противоположностью самоубийства и склонности к самоуничтожению есть убийство и стремление к уничто-

жению; самоубийство — это насилие души, обращенной в себя и в себе эгоцентрически субъективизирующейся, убийство — это насилие души вне себя, анормальная объективация. Субъективистический индивидуализм, переходящий в солипсизм и титаническое богодопобие, человеку невыносим; в конце концов, он насилует или себя или своего ближнего: самоубийство и убийство являются пределом этого насилия.

Современный милитаризм, особенно прусский, является научной и философской системой объективации, насильственным бегством перед болезненной субъективностью и стремлением к самоуничтожению. Повторяю, современный милитаризм, ибо воинственность дикаря, варвара и еще средневекового рыцаря и жолнера психологически и морально нечто совершенно иное, чем научно продуманная милитаристическая основа современного абсолютистического государства: дикарь и варвар воюют по природной дикости, из стремления к власти, из нужды, из-за голода, — во время же мировой войны в окопах сидели ученики Руссо и Канта, Гете и Гердера, Байрона и Мюссе. Если Зомбарт воспевает немецкий милитаризм в духе Гегеля и преисполнен гордости, глядя на Фаустов и Заратустр, воюющих в окопах, то, очевидно, он не понял, как беспощадно сам осудил немецкую и европейскую цивилизацию. Война этих современных цивилизованных людей есть как раз насильственное бегство от страхов, возникающих из сверхчеловеческого «Я»; по этой же причине, в смысле боеспособности, интеллигенты не были заслонены крестьянами и рабочими, — наоборот, интеллигенция была в войне руководящим элементом. (Это я впервые сознал при наблюдении сербской интеллигенции в балканских войнах; в сербской армии, в крестьянской массе интеллигент, офицер выделяется явственней; то же самое и в русской армии). В современной войне враги не стоят один против другого, это уже не прежний бой, теперь уничтожают на расстоянии, абстрактно, враг не видит врага, а убивает из идеи и в идее — немецкий идеализм в переводе на язык Круппа. Поэтому и оборонительная, морально единственно допустимая, война становится несимпатичной; а воспитание демократического воина и войска становится такой тяжелой задачей демо-

кратии: должен быть создан солдат, сознательно преданный лишь защите, а не насильственному стремлению к подчинению и нападению и все же храбрый и готовый жертвовать жизнью. Милитаризм и современная война являются естественным состоянием, требуемым Руссо, это возврат Конта от позитивизма к фетишизму, это тоска романтиков по неразумной, животной, растительной жизни. Ни великий теоретик современной демократии, ни основатель позитивизма, ни романтики не заметили, что естественное состояние, фетишизм и животность означают варварское убийство и bellum omnium contra omnes. Человек природы не знает самоубийства из-за современной усталости, нервности и taedium vitae, он может убить себя в исключительном случае из-за отчаяния от оскорбления или из-за неуспеха, постигнувшего вообще его усилия; современный человек страдает болезненным стремлением к самоуничтожению из-за недостатка энергии, из-за усталости, страха, происходящего от духовного и морального одиночества, из бесплодного самовозвеличения, из сверхчеловечества. Милитаризм является попыткой этого сверхчеловека ускользнуть перед своей болезнью, но, в действительности, это не что иное, как увеличение самой болезни. У народа мыслителей и философов наибольшее количество самоубийств, у него же совершеннейший милитаризм, и он вызвал мировую войну.

По психологическому контрасту самоубийства и убийства становятся понятным, почему во время войны всюду, особенно же в государствах побеждающих, уменьшается количество самоубийств; внимание сосредоточивается на борьбе и люди благодаря этому объективируются.

Я полагаю, что связь современного стремления к самоуничтожению с прусским милитаризмом правильна, она является верной характеристикой современного человека. Разберем еще раз весь вопрос.

Мировая война была войной народов. Друг против друга стояли не старые, но новые армии, созданные всеобщею воинскою повинностью, армии, главным образом, резервные; друг против друга стояли народы. Военных по профессии было сравнительно мало; конечно, императоры и военачальники, также

и часть войска были военными, так сказать, старой закваски. Благодаря тому, что мировую войну вели массы, она получила особый характер, во время ее показали себя особые свойства воюющих народов. Характер войны зависит от характера солдат. Если война, как нам твердят пацифисты, пустила на волю все злые элементы: злобу, ненависть, жажду убийства, то это еще не значит, что все эти свойства возникли во время войны, — они были характерными чертами народов и до войны; дьяволы 1914 г. не были ангелами в 1913 г. Мировая война носила, как уже было сказано, абстрактный, научный характер, враги не стояли лицом к лицу, не было подвижной войны, все свелось к позиционной, люди убивали друг друга, не видя один другого.

Перевес научной военной промышленности и математическое использование больших масс принесли, наконец, победу. В окопах были, как мы слышали от немецкого профессора, Фаусты и Заратустры; конечно, были, но рядом с ними были Ролла и Октавы, Манфреды, Иваны (Карамазовы) и Левины. Были, разумеется, и Алеши. Если бы было место, то этюд, сравнивающий писателей, павших во время войны, подтвердил бы этот диагноз; начиная с Пеги, можно насчитать десятки и десятки французских, немецких, английских и др. писателей. Анализ литературы во время войны доказал нам бы то же самое.

Послевоенная литература военных писателей, размышляющих философски о войне и ее значении, убедительно указывает, что во время войны, уже благодаря тому, что она так долго затянулась, решающее значение имело общее моральное состояние, а ни в коем случае не военная учеба и ловкость военачальников; воевали современные люди — все эти Фаусты и их потомки.

Полагаю, что это моральное значение мировой войны, как усилия объективироваться, покончив с чрезмерным субъективизмом, достаточно ясно; война и способ вести войну выросли из морального и душевного состояния современного человека и всей его культуры, как я их кратко характеризовал. Современное противоречие объективации и субъективации, проявившееся в литературе и философии потому, что было в жизни, является длящимся историческим процессом, обнаружившимся

также во время войны и особенно благодаря ее продолжительности. Мировая война приобретает особый характерный вид из-за своей длительности и всеобщности.

В главе о Швейцарии я набросал теневые, черные стороны войны и высказал свое мнение о вине в войне. Здесь необходимо признать хорошие свойства воюющих; именно благодаря длительности войны у обеих воюющих сторон проявила себя моральная сила, геройский дух, выносливость и жертвенность. Война показала, на что способен современный человек и что бы он еще мог сделать, если бы отрекся от страсти господствовать и не душил в себе врожденную у каждого человека симпатию к ближнему. В таком случае он должен был бы преодолеть весь этот современный титанизм и эгоизм болезненного субъективизма и индивидуализма. Именно стремление стать сверхчеловеком заканчивается самоубийством и войной.

Немецкий историк Лампрехт, так восторженно и энергично оправдывающий немцев во время войны, невольно подтверждает мой анализ. В своей истории новейшей Германии, написанной до войны (Zur jungsten deutschen Vergangenheit, 1904 г.) он правильно характеризует эпоху нервного раздражения (он создал слово: Reizsamkeit) и приводит не только Вильгельма, но и Бисмарка, как типы такой нервности. De facto немецкий сверхчеловек, титан — нервен и выискивает смерть или войну, как острое раздражение, направленное против хронической раздраженности.

Это касается всех народов, но в первую очередь народа немецкого; его философы и художники, вообще его умственные работники вырастили субъективизм и индивидуализм до абсурдного солипсизма и его моральных последствий. Ницшевский сверхчеловек, по Дарвину построенный хищник, вот лекарство против абсурдности и бесчеловечности солипсизма. В своем духовном одиночестве немецкие философы и ученые, историки и политики объявляли немецкую цивилизацию и культуру венцом человеческого развития, и во имя этого самозванного возвеличивания прусский пангерманизм провозглашал право захвата, а право вообще подчинял силе и насилию. Прусское государство, его войско и воинственность становились противо-

ядием против болезненного субъективизма; прусский пангерманизм был виновником мировой войны, за нее он морально ответственен не смотря на то, что австро-венгерский режим тоже и даже в некотором отношении более виноват. Народ философов и мыслителей, народ Канта и Гете, присвоивший себе задание быть носителем света, не мог без лицемерия принять несчастную и близорукую политику дегенерированных Габсбургов и не смел искать выхода в войне из тупика своей односторонне развитой образованности. Corruptio optimi pessima.

92.

Вопросом самоубийства и убийства поэты и мыслители занимаются уже давно, от Руссо и Гете до наших дней; новейшие статистики, социологи и психиатры довольно усердно посвящали себя проблеме так называемой моральной статистики, но европейское общество еще до сих пор не сознает всей важности вопроса. Видно это и из того, насколько литературные критики не сумели постигнуть главное содержание своих великих мыслителей. Уже Сен-Пре у Руссо является первым значительным типом сверхчеловека, и Руссо показывает нам его моральную немощь, которая доводит его до самоубийства; но Руссо еще лишь играет с этим последним убежищем философской раздвоенности. Чистокровный сверхчеловек у Гете (Гете признает, что сам был в подобном настроении) был близок к тому, чтобы отравиться и лишь благодаря счастливой случайности пасхальный благовест спасает всеведующего и неудовлетворенного человека. Вертер уже не был спасен и заканчивает свою романтическую болезнь смертью. От имени французов, после революции Мюссе анализирует «болезнь века»; его герой, богоборец Ролла, тоже наконец, доходит до самоубийства. У англичан анализирует болезнь нового времени Байрон (Манфред!). У русских, начиная с Онегина Пушкина до Левина Толстого, мы находим прямо жестокий анализ интеллигентской беспочвенности; Достоевский усилил анализ реалистической беспощадностью и дает свой диагноз в типах драстической брю-

тальности. В кратком этюде «Приговор» он пытался дать силлогизм современной логики самоубийства. У скандинавов мы находим Якобсена, Гарборга и собственно всех до Стриндберга; все разбирают эти современные «усталые души», анализируют их на себе. А самые молодые и самые современные? Уже упомянутый Вассерман показывает молодому поколению, как оно живет без благоговения, как отожествляет свободу с дерзостью, безбожность с бесстрашием, наслаждение жизнью с силою — эти противники буржуазной узкости не боятся ничего, кроме бацилл, живут без любви, без предрассудков, но и без сердца. Его герой, конечно, кончает самоубийством. По всей вероятности Вассерман знает своего Достоевского, как его знает и Эдшмид, когда характеризует экспрессионизм и современный дух, как борьбу сверчка с Богом, ведущую необходимо к возврату и возрождению под лозунгами: Любовь, Бог, Справедливость.

Проблему убийства находим уже у Гете: брат Маргариты падает от меча Фауста; а что означает во II части Фауста насильственное устранение престарелой четы Филимона и Бавкиды?! В новейшей немецкой литературе проблема убийства и самоубийства разбирается Геббелем и др.

У французов дальнейшую стадию болезни анализирует с этой стороны Мюссе в Октаве — лишь крест на груди его возлюбленной спас богоборца от убийства, совсем так, как Фауста спас пасхальный благовест от самоубийства. Байрон анализирует братоубийцу Каина, Достоевский отцеубийцу.

Вопрос убийства, философского убийства характерным образом разбирался больше всего в русской литературе; в главных чертах я уже на это указывал в появившейся части своей работы о России. Достоевский анализирует душу молодого студента (Раскольникова), разъеденную европейской, главным образом, немецкой философией сверхчеловека; русский Наполеон кончает убийством незначительной старухи, «вши», — проститутка его возвратит к евангелию. А сверхчеловек, великий философ Иван Карамазов кончит внушением отцеубийства брату Смердякову, — более жестоко, как я уже сказал: брютальнее нельзя

бичевать современного интеллигента-философа. «Ученик» Бурже рядом с этим является, так сказать, салонным убийцей.

Мне лично проблема убийства и самоубийства прямо напрашивалась при анализе современной революционности и террористического анархизма, особенно русского.

93.

Я нахожу подтверждение этого анализа мировой войны в религиозном пробуждении во время и после войны; современная склонность к самоубийству, в конце концов, происходит от упадка религиозности и духовного и морального авторитета. Теперь, когда со стольких важных сторон взывают к религиозному возрождению, очевидно, можно предположить, что люди — по крайней мере, значительная часть — сознали своеобразное моральное состояние европейского общества, бывшего почвою для возникновения мировой войны. Так, мы всюду все хвастались своим прогрессом, преодолением средних веков и т. д. и вдруг такое фиаско именно прогресса, такое падение образованных народов до естественного состояния Руссо — и понятно, ведь Руссо приняли с распростертыми объятиями, он ведь отец и первый глашатай современного человека...

Я наблюдал во время войны во всех государствах, где только я был, религиозное движение, вызванное войной, и следил за его практическими и литературными проявлениями; я всюду наблюдал солдат, иногда встречал я раненых, исследовал влияние военного духовенства и сравнивал его с влиянием докторов, сиделок и вообще лиц недуховного звания на солдат, на раненых и умирающих; я слежу теперь за религиозным развитием после войны: изо всего этого у меня создалось впечатление, что есть тоска по религии, но что у церковных религий было и есть меньше влияния, чем это утверждают. Более близко я мог наблюдать за нашими легоинерами в России: вдруг появилось какое-то течение перехода в православие, но это скоро прошло, так как было более политическим, чем религиозным; однако, я встречал много солдат, которые своей личной судьбой

и военными событиями были приведены к религиозному размышлению и чувствованию, но лишь малая часть из них удовлетворилась церковной верой.

Если говорим о религии, то, прежде всего, необходимо точнее определить, подразумеваем ли мы религию позитивную, церковную, официальную, или же внецерковную и какую именно; проблема слишком сложна для того, чтобы ее можно было соответственно характеризовать и определить одним лозунгом.

И после войны постоянно мы должны задаваться вопросом: удовлетворяет ли церковная религия и в какой мере? Почему церкви вообще и их религии находятся в упадке, почему люди — первую очередь интеллигенция, а за ней и массы — отвращиваются от церкви, почему она их не удовлетворяет? Почему падает средневековый теократизм и его общественная организация? Ведь как раз из-за мировой войны пали три величайшие мировые теократии — Австрия, Россия, Пруссия! Католичество не спасло Австро-Венгрии, православие не спасло России, лютеранство не спасло Пруссии. Католичество, православие и лютеранство не помешали войне, как вообще не помешали возникновению и развитию того общего морального состояния, из которого возникла война; а ведь средневековая церковь, а позднее и новые церкви были абсолютным духовным авторитетом общества; были они и в союзе с государством и светским авторитетом: как же случилось, что церкви потеряли свое влияние?

Дело идет о великом противоречии между церквами и современным мышленем, чувствованием и стремлением (философией, наукой, моральными и политическими идеалами, искусством — говоря короче, целой современной культурой) и о том, как его устранить. Сказать, что современный человек, благодаря своей гордыне и т. д., заблудился и что в таком случае должен покаянно вернуться — это рецепт ортодоксальных теологов обличает сам себя уже тем, что его повторяют сто лет и одинаково безрезультатно. После великой революции и наполеоновских войн началось восстановление старого режима, а также и церковной религии, но это не принесло действительного исправления; снова и снова возникали политические и идейные революции, возникла революция и из мировой войны:

какая бы то ни была реставрация после мировой войны и революции, тоже не принесла бы спасения.

Вспомним о различных элементах и составных частях религии: о взглядах на трансцендентальное, в особенности о проблеме Бога и бессмертия и вообще об учениях богословия и в некоторых случаях метафизики; потом о культе, об особенном чувствовании связи человека с Богом и всем миром (эта связь часто понимается мистически); о церковной организации и авторитете (священничества, иерократия = теократия); о нравственности, как отношении человека к человеку наряду с отношением к Богу и всему миру и в связи с этим отношением. Понятие религии отожествляют с понятием веры, так называемой детской веры, а эта вера противопоставляется разумному, критическому, научному познанию, богословие ставится против философии (метафизики); религия обещает верующему, в противовес детерминистической науке и научной философии, индетерминистическую веру в чудеса; религия вообще отожествляется с мистикой, при чем допускается непосредственное сношение верующего с Богом и вообще с трансцендентальным миром и эта мистическая связь ставится выше морали.

И так, чего же мы хотим, говоря о необходимости религии и вкладывая в нее свои надежды? Хотим ли возврата к ученаю и религии церкви? К церкви? Какой? Полного возврата — философской Каноссы? Если революция и война усилили религию, то разве они увеличили личную и общественную нравственность? Ведь вообще и во всех землях мы слышим жалобы на упадок нравственности, вызванный войной; а ведь при этом указывают не только на различных разбогатевших спекулянтов, но и на весьма распространенную распущенность, нежелание работать, нечестность и т. д., указывают на понижение нравственности у моложеди — а если нравственность является важной составной частью религии (это наверное так), то уже не является возможным так просто сказать, что благодаря войне религия приобрела силу. Я наблюдал и наблюдаю, что множество людей, даже научно образованных, подпадают под влияние различных форм мистицизма, спиритизма и вообще оккультизма; такое усиление религии является ли желательным? Я хочу

сказать лишь одно — в вопросе о религии мы стоим после войны там же, где стояли и до войны.

Кризис современного человека всеобщ, это кризис целого человека, всей его духовной жизни; вся современная жизнь, весь уклад, мировоззрение, жизнепонимание требуют пересмотра. Вся современная культура проникнута внутренней разъединенностью, расколотостью современного человека и его жизни, раздробленностью, нецелостностью общества и всеобщей духовной анархией, спором настоящего и прошлого, отцов и детей, борьбой церкви с наукой, философией, искусством и государством. Каждый из нас ищет отдыха для души — где и как мы его найдем? В своем стремлении к духовной свободе многие впали в излишний индивидуализм и субъективизм, откуда духовное и моральное одиночество; многие предались материализму и механизму; все мы, кажется, слишком односторонне взращивали интеллектуализм, забывая о гармоническом развитии всех духовных и физических сил и свойств. Что касается церкви, то по отношению к ней многие удовлетворялись скепсисом и отрицанием, хватаясь за революционное политиканство; несмотря на это все убеждались, что длительная организация общества невозможна без согласия, по крайней мере, в главных взглядах на жизнь; люди бунтовали против церковной дисциплины, но становились рабами партий, партиек и фракций; требование нравственности и нравственной дисциплины было объявлено старомодной морализацией, а религия и религиозная жизнь осуждались как суеверие. Скепсис, усталость от внутренней разорванности, беспокойство, недовольство, пессимизм, раздражение, отчаяние, заканчивающиеся самоубийством, милитаризмом, войной — вот темные стороны современной жизни, современного человека — сверхчеловека.

Положение вещей после войны привело многих к убеждению, что Европа и вообще цивилизованные народы находятся в упадке, окончательном упадке. До войны пангерманцы часто объявляли упадок романских народов, особенно Франции, теперь немецкие философы (Шпенглер!) допускают также упадок немцев и всего Запада. Некоторые ожидают спасения от русского или еще более отдаленного Востока, хотя во время

войны Россия пала так же, как Германия и Австрия; для немецкой литературы характерно, как в ней усилилось русское влияние. Это влияние теперь можно наблюдать и во Франции Англии и в Америке.

Я не верю во всеобщее и окончательное вырождение и падение: из-за войны мы переживаем в виде хронического кризиса острый кризис. В этом кризисе виноваты не только мы, но и наши предки — мы не могли оставить без изменения то, что они нас оставили; но изменяя свое наследие мы делали все новые и новые ошибки. Все же честное признание своих ошибок является уже началом исправления.

Война и ее ужасы всех нас расстроили — мы стоим беспомощно перед огромною исторической загадкой, перед событием, какого еще не было в истории человечества. Но расстройство не программа. Нам необходимы спокойный и откровенный анализ и критика нашей культуры и всех ее основ, мы должны решиться, наконец, на концентрическую перестройку всех областей мышления и действия. У всех образованных народов сейчас достаточно мыслящих людей, могущих провести соединенными силами эту реформу.

94.

Кризис современного человека, европейской цивилизации и культуры, который я старался разобрать психологически и социологически, попытаемся теперь изобразить в его историческом развитии с политической точки зрения.

Борьба центральных держав с союзниками была борьбой теократии с демократией, конечно, теократии ослабленной и, собственно говоря, уже умирающей. Во главе центральных держав стояла Пруссия, самый ловкий и последовательный страж старого, средневекового политического и церковного режима в новое время, с программой Бисмарка. Политическая идея Германии, ведомой Пруссией и опруссаченной, достигает вершины в программе прусской королевской власти, независимой от народа, которую Бисмарк противопоставил современному

парламентаризму и демократии; император Вильгельм сам объявляет себя орудием Божьим и титул «Божьей милостию» получает антидемократическое значение и силу. Против демократического «из народа, народом, для народа» выставлено «король Божией милостью».

Этот абсолютизм является продолжением средневековой империи. Эта империя, переданная Римом немецкому народу, управлялась верными Габсбургами, которые во время религиозной и политической революции, рожденной реформацией, провели насильную противореформацию. Пруссия приняла протестантизм и соперничала с Австрией в первенстве, пока, наконец, не вытеснила Австрии из Германии, захватив Римскую империю. Это одна из извращенностей истории (но история, это — ведь люди), что католический, сверхнациональный, по истине кафолический (вселенский) империализм продолжает протестантское и национальное государство, и что католическое государство, стоящее во главе католической империи, отрекается от цезаризма и объявляет себя державой светской, принимая на себя подчиненную роль немецкого авангарда на востоке. Отсюда вся эта бессмысленная политика как Германии, так и Австрии в новое время.

Прусская Германия католическую (вселенскую) идею католической римской империи переделала в римско-языческую национальную идею; свой насильнический Drang nach Osten она расширила при помощи пангерманской философии до степени всеобщей программы, т. е. до владычества над старым светом — Европой, Азией и Африкой (колониальная политика — союзничество с падающей Турцией).

Под давлением экономически и политически сильной Пруссии, после попытки создать союз трех императоров, был основан Тройственный Союз. У Италии в нем не было органической позиции; Тройственный Союз означал владычество Германии над Австро-Венгрией. Характерно, что первые попытки создать Тройственный Союз были у Бисмарка по отношению к Венгрии, с Андраши (я вспоминал об этом факте, говоря о венгерской пропаганде в Америке); венгерское государство, как на это указывали австрийские и особенно католические полити-

ки, было в руках кальвинистов (Тисса!) и франк-масонов, а потому и присоединение Венгрии к Пруссии не выходило за пределы ложных основ пангерманизма. Имеет значение и то, что мадьяры, с 1849 г. были против России и, быть может, как азиатский народ охотно шли на захват Востока; по этой же причине и Турция была легко привлечена Берлином. Не знаю, не заговорила ли и в Болгарах расовая примесь неславянской крови в тот момент, когда Болгария во время мировой войны присоединилась к Германии бок о бок с Турцией; династия была католическая, политически австрийская, что означает и немецкая, а болгары, как и остальные союзники и друзья Пруссии, подпали под влияние немецкой образованности.

Старые связи с Австрией и принятое в соображение большое количество католиков в Германии привели вначале и Ватикан к неясной и колеблющейся позиции в борьбе Германии и союзников.

Тройственный Союз представляет по существу и исторически средние века и абсолютический монархический режим в том виде, как он развился после ослабления церковного абсолютизма в новое время. Пангерманизм стал шовинистической программой прусского империализма.

Против пангерманского империализма выступили Франция, Россия, Англия, Италия, Соединенные Штаты и остальные союзники, все, за исключением России, государства демократические, конституционные и республиканские. Современная демократия выступила против теократии.

Союзники, в отличие от Германии и Австрии, принимали современный национальный принцип для всех народов и защищали особенно малые государства и народы; было изложено, какое значение имеет пояс малых народов между Германией и Россией. Вследствие демократического принципа малые народы и государства равноправны с большим народами и государствами, так же как внутри государства, так называемый маленький человек равноправен с богатым и сильным. Однако, последовательное применение демократии и в иностранной политике только еще развивается; ведь и внутри демократия еще в самом начале.

Признавая национальный принцип, союзники не приняли шовинизма; Германия тоже была национальна, но ее народ объявлялся главенствующим над остальными народами. Союзники признавали одновременно с национальным принципом и католический (в смысле всеобщности) принцип гуманности; к этому уже вело само по себе соединение огромного большинства равнонациональных государств целого мира. Против национально шовинистического пангерманизма, этнографически и географически ограниченного, выступили соединенные все пять частей света; уже благодаря этому самому факту их народы были соединены католической идеей гуманности, требующей организации всего человечества в дружественное всеединство. Вильсонова Лига Наций, задуманная как органическая часть мирных договоров, является первой великой практической попыткой мировой организации, которая своим размером и идеей превышает и опровергает пангерманскую программу, направленную к подчинению старого света. Против этого старого света во время мировой войны выступил новый свет и целый свет.

Демократия, применяемая во внутренней политике, применяется и в заграничной политике; мировая война погребла три теократических самодержавия: русский, прусский и австрийский; возникли и возникают новые республики и демократии, а с ними и новые принципы международной политики; Лига Наций приобретает политическую силу и стала программой всех современных, действительно демократических политиков и государственных деятелей. Европейские Соединенные Штаты перестают быть утопией. Господство одной державы над материком и союз нескольких держав и народов против остальных держав и народов уступает место мирному сожительству всех народов и государств.

Благодаря мировой войне и победе союзников изменился внешний вид Европы всего света. Пали царства трех величайших государств, двух величайших народов Европы. Освобождено множество малых народов — чехословаки, поляки, югославяне, румыны, (украинцы), финны, эстонцы, латыши, литовцы и др. Основана Лига Наций и обеспечены национальные меньшинства. Возникли республики и усилился демократический

режим. Будем надеяться, что эти политические изменения усилят стремления к моральному и культурному ренессансу и регенерации.

Эта надежда усиливается, когда видишь изменения, происшедшие во время войны и революции внутри, среди жителей воюющих земель: цвет наций был на фронте, жил в окопах, мог и должен был размышлять о войне и ее значении; ужасы войны испытали не только воевавшие мужчины, но и их жены и дети, матери и отцы; возможно ли, чтобы после такого опыта, значительное по крайней мере, по числу меньшинство современников честно мыслящих людей, не было склонно к новому режиму, режиму демократии и человечности и не стремилось к возрождению?

Развитие на протяжении всей линии идет против старого режима — вот смысл войны и нашей послевоенной эпохи; война освободила от старого режима и Германию, а освобожденная Германия избавится от своего духовного одиночества, морально преодолеет бисмаркизм и вернется к идеям и идеалам Гете, Канта и, прежде всего, Гердера и Бетховена.

Эта философия войны складывалась у меня с самого начала мировой войны; она является синтезом моих довоенных работ в области философии истории, а потому я подаю ее так сжато, как она формировалась у меня окончательно в Атлантическом океане перед возвращением домой.

Позднее дома я обработал этот набросок подробнее, в особенности подробно анализировал выдающихся лиц новой эпохи, как-то: Руссо, Гете и т. д., и более точно формулировал различные духовные направления. Быть может, издам ту работу особо, здесь же достаточно этого наброска, чтобы хоть какая ни есть гармония моей книги не была нарушена несоразмерно обширной главой.

95.

С такими и подобными мыслями приближались мы 29 ноября к английским берегам: на пристани мне снова напомнили военным и политическими почестями, что я являюсь властью,

то же самое было и на лондонском вокзале. В тот же вечер я встретился со своими дорогими друзьями-помощниками, супругами Стидами и Сетон-Ватсонами.

Какая разница в политическом положении в декабре 1918 г. и в мае 1917 г., когда я покидал Лондон и отправился кругосветное путешествие! Но забот не убавилось, исчезли кой-какие старые, пришли новые...

Я пробыл в Лондоне неделю (до 6 декабря), использовав время для посещения знакомых (Барроус, лорд Брайс, Гайндман, Юнг, леди Педжет и др.), особенно же публицистов, с которыми я был в сношениях.

На ленче, устроенном Бальфуром, я встретился с избранными политическими личностями: лордом Мильнером, Черчилем и др., а также с секретарем короля, который лично в это время не был в Лондоне. Говорилось, само собою разумеется, о политической ситуации, окончании войны и задачах наступающих мирных переговоров. Как раз в это день (29 ноября) немцы предложили союзникам проект создания комиссии, которая бы исследовала, кто виноват в войне. Усиленно интересовались Россией и нашими легионами в России и в Сибири; это особенно интересовало лорда Черчиля. Ему нравилось, как я подавил без насилия большевицкую агитацию в Киеве. Невольно во время наших разговоров я сравнивал английских государственных деятелей Бальфура, Гладстона и др. с немецкими; какая разница взглядов на мир и общество, какая разница истинно конституционализма и парламентаризма и этого, слава Богу, вымирающего русско-прусско-австрийского царизма! С Бальфуром я говорил больше о философии религии, чем о политике.

В ожидании мирных конференций, я посетил некоторых политиков и чиновников, особенно министерства иностранных дел, которые, по всей вероятности, могли принять участие в переговорах о мире: это были Тайрель, Кроу, Гардинг и др. Я посетил тоже старых знакомых: сэра Джорджа Кларка и др. Не забыл я и отдельных послов.

Тут же мне пришлось столкнуться с первым, характерным дипломатическим недоразумением: свержение статуи Марии в

Праге было для Ватикана поводом обратить внимание на это событие в Лондоне. Я не знаю, в какой форме это было сделано, т. к. официальной ноты об этом я не получил. Я не знал подробностей, но был уверен, что это было прежде всего следствием политического, а не в коем случае не религиозного возмущения; я так дело и объяснил. Я ведь знал, как часто раньше требовали устранения этой статуи, которая считалась памятником нашего поражения у Белой Горы.

Политические события на материке развивались далее, благодаря поражению центральных держав. Припоминаю впечатление, произведенное переходом немецкой границы английскими войсками (1 декабря). В тот же день немецкий кронпринц отрекся от своих прав на прусскую и императорскую корону. Александр сербский принял в руки бразды правления и сербохорватско-словинское государство осуществилось.

В Лондоне я получил более подробные сведения о последних днях Австрии; особые сообщения относительно того, как австрийцы использовали присутствие наших делегатов в Женеве, привез мне мой личный курьер. Некоторые их агенты и австрофильские дипломаты пытались говорить с делегатами и узнать их политический образ мышления. Кажется, что некоторые члены нашей делегации не увидели западни и обрисовали перед австрийскими агентами картину нашего положения; говорилось, главным образом, о разнице во взглядах у меня и Крамаржа и могущих быть из этого последствиях; в Вену были посланы сообщения о нерешительности действий некоторых делегатов по отношению к Австрии. Но д-р Бенеш принес с собою из Парижа ясность и определенность; противники очень хорошо это заметили. Само собой разумеется, что я известия принимал cum grano salis. Но эти сведения припомнили мне мое положение в нашем политическом мире до войны, а также то, что я должен считаться с тем, что люди редко меняются до основания: «президент, быть может, — но без партии», «идеалист», «больше философ, чем политик» и т. д.; забудут ли все и во всех партиях эти разнообразнейшие споры и распри, не воскреснет ли старая ненависть? Я взвешивал весьма хладнокровно все за и против и пересматривал правила своего поведения; я не раз пересматри-

вал группы людей, с которыми мне будет необходимо вести переговоры и совместно работать, я знал различные лица и многих довольно хорошо; вышла бы довольно толстая книга, если бы я записал тогдашние свои размышления, она была бы интересна, и уверен, что даже поучительна. Я не сомневался в том, какие политики необходимы для нашего обновленного государства и не сомневался, что в принципиальных и основных вопросах не буду и не должен никому уступать; но над всеми личными антипатиями я поставил основательный крест. В Париже я сведения, о которых говорю, кое-чем дополнил, главным образом, из наших газет, сообщавших о перевороте.

96.

В Париже (куда я приехал 7 декабря) я сделал свой первый официальный визит президенту французской республики Пуанкарэ, чтобы поблагодарить его устно за всю ту помощь, которая была оказана Францией и им лично; я видел его еще раз на официальном обеде.

После визита президенту я отправился к нашему войску в Дарнэ; я произвел смотр и пробыл в их среде несколько часов. На обратном пути в Париж я написал черновик своего первого послания. Я также посетил раненых в госпитале.

Как в Лондоне, так и в Париже с утра до вечера я делал и принимал визиты. Весьма сердечно был я встречен министром Пишоном, когда приехал к нему с визитом; такой же прием ждал меня у ряда политиков и политически выдающихся личностей, как например, у председателя палаты депутатов Дешанеля, у Клемансо и др.

Я еще лично не знал Клемансо, но он меня интересовал уже много лет, а во время войны я следил за его деятельностью на пользу армии. Я познакомился с некоторыми из его знакомых и они мне рассказывали, что в начале войны у него был довольно пессимистический взгляд на исход мировой войны и на Францию вообще. Тем более меня чисто психологически занимал факт, как при таком скептицизме он мог энергично работать не

только для себя, чтобы этой работой преодолеть свой скептицизм и пессимизм, но конечно и из преданности к Франции. Конечно, есть скептицизм и скептицизм! Уже ранее Клемансо занимал меня не только речами и парламентскими выступлениями, но и своей литературной деятельностью, своим романом (Les plus forts) и своей философией истории (Le Grand Pan), в которых так рельефно выступал его так называемый скепсис. Вначале он нам не слишком симпатизировал; австрийская и венгерская пропаганда распространяла слухи, что он австрофил. Когда стало известно, что он станет во главе правительства (это произошло 16 ноября 1917 г.), то некоторые французские газеты заимствовали из мадьярских газет сообщение, что новый премьер будет на стороне мадьяр, потому что его дочь вышла замуж за мадьяра, а брат женат на венке. Его энергичное и серьезное выступление в афере Сикста не оправдало мадьярских надежд. Некоторое время он не был согласен с моей политикой в России и с тем, что я не пошел с армией в Румынию; тем более мне было теперь приятно слышать, что он допускал, что ход событий доказал мою правоту. Кроме того, ведь именно сам Клемансо уже в декабре 1917 и в январе 1918 г.г. заключил с д-ром Бенешем договор о легионах.

Судя по упомянутым сообщениям об австрийских и австрофильских выступлениях в Швейцарии во время Женевской конференции и еще после нее, я предполагал, что у австрофилов был доступ к самому Клемансо; лично с Клемансо я не хотел говорить об этом и старался иными доступными путями точно и верно определить положение. Я еще вернусь к этому вопросу.

Интересной фигурой в тогдашней политике был Бертело; не только как политический деятель — он стал правой рукой Клемансо — но и как политический наблюдатель мирового политического развития. Мы разобрали все важнейшие вопросы, касающиеся послевоенной перестройки Европы и ближнего Востока. Важно было то, что он последовательно стоял за исключение Турции из Европы, как это было в первоначальном плане всех союзников.

Я возобновил сношения с журналистами и публицистами

(Говен и др.) и, конечно, с академическими кругами, прежде всего, с проф. Дени.

В Париже как раз был полковник Гауз, с которым я мог продолжать наши разговоры о войне и будущем мире; он уже знал д-ра Бенеша, приглашенного на конференцию о перемирии, на которой Гауз защищал взгляды Вильсона о ненужности дальнейшей войны. Вспоминаю также покойного американского посла В. Г. Шарпа.

В английском посольстве я встретился с английскими знакомыми и друзьями; с лордом Дерби я познакомился лишь теперь. В Париж приехали также Стид и Сетон-Ватсон.

Как всегда мы очень легко договорились с посланником Весничем; с доктором Трумбичем мы обстоятельно обсудили о предстоящем сотрудничестве с югославянами.

Тогда же в Париже мы более подробно сговорились о форме так называемой Малой Антанты; сначала я вел переговоры с Таке Ионеску, а он уже потом привел Венизелоса. Судя по тогдашнему положению, мы представляли себе дело в виде тесной связи с югославянами, поляками, румынами, а также и греками, у которых после Балканской войны был дружественный договор с сербами. Мы ясно сознавали, однако, затруднения, которые нас ожидали, особенно же некоторые территориальные вопросы, которые касались в частности югославян и румын. Мы решили, что для дальнейшей совместной работы мы подготовим себе почву уже на мирных конференциях. Идея Малой Антанты была, как говорится, в воздухе. Совместная работа с румынами и поляками в России, близкие сношения с югославянами во всех государствах в течение всей войны и общая детяельность, как например, конгресс порабощенных народов и организация Среднеевропейской демократической Унии в Америке, все это было предварительными попытками совместной работы. Я уже говорил о том, как Роман Дмовский помышлял о чешско-польской федерации. Основываясь на этих опытах, я формулировал в своей «Новой Европе» предположение, что около Большой Антанты могут быть организованы меньшие союзы, особенно же союзы малых государств средней Европы.

Тем, что я на последнем месте вспоминаю о своих посещениях госпожи Жувенель, я вовсе не хочу сказать, что салон этого нашего друга не был политическим; наоборот, именно там, будучи введен туда покойным Штефаником, я познакомился со многими выдающимися и влиятельными политическими, дипломатическими и военными особами. На этот раз именно в кругу г-жи Жувенель я мог искренно поблагодарить Бриана, который первый из союзнических государственных деятелей принял нашу политическую программу.

И опять именно Франция была первой, пославшей к нам своего посланника; Клеман-Симон, назначенный посланником в Праге 12 декабря 1918 года, выехал со мной (14 декабря) в Прагу. С нами ехал также английский военный атташе, сэр Томас Канингем, назначенный и нам, и в Австрию.

97.

Из Парижа я поехал дальше через Италию. 15 декабря я приехал в Модане; там меня ждал генерал, посланный итальянским королем и пригласивший меня к себе; сам король ожидал меня в Падуе на вокзале, и после смотра военного отряда я был его гостем до следующего дня. Третий раз в жизни я говорил с монархом; в первый раз это был Франц-Иосиф, который стоял на том, что он наивысший аристократ в Европе, а вследствие этого постоянно и во всем принимал позу монарха, тогда как итальянский король был чисто конституционен и никогда не позировал. Обсуждался, например, вопрос о том, должны ли быть во время обеда тосты; и королю и мне это казалось излишним, но в случае, если бы это было нужно, король бы дал предварительно текст тоста на просмотр правительству. Вот истинный урок конституционализма! Второй монарх, с которым я познакомился, был король Фердинанд румынский. Собственно, я был в обществе четырех монархов — в Лондоне я видел королевича Александра.

Я посетил наше войско у Падуи и произвел смотр в первый день пехоте, а на следующий кавалерии. В Падуе я также по-

знакомился с семейством маркизов Бенцони, с которым Штефаник должен был вступить в родственную связь.

В Италии началось мое добровольное изгнание; в Италии была моя последняя заграничная остановка. 17 числа я выехал в три часа пополудни из Италии в сопровождении отряда итальянских легионеров; с ними ехал генерал Пиччоне.

Последние политические сведения, которые я получил, касались, главным образом, положения в Германии и восстания спартаковцев; президент Вильсон прибыл 13 декабря в Париж, приготовления к мирным переговорам продолжались.

На всякий случай я поручил д-ру Бенешу передать миротворцам мирную программу «Новой Европы»; статья была для них напечатана неофициально (на французском и английском языках). Публично нашу мирную программу распространял снова в «Times» Стид, условившись о том с Сетон-Ватсоном и другими нам близкими политиками.

98.

По дороге из Падуи домой мысли неслись к будущим задачам; езда и пребывание на австрийской территории принуждали выработать окончательное мнение о закатывающейся габсбургской империи. Мы проехали Бриксен (18 декабря), а с Бриксеном меня окружили роем мысли о Гавличке и с ним о нашей политике. У Гавличка я многому научился — в течение целого пути из Бриксена у меня в ушах звучали его слова: «честная и разумная политика»!..

20 декабря — в пятницу — мы были на границе Чехии; не одна слеза смочила глаза тех, кто после стольких лет возвращался домой; даже поцелуями покрывали они нашу чешскую землю..

Первый рапорт чешского окружного гетмана (судя по выговору, немца), а потом пожатие руки членам семьи и политической депутации.

Чтобы не приезжать в Прагу вечером, мы переночевали с пятницы на субботу в Чешских Будеевицах. — Пятница для меня ужасно решающий день; я не знаю, есть ли у других лю-

дей такие дни, но со мною весьма часто важнейшие и счастливейшие события случаются в пятницу: в пятницу я покинул в декабре 1914 г. Австрию, в пятницу последовали ответ Вильсона и Декларация Независимости, и вот в пятницу, после четырехлетней работы заграницей, я снова стоял на чешской земле.

99.

В субботу (21 декабря) утром мы выехали по направлению к Праге. Остановки в Весели, Таборе («Табор, вот наша программа!»), в Бенешове и вот, наконец, в Праге.

Я ехал по приветствовавшей меня Праге в демократическом автомобиле, не желая воспользоваться старой золоченой каретой, характерной для прошедших времен.

Что я чувствовал и думал во время этого великолепного приема в Праге — был я доволен, был радостен? Смотря на все это торжество, на богатство красок, национальных костюмов, флагов и украшений, роз и других цветов, отвечая на все милые приветствия, я все время думал о предстоящих тяжелых задачах, о достойном строительстве нашего обновленного государства; цепь этих мыслей не освободила меня и тогда, когда после полудня я в парламенте торжественно принес присягу: «клянусь честью и совестью, что буду заботиться о благе республики и народа и хранить законы».

Посетив жену в санатории, я в первый раз спал, или вернее не спал в пражском Граде.

На другой день, в воскресенье 22 декабря я прочел в Граде свое первое послание, дающее весьма сжато обзор заграничной деятельности; совет министров, которым я дал на просмотр свою речь, сделал существенные изменения.

Для чтения послания был выбран Град, а не здание парламента; из-за этого возникли формальные затруднения, считать ли собрание в Граде заседанием Национального Собрания; в конце концов, послание было включено в протокол особого комитета для выработки ответа на послание; этот комитет пред-

ложил, чтобы послание было включено и в стенографический протокол Национального Собрания. Так это и было сделано.

Но тут я уже начинаю вспоминать, что я делал дома, а сведения об этом не входят в программу этой книги. Я хочу еще, основываясь на своих заграничных опытах, извлечь следующую основную политическую мораль: как возникла наша республика и как мы создадим и удержим уже завоеванную независимость.

IX

ВОЗНИКНОВЕНИЕ НАШЕЙ РЕСПУБЛИКИ

100.

Говорят, что государства держатся теми политическими силами, благодаря которым и из которых они возникли. В этом много правды: поэтому я хочу завершить свои воспоминания более подробным разбором политического и правового значения освободительного движения и рассказом, как возникла наша республика, как мы достигли независимости.

Говоря общо, наша независимость возникла из падения Австро-Венгрии и из мировой вспышки вообще; союзники победили Германию и Австрию и этим сделали возможность и завоевали нам нашу независимость. Победоносные союзники на мирных конференциях провели новую организацию средней и восточной Европы; мы принимали с самого начала участие в этих мирных конференциях и подписали мирный договор, ибо были уже во время войны приняты союзниками в ареопаг воюющих и имеющих решающий голос народов — союзники признали и приняли нашу политическую и освободительную программу.

Позднее признали нашу независимость и наши противники своими подписями на мирных договорах и их ратификациею.

Мы добились своей независимости борьбой и революцией против Австро-Венгрии; мы свою независимость завоевали в

Сибири, во Франции, Италии, как кратко сказал президент Пуанкаре. Революция же наша была особая: ее вооруженные выступления происходили не дома, на нашей территории, но заграницей, в чужих землях.

Мы были обязаны, как народ, принять участие в мировой оборонительной войне; без этого участия мы бы не добились независимости — во всяком случае, не в такой степени, в которой мы этого достигли теперь. В этом заключается смысл и политическое значение наших легионов в России, Франции и Италии. Легионы нам приобрели симпатию и помощь западных великих держав, легионы и анабазис в Сибири приобрели нам симпатии широких союзнических кругов и даже уважение наших противников.

Кроме легионов серьезно помогли освобождению и все те наши люди, которые, будучи солдатами в австрийской армии, содействовали длительным и упорным сопротивлением ее разложению, особенно же те, кто за свое сопротивление Австрии заплатил смертью. Каждой казнью Вена и Будапешт рыли себе могилу, ибо доказывали этим, что наш народ стоит к ним в оппозиции на жизнь и смерть; мы заграницей указывали на каждую казнь и открыто обвиняли Австрию. Мы обвиняли ее, конечно, и за все преследования и жестокости. Яркий пример такого настроения в войске я нашел в молодом скульпторе Сапике; когда его посылали на русский фронт, то прощаясь с друзьями в Праге он сказал: «я знаю, что паду, но все же ни одного выстрела не направлю против русских». Он был убит сейчас же по приходе на фронт, сдержал свое обещание. А таких, как Сапик, были тысячи и тысячи...

Далее, способствовали освбождению все те мирные граждане, которые дома у себя были военным террором австрийским повешены, были присуждены к смертной казни (д-р Крамарж, д-р Рашин) и заключены в тюрьму, лишены имущества и всячески мучимы. Необходимо также вспомнить всех тех чешских людей изо всех слоев народа, которых история не вспомнит, но которым австрийские преследования делали еще более мучительным и без того тяжелое военное время. Указывая на подобные факты, мы убеждали союзников, что мы решились бо-

роться с Австро-Венгрией на жизнь и смерть. Наша независимость была добыта кровью.

Другим действенным элементом заграницей был Национальный Совет, его дипломатическая деятельность и пропаганда; мы формировали легионы и увеличили их до размеров армии, мы же использовали и дипломатически участие легионов в войне. Заграничный Национальный Совет был органом наших политиков, понявших основу мировой войны и всего положения и принявших непоколебимое решение или прямо и открыто делать революцию заграницей, куда они и уехали, т. к. революция дома не была возможна, или же своей скрытой, подпольной работой дома основательно поддерживать заграничное движение. Главной задачей было сломить всюду и в России наследственное австрофильство, что нам наконец и удалось. Нам удалось заграницей убедить союзников в нашем праве на независимость, историческом и естественном: нам удалось показать союзникам истинную сущность Габсбургов и их абсолютизма, показать, что в Австро-Венгрии при помощи лже-конституции меньшенство господствует над большинством, что Австрия и Венгрия являются пережитком и аномалией, точно так же, как прусский и русский царизм. О Пруссии и России знали на Западе и без нас; нашей задачей было убедить, что венский царизм ни чем не лучше, даже хуже. Мы указывали на жестокое обращение Австро-Венгрии во время войны со своими народами, которые с ней не были согласны, на ее зависимость от Германии и пангерманского плана последней, а также на ее значительную вину в самой войне; в противовес этому, мы требовали своего права на независимость, поддерживая его историей нашего участия в культурном развитии Европы. Четырехлетняя пропаганда сумела распространить о нас эти сведения даже в широких кругах союзнических народов и основательно их там укрепить.

Австрофильство, как я уже указывал, было весьма сильно во всех союзнических и нейтральных землях; победа над ним не была легкой и скорой — ведь сами мы почти что все так долго доказывали и защищали необходимость Австрии перед целым светом! Против нас была направлена интенсивная австрофильская пропаганда, затрудняющая нашу задачу; однако, тем

действительнее была победа нашей пропаганды. Союзники не знали Австро-Венгрии так, как мы, они совершенно не знали сложных национальных, экономических и культурных условий Восточной Европы. Напротив, мы могли дать союзникам антиавстрийскую и антигерманскую программу, подкрепленную долголетним опытом и изучением Восточной Европы. Я сказал уже в начале, излагая о первом программном разговоре с Брианом, что мы дали союзникам политическую программу: это не преувеличение, наши друзья во Франции, Англии и Америке сами это признают.

Необходимо подчеркнуть, что австрофильство не основывалось лишь на симпатиях к Австрии и Вене, но и на традиционном взгляде, что Австрия является плотиной против Германии; несмотря на то, что мировая война являлась очевидным опровержением этого взгляда, он, однако, всюду держался.

Мы подавали всегда не только свою программу, но программу освобождения других народов и перестройки целой Европы. Этому служит доказательством «Новая Европа», врученная в конце войны для мирных переговоров, на французском и английском языках, союзническим государственным деятелям.

В финансовом отношении мы не зависели от союзников ни в пропаганде, ни в своей деятельности вообще. Я отказывался ото всех, даже самых дружественных предложений. Между прочим, это является одной из причин, почему мы публично дезавуировали попытку русского правительства создать свой официальный, оплачиваемый Национальный Совет. Был единственный случай, когда я для американской тайной разведки принял позднее английскую субсидию; это было совершенно обоснованно, т. к. дело касалось особой деятельности, посвященной исключительно союзникам. И не только пропаганду, но и легионы мы содержали, правда в долг, но все же вполне самостоятельно.

Я знал, что этим обременяю будущий государственный бюджет, но мне это казалось само собою разумеющимся. Я лично мог наблюдать некоторые случаи такой зависимости, и они как раз укрепляли меня в моей тактике. Насколько это решение было важно, станет ясным, когда я скажу, что некото-

рые политики в союзнических государствах были поражены, что мы не просим финансовой поддержки. Некоторые представляли себе, что мы располагаем огромными фондами; они объясняли такое наше поведение большой денежной поддержкой с родины, и в глазах многих это подымало наш революционный престиж. Я узнал, что некоторые австрийские агенты доносили на нас во Франции, что эти фонды у нас получены от Австрии! Нашлись такие люди, которые выдавали нас за орудие Германии! Вот один из примеров, с какими трудностями нам приходилось встречаться; одновременно это бросает свет на секреты австрийской и немецкой пропаганды. Мой взгляд был и остался: у нас было и есть право на независимость, но это право мы должны сами защищать, и независимость должны снова завоевать и удержать собственными силами; нам не о чем было просить, а потому мы не и просили, хотя и искали помощи и дружбы всех союзников. У нас была, есть и будет обязанность усиленно работать и жертвовать собой.

В действительности, дело было не только в этом принципе; на практике это означало, что наш Национальный Совет и наша армия являются нашим самостоятельным органом, а ни в коем случае не являются только политическим органом союзников.

101.

Наш народ принял участие в революции не только в легионах и заграничном Национальном Совете, но и дома: доказательством являются казни мирных граждан, их заточение в тюрьмах, посылка на фронт, присуждение выдающихся политиков к смерти, конфискация имущества и аресты, словом, все те наказания, которыми Вена преследовала народ. Дома так же, как и заграницей, господствовал дух восстания. Революция была возможна потому, что дома с самого начала и в течение всей войны давалось на нее согласие. Смею сказать — согласие было всеобщее.

Дома в течение первых трех лет революционное движение не велось совместно всеми политическими вождями, вернее

депутатами и партиями. Политическое водительство партий было изувечено правительством; очень скоро партии оказались без вождей на воле (в тюрьме был депутат Клофач, потом д-р Крамарж, д-р Рашин, депутат Стршибрный был взят на войну) и, таким образом, народ оказался без явного руководства своих политических партий.

Вооруженная революция дома не была до конца войны в программе руководящих партий, она там не могла и не должна была быть; зато весь народ был против Австрии и доказал свой здравый смысл, готовность к пассивному сопротивлению, в надлежащий момент и к активному. Если наши союзники ожидали революции и если они нас изредка обвиняли, что мы ее не произвели, то это не было ни верным, ни обоснованным; достаточно было того, что массы не поддались политическому и военному террору. Отдельные личности заплатили за свое сопротивление смертью. Основная масса народа поддерживала дисциплину и благодаря своей работе осталась здоровой и несломленной. Иногда настроение бывало тяжелым (я это пережил сам в течение первых четырех месяцев войны), отдельные личности и даже группы падали духом, но это настроение происходило не только от страха, но и от неопределенности положения.

В продовольственном вопросе, в развитии кооперации, мне кажется, наш народ во время войны проявил весьма серьезные организационные способности и политическое чутье; эта работа способствовала, главным образом, тому, что решимость сопротивляться Австрии не была надломлена голодом. Эта работа была произведена в Чехии и в Моравии; она была осуществлена — поскольку я могу проследить — лишь в чешских землях. (До известной степени то же было сделано и в Вене, но там заботилось о доставке продовольствия, особенно скота, главным образом, государство). Если нашим друзьям заграницей наш народ казался слишком пассивным, то это не было верною оценкою; тут как раз оправдала себя так называемая мелкая работа. «Чешское Сердце» было одновременно и гуманным вспомогательным учреждением.

При этой мелкой работе и всеобщей дисциплине очень при-

годились воспитание, которое мы получили с эпохи нашего возрождения: усилия Добровского, Юнгмана, Коллара, Палацкого, Шафарика и Гавличка, а также Ригера, Сладковского и их младших последователей, как и наша литература, искусство, публицистика и особенно школы были причиной этой всеобщей политической образованности и сознательности, следствием которых было импонирующее единение народа. Я слышал, как музыка Сметаны всюду во время войны подымала дух и ободряла; Сметана уже в молодости принял участие в революции 1848 года, своими операми и своей музыкой он предвосхитил наше освобождение — «Любуша» это больше чем пророчество, это музыкальный праздник уже внутренно освобожденного народа. Или вот иной пример: в Праге в то время были распроданы произведения Палацкого — мыслящие люди погружались в народную программу и заветы отца народа, принимая его последние антиавстрийские взгляды. Это прекрасные примеры политической зрелости. Уровень и высоту этого воспитания можно определить тем фактом, что среди нас ни дома, ни заграницей, думаю, не нашлось изменника. (Я уже упоминал о подозрениях Штефаника; привожу еще, что по новейшему определению в Германии за измену было осуждено 235 человек, а в союзнических землях насчитывается лишь 140 подобных случаев.

Нас воспитала и подготовила не только литература, искусство и публицистика — ведь народ это организованное целое а его организацию осуществили наши культурные, национальные учреждения: «Сокол» и другие общества и союзы и наши политические партии.

Несмотря на весь параллелизм в движении и в деятельности бесчисленных отдельных личностей, составляющих народ, как целое, все же должен был быть если не руководящий, то единящий и спаивающий центр. Объединяющим вождем была печать, особенно газеты, сумевшие тактической ловкостью сопротивляться военному террору, они поддерживали падающий дух с находчивостью, в которой выражалось сознание цели, говорили языком, непонятным для врагов, но который понимал каждый чех. Необходимый центр, соединяющий партии, был

дан некоторыми политическими вождями, работавшими в согласии друг с другом. В мою задачу не входит определять заслуги этих вождей и указывать, кто был первым и главным, кто второстепенным и вспомогательной силой и т. д. Все это будет выяснено опубликованием документов и донесений. Важную роль сейчас же в начале войны играла так называемая Маффия, которая вела движение дома и устраивала сношения Праги с нами, бывшими за границей; она распространяла сведения приходившие из мира союзников и этим поддеживала настро ение и революционный дух.

Что касается партий, то еще довольно долго удерживалась довоенная личная и программная разбросанность; однако, после неудачной попытки концентрировать силы в так называемую Национальную Партию (в 1915 г.) в конце 1916 г. (18 ноября) был организован депутатский «Чешский Союз» и «Национальный Комитет».

В конце войны возник новый «Национальный Комитет» (13 июля 1918 г.), отличающийся от прежней организации того же названия; мы видели в нем консолидацию политических партий которые были в нем все представлены. Мы ожидали от него более последовательного и цельного антиавстрийского движения.

В каком отношении к Национальному Комитету находился Социалистический Совет (6 сентября 1918 г.) нельзя точно установить по вышедшим до сих пор матерьялам; кажется, что на образование этого социалистического органа имели влияние стремление к единению социалистических масс и русская революция.

Естественно, что между политическим настроением народа и политикой ответственных депутатов возникли различия и даже трения, благодаря развитию положения на фронте. Я уже упомянул об опровержении (désaveu) в январе 1917 г.; я указал также на политическую неясность, состоявшую в том, что освобождения и присоединения Словакии к чешским землям не требовали в первоначальных предложениях программного заявления, изготовленного для первого заседания австрийского рейхстага, но окончательный текст заявления от 30 мая 1917 г.

о государственных правах чехов исправил эту забывчивость. Я сам хорошо знаю, так как испытал это заграницей, что присоединение Словакии не было легкой задачей: словаки были всюду неизвестны, австрофилы и мадьярофилы ссылались в борьбе с нами на многие заявления наших руководителей (д-р Гигер) и нашей официальной политики, которая чаще требовала восстановления исторических прав лишь, как тогда говорилось, для исторических земель. Замечательно, что против требования присоединения Словакии выступал историк.

При разборе депутатской политики необходимо принимать в соображение, что в течение первых лет войны Австрия и Германия побеждали, а Россия, в которую так верили, не оправдала надежд. Благодаря этому становится понятным, что могло возникнуть некоторое недоверие к освободительной программе, и что некоторые депутаты кобелались. Какой-то австрийский генерал, говорят, так выразился о поведении чехов: «мобилизуются, как овцы, дерутся, как львы, а когда мы проигрываем, радуются, как дети». Это не совсем верно, но все же хорошо характеризует ту нерешимость или скорее неопределенность, коренящуюся в ужасном положении зависимого, стонущего под военным террором народа.

С конца 1916 г. на некоторых депутатов имел бесспорно влияние император Карл и его секретное сообщение о том, что Австрия ведет переговоры о мире и мира добьется; январское опровержение в 1917 году приходится как раз на то время, когда император начинал переговоры.

В конце концов, у некоторых депутатов — у одного в меньшей, у другого в большей степени — были сомнения относительно того, сумеем ли мы быть независимы, сумеем ли не только достигнуть, но и удержать независимость; это не был всегда страх перед австрийским террором, но и необходимая политическая осторожность.

Мы, бывшие заграницей, часто посылали сведения о положении, изображая его в благоприятном свете, как и было в действительности, и призывали к выдержке; но давление Вены и оторванность наших депутатов от заграничного политического

мира создавали такое настроение, что наши вести недостаточно действовали; вероятно, они считались преувеличенными.

Народ не колебался, несмотря на то, что пессимистическое и оптимистическое настроения перемежались; когда я уезжал заграницу, то у меня было убеждение, что народ желает полной независимости, т. е. независимости без Австрии и без Габсбургов. Это была программа, проистекающая изо всего нашего развития под владычеством Австрии. В первое время войны это убеждение не могло достаточно проявляться — Австрия и Германия были еще достаточно сильны и постоянно побеждали; но с весны 1917 г. Вена, при новом императоре, все больше и больше слабела, в Праге же надежды расцветали; вскоре после опровержения (désaveu) отозвались писатели, а за ними последовал целый ряд более решительных проявлений официальной политики. Среди рабочих, под руководством металлургистов из Даньковки, с весны 1917 г. началось весьма сильное политическое кипение; вожди устраивали уличные демонастрации с лозунгом «Голод!» и послали к наместнику депутацию, требующую освобождения д-ра Крамаржа и д-ра Адлера. Позднее те, которые не были посланы на фронт, отдали себя в распоряжение депутатов.

Начиная с лета, вернее с осени 1917 г. антиавстрийское поведение депутатов начало нам казаться более единообразным и ясным. Так, например, мы могли употребить с успехом для своей политической деятельности их заявления от 6 января и 13 апреля 1918 года. Позднее новый Национальный Комитет с июля 1918 г. объединил все чешские партии на программе совершенно независимого чехословацкого государства, т. е. на программе, которую выставила заграничная революция; когда же пришел час, то вожди Национального Комитета в Женеве дали полную и формальную, торжественную санкцию этой заграничной революции, в то время как на родине другие вожди производили переворот в том же направлении, приспособляя свою тактику к условиям разваливающегося старого государства.

Не могу здесь не упомянуть о наших колониях; они исполнили свой национальный долг. Как ветвь народа в далеких

землях, в иных частях света, живет каждая такая колония в совершенно других условиях и другой среде; несмотря на свою оторванность от дома и политического центра, несмотря на все различия своей новой жизни на чужбине, колонии сливались в главном усилии освободить народ и содействовали каждая своей лептой осуществлению общей программы. Политические и личные разногласия были довольно легко преодолены; и поведение депутата Дюриха было парализовано без вреда для нас. Дисциплинированность наших масс выступает еще больше как раз благодаря ошибкам отдельных лиц и групп.

102.

При разборе освободительного движения и достижения нашей независимости необходимо различать, как наше государство возникло политически, de facto, матерьяльно и как de jure, юридически, формально. Это целая проблема, как было признано сначала союзниками, а потом центральными державами наши исторические и естественные права на независимое государство, и как была легализована наша революция заграницей и дома.

При своей заграничной работе я все время не упускал из виду окончательной юридической формулировки нашей политической программы; я ожидал всевозможных вопросов, которые нам будут поставлены с юридической и международной точек зрения на мирной конференции. А потому я старался, чтобы наше право на независимость было формулировано точнейшим образом во всех наших заявлениях, чтобы оно было известно иностранному общественному мнению и признано им. Именно это-то и составляло ядро нашей пропаганды. Я исходил из исторических государственных прав чешских земель, чем оправдывались наши притязания на полное восстановление нашего государства; иногда я доказывал, что наше государство de jure еще существует (вспоминаю здесь свою собственную полемику против «пресуществления»!). Но я под-

черкивал всегда и естественное право, в особенности что касалось Словакии.

Я прекрасно сознавал, что и сам я и заграничный Национальный Совет являемся революционными органами, а потому ожидал, что официальные представители государств выступят против меня с легитимистической точки зрения. Так это сначала и было, и не только относительно нас, но и наших военнопленных. Но это не проводилось всюду одинаково последовательно и не носило характера недружелюбия: нужно было однако много такта и умелого использования все возраставшего настроения против государств, которые вела за собой Германия, для того чтобы Национальный Совет вошел как можно скорее в правильные сношения с правительствами. Следующим достижением было точно выраженное признание. Союзники находились в регулярных (я бы сказал: официальных) военных отношениях с Австро-Венгрией и придерживались международно принятых обычаев и норм; но когда Германия и Австрия начали нарушать эти обычаи (вторжение в Бельгию, поддержка агитации против Англии в Ирландии и в других местах, антиамериканская пропаганда в самой же Америке и в других местах и т. д.), легитимизм начал бледнеть, и нас начали принимать, сначала de facto, а потом и de jure. Поэтому-то в своей пропаганде мы постоянно старались разоблачить агитационные подкопы Австрии и Германии (деятельность Воски, Осуского и т. д.).

С течением времени наша пропаганда расширяла сведения о наших исторических государственных правах, а вместе с этим способствовала и признанию их; более радикальные политики и радикальные партии признавали наше естественное право и нашу революцию. Стремление к освобождению, само по себе пользовалось симпатиями в западных государствах.

Как депутат, я, на основании конституционных предпосылок, считался глашатаем взглядов не только своего округа, но и всего народа. Мне верили, когда я по правде заявлял, что в смысле программы я согласовался с большинством наших политических партий и вождей. Заграницей всюду придавали огромное значение как раз этому факту, а мои друзья, Стид и

Сетон-Ватсон, уже в 1914 г. (в Голландии) настаивали на необходимости точного констатирования этого факта для Англии; министр Бальфур еще во время переговоров с д-ром Бенешем относительно нашего признания сомневался, действительно ли Национальный Совет достаточно представляет целый народ. Зная парламентаризм Запада, я предложил перед отъездом свою политическую программу на рассмотрение всем лидерам, с которыми вел переговоры, и попросил их высказать свое мнение и дать согласие; конечно, я не мог требовать от них формальных обязательств за партии и не мог получить от них письменных удостоверений, но высказанного согласия было достаточно для того, чтобы я мог ссылаться на согласие партий. Из Швейцарии (в 1915 г.) я дополнительно потребовал прямо такое удостоверение. С председателем «Сокола» д-ром Шейнером я подробно разобрал свои планы.

Заграничный Национальный Совет, с течением времени нормально организовавшийся (1916 г.), начал понемногу приобретать авторитет, главным образом, соответственно той мере, в которой мы организовали войско и стали поэтому участниками войны, вследствие того и действенным до известной степени фактором. Организацией войска мы доказали всем, что ведем дело всерьез. Национальный Совет стал правительством de facto, а союзнические правительства шаг за шагом начали признавать его и наше войско. Из отдельных актов признания видно, поскольку признание Национального Совета (позднее Временного правительства) было de facto и поскольку и в какой мере de jure. Сравнительное изучение этих различных формулировок весьма интересно; тот, кто понимает право как логическое выражение фактических событий, сумеет вычитать из них основательную часть военных и политических ситуаций того времени.

Национальный Совет (Временное правительство) был заграницей, он не находился на территории, которую мы предназначали для чешского государства; то же самое было и с нашим войском, которое находилось на иноземной территории, на которой и возникло; нашлись политики и юристы, которых это беспокоило, но я указывал на аналогичное положение сербов

на Корфу. Как мы это далее увидим, в конце концов, союзники это затруднение перестало мешать.

Вначале признание Национального Совета — в самом начале лишь меня — и нашей национальной программы мы получали чаще от отдельных политических личностей. Сюда относится, напр., уже упомянутая резолюция американского сенатора Кениона в Конгрессе, когда 25 мая 1917 г. он объявил независимость чешского народа за одно из условий мира. Подобные же отдельные голоса депутатов раздавались также во французском парламенте, в Англии, в России и других странах.

Более важным являлось признание наших прав, in concreto — Национального Совета и войска, отдельными министрами, а потом правительствами. Я уже дал схему всех признаний; по ней видно, что признание тесно связано с нашим военным развитием. Поэтому конец 1917 года, а равно и 1918 г. являются для нас решающими.

Возникает вопрос, какое значение имеют отдельные акты признания. Это зависит от условий, при которых следовали отдельные признания, и от веса тех, кто заявлял о признании. Конечно, признание президента Вильсона весьма важно, т. к. государственное положение американского президента и его отношение к собственному правительству весьма влиятельно. В Англии, в Италии и во Франции, наоборот, положение правительства совершенно иное, чем в Америке: в этих государствах правительство сильнее, там нет конституционного авторитета, соответствующего американскому президенту; английский и итальянский короли и французский президент не отвечают за действия правительства настолько, насколько американский президент, а потому здесь действительнее признание, исходящее от правительства. Конечно, кроме того, и значение Америки, как великой державы, было во время войны для всех союзников бесспорно весьма велико. Потому-то так сильно подействовал авторитет последнего ответа Вильсона на мирное предложение Австро-Венгрии.

Переговоры Национального Совета (Временного правительства) с союзническими правительствами предшествовали всем признаниям; некоторые из договоров являются прямо

обоюдными соглашениями. Признания не являются лишь ловко стилизованными безответственными обещаниями.

Далее, весьма важно оценить, в каком порядке следовали те признания, которых мы добились от союзников. Например,— даю здесь вообще лишь примеры — очень веско, что первое официальное признание было сделано Францией, как и вообще то, что было сделано для нас по французской инициативе. Я подразумеваю первое признание Бриана (3 февраля 1916 г.), потом инициативу Франции в заявлении союзников Вильсону в январе 1917 г., инициативу в образовании наших войск в России, первый договор республики с Национальным Советом, декрет об организации нашей армии в декабре 1917 г. и, наконец, назначение первого посланника к нам.

Рядом с этим необходимо отметить, что первые политические сношения уже в 1915 г. я завязал с Англией, Россией, Сербией и Италией: поручение из Праги в Лондон, переданное Воской — голландский меморандум — сношения с английским и сербским посольствами в Риме — меморандум министру Грею — первые сношения с русским послом в Лондоне — связь с итальянским посольством в Швейцарии.

Вообще признание отдельных государств должно оцениваться в зависимости от данных условий. Так, например, Англия, как монархия, конечно, консервативнее и тем не менее охотно принимала Национальный Совет и признала наши государственные права. Поэтому я так высоко ценил то, что председатель совета министров Асквит принял сравнительно скоро председательствование на моей первой лекции в лондонском университете; наконец, декларация, заключенная д-ром Бенешем с Бальфуром, является весьма полным формальным признанием. Поэтому я ее привел дословно.

Также и монархическая Италия весьма скоро завязала постоянные сношения, сначала со мной (в Берне), а позднее и в самой Италии со Штефаником и Бенешем; форма ее признания, исходившая от Соннино, а потом от Орландо, отличается некоторой сдержанностью, внушенной соображениями, касающимися Югославии. Но Италия, как только решилась, начала весьма энергично поддерживать формировку наших легионов.

Мы ей обязаны также за формировку резервной части уже после заключения перемирия.

Было бы необходимо также критически оценить каждое отдельное признание, по мере того, как мы его добивались.

Само собой разумеется, что необходимо критически определять меру и степень отдельных признаний. Огромная разница, например, в том, признается ли наше право на независимость или же непосредственно сама независимость; некоторое различие заключается между признанием нашего Национального Совета и позже нашего Временного правительства. Переговоры с союзническими правительствами о формулировке признания бывали часто весьма подробны и затруднительны; примером могут служить переговоры с Бальфуром. Д-р Бенеш уже изложил это в печати; дополнительно я укажу, как опасения английского министра признать Национальный Совет были благополучно преодолены словом «опекун, представитель, заместитель (trustee — это английское выражение нельзя точно перевести одним словом) будущего правительства», предложенным д-ру Бенешу Стидом.

103.

Из вопроса о достоинстве признаний, исходивших от отдельных правительств и государств, возникает дальнейший вопрос, когда и как возникло наше государство и с каких пор оно существует. Как и когда дошло до международного признания нашего государства? Какое юридическое (международное) значение имеют отдельные признания и какие из них являются юридически (международно) решающими?

Ответ на эти вопросы является нелегкой задачей для государствоведов, как, впрочем, и при определении возникновения иных новых государств: мировая война и революция создали совершенно особые и новые политические и правовые условия, а потому до сих пор существовавшие юридические и международно признанные правила оказываются недостаточными. Это касается всех новых государств, следовательно, касается и

нас; я не буду останавливаться на вопросе об иных государствах, а ограничусь главными проблемами правового возникновения и начального развития нашего государства. Общая военная ситуация и наше положения в Австро-Венгири были причинами того, что с правовой, с международной точки зрения наша независимость опиралась исключительно на международное признание, прежде всего — исходившее от союзников.

Чтобы не задерживать читателя общими рассуждениями, остановлюсь на тех спорах, которые уже имели место. Английский историк парижской мирной конференции Темперлей приписывает решающую силу признания факту, что чехословацкие уполномоченные были допущены в пленарное заседание мирной конференции в Париже 18 января 1919 г. Этот акт, — говорит он, — является полным, окончательным и совершенным признанием нашего государства и его независимости. Однако Темперлей не уверен, не должно ли признать за начало нашего государства — 5 ноября; в этот день приехали представители Национального Комитета из Женевы, где Национальный Комитет был в «непосредственной» связи с парижским Национальным Советом; Темперлей придает этой «непосредственной» связи такое большое значение потому, что некоторые признания, полученные заграничным Национальным Советом, обладают, по его утверждению, бесспорным государственно-творческим авторитетом. К подобным признаниям Темперлей причисляет декларации Бальфура (9 августа), Вильсона (3 сентября), Пишона (15 октября) и Соннино (24 октября).

Сетон-Ватсон принимает взгляд Темперлея о государственно-творческом значении допущения на мирную конференцию, но придает почти подобное же значение признанию Бальфура от имени Англии (9 августа), Вильсона от имени Соединенных Штатов (3 сентября) и особенно Пишона от имени Франции (15 ноября). И иные теоретики и политики признают подобным же образом государственно творческую силу признаний, полученных Временным правительством, а ранее Национальным Советом.

Государственно-правовое затруднение с признанием нашего государства заключается в том, что до возникновения самосто-

ятельного государства дело обычно доходит на особой территории, населенной народом, образующим на данной территории государство. В нашем же случае было признано наше заграничное правительство, признана наша воюющая армия, находящаяся также вне территории, о которой идет речь, а благодаря этому признано и государство, вернее, государственная независимость, — отсюда и дилемма Темперлея и иных юристов и государствоведов. Действительность не руководствовалась существовавшими до сих пор теориями и обычаями.

Ставимая наукою о государстве и правом проблема возникновения нашего государства осложняется переворотом в самой стране: Национальный Комитет манифестом от 28 октября положительно объявил себя «правительством от сегодняшнего дня», т. е. от 28 октября; также и первый закон подобно манифесту Национального Комитета, провозглашает возникновение чехословацкого государства. А первый закон (хотя и в измененном виде) внесен в официальное Собрание узаконений и распоряжений, в чем и нашло себе письменное выражение начало особого самостоятельного законодательства.

Значит, дело обстоит так: заграничный Национальный Совет объявил себя, после многих предшествовавших признаний, правительством чехословацкого государства, и союзники признали его за такое правительство; признали его и представители Национального Комитета со своим председателем во главе; с другой стороны, в Праге Национальный Комитет объявил себя тоже правительством; таким образом, некоторое время у нас было два правительства, одно заграницей, признанное союзниками, другое дома, провозгласившее себя по праву революции.

Характер нашей революции, происходившей и дома и заграницей, при том заграницей — в странах, не смежных с родиной, явился причиной того, что у нас было два центра деятельности, один заграницей, другой в Праге. Важно было то, что оба эти центра, de facto правительства (названия: Национальный Комитет и др. — роли не играют) действовали согласно, так что не дошло до споров, как, например, это было между заграничным и у себя дома образовавшимся польским правительством. В связи со своим положением наше правительство на

месте, как только оно окончательно образовалось, стало во главе администрации и тем приобрело и свой характер, и свое значение; правительство заграницей, не будучи полным, было наряду с правительством на родине, военным и дипломатическим правительством, предназначенным специально для мирных переговоров. Так это было создано обстоятельствами, и задача заключалась в том, чтобы слить оба правительства.

И так, с какого времени существует наше государство?

Из признания заграничного Временного правительства (Национального Совета) союзниками и чешскими политическими вождями в Женеве некоторые публицисты заключают, что наше государство существует с 14 октября, т. е. с того дня, когда образование Временного правительства было нотифицировано союзниками. Временное правительство было признано союзниками; первое признание, исходившее от французов, состоялось 15 октября; ему Сетон-Ватсон и придает, как упомянуто, главное значение. Я согласен с этим и полагаю, что наше государство, в правовом отношении, существует с этого числа.

Было высказано также мнение, что государство существует со времени Вашингтонской Декларации (18 октября); но уже из изложенной истории этой Декларации становится ясно, что это была декларация уже существующего правительства, и в данном случае решающее значение имеет число, когда это правительство было признано.

Национальный Комитет на родине объявил себя правительством 28 октября; и это всеми принято считать днем, с которого начало существовать наше государство.

Союзнические правительства постоянно вели переговоры со Временным правительством (заграничным), как с действительным представителем народа и государства; так это было со времени его признания. Признания, совершенные во время войны, были действительны и после войны, особенно для мирной конференции. Красноречивым доказательством этого является приглашение д-ра Бенеша на заседание, касающееся перемирия с Германией, которое состоялось 4 ноября. Таким образом, д-р Бенеш считался представителем независимого, со-

юзнического государства, и его подпись находится среди остальных под протоколом этого исторического заседания. Международное значение этого акта выступит лучше всего, если мы посмотрим на поведение великих держав по отношению к другим возникающим государствам, особенно же Югославии и Польше. На мирную конференцию была приглашена Сербия, как союзническое и независимое государство; немало прошло времени, прежде чем Хорватия, считавшаяся частью Австро-Венгрии, была признана частью Югославии, а потому и признание Югославии (не только Сербии) вызвало некоторые затруднения. Наша же Словакия несмотря на то, что принадлежала Венгрии, как и Хорватия, считалась союзниками с самого начала частью нашего единого государства. Что касается Польши, то правительство Морачевского в Варшаве, которое не было признаваемо польским комитетом в Париже (Дмовским и Падеревским), лишь в феврале 1919 г. было признано в положительных выражениях. Наше же Временное правительство (заграничное) действовало в Париже с самого начала мирных переговоров вследствие предшествовавших признаний.

Когда начались переговоры о перемирии, после которого, сообразуясь с положением, должен был последовать мир, французское правительство приготовило программу действий на мирной конференции. Об этом плане у меня есть сообщение д-ра Бенеша. Теперь весь план опубликован Бэкером. Французский посол в Вашингтоне Жюссеран подал этот план американскому правительству 29 ноября; в нем целая часть посвящена новым государствам. В нем делалось различие между Чехословакией, как государством уже признанным, и государствами, находящимися в стадии формации, как, например, Югославия и др. Само собою разумеется, никто не сомневался, что эти государства будут существовать, и союзники создание их объявили своим планом, но тут-то и сказалась разница между планом-обещанием и действительным, состоявшимся признанием. Наш заграничный Национальный Совет (к этому я так стремился и в России!) был признан союзниками высшей властью для нашего заграничного войска, а благодаря этому, вследствие существующих взглядов, был признан в качестве и

правительства, хотя и временного, а ведь правительство является правительством государства.

Насколько наше Временное правительство было признано иностранными государствами, ясно видно из того, что д-р Бенеш, как министр иностранных дел Временного правительства, назначил — до переворота дома — первых дипломатических представителей, которые и были приняты иностранными державами. Когда позднее председатель совета министров, д-р Крамарж, поехал как делегат на мирную конференцию, то получил от меня, как президента, такую же грамоту, как и д-р Бенеш; но д-р Бенеш не только благодаря своему присутствию в Париже, но и вследствие более ранних признаний вел переговоры относительно мира ранее, чем получил грамоту. После признания Временного правительства д-р Бенеш именовался во всех актах союзнических правительств министром.

Интересной иллюстрацией к этому моему рассказу является тот факт, что французское правительство и парижские политические круги были до известной степени обеспокоены событиями 28 октября в Праге и заявлением Национального Комитета, полагая, что это австрофильское правительство и что оно избрано в противовес заграничному правительству. Очевидно, сведения о перевороте пришли в Париж из Вены и изображали события в свете манифеста Карла.

Наши вожди, приехавшие с родины, признали на конференции в Женеве силу союзнических признаний, особенно же исходившего от Вильсона; они признали в переговорах с д-ром Бенешем заграничное Временное правительство и все их шаги. Д-ра Бенеша также и они называют министром. Женевская делегация — о том, что произошло в Праге 28 октября, она ничего не знала — подтвердила заявления председателя Чешского Союза от 2 октября и Национального Комитета от 19 октября, в которых вопрос чехословацкой независимости был определен как международный вопрос, который дома не будет разрешаться.

Но под давлением обстоятельств Национальный Комитет должен был 28 октября выступить как руководящий орган и объявить себя правительством; как мы сейчас увидим, заграничное правительство после этого было ликвидировано.

И так, мы стоим перед фактом, что начиная с 28 октября, у нас было два правительства, одно дома, другое, более старое, в Париже. В этом случае необходимо отличать существование нашего государства от официального провозглашения, с какого момента это существование должно быть международно признано.

За 28 октября говорит переворот, происшедший в Праге и во всей стране; весь народ видел в перевороте начало независимого государства, освободившегося от Австро-Венгрии и от Габсбургов. Наконец, за 28 октября говорит и формальный довод, а именно то, что в этот день народ на своей территории открыто объявил себя независимым; это, как мы уже видели, некоторые юристы считали необходимым условием создающегося государства.

Вопрос о том, с каких пор существует наше государство, важен также и практически; он может влиять, например, на репарационные обязательства. Репарационная комиссия (она, конечно, не является политическим органом) постановила (15 апреля 1921 г.), что Чехословакия стала совместно воюющим государством после переворота 28 октября 1918 г.

Принимаю 28 октября по двум приведенным причинам, то-есть потому, что переворот 28 октября был признан всем народом за начало нашей независимости и что в этот день объявление независимости Национальным Комитетом произошло на собственной территории.

Все эти вопросы не были у нас достаточно подробно юридически разобраны. Государствоведы и теоретики конституционного права найдут при изучении возникновения и развития нашего государства не одну интересную и привлекающую внимание проблему; не только у нас, но и в иных послевоенных государствах не была произведена точная юридическая формулировка существующих условий. По этой же причине в переговорах о перемирии и в мирных договорах критика найдет не один пробел. Как во всех ревлюционных случаях, у нас нет еще подробного описания событий; события шли быстро одно за другим и сами по себе были неясны и неопределенны, а потому

при переговорах, заявлениях и окончательной формулировке встречаются затруднения и неточности.

104.

К этим размышлениям необходимо добавить несколько слов о перевороте 28 октября. До сих пор еще неизвестна подробная история всех событий, но для наших целей достаточно официальных документов и того, что огласили о перевороте его вожди.

Когда министр Андраши ночью с 27 на 28 октября принял условия Вильсона, то пражские газеты сообщили об этом немедленно особыми плакатами. Д-р Рашин и д-р Соукуп излагают в следующих словах значение признания Андраши: «Это было последнее слово Австро-Венгрии и конец империи Габсбургов». В манифесте, написанном в тот же день, д-р Рашин обращается к народу со следующими словами: «Ты не обманешь ожиданий целого культурного света, который с благословением на устах вспоминает твою славную историю, достигшую вершины в бессмертном геройстве чехословацких легионов на западном фронте и в Сибири... Сохрани свой щит чистым, как его сохранило твое национальное войско: чехословацкие легионы!.. Вера наших освободителей Масарика и Вильсона, что они добились свободы для народа, который умеет управлять сам собой, не должна быть обманута!»

Д-р Рашин повторял здесь то, что заявили 2 октября 1918 г. депутаты в Вене. Депутат Станек, председатель Чешского Союза, произнес речь, в которой заключалось признание заграничного Национального Совета и наших легионов всеми чешскими депутатами: «Вы не хотели допустить, чтобы мы приняли участие в мирных переговорах, но теперь при мирных переговорах будут чешские представители, они будут там помимо вашего желания; это — представители чехословацких бригад. С ними, а не с нами вы должны будете вести переговоры по чешским вопросам, а потому сейчас мы с вами не будем говорить. Этот вопрос будет решен в другом месте, а не в Австро-Венгрии. Здесь нет правомоченных для разрешения этого вопроса».

Ту же позицию занял после манифеста Карла и Национальный Комитет в своем заявлении от 19 октября; в нем говорится: «Чехословацкий вопрос перестал быть вопросом внутренней перестройки Австро-Венгрии, он стал международным вопросом и будет разрешен совместно со всеми мировыми вопросами. Он также не может быть разрешен без согласия и переговоров с той международно признанной частью народа, которая находится вне границ Чехии».

Видно, какое огромное значение д-р Рашин и д-р Соукуп приписывают ответу Вильсона и ноте Андраши, признающей этот ответ; мы знаем от д-ра Рашина из его описания переворота в брошюре «Маффия», как нетерпеливо он ожидал полной капитуляции Австрии, которую и увидел в ноте Андраши. С этой капитуляцией связан весь переворот 28 октября, ей он обязан всем своим характером, особенно спокойным и бескровным течением.

Говорилось, что переворот 28 октября до известной степени запоздал, что он мог произойти после манифеста Карла (16 октября) или после ответа Вильсона Австрии (опубликованного в Чехии 21 октября). Я лично после провозглашения Временного правительства и после ответа Вильсона, которые оба были направлены против манифеста Карла, ожидал выступления со стороны наших, оно и состоялоеь в виде заявления Национального Комитета по поводу манифеста Карла. И так, мы видим, что д-р Рашин — думаю, с согласия всего Национального Комитета — ожидал полной капитуляции Австро-Венгрии, которую и увидел как формально, так и внутренно в признании программы Вильсона со стороны Андраши. По моему мнению, это была вполне правильная тактика; она соответствовала соотношению сил враждебных сторон, т. е. Австро-Венгрии с ее военной мощью и нашего движения на родине с его более слабыми силами. Теперь ясно, что д-р Рашин и его друзья, опираясь на признание программы Вильсона Австрией и даже венгерским политиком, присоединил чешский переворот к наивысшему успеху Временного правительства и что благодаря этому переворот 28 октября стал синтезом революции дома и заграницей.

Тем, кто ожидал переворота сейчас же после манифеста

Карла и венского переворота, необходимо указать, что в то время была еще необходима революция, а к ней мы не были готовы. Переговоры с Веной и в Вене о преобразовании исторических земель в национальное государство, если даже было бы лишь тактическим шагом, все же бы обязывало и неприятно действовало заграницею. Позднейшие переговоры с наместником в Праге при изменившихся обстоятельствах не били так в глаза и не обязывали. Сигналом к перевороту мог скорее послужить развал итальянского фронта, но недолгое ожидание капитуляции перед Вильсоном обеспечивало более легкий и верный успех. Я допускаю, что положение могла использовать и какая-нибудь радикальная фракция, если бы она сорганизовалась.

В сообщении о перевороте, которое было сделано д-ром Рашиным и Соукупом в «Годичном отчете» чехословацкого Национального Собрания за первй год республики, мы читаем, что Национальный Комитет 28 и 29 октября вел переговоры с военными и гражданскими австрийскими управлениями; читаем там, что после длительных переговоров с земским военным управлением (28 октября) было заключено «соглашение»: представители военной власти признали за Национальным Комитетом право на «совместную работу» и обещали не предпринимать ничего против его желания. Подобное соглашение было заключено с наместником 29 октября депутатами Соукупом, Стршибрным, Рашиным и Швеглой: Национальный Комитет «признается» за исполнительный орган суверенного народа (не государства!) и «принимает совместное управление» в области администрации.

Это сообщение вследствие своей сжатости и неопределенности требует дополнений и объяснений со стороны участников: вопрос касается «соглашения» и того, что означали «совместная работа» и «совместное управление»; как долго это должно было продолжаться, в каком смысле и какой должно было иметь конец.

Естественно, что пражский наместник как представитель австрийского правительства вел переговоры с Национальным Комитетом на основании манифеста Карла, а, быть может, даже

на основании программы Ламмаша об образовании федеративных государств, одобренной 22 октября императором; как наместник императора он не мог вести переговоров об образовании республики и государства, независимо от Австрии и династии. Граф Куденгове, как известно, отмечает, что в переговорах с ним Национальный Комитет указывал на желание императора создать национальное правительство, что означало лишь федерацию о пределах новой Австрии; документы о 28 октября не подтверждают этого объяснения.

Текст первого закона и манифеста не соответствует манифесту Карла. Карл требовал неприкосновенности Венгрии, а закон и манифест от 28 октября, в противоположность этому, говорят о «чехословацком» государстве, и о «жупных» установлениях, очевидно, имея в виду Словакию. С другой стороны, также правда и то, что в манифесте Карла говорится о «чехословаках». Далее, в законе постановлено, что государственная форма будет определа Национальным Собранием и парижским Национальным Советом (Временным правительством); это тоже противоречит манифесту Карла, т. к. там не было никаких сомнений в форме федеративного государства. Первому закону и манифесту скорее бы соответствовала программа Ламмаша. Также во введении к закону чехословацкое государство называется независимым, юридически это понятие неопределенное; но все же оно до известной степени становится против совершенно неясной государственной программы Карлова манифеста.

Конечно, может быть разница между текстом нашего манифеста и закона (в том виде, как он был опубликован, во время переворота, 29 октября) и тем, что Национальный Комитет, может быть из тактических соображений, сказал при переговорах с Куденгове; нам не остается ничего иного, как подождать автентических разъяснений. Допустимо, что текст первого закона и манифеста страдает неопределенностью. Во введении к первому закону Национальный Комитет именуется проводителем государственной суверенности, а в первой статье понятие суверенности суживается до суверенности лишь во внутренних сношениях; установление государственной формы оставляется на решение Национального Собрания и Национального Совета

в Париже, а они оба называются неопределенно «органами единой воли народа». Хотя в манифесте Национальный Комитет и зовется правительством, но определяется также довольно неточно, как «единственный правомоченный и ответственный деятель».

В то время, когда в Праге происходил переворот, в Женеве были члены и доверенные Национального Комитета, которые и вели переговоры с д-ром Бенешем; значение женевской депутации определяется тем, что во главе ее стоял сам председатель Национального Комитета д-р Крамарж. Некоторые соглашения женевской конференции были опубликованы; кроме того, у меня есть официальное сообщение д-ра Бенеша. Я уже писал об австрийской дипломатии и о том, как внимательно она следила за женевскими заседаниями; теперь я знаю более подробно содержание ее доклада в Вену.

Женевские соглашения, помеченные 31 октября, точнее, чем пражские документы от 28 октября. В них признаются парижский Национальный Совет (Временное правительство) и его политические соглашения и решения; д-р Бенеш признается министром; этим признана им республиканская форма государства, провозглашенная заграничным правительством, т. к. говорится в положительных выражениях, что признаются все шаги парижского Национального Совета. Это признание касается также и Вашингтонской Декларации, в которой Временное правительство установиливало основные черты возрожденного государства. В Женеве весьма решительно разорвана связь с Веной и Будапештом и с Габсбургской династией. Согласились также и по поводу формы государства, как республики, но пока это еще не было опубликовано. Кажется, пражские делегаты не были уполномочены публично объявить республику; в Праге ходили неясные слухи о мнимых переговорах заграничного Национального Совета с принцем Коннаутским и другими возможными монархическими кандидатами на пражский трон, а потому, очевидно, Национальный Комитет в Праге не был уверен в форме правления. Эта неуверенность членов Национального Комитета, приехавших в Женеву, была рассеяна; д-р Бенеш сообщил им, что не существует никаких соглашений от-

носительно трона, и настоял на том, чтобы делегация одобрила наши действия заграницей и особенно объявление республики. У меня есть текст телеграммы д-ра Бенеша, посланной из Женевы французскому правительству и сообщающей о женевских переговорах; в ней подчеркнуто соглашение о республиканском образе правления. Вена, как я это сейчас покажу, еще и после переворота стремилась привлечь на свою сторону союзников; д-р Бенеш выступал весьма успешно против этих попыток.

Женевские соглашения, были объявлены секретными и временно не могли быть опубликованы; боялись преследований, а потому в Женеве подумывали об обратном пути через Германию и договаривались с Веной о безопасном возвращении домой.

После возвращения женевской депутации, и в Праге наступило политическое прояснение. Союз с Австро-Венгрией и династией был в Женеве формально расторгнут, а постановление относительно форм правления было повторением постановления заграничного правительства. Политическое и даже правовое значение женевской депутации и ее возвращения в Прагу было выдвинуто Темперлеем в его уже приведенном толковании, согласно которому наше государство признавалось существующим с момента возвращения женевской депутации; то, как была встречена и приветствуема депутация в Праге, доказывает, что политическое общественное мнение вполне сознавало значение женевских соглашений с заграничным правительством.

Естественно, что женевская депутация занималась также вопросом об отношениях нашего заграничного правительства к правительству, которое может создаться в Праге. В упомянутом первом годовом отчете напечатана телеграмма из Парижа Национальному Комитету от 20 октября, в которой объясняется о создании заграничного правительства и говорится, что, по соглашению, заключенному пражскими вождями (когда, кем?), парижское правительство примет в свой состав пражское правительство, если оно образуется после восстания и беспорядков. Телеграмма отправлена не д-ром Бенешом, как сказано в отчете, а д-ром Борским; потому-то в женевском соглашении говорится иначе. Из того, что опубликовано, не видно, как были

определены отношения парижского Временного правительства к будущему правительству дома, зато в еще не опубликованных соглашениях точно сказано, что оба правительства сольются; в пражское правительство должны вступить оба заграничных министра Временного правительства — д-р Бенеш и Штефаник. Я перестал быть председателем совета министров и министром финансов, как только был избран президентом и как только избрано было окончательное правительство.

Можно было бы поставить вопрос, почему переворот не был окончательно осуществлен 28 октября во всех областях государственного и автономного управления. 28 октября Национальный Комитет взял в свои руки военный продовольственный комитет и наместничество (о его передаче, собственно говоря, велись лишь переговоры), земскую правительственную комиссию и земское военное управление (последнее не было взято целиком, а как-то на половину); конечно, не простая случайность что первым был взят в руки продовольственный комитет — продовольственный вопрос был тогда чрезвычайно важен, а благодаря этому Национальный Комитет получал в свои руки и войско, которое зависело от продовольственного комитета. Я вижу в этом хорошо продуманный план. 29 октября Национальный Комитет овладел другими учреждениями (полицейским управлением, апелляционным судом и его прокуратурою); наконец, 30 было окончательно взято наряду с наместничеством и земское военное управление, которое пыталось вернуть в свои руки полную власть; это был, кажется, самый опасный момент в нашей революции. Эта военная капитуляция имеет большее значение потому, что как раз на войске династия и австрийское государство основывали свое существование. Назначение депутата Тусара представителем в Вену для ведения переговоров с Андраши (30 октября) является дальнейшим революционным шагом, как и святомартинское заявление о присоединении словаков (30 октября). После возвращения женевских делегатов, 5 ноября Национальный Комитет вынес окончательное постановления о форме государственного правления: д-р Крамарж, как вождь женевской делегации и председатель Национального Комитета, сейчас же по приезде в Прагу сказал

еще перед вокзалом с автомобиля речь, в которой объявил, что у нас будет свободная демократическая и народная республика.

14 ноября переворот был матерьяльно и формально закончен; чисто технические, а отнюдь не политические и юридические причины потребовали двух недель для того, чтобы вся государственная и земская администрация не только по имени, но и в действительности, оказалась в руках Национального Комитета.

Полное описание переворота должно заключать в себе то, как он совершился в отдельных частях страны. По округам в чешских землях были образованы революционные комитеты, которые действовали по приказу из Праги. В Моравии, именно в Брне моравские члены Национального Комитета действовали с Прагой параллельно, находясь с ней в постоянном сношении по телефону.

Наконец, как теоретически, так и практически важен вопрос, возникла ли суверенность чехословацкого государства сейчас же, 28 октября, и для Словакии по всей ее территории. Я знаю, что еще до сих пор между отдельными министерствами идут об этом споры, в которые должен был вмешаться даже высший административный суд.

105.

Чрезвычайно важна проблема формы нашего государства, проблема монархии или республики.

Наша довоенная государственно-правовая программа была монархическо-роялистическая; кроме отдельных личностей в различных партиях, лишь социал демократы, как цельная партия, были республиканцами, но это республиканство было скорее программного характера: действительной и прямой республиканской пропаганды не было. В декабре 1914 г. я уезжал тоже как теоретический республиканец, но вопрос мне тогда не казался настоятельным; лишь в крайнем случае я бы согласился (если бы Россия не пала и т. д.) на избрание какой-нибудь

иностранной династии (поскольку было бы возможно, не русской).

Во всяком случае, важно констатировать, как и когда было решено дома и заграницей принять республиканскую форму правления. Само собой разумеется, что вопрос о форме государства совершенно независим от вопроса о возникновении государства; закон 28 октября оставляет вопрос о форме государства in suspendo.

Я уже приводил, как я излагал заграницей союзникам о мыслях в этом направлении наших партий, о том, что большая часть нашего народа настроена монархически, т. е. роялистически; так я говорил в 1914 и 1915 г.г. В своем меморандуме, поданном французскому правительству и союзникам в феврале 1916 г. я уже официально высказался за республику. Но окончательно и торжественно я объявил республику в Вашингтонской Декларации, принятой в Женеве и в Праге. Русская революция у нас, как и в других государствах влекла решительное обращение умов к республике; впервые открыто было высказано это желание на собраниях, организованных Социалистическим Советом 14 октября 1918 г. в Праге, а также во многих городах и местечках в провинции (д-р Рашин утверждает в своей книжке «Маффия», что это провозглашение произошло в Праге не как следствие военных репрессий, но вследствие распространения прокламаций среди народа).

О взглядах Национального Комитета, т. е. его влиятельных членов, и о том, как они проявлялись, нет никаких сведений. Судя по письменному сообщению Ламмаша, д-р Крамарж заявил во время своего путешествия в Женеву (22 октября), что лично он роялист, но что большинство республиканцы. Этот роялизм не был, однако, государственным (Габсбургским); в Женеве д-р Крамарж, как и все члены делегации, был против Австрии и Габсбургов, но он высказывался, однако, еще за монархию и за русскую династию. В это время д-р Крамарж был председателем Национального Комитета, а благодаря этому его взгляд имел значение для некоторых членов его партии, а быть может и влиял на них. Но под впечатлением сообщения Бенеша о заграничной ситуации он принял республиканскую

программу; я так понимаю его уже приведенную публичную речь при приезде из Женевы.

Припоминаю, что к монархическому образу правления склонялся также генерал Штефаник. После некоторых колебаний он принял, однако, объявление республики в той форме, как я ее формулировал в Вашингтонской Декларации.

С этой стороны интересны также конституционные проекты, поданные Национальному Комитету в 1917 г.; наирадикальнейший проект стоял за личную унию с Австрией. Отмечаю, что взгляды этих проектов были высказаны летом 1917 г., то-есть под австрийским давлением.

Важные совещания относительно конституции и формы правления происходили в октябре (начались 14-го) 1918 г.; юридическую основу для них разработал д-р Пантучек, как об этом он сообщает сам. Это сообщение мне кажется весьма важным, ибо из него следует, что руководящие депутаты думали еще до 28 октября о разных политических возможностях. Очевидно, что уже тогда считались не с государством в рамках Габсбургской монархии, но с совершенно самостоятельным государством и при том в форме республики.

106.

Для суждения о 28 октября в Праге будет важна история Вены и ее политики в решающий момент переворота.

Я уже упомянул о главных шагах этой политики в рассказе о последних днях своего пребывания в Вашингтоне; здесь я дополню картину по документам, полученным мною позднее.

Манифест Карла был попыткой привлечь нас и югославян, а одновременно привлечь и Вильсона; быть может в Вене вспоминали, что год тому назад Чешский Союз в майской декларации на открытии созванного центрального парламента требовал преобразования Австро-Венгрии в федеративное государство. Я парализовал манифест Карла Декларацией Независимости; Вильсон также не склонился на сторону Вены, будучи основательно осведомлен профессором Герроном.

Ответ Вильсона поразил Вену. Бывший австрийский министр Редлих, излагая о правительстве Ламмаша, рассказывает, что ответ Вильсона пришел в Вену 19 октября и вызвал как при дворе, так и на Бальплаце настоящую панику, ибо, как он выражается, ответ Вильсона был смертным приговором Габсбургской династии. Потому-то к власти был призван Ламмаш, который и выработал свою программу реорганизации Австрии в федеративное государство, что и было одобрено, как уже сказано, императором 22 октября. Для Австрии программа Ламмаша была радикальной, она приспособлялась ко взглядам Вильсона: на мирной конференции должны были заседать представители всех народов, на ней должны были быть разрешены все территориальные вопросы и, наконец, этой конференции давалось право решать, должны ли новые государства быть сплочены в единый союз.

Мадьяры мешали Ламмашу, Векерле не соглашался с новыми планами Вены, но держался манифеста Карла и требовал личной унии с Австрией; хорватам был обещан лишь пересмотр договора 1868 г. В Вене возмущались, но мадьяры не сдавались; политика Вены заключалась в том, чтобы привлечь чехов и особенно югославян. План состоял также в том, чтобы привлечением хорватов ослабить чехов. Однако старое «divide et impera» на этот раз не удалось.

Положение ухудшилось, когда в конце октября, еще до окончательного поражения, армия на итальянском фронте пришла в состояние развала; 26 октября Карл телеграфировал Вильгельму о «своем непоколебимом решении в течение двадцати четырех часов просить о сепаратном мире и немедленном перемирии». Так и случилось —в ночь с 27 на 28 октября Андраши принял «смертный приговор» Вильсона.

В Вене господствовал, действительно, смертельный страх, но перед большевизмом; русский пример, развал армии от поражений и с голоду действовали на двор, на правительство и на военное командование как паралич; теперь это видно со всей ясностью из признаний австрийских военных вождей. Исходя из этого мы можем понять поведение Вены после ответа Вильсона и итальянского поражения.

Еще на манифестацию, вызванную Социалистическим Советом в Праге и в провинции 14 октября, Вена отвечала репрессиями и преследованиями; из официальных сообщений видно, как испугало тогда объявление республики. Пражское и брненское наместничество давало точные сообщения о каждом собрании и о том, что на нем говорилось, объявление же республики считалось всеми учреждениями непростительным политическим преступлением.

Это было до ответа Вильсона; после него Вена совершенно обессилела. Относительно этого у нас есть инетересный документ из истории последнего послания д-ра Бенеша в Прагу.

Последнее сообщение д-ра Бенеша о положении заграницей относится к 11 сентября; д-р Шамал получил его в порядке и передал Национальному Комитету (депутату Швегле, д-ру Рашину и др.). Д-р Бенеш написал более подробно о том, что сообщил 11 сентября, и послал с этим гонца из Щвейцарии в Прагу. Гонец был задержан, и австрийское военное министерство получило в свои руки сообщение Бенеша от 22 октября, в тот самый день, когда утверждалась программа Ламмаша. В сообщении д-ра Бенеша было указано лицо, которому нужно было передать это сообщение, и его адрес (редактор Белеградек). Вена уже на это не реагировала. Наоборот, она дала членам Национального Комитета паспорта в Женеву и решилась, наконец, согласиться с программой Вильсона.

С этой венской точки зрения на положение должно судить о ходе переворота в Праге. Когда капитуляция Андраши вызвала в Праге переворот, то Вена не считала свою позицию в опасности от того, что произошло в Праге. Совет министров одобрил 29 октября соглашение с наместником в Праге и в Брне; некоторое замешательство проявил министр внутренних дел по поводу чешских немцев, но он ожидал, что немецкий национальный комитет и правительство найдут формулу для особой организации (Sonderbechandlung) наших немецких округов.

Когда пражское наместничество довело до сведения Вены о соглашении с Национальным Комитетом, то министерство внутренних дел послало в Прагу приказ не мешать проявлению

политических взглядов; военное министерство приказало уже с 28 октября, сейчас же после первых сообщений из Праги, земскому военному управлению в Праге, как и в Брне и других городах, вести, по мере надобности, переговоры с Национальным Комитетом. А в ночь на 29 октября послало подробное наставление принимать предложения Национального Комитета. Пражские и иные военные власти, как и гражданские, сообщали из Праги и отовсюду из Чехии и Моравии, что срываются австрийские государственные гербы и офицерские кокарды — все это уже Вене не мешало: новые государства во всяком случае имеют свои знаки и эмблемы; что касается австрийской армии, то всем командирам был сообщен план разделить армию на национальные части под условием, что все это произойдет тихо и без возмущений. Вена была беспомощна и так взволнована, что верховное командование армии (29 октября) ставило солдатам на фронте вопрос, стоят ли они за республику или за монархию и династию. Спокойствие и порядок — вот в чем заключалась теперь программа Вены, продиктованная ей страхом перед большевизмом; беспокойство и бунты легко могли перейти в революцию, в особенности, когда почву для нее подготовил голод. Потому Вена, особенно в Чехии, налегала на Национальный Комитет, настаивая, чтобы войско получало хлеб. При этом влияла еще мысль не показывать заграницею, особенно же союзникам, беспорядка и развала; дело в том, что и далее, уже после переворота в Праге, Вена усиленно стремилась привлечь Вильсона и Союзников, а для этого был необходим аргумент, что народы и, особенно, армия спокойны. Отсюда уступчивость военных властей, особенно в Праге, уступчивость по приказу из Вены. Для Национального Комитета, при его тактике, эта уступчивость Вены была на руку, и он прямо шел ей навстречу. 29 октября Национальный Комитет заключил с военными властями соглашение о совместной деятельности, направленной на поддержание порядка, на доставку продовольствия войску и на способствование отходу чужих войск. Депутат Тусар, тогда уже уполномоченный чехословацкого правительства, обратился в начале ноября от имени Национального Комитета с посланием к чехословацким солдатам, в котором говорил, что-

бы они повиновались своему прежнему начальству, что они будут отосланы на территорию нашего государства, как это только допустит состояние железных дорог и как только будут сделаны все необходимые подготовления.

Вена уже не сознавала, что ее уступчивость Праге является обоюдоострым оружием: если она могла указывать на спокойствие и порядок в чешских землях, то заграницей могли и должны видеть, что и Национальный Комитет мог спокойно и обдуманно строить новое государство.

Вена своей тактикой ничего не достигла, несмотря на то, что австрийские послы и эмиссары как в Швейцарии, так и в остальных нейтральных государствах развили лихорадочную деятельность; при помощи австрофильских политиков действовали в Ватикане, в Лондоне, в Вашингтоне, в Париже, в Риме. Главные усилия всех попыток были направлены на то, чтобы завязать какие бы то ни было сношения с Вильсоном; в Вене надеялись, что потом уже удастся начать дальнейшие переговоры. Я уж говорил, что и манифест Карла, и Ламмаш, и Андраши опоздали.

В эту эпоху австрийские дипломаты стремились привлечь на свою сторону и настроить против нас не только Англию, но и Францию. Перед переворотом в Праге и после него был в Швейцарии барон Хлумецкий; его задачей было добиться поддержки Ватикана и завязать сношения с Парижем; графу Менсдорфу, с которым мы познакомились во время мирных переговоров в Швейцарии, дана была задача действовать непосредственно в Лондоне и в Париже.

Женевский договор как раз в этом пункте явился преградою для этой последней дипломатической попытки Вены; д-р Бенеш настаивал перед пражской делегацией на разрыве с Габсбургами, что и было исполнено делегацией в весьма энергичной форме; он сообщил об этом и сейчас же из Женевы в Париж, а по своем возвращении в Париж особо подчеркнул это постановление наших представителей. Благодаря тому, что д-р Бенеш, как министр признанного правительства, заседал на совещаниях о перемирии с Германией, попытки Вены вести тайные переговоры не могли иметь успеха.

В полнейшем неуспехе Вена была сама виновата из-за своей тактической и политической неловкости; в Париже были прямо оскорблены, когда для переговоров в Швейцарии в половине октября, еще перед манифестом Карла, был выбран граф Андраши, который с самого начала войны высказывал свое германофильство не меньше чем Тисса; и этому германофилу в такой решающий для Австрии момент Карл доверил иностранную политику. Если у графа Менсдорфа и барона Хлумецкого была задача привлечь на сторону Австрии самого Клемансо, то подобные, с точки зрения старых дипломатических норм, неловкости и бестактности не могли им помочь. У меня есть достоверные сведения, что после этого ни Клемансо, да и никто вообще, из правительственных лиц не были склонны к австрийским уговорам.

Союзники долго ждали от Австрии точного и ясного расторжения союза с Германией, точно так же, как Англия ждала в 1917 г. ясного заявления о Бельгии, а Франция об Эльзасе и Лотарингии. На этом основании переговоры о мире могли начаться ранее, а Вена могла, быть может, спасти себя от падения, если бы отказалась от Германии и выступила против своего союзника. Венская неоткровенность так далеко, однако, незаходила, конечно, не из-за своих характерных качеств, но из страха перед мадьярами и немцами. Вена решилась заключить сепаратный мир и приняла условия Вильсона, но этого было мало, мало особенно во Франции, куда были направлены взоры Карла с самого его вступления на престол.

На основании программы Ламмаша, если бы она скоро и энергично проводилась (у меня впечатление, что Ламмаш был без влияния), Вена могла еще сравнительно многого добиться. Ламмаш предлагал, чтобы на мирной конференции были представители всех народов и чтобы на конференции были разрешены и территориальные вопросы; как уже было сказано, Ламмаш даже предоставлял конференции право разрешить вопрос о федеративной форме государства. На этом основании Вена могла на мирной конференции действенно защищать свое дело и, что касается нас, прибегать к аргументам ad homines; подобным образом действовала австрийская мирная делегация в Париже.

Вена могла указывать не только на заявление д-ра Гроша и подобные акты, но, прежде всего, на опровержение (desaveu) депутатов; она бы могла приводить в доказательство заявление во вновь открытом парламенте, где наши представители внесли предложение создать федеративное государство, а также и некоторые другие тактические шаги чешской депутации. Переворот бы не был препятствием; конечно, наместник Кудингове пустил бы в ход свои утверждения. Обращение Тусара к солдатам и иные акты были бы дальнейшими звеньями венского политического силлогизма.

Тем важнее становится в связи со всем этим женевское свидание, то-есть тот факт, что Национальный Комитет в лице своего председателя д-ра Крамаржа вступил в соглашение с нашим первым министром иностранных дел, как с представителем нашего правительства, признанного союзниками, с ясной и определенной антиавстрийской программе, которую д-р Бенеш мог предоставить союзникам в Париже. В свете женевских соглашений уже нельзя было использовать в пользу Вены упомянутые политические акты, которые были совершены во время войны под давлением австрийской солдатчины, а равно и тактических шагов при перевороте в Праге.

107.

Сама Австрия, император и правительство признали в конце войны фактически и юридически наше право на независимость; сюда относятся все обещания и попытки перестроить Австрию в 1917 и 1918 г.г На это же был направлен и поддерживаемый наместником Кунденгове план императора Карла короноваться о Праге; этот умысел был разбит членами правительства и, кажется, нашей угрозой, что коронация обратится в позор. О плане и приготовлениях к коронации я слышал в Америке; дома я слышал что-то о подготовке провокационного покушения на коронационный поезд.

Большое значение имеет тот факт, что Австрия сама признала точку зрения Вильсона, высказанную им 18 октября отно-

сительно права чехословаков на государственную независимость, и что это признание подписал, как австровенгерский министр иностранных дел, венгерский политик Андраши. Так же, как манифест Карла, и это признание было попыткой удержать Чехию.

Немецкие круги обвиняли австрийское правительство в том, что оно выдало нашим делегатам паспорта в Женеву, зная, что там сойдутся делегаты заграничные и с родины. Это обвинение, однако, не соответствует тому положению, в котором Вена оказалась после ответа Вильсона; выдача паспортов, чем свидание в Женеве было облегчено, являлось не актом, что-либо предрешающим в государственно-правовом отношении, а лишь попыткой привлечь чешских представителей, при помощи таких любезностей, на свою сторону.

Бывший австрийский министр Редлих указывает на то, что немецкие партии, основав формально 21 октября австрийское государство, опередили все остальные народы в деле разложения Австрии; он признает, что манифест 16 октября мог быть правовой основой для выступления этих народов. В противовес этому необходимо отметить, что политические цели Вены и Праги были различны.

На первом заседании Национального Собрания 14 ноября наши связи с Австрией были окончательно порваны. Д-р Крамарж провозгласил низложение императора Карла и возникновение нашей республики; депутаты даже не голосовали провозглашения и не выработали закона, как это видно из официального собрания узаконений: возгласы были так единодушны и всеобщи, что голосование показалось излишним.

В связи с этим уместно будет отметить, как было дело с просьбой императора Карла о разрешении ему поселиться в Брандисе на Лабе (4 ноября). Национальный Комитет хотел удовлетворить просьбу императора под условием, что он отречется от престола и ото всех притязаний на чешские земли. Краткое сообщение об этом, также занесенное в упомянутый годовой отчет, поразило меня; было бы тактической неловкостью дать экс-императору возможность уклониться от выполнения требований, поставленных ему условно. Однако, это со-

общение должно быть дополнено: император не обратился к Национальному Комитету с формальным прошением, но через третьи лица, и тем же путем ему был дан неофициальный ответ.

Венгрия тоже чувствовала потребность официально сблизиться со Словаками: тогдашний депутат Ходжа был приглашен венгерским правительством для переговоров в Будапешт.

108.

Особая проблема заключается в сепаратистических попытках наших немцев; я уже упоминал о факте, что они организовались в четырех разных местах, как немецкие Чехи: в Судетии, южнонемецкой Моравии и Шумавской жупе. Подобные попытки были после переворота и в Праге; что касается политического и административнього значения подобных попыток, то их нельзя и сравнивать с нашим переворотом. В этом несовершенстве немецкой организации я вижу доказательство, что эти части исторических земель были органически связаны с нами.

Часть территории мы оккупировали нашим войском; при этом между нашим войском и немецкими гражданами были закрючены различные договоры; привожу для примера два. В Либерце, резиденции правительства «Deutschböhmen» по обоюдному соглашению был образован 16 декабря 1918 г. магистрат и установлена чешсконемецкая административная комиссия в соотношении 4:7. С Хебской областью, как утверждают с немецкой стороны, был заключен договор, из которого область выводит заключение, что им были подтверждены ее особые государственные права*). Необходимо будет исследовать точно с правовой стороны оккупацию наших немецких территорий.

Государственно-правовая формулировка присоединения Словакии давно уже занимает наших теоретиков и политиков.

*) По поводу этих прав Хебская область, как известно, ссылалась даже на Палацкого и на его признание этих прав; интересно, как Челаковский изображает (в энциклопедическом словаре Отто) развитие хебского права и его «богемизацию». Сен-жерменский мир подтвердил, что Хеб принадлежит своему историческому государству, а Австрия это положение признала своею ратификациею.

Напоминаю здесь об уже упомянутом уполномочии на занятие Словакии, данное Антантой 4 декабря 1918 г.; первое определение южных границ Словакии было, после предварительных совещаний с военными авторитетами (Фош, Вейган), 13 февраля 1919 г. достигнуто соглашение между д-ром Бенешом, министром Пишоном и Бертело; тогда Карой стремился обеспечить целостность Венгрии.

Границы с Польшей были также установлены Антантой. Упоминаю также о присоединении незначительных австрийской и прусской территории к нашему государству.

При установлении границ принципиально считается, что признание независимости народа и его государства гораздо важнее, чем точнее определение его территории; это мы видим не только на нашем примере, но и на польском, югославянском и др.: всюду границы, устанавливаются особыми комиссиями и, конечно, только на местах.

Вопросы о национальных меньшинствах, конституционном и административном разграничении прав государства и национальности (государство национальное — государство национальностей — право на самоопределение) входят также в эту главу.

Наконец, перед нами стоит государственно-правовая проблема Подкарпатской Руси и создания этой автономной территории, присоединенной к нам мирной конференцией на основании желания, высказанного представителями народа в Америке, а также и на родине. Особую задачу составляло и здесь с самого начала установление границ.

109.

С теоретической точки зрения, при государственно-правовой критике нашей революции будет важно более точное определение исторических и естественных прав; на те и другие мы ссылались еще во время войны, как у себя на родине так и заграницей. Не могу не припомнить здесь своей довоенной еще литературной борьбы из-за естественных и исторических прав. Я тогда стремился, в связи с развитием философии права, гармонически со-

гласовать исторические и естественно-правовые воззрения. Моим личным двигателем в этих спорах была постоянная мысль о Словакии. Отсюда же проистекали мои тогдашние усилия определить отношения государства к национальности, а также значение языка в государственной администрации. Я уже обратил внимание, что программное поведение некоторых наших политиков на родине не считалось со Словакией; я лично, уезжая из Праги, твердо решился работать для присоединения Словакии. Я был всегда за естественные права наряду с правами историческими, которые мне не нравились в обычной у нас формулировке из-за своего немецки реакционного характера. Я обращал внимание на различие правовых взглядов Запада и Германии. Мои оппоненты, защищавшие против меня исторические права (хотя и я их признавал) находились слишком под немецким влиянием.

Я знаю о попытках современной философии права и государства обойтись без естественного и исторического права: в действительности же дело идет все о тех же категориях, а в новых попытках чувствуется несомненный элемент естественного права, заключающийся в определении основы права в связи со все возрастающею во всех областях культурной жизни интернациональностью, так и в области права находят применение гуманитарные идеи и стремления. Возникновение нашей республики дает теоретикам достаточно интересного материала.

110.

Эти размышления требуют объяснений об участии России и славян вообще в вопросе о нашей независимости.

Я уже изложил, как и почему в самом начале войны я отвергал взгляд, что война является борьбой славян с германцами; кроме того я последовательно сопротивлялся с самого начала тому, чтобы мы соединили свою судьбу односторонне или даже исключительно с русской политикой того времени. Это проистекало не из недружелюбия к России и русскому народу, но из осведомленности о его слабых сторонах, неподготовленности

к войне, общем несовершенстве и невозможности дальнейшего существования старого царского режима. Но всегда и постоянно я рассчитывал на помощь России и старался добиться этой помощи; поэтому я уже в 1914 г., еще будучи в Праге, завязал сношения с Петроградом, а будучи заграницей, всегда последовательно вел переговоры с русскими посольствами, как только видел в этом смысл.

С самого начала я работал с сербскими посольствами и официальными представителями, а также и со славянскими зарубежными политиками, особенно же с югославянскими и польскими. Поскольку это было возможно мы делали совместную политику.

Но для славянской и русской политики были значительные затруднения; не только болгары были против России и союзников, но и поляки, украинцы и даже белоруссы шли против России. Когда из-за поражений и несчастного режима Россия подломилась внутри, то она перестала иметь непосредственное и решающее влияние в Европе.

В начале войны царь высказал несколько раз свои симпатии славянам и нашему народу, то же сделали и некоторые официальные представители России. Однако эти выражения симпатий не проистекали из определенного политического и военного плана, как это заметно по неопределенности заявлений и по тому, что царское правительство не сделало ни одного обязывающего официального заявления. В этом заключается разница между Россией и Западом: Западные союзники доказывали свои симпатии официальными заявлениями своих ответственных правительств (министров), а позднее и обязывающими договорами с Национальным Советом; от царской России мы получили лишь несколько обещаний, собственно говоря лишь выражение симпатий, главным образом — самого царя, но ни одного официального заявления и правительственного договора. Киевские чехи добивались по крайней мере заявления верховного главнокомандующего, но не добились этого. Его манифест к чехам является, как уже было сказано, подделкой.

Лишь после революции Милюков, как министр иностранных дел, обратился к нам и при его помощи удалось уничтожить

правительственный «национальный совет» и добиться формирования войск; но правила этой формировки были односторонни и не являлись результатом обоюдного соглашения. Лишь окончательное одобрение генерала Духонина было результатом обоюдного соглашения, но уже тогда и правительство Керенского было без мощи и авторитета.

Большинство наших людей, как в России, так и дома, охотно принимало первые русские заявления; особенно обращения царя придали силы нашим людям в России и у нас дома. За это мы должны быть благодарны. Однако мне кажется правдоподобным, что царь по слабости сам же нарушил свои обещания. Я это уже в достаточной мере объяснил.

На западе царские заявления не производили почти никакого впечатления, несмотря на то, что там еще опасались панславизма и панруссизма: это происходило вследствие несовершенства русской пропаганды на Западе.

Если и говорится, что Россия воевала из-за Сербии и из-за славян, то это несовсем правда; у России были некоторые симпатии к Сербии, как были ранее к Болгарии, но они основывались главным образом на официальном православии. Официальная Россия имела в виду всегда не славянских, а православных братьев, в особенности тогда, когда стремилась к Царьграду и к свободному выходу из Черного моря. И во время войны Россия стремилась обеспечить особыми договорами за собой эти цели, на которые было направлено столько усилий.

Русские переговоры относительно Далмации во время лондонского договора, и вся русская политика во время войны является доказательством того, что Россия — русская дипломатия — не имела никакого влияния на Западе ни в одном славянском вопросе, что у нее не было плана, и что она не давала из Петербурга никаких инструкций своим послам. Неприятно было даже смотреть, как Россия позволяла германской и австрийской политике подталкивать себя в польском вопросе. Сначала она в весьма осторожной форме провозгласила независимость Польши, а потом свела ее к автономии. Поведение русских бюрократов в Галиции тоже не могло содействовать разрешению польского и славянского вопроса.

Что касается формировки наших легионов, то и здесь Россия отстала от Запада; если бы у нее был славянский и особенно чешский план, то наши легионы были бы созданы если уже не в 1915, то в 1916 г., когда мы подали через Штефаника русскому правительству и царю точный план, поддерживаемый Францией, старым и испытанным союзником России. Историю русских легионов я изложил достаточно подробно.

В опубликованных за последнее время документах из русских архивов я нахожу подтверждение того, что я видел в России, а именно, что царское правительство обратило внимание на чехов лишь под давлением Франции и Англии и их благожелательного отношения к нам; сознательного практического плана, касающегося нашего народа, у царского правительства и у русских вообще не было. Если еще кому-нибудь нужны доказательства, то я привожу ответ союзников Вильсону на его вопрос об условиях мира: на том, чтобы мы были в ответе особо поименованы, настояла Франция; Извольский от имени России лишь подписал предложение западных союзников.

После царской России было образовано Временное правительство. Некоторые его представители признали политические стремления славянских народов (нас, поляков, югославян); этому революционному правительству мы обязаны тем, что оно наконец утвердило обещанный царским правительством, но все откладывавшийся устав формирования нашего войска, хотя этот устав и был нами же выпрошен.

Сначала правительство Керенского было настроено против нас, но после Зборова оно уже нам не мешало.

В административном отношении большевики продолжали царизм, они ведь были кровными детьми царизма; в иностранной политике они выступали более самостоятельно, по традиции рабочего интернационала. Они не понимали ни нас, ни наших стремлений. Несмотря на это у нас с большевиками был заключен договор, косвенно признающий нашу независимость: они признавали нашу армию и право на вооруженный нейтралитет. Позднее они отреклись от этого признания, но в Сибири снова заключили перемирие с нашим войском.

В схеме я привожу также признание военного сибирского правительства.

Поучительными были наблюдения наших солдат в России. Они пришли в Россию с теми неясными отвлеченными взглядами на Россию и славян, которые у нас господствовали. В России они увидели действительную, живую Россию; они узнали царскую Россию и невзлюбили ее; у них было отвращение к русской гражданской и военной бюрократии, они были разочарованы царскими обещаниями; но они встретились с русским народом, с русским мужиком и полюбили его; Россия и Сибирь были хорошей русской школой для тысяч наших солдат; они узнали недостатки, огромные недостатки всех русских правительств, но в то же время они видели естественные условия русской великой державы и их влияние на русского человека и узнали его характер. В России наши солдаты встретились также с югославянами, поляками и украинцами — Россия была для них тоже хорошей славянской школой.

Взаимно и русские узнали от наших легионеров о чехах и словаках; до сих пор о нас знали слависты и часть интеллигенции — во время войны о нас услышал мужик, который раньше знал кое-что лишь о болгарах и сербах, как православных, и о поляках, как католиках.

Таким образом, ответ на вопрос, поскольку нас освободила Россия и поскольку западные союзники, не может быть неясным. Русская часть в освобождении меньше, гораздо меньше западной. При этом я всегда помню, что Россия в начале войны, а потом в 1916 (Брусилов) и еще в 1917 г.г. помогла союзникам, а следовательно и нам; но ведь то же самое сделали и сербы, и их заслуги перед славянством не становятся меньше от того, что у них, как у малого народа, была и меньшая армия. Я помню и то, что в России мы имели возможность создать большую армию, и что эта армия была применена в России. Но все это не является заслугой русской политики. План центральных держав во время мировой войны заключается в том, что Австрия с небольшой помощью Германии должна была разбить Россию. Германия же сама хотела уничтожить Францию; благодаря этому наши чешские и словацкие солдаты попали на русский

фронт и благодаря этому же было возможно дальнейшее развитие; заслуга России при этом не была активна. Россия не могла нас освободить, как не освободила сербов и остальных балканских народов, чьим покровителем торжественно объявила себя в начале войны. Сербия, как и мы, верила обещаниям царя, но и сербы и югославяне были принуждены связать свою судьбу более тесно с западными союзниками. Россия, царская и официальная Россия, была не славянской, а византийской. Наше руссофильство относилось прежде всего к русскому народу — это руссофильство не было ослаблено войной; наоборот, оно усилилось.

111.

Во время полемик относительно 28 октября был высказан также взгляд, что заграничное движение вовсе не имело такого значения: союзники, собственно говоря, лишь воспользовались нами против Австрии, чтобы принудить ее к сепаратному миру. Это неправильное и неверное утверждение: ведь союзники такого мира с Австрией не заключили.

Различные признания, переговоры о них и все поведение союзников опровергают до самых основ это утверждение. Один ответ Вильсона Австрии совершенно уже опровергает этот тезис. Я присутствовал при этом и видел, как он психологически возник; вообще, Вильсон не был способен на такие хитрости, какие тут предполагаются; с другой стороны, мы знаем насколько именно ответ Вильсона подействовал разлагающе на Австро-Венгрию и одновременно поднял настроение у нас дома: «капитуляция» д-ра Рашина является достаточным доказательством против теории, так неосмотрительно унижающей союзников. Цель и программа союзников были высокие; конечно, и среди союзников были отдельные личности, группы и направления не служившие этой цели; и однако, несмотря на все огромные препятствия, союзники осуществили свою демократическую миссию, направленную против реакционного абсолютизма. Подобно этому и у нас в конце концов победила идея, победили идеалисты, а не хитрецы.

Могут указать на переговоры Карла при посредстве принца Сикста. Я уже указал на опасность этих переговоров и их несогласованность с признанием, которого мы добились уже ранее; кроме того, я указал и на то, как они не удались вследствие своей неорганичности и внутренней неосуществимости, и отметил, что именно французский министр иностранных дел, как равно и итальянский, не согласился на эти переговоры.

Я указал на попытки венской дипломатии использовать заграничное австрофильство еще во время переворота — вообще я имею полное право сказать, что все сведения о союзнической политике во время войны я передал с надлежащей критичностью. Конечно, мое положение принуждает меня к некоторой сдержанности в суждениях, но я полагаю, что все же я не отклонился от действительности и правды.

Что касается мелочей, то противники союзников могли бы указать, например, на предполагавшийся конгресс порабощенных народов, который должен был быть устроен в Париже 15 октября 1918 г. по примеру римского. Д-р Бенеш был тогда в Италии и должен был вернуться в Париж к конгрессу, но последний был отложен по просьбе французского правительства. Д-р Бенеш послал мне об этом следующее сообщение: Как раз в это время союзники получили предложение начать переговоры о перемирии (центральные державы подали прошение 5 октября); поэтому в Париже была сейчас же созвана междусоюзническая комиссия; тогда лорд Роберт Черчиль попросил от имени Англии отсрочки конгресса порабощенных народов, чтобы он не происходил одновременно с заседаниями междусоюзнической комиссии. Это краткое сообщение можно дополнить предположением, что союзники не могли знать до мельчайших подробностей, о чем будут вестись переговоры в междусоюзнической комиссии и каков будет результат заседаний конгресса порабощенных народов; союзнических комиссаров нельзя обвинять за то, что для них не было желательно, чтобы ход их комиссии нарушался давлением извне.

Я дал довольно полное описание нашей антиавстрийской пропаганды, а также показал силу австрофильства в союзнических государствах; его опасность заключалась не в союзни-

ках, но в нас. Заграницей мы не дали союзникам ни малейшего повода для выступления против нас; было нас мало, а потому было возможно создать единую и неизменную антиавстрийскую программу и удержать в эмиграции и легионах порядок. Но на родине были иные условия; там были различные партии, были прямо австрофильские партии, в иных партиях были австрофильские оттенки, были еще и выдающиеся политические австрофильствующие личности, и last not least: все ведь находились под давлением правительства и военного террора, и рядом с сильными характерами были и слабые. Если бы союзники хотели привлечь на свою сторону и удержать Австрию, то тормозили бы дело именно здесь. То, что несмотря на все преимущества у союзников, Вена все же пала, до известной меры виновата сама Вена своей политической и дипломатической беспособностью и безголовостью. Я уже сказал, что до известной меры и Вена была нашим освободителем, ибо была нашим палачом.

Наконец, если бы союзническая политика по отношению к нам заграницей была действительно лишь тактическим ходом для достижения капитуляции и антигерманского мира, то и тогда бы нас союзники не покинули и именно потому, что наша заграничная политика и легионы привели Австрию туда, где ее хотели видеть союзники. Мы и тут не действовали бы впустую, т. к. союзники были связаны своим признанием. «Клочек бумаги» немецкого канцлера не мог повториться в Париже. Об этом мы бы уж как следует позаботились.

112.

При обсуждении и квалификации политических событий отдельных исторических движений и действий важен, в конце концов, умысел, план, убеждения и побуждения отдельных личностей, партий и народов, делающих историю. Недостаточно регистрировать лишь внешние факты и мелочи и останавливаться на последствиях («республику мы получили, к чему же споры о том, как и когда она возникла?»)

Я подробно изложил планы, цели, побудительные причины заграничного движения; я надеюсь, что мы дождемся подобного же описания революционного движения на родине. Точное констатирование того, что делалось у нас на родине в течение четырех лет войны, и того что происходило 28 октября 1918 г. в Праге, т. е. какие были планы и цели переворота, каковы были направление умов и решимость руководящих лиц, партий и всего населения, имеет в связи с падением Австрии и концом мировой революции, важное значение для суждения не только о нашей политической зрелости, но и о нашем национальном характере.

Вопрос, главный вопрос заключается в том: был ли переворот активным или пассивным? Были ли использованы падение Австрии, разложение на итальянском фронте и внутри лишь в последний момент, или же переворот подготовлялся обдуманно, был желаем? С каких пор его хотели, с каких пор и как на родине над ним работали сознательно, кто его подготовлял? В конце войны, после четырехлетнего опыта, горького опыта, были ли мы дома готовы к действительному перевороту и перемене государственного режима, к действительной, хотя и бескровной революции? Недостаточно того, что многие желали освобождения — что делали мы, чтобы его достичь, чтобы его осуществить?

Этот вопрос является вопросом национального сознания, народной совести. Чтобы не говорить слишком отвлеченно, скажу: я уже несколько раз вспоминал, что я многие годы занимался проблемою революции и почему. Это не была пустая игра с понятиями. Я анализировал себя и одновременно наш национальный характер, я анализировал и русскую душу, так как мы были руссофилами, и делал это, чтобы осознать, не является ли наша славянская гуманитарная программа лишь пассивной, будем ли мы лишь защищаться, когда другие будут нас безмерно порабощать, или же мы сумеем самостоятельно, по собственной воле и инициативе, активно, по внутреннему убеждению, а не только под давлением, выступить и политически действовать, — одним словом, сумеем ли мы быть сами себе господами?

Потому то я столько занимался вопросом, как были возможны Хельчицкий и его Братья рядом с Жижкой. Был Хельчицкий пассивен, заложена ли пассивность в наших свойствах, в нашей крови, в нашем характере, в нашей душе? Или же Хельчицкий был вызван противоположной крайностью — Жижкой, был пассивен лишь тактически, не по принципу, проистекающему из нашего характера? А Жижка? Палацкий полагает, что и гуситы лишь защищались. Означает ли все это, что фактически нас вели, подталкивали, принуждали извне? Неужели мы бывали героями лишь когда не было иного выхода?

Хельчицкий не был пассивен, наоборот, он был очень активен, решителен, радикален, был неспособен на компромиссы. Хельчицкий не был менее активным, менее радикальным, бесстрашным, чем Жижка; Хельчицкий и Жижка составляли лицевую и оборотную сторону того же негнущегося чешского гроша. Ошибка Хельчицкого заключалась в том, что он неправильно понял человеческое естество.

С этой точки врения я также, например, наблюдал наших солдат в России и в Сибири: у нас было войско, а были ли мы его господами, господами над самими собой? Умели ли мы самостоятельно располагать собой, держали ли мы себя постоянно одинаково в руках, были ли мы на чеку? О том, что мы были храбрыми в минуту опасности, не было никаких сомнений; от сознательных солдат я, однако, часто слышал, что наш солдат, когда на него наступает враг, не бывает таким сосредоточенным, как в опасности. Справедливо ли это и в какой мере?

В связи с этим можно было бы указать на факт, что мы потеряли свою независимость, что мы не сумели удержать свое государство. Далее можно было бы сказать (так и говорят в действительности), что именно наше гуситство, наши Братья, вся наша реформация — а реформация является самым интимным проявлением моральной и национальной сущности — были незрелы, политически вредны и закончились именно поражением и потерей государственной независимости. Немецкая реформация была политически более конструктивна.

Вот, хотя и более скромный, пример из новейшей истории — «Омладина». Импровизация, вспышка без активного оконча-

ния; погибла жизнь, и характерно, что жизнь чешского человека погибла по вине чешских же людей.

Когда я так постоянно размышлял о нашей национальной гуманитарной программе, то пришел к сознанию, что гуманизм не является врожденной, характерной пассивностью, но правильным основанием успешной, реальной политики. То, что мы добились нашей независимости, создали наше государство, является тому ярким примером.

Спор о 28 октября представляется мне спором о нашем государственном строительстве, о нашей государственности, о политической конструктивности, активности в смысле политического (не только административного!) руководства, о водительстве, о том, сумеем ли мы быть господами, надолго господами своего государства.

Так же, как и во времена Гуса, дело заключается в том, чтобы понять не только свою, но и европейскую, прямо мировую ситуацию; благодаря нашему географическому положению и истории, наша политика есть и должна быть европейской, мировой, несмотря на то, что мы малый народ, именно как раз потому, что мы малый народ; и так, сумеем ли мы при данной мировой ситуации удержать крепко и навсегда добытую независимость, имеем ли мы для этого достаточно способностей, достаточно разума, достаточно дальнозоркости, достаточно воли, достаточно решимости и выдержки? В этом заключается ядро спора о 28 октября.

Еще до войны и в самом начале войны я ответил сам себе на этот вопрос положительно: я решился на революционное движение заграницей, будучи убежден, что на родине народ и его вожди умело используют победу союзников, и что мы все будем работать над осуществлением своей максимальной политической программы. Наша революция была, действительно настолько правильно проведена, что это осуществление может быть порукой успешной политики и в пореволюционное время.

Если все же ставят вопрос, освободились ли мы благодаря заграничному движению или движению у себя на родине, то я отвечаю: вначале об этом не было споров; д-р Рашин в манифесте от 28 октября, женевская делегация и ее вождь и предсе-

датель Национального Комитета д-р Крамарж в своих заявлениях и, полагаю, общее народное мнение, проявившее себя во встрече женевской делегации и при моем возвращении с первой частью легионов, являются доказательством взгляда, что решающее движение было заграницей. Но этому заграничному движению была дана возможность развиться лишь благодаря всеобщему отпору, данному Австро-Венгрии народом, и умелому осуществлению переворота в момент, когда Вена капитулировала перед Вильсоном.

X

ДЕМОКРАТИЯ И ГУМАНИЗМ

113.

Я уже указал, как мы обновили наше государство, какая была у нас программа и какая тактика; постараемся же теперь сознать, как можно удержать в своих руках добытое государство. Мы были независимы, но свою независимость потеряли — вот сильнейшая побудительная причина, чтобы сознательно ориентироваться в новой, миром созданной, европейской ситуации.

Что касается программы нашей внутренней и внешней политики, то я думаю, что никто не ожидает от меня подробного описания административных задач: моей задачей является развитие главных принципов, которыми, по моему убеждению, должно руководствоваться в своей политике наше возрожденное государство. На практике эти принципы оправдали себя, как это доказывает возрождение нашего государства; наша политика должна быть продолжением той, которую мы вели в течение четырех лет заграницей и благодаря которой мы добились независимости. Правда, это была политика внешняя, но основывалась она на принципах, которыми должна руководствоваться также и наша внутренняя политика. Теперь же хочу объяснить обстоятельно эти принципы — как лозунг, они выражены в названии этой главы.

При своих объяснениях я должен буду коснуться многих государственно-правовых вопросов, но я не буду пускаться в обширные теоретические рассуждения, потому что здесь я выступаю не как теоретик, а как практик; по этой же причине я удовлетворюсь кратким объяснением своих взглядов, иногда их просто констатированием. Теоретики и специалисты и так поймут мою точку зрения и взгляды и им, надеюсь, не помешает то, что я не расширил книгу указаниями на литературу и источники. Я считаю эту заключительную часть своего повествования о моей заграничной политике и участии в мировой войне и революции — не только теорией своей деятельности, но и дальнейшим, органическим ее продолжением.

Война была мировой, она не была лишь франко-германским спором (из-за Эльзаса и Лотарингии), не была лишь борьбой Германии и России, или даже германцев и славян; все эти и иные вопросы были лишь частью великой борьбы за свободу и демократию, борьбы между теоретическим абсолютизмом и гуманитарным демократизмом. По этой именно причине принял участие дословно весь мир, а война, затянувшаяся надолго, превратилась в мировую революцию.

Сравнение мировой войны с тридцатилетней напрашивается само собой. Это сравнение не касается длительности (ускоренное современное сообщение и усовершенствованный военный аппарат сократили тридцать, а, быть может, и еще больше, лет до четырех), но характера, содержания и смысла: сущностью тридцатилетней войны было устройство Европы по религиозной революции, сущность четырехлетней мировой войны было устройство Европы, и всего мира по Революции и революциях политических — последняя была в значительной степени продолжением тридцатилетней войны.

Во время мировой революции пали три мощные теократические монархии: православная Россия, католическая Австро-Венгрия, лютеранская Пруссия-Германия. Кто бы мог предвидеть в начале войны, когда спор практически сводился, прежде всего, к нападению на Сербию и Бельгию, что падут три державы, стоящие во главе средневекового теократизма и монархического аристократизма!

До войны около 83% всего человечества находилось под властью монархического режима и лишь 17% имели республиканское правление — теперь большинство человечества республиканцы и лишь меньшинство монархисты. До войны в Европе была лишь одна большая республика — Франция, потом шли Швейцария, Португалия, Сан-Марино и Андорра; теперь там же 18 республик, два величайшие государства — Германия и Россия (Россию считаю, как целое) стали республиками.

Рядом с появлением республик столь же характерным политическим фактом является автономизация в среде отдельных государств: в Англии стала самостоятельной Ирландия, в России находится 21 республика и автономная территория. Правда, в Германии после войны исчезло несколько малых государств, но это случилось по административно-техническим причинам; в новой Австрии также замечается автономистическая и федералистическая тенденции.

Эта автономистическая тенденция проявляется, как раз, в разложении трех великих монархий на самостоятельные малые государства. Монархический абсолютизм стал невозможным из-за своего централизма; он соответствовал более древней эпохе мало населенных, но больших и возникших благодаря оккупации и нападениям, государств. Экстенсивная администрация этих государств не удовлетворяла и поэтому была заменена интенсивной администрацией малых государств. До войны в Европе было 25 государств, а теперь 35.

114.

Благодаря войне Европа, особенно Центральная Европа, была политически перестроена. Были созданы новые (возрожденные) государства: 1) Финляндия, 2) Эстония, 3) Латвия, 4) Литва, 5) Польша), 6) Данциг, 7) Чехословакия. Старые государства изменились: 8) Германия потеряла не-немецкие части (кроме Лужицы). 9) Франции были возвращены Эльзас и Лотарингия; 10) К Бельгии была присоединена небольшая

часть прирейнских земель; 11) Италия получила часть бывшей Австро-Венгрии; 12) Болгария потеряла территорию у Эгейского моря; 13) Дании была возвращена Германией часть датской территории; 14) Наконец изменилась Албания. Еще более глубокие перевороты произошли в следующих государствах: 15) в Австрии; 16) в Венгрии; 17) в Югославии; 18) в Румынии; 19) в Греции; 20) в Турции (Европейской).

Наибольшие затруднения, возникающие из-за государственной и международной реорганизации Европы, были в Центральной Европе и в России: в этой части света произошли наиболее радикальные политические изменения.*) Как следствие результатов войны возникают беспорядки в Азии и в Африке. На Западе находятся более старые, установившиеся государства; там дело шло об усовершенствовании управления и государственной формы (попытки создания республик) и территориальные и национальные вопросы были незначительны; они были незначительны, по крайней мере, в сравнении с теми же проблемами в Центральной и Восточной Европе.

В повоенной Европе, в особенности в поясе малых народов, который тянется от Северного Мыса до Матапана, таким образом, на пространстве между бывшей Германией и Россией, возникли новые, малые государства, соответствующие, в общем, тем народам, которые живут в этой области. Особенно Австро-Венгрия распалась на государства тех народов, из которых она ранее состояла. В Европе, сравнительно, больше всего малых государств; Азия разделена скорее политически, чем национально (уже в одной Индии живет столько же национальностей, как в целой Европе, но они разделены более чем на 700 государств, которые все находятся под управлением Англии), Африка тоже разделена политически, в Америке находится малое количество

*) Размеры Центр. Европы определяются по-разному; одни включают в нее всю Германию и даже Швейцарию и Италию; если же понятие Центральной Европы определять не только географически, но и культурно, то Западная Германия, Швейцария и Италия будут принадлежать к Западной Европе. Но и Чехия, и Австрия культурно примыкают к Западу. Культурно Восток и Запад делятся так, что на Востоке оказывается вся бывшая Россия, Галиция и Венгрия, Румыния и Балканы.

народов; Австралия является фактически английской. Многочисленность национальных государств в Европе соответствует культурной зрелости, культурной интенсивности, которая понемногу изменяла политическую экстенсивность. В Европе находится наибольшее количество независимых государств, на втором месте стоит Америка; в Азии, несмотря на то, что она является наибольшим материком, таких государств мало, в Африке их еще меньше.

Большим народам, особенно же англичанам и американцам, привыкшим прямо к континентальным размерам, при которых лингвистические вопросы не играют роли, освобождение малых народов и возникновение малых государств кажется затруднительной и неприятной политической и лингвистической «балканизацией». Но условия жизни таковы, каковы они есть, они выработаны природой и историей: благодаря вековому насилию Турция, Австро-Венгрия, Германия и Россия упростили половину Европы, но это было сделано исключительно насильственно и механически, а следовательно, и лишь временно; балканизацию можно устранить лучше всего свободой и демократией.

Задача заключается в том, чтобы большие народы, которые до сих пор угрожают народам малым и одновременно друг другу, согласились с принципом, что все народы и большие и малые являются равноправными государственными и культурными индивидуальностями. Эволюция в последних годах развивалась в благоприятном для малых народов направлении. Против немецкого господства в Европе вспыхнула мировая война; союзники провозгласили равноправие малых народов, их права особенно защищал президент Вильсон своим лозунгом самоопределения народов. Основу этой идеи кодифицировали мирные договоры.

Нужно считаться, конечно, и с тем, что благодаря войне и миру, прежняя ревность великих держав не прекратилась; к старым горечам присоединились новые, обиды поражений и неисполненных всех надежд и планов победителей. Но, несмотря на все недостатки, мирные договоры установили более справедливые отношения в целой Европе, чем были до войны, будем

же надеяться, что натянутость между народами и государствами постепенно исчезнет.

Поучение, данное войной, надеемся, утвердит мир несмотря на все споры; недостатки мирного устройства Европы могут быть разрешены каждый раз без пролития крови. Несмотря на все затруднения, можно сказать, что уже в дали рисуются побеги вольной европейской федерации на месте абсолютистического господства над Европой одной или нескольких, друг друга уничтожающих, держав. В такой новой Европе может быть обеспечена независимость даже самым малым национальным индивидуальностям. По этой причине Лига Наций и ее деятельность могут быть поучительной аналогией для возможной объединенной Европы.

Часто, еще задолго до войны, высказывались сомнения, может ли наш народ, да и вообще малый народ, быть независимым. Из этих сомнений возникла известная фраза Палацкого о необходимости Австрии, как федерации народов. Я охотно руководствуюсь Палацким, а потому я постоянно сознавал затруднения и совершенно особые проблемы малого народа, но все же верил в возможность нашей независимости. Я высказал это в своих чешских работах; из этой веры возникла вся моя политика и политическая тактика; благодаря этой вере я решился во время мировой войны на борьбу с Австро-Венгрией. Я считал нашу свободу возможной в том случае, если, как это требовал Гавличек, мы будем морально свежи и всегда готовы к защите своей свободы, если у нас будет достаточно широкий политический горизонт для разумной и честной внутренней и внешней политики, если мы приобретем симпатии Европы и если, наконец, в Европе усилится демократия: при всеобщей демократии невозможно угнетения одного народа другим; демократическая свобода делает возможной и независимость малых народов. Это доказывает история Европы с XVIII ст.: начиная с Великой Революции, с все возрастающей свободой и демократией, освобождаются один за другим малые и угнетенные народы. Мировая война является завершением этого освободительного движения: из-за мировой войны и революции, ею подготовленной, пали три державы, которые угнетали це-

лый ряд народов; теперь дана возможность существования демократической Европы, а благодаря этому и свободе, и независимости всех народов.

Более подробный анализ этого исторического процесса я дал в своей первой лондонской лекции; в ней находится основа той политической программы, которую я позднее развил в «Новой Европе» и в этой книге.

115.

Было бы естественно, если бы малые народы начали сближаться и даже соединяться; однако, такие союзы никогда не сравняются своей слитностью и централизацией с соседними большими народами. Союзы между государствами и народами происходят по различным причинам и доводам; они бывают обусловлены географическим положением (соседством), сходством почвы (например, равнина с обеих сторон), взаимным дополнением естественными и производственными продуктами, общей опасностью, политической дружбой и т. д. История показывает нам множество различнейших союзов и объединений; бывают временные и продолжительные договоры, различные формы федераций и союзов. В древнее время насильственное соединение и подчинение было весьма сильным элементом.

Нельзя ожидать, чтобы все малые народы соединились в один союз; их интересы слишком различны. Судя по теперешнему положению можно лишь ожидать, что укрепятся некоторые сплоченные группы малых народов, вроде Малой Антанты. Рядом с Малой Антантой можно еще наблюдать, как северные народы — финны, эстонцы, латыши, литовцы, а также и поляки — совместно защищают свои интересы. Видно, как малые народы начинают сознавать свои общие интересы; на этом основании дальнозоркие политики будут работать над дальнейшим сближением, и между ними и их государствами возникнет, по крайней мере, tacitus consensus. В каждом случае заслуживает размышления тот факт, что пояс малых народов имеет более 100 миллионов жителей — если, конечно, и поляки признают

себя малым народом. Географически этот пояс тянется с севера на юг, через всю Европу; уже благодаря этому возникают значительные затруднения при единении. Например, финны и греки едва-ли скоро признают общность своих интересов.

Я уже говорил о попытке Среднеевропейской Унии, и как нашли друг друга в эмиграции представители малых народов; несколько представителей, конечно, представляют собой нечто совсем иное, чем народы, но и в таком виде попытка интересна и заслуживает внимания.

Очень часто указывали на Австро-Венгрию, как на естественную федерацию малых народов; турецкая опасность, будто бы, сблизила Чехию, Австрию и Венгрию. Говорили также о Дунайской федерации в том смысле, что Дунай является естественной связью придунайских народов и земель с реками, впадающими в Дунай (наша Морава с Дием, Драва и Сава и т. д.). Австрийские историки и географы писали статьи и книги о том, что почва естественно соединила все австрийские земли; венгерские ученые — то же самое по отношению к Венгрии.

Наши историки указывали, однако, что инициатива создания Австрии исходила от наших королей Премысловцев (из страха перед турецкой опасностью). Турецкая опасность миновала; что же касается устройства почвы, то наша республика и в смысле гор, и в смысле территории, вообще, является более органическим целым, чем бывшие Венгрия и Австрия, во всяком случае не менэе органическим. Кроме того, теперь подобных вопросов не решает география; при современной технике естественные границы, если они не являются горами, доходящими до облаков, величайшими реками, морями или пустынями, потеряли прежнее значение. Экономические нужды, необходимость обороны и различные культурные элементы стали теперь гораздо могущественнее; природа многое внушает человеку, во многом руководит, но решает свою судьбу человек сам и ощущаемые им потребности.

Распад Австро-Венгрии должен быть объясняем так же, как и ее возникновение; если историки объясняют нам, как естественно возникла Австро-Венгрия, то они же должны объяснить, как она естественно развалилась: турецкая опасность не дала Габс-

бургам права на абсолютистическое подавление народов, особенно нашего. Освобожденные народы хотят при помощи своих собственных государств, при помощи интенсивных усилий исправить недостатки, рожденные экстенсивным абсолютизмом; поэтому не может быть и речи о более или менее насильственной, вынужденной унификации и централизации в иной политической форме. Те общественные и исторические силы, которые вели к организации Австро-Венгрии и к ее развалу, останутся действенными и в дальнейшем; те из них, которые будут признаны плодотворными и здоровыми, могут быть сознательно применяемы. Возможно и желательно, чтобы между государствами, возникшими из Австрии были оживленные экономические и культурные сношения; поэтому разумным и своевременным требованием является усовершенствование сообщения и транспорта.

Эволюция нескольких последних лет показывает, что преодоление военной вражды и неприязни продолжается: сближаются государства не только таких народов, которые политически сближались уже и в прежней Австрии, но возникают многообещающие связи между народами, враждовавшими в Австро-Венгрии. У нас уже есть торговый договор с Австрией, ибо дружба с этим государством вынуждена общими интересами (экономическими), унаследованными от прежнего единения, фактом, что в Австрии находится большое количество наших граждан и т. д. Действительно, сейчас сближаются четыре государства, вышедшие из Австро-Венгрии: Чехословакия—Югославия—Румыния—Австрия.

Наша дружба с югославянами, начавшаяся еще задолго до войны и укрепленная Малой Антантой, соответствует взаимным потребностям; мы связаны с морем на юге и востоке. Новая Австрия имеет для нас и для югославян значение транзитного государства.

Так вырисовываются дальнейшие возможности. И так, прежде всего, югославяне. Я уже сказал достаточно о своей югославянской политике до и во время войны. Теперь, после войны, у югославян много интересных задач, одной из наиболее важных будет роль, которую они сумеют играть на Балканах.

Географически и исторически югославяне имеют огромное значение в устройстве Балкан; они являются самым большим из балканских народов, а потому уже без них не может обойтись устройство Балкан и особенно ликвидация турецкого владычества в Европе.

Уже перед войной возникали различнейшие попытки балканской федерации; теперь снова поговаривают об объединении югославян с болгарами. Этот союз перед войной не только обсуждался, но можно сказать, и был начат; вспомним об известной попытке братанья сербской и болгарской интеллигенции. Между сербами и болгарами возникли жестокие споры, но теперь нет достаточно причин для их продолжения; в состав Югославии теперь вошли также хорваты и словинци и они могли бы влиять умиротворяющим образом на сербов и болгар, так как не принимали непосредственного участия в их спорах. Федерация югославян с болгарами означала бы 17 миллионное народонаселение, через несколько десятков лет это количество могло бы быть удвоено. Цареградская проблема и ее разрешение будет для югославян (затем nomen omen) предметом размышлений и переговоров; возможность большой, мировой политики могла бы также усмирить неразумные сербо-хорватские распри.

Я не забываю греков и их культурных отношений к Константинополю, к сербам и болгарам; я наблюдаю одновременно усилие Италии, стремящейся на Балканы и в Малую Азию. Наконец, я знаю, что Цареград интересовал и до сих пор интересует, хотя и в меньшей степени, великие державы.

Само собою разумеется, что я здесь говорю с нашей точки зрения, которая определяется нашим положением в сердце Европы: сложность условий, возникающих из этого нашего положения, заставляет нас смотреть на все стороны, на целый мир, а поэтому, повторяю, то, что я высказал еще незадолго до войны, — что мы должны делать мировую политику. Бисмарк сказал, что господином Европы является тот, кто обладает Чехией, с своей империалистической и пангерманской точки зрения он определил этими словами мировое положение нашего народа и государства в средине материка; мы не можем быть господами Европы, нам достаточно быть своими господами, но

из замечания Бисмарка мы должны вывести заключение, что и для нас Восток имеет большое значение, главное из-за прусско-немецкого Drang nach Osten и что нам желательна организация Балкан на этнографическом и историко-эволюционном основаниях: с обеих точек зрения балканские славяне могли бы иметь решающее положение на Балканах. И еще по этой причине у нас с новой Австрией один общий сильный интерес: сокращенная Австрия приобретает свое первоначальное значение, как «восточная империя». Я полагаю, что она удержит свою независимость рядом с Германией. Это желательно не только с политической, но и с культурной точки зрения: я разделяю взгляды австрийских политиков и культурных деятелей, которые подчеркивают своеобразие австрийского германства и стремятся удержать его параллельно и в противовес немецкому германству, особенно в противовес прусскому. Тысячелетнее независимое существование говорит за независимость и при новых условиях. Поэтому наша политика по отношению к Австрии, особенно республиканской, может и должна быть дружественной. Иными словами: и в новом положении мы должны серьезно думать об «и для» Австрии, продолжая этим размышления Палацкого. Развитие новой Австрии требует нашей дальнозоркости и политической зрелости.

В Австро-Венгрии мы были соединены также с поляками, малороссами, румынами и венграми. Еще во время существования Австрии у нас были с поляками дружеские политические и культурные сношения, то же самое можно сказать и о малороссах и румынах; в Венгрии словаки шли совместно с румынами. Теперь все, в том числе и венгры, стали нашими соседями, естественно, что нам желательно быть с ними в дружеских отношениях. Добрые отношения с малороссами для нас важны благодаря присоединению Подкарпатской Руси и малорусскому меньшинству в Словакии. Благодаря своему соседству с Германией и Россий особое значение приобретают для нас Польша и Румыния — о Венгрии можно сказать то же самое, благодаря ее соседству с Австрией; отсюда новый довод для политической дружбы.

116.

Главным препятствием на пути к нашей независимости Палацкий и иные наши политики видели в нашей малочисленности при таком соседстве как немцы; нас всего 9—10 миллионов, немцев более 70 (в самой Германии их 60 миллионов). Немцы после русских являются многочисленнейшим народом в Европе; они живут с нами по соседству, окружая нас с трех сторон; в одном нашем государстве их живет три миллиона, значительное количество их находится и в остальных восточных государствах.

В старые времена немцы стремились на восток и юговосток (Берлин-Багдад: Трепчке видит миссию немцев в колонизации востока); мы не можем ожидать, что эту столетнюю традицию и тактику будет возможно уничтожить по приказанию, а поэтому мы должны постоянно считаться с этим немецким напором. Наши историки, в том числе и Палацкий, видят главное содержание нашей истории в «постоянных встречах и борьбе с славянами, римлянами и германцами» в «преодолении и переживании всего чужого»; положение осложняется соседством венгров, в особенности если они останутся немецки ориентированными. В этом я согласен с Палацким, я бы только более сильно подчеркнул, что у нас, как у народа, была и есть своя не только отрицательная (борьба с немцами), но и положительная задача; благодаря движению культуры и усилению демократии эта положительная задача будет становиться все более важной.

Благодаря тому, что Австрия не была присоединена к Германии, немецкое политическое давление было немного ослаблено: но нельзя сказать с уверенностью, что вопрос послевоенной Австрии окончательно разрешен — дальнозоркий и осторожный политик должен считаться со всеми возможностями и не должен избегать тех, которые ему неприятны.

Отношение к немцам в Германии, в самой империи является для нас самым важным вопросом. Нашей задачей должно быть приведение его в корректное, а позднее и в дружеское состояние; у немцев нет причин к вражде. Свой Drang nach Osten они могут и должны превратить в мирное соревнование; и мы, как и все народы в Европе, стремимся к востоку и югу, я обратил

внимание на эту общую склонность всех западных и северных народов. Германия войну — выиграла; она стала республикой в национальном отношении более единообразной и, таким образом, может лучше осуществлять цели демократической и мирной политики.

Само собою разумеется, что дружественные отношения к Германии подразумевают разумную политическую организацию экономического и культурного сотрудничества с нашими домашними немцами.

При всем оптимизме не будем закрывать глаза на затруднения, данные нашим положением в Европе и в истории. Мне кажется, что многие из нас начали вполне сознавать эти затруднения лишь теперь, когда у нас есть свое государство; фактически в этом нет ничего новаго и мы должны были быть к этому подготовлены. Я их всегда ясно сознавал даже тогда, когда решался работать и бороться за наше освобождение и независимость. Нашу будущность, как и судьбы всех народов, разрешают естественные и исторические ценности, а вовсе не фантастические планы и желания легкомысленных политиков; поэтому задачей образованного политика и государственного деятеля является ясно сознавать наше положение и внимательно следить как за своим развитием, так и за развитием своих соседей и в зависимости от этого действовать.

Мы можем сказать сами себе, что не являемся самым малым народом в Европе (что касается народонаселения, то мы находимся на 9 месте, за нами идет еще 23 меньших народа-государства), но во всяком случае наше положение в центре Европы и наша немногочисленность принуждают нас к прозорливой и осторожной политике; однако, она не должна быть ни в коем случае полна хитростей — времена хитроумной политики миновали, да ведь они никогда и не приносили действительной пользы.

Мы можем поддержать сами себя, сознанием, что мы устояли против напора своих воинственных соседей; это сильный аргумент. Мы можем утешать себя тем, что в роковой момент мы нашли союзников и защитников и что мы сумели возобновить потерянную независимость при все тяжести положения.

Однако, тот факт, что ранее при очень похожей мировой ситуации мы потеряли свою независимость так же, как и наши славянские соседи — поляки, заставляет нас усиливать нашу политическую дальнозоркость и осторожность. Мы не смеем забывать, что в начале средних веков славяне простирались до Салы и северной Лабы; конечно и о судьбах полабских славян у нас сейчас более ясный и правильный взгляд, чем у Коллара и его современников.

Мы должны знать и реально определять свои силы: мы можем и должны брать пример не только с малых, но и с великих народов, но мы не должны необдуманно подражать своим образцам, у нас должна быть своя обдуманная программа, и за ней мы должны итти последовательно и решительно. Мы должны постоянно стремиться к повышению своей внутренней силы так, как нам это формулировал Гавличек — потом мы спокойно можем сказать: не покорились и не покоримся никому и никогда! В таких случаях я всегда вспоминаю о маленькой Дании, и как она мужественно и честно не позволила напугать себя в 1864 г. двумя великанами — Пруссией и Австрией, хотя и ожидала поражения; во время мировой войны Дании было возвращено то, что у нее было бесправно отнято после поражения. А это возмездие произошло несмотря на то, что Дания не участвовала в войне.

По отношению к Германии нужно считаться не только с силами и факторами государственными, но и культурными; с самого начала нашего развития Германия влияла на нас своей культурой — церковно, экономически, литературно и художественно — поэтому вопрос нашей самостоятельности и независимости по отношению к Германии не только политический, но и культурный в самом широком смысле этого слова.

117.

За свое политическое освобождение мы должны быть, прежде всего, благодарны Франции, Англии, Америке, Италии — Западу.

С самого начала своего развития в Европе мы были политически и культурно связаны не только с Германией, но и с Францией, Италией и Англией; в более древнюю эпоху наши сношения с Востоком византийским и русским были редки, эпизодичны. Связь с Германией была так сильна, что одно время наши короли были во главе римской империи.

Влияния остальных западных народов были слабее немецкого. Правда, уже в более отдаленные времена на нас влияли французское и итальянское образование, особенно искусство. Карл основал по образцу Запада университет в Праге. Благодаря Реформации целый народ вступил на путь западной культуры, как это видно из того, что в направлении, данном Гусом, после нас пошел весь Запад; то, что побудительные причины были получены Гусом из Англии, является лишь дальнейшим доказательством этого тезиса. В своей реформации мы выдвинули идеалы, которые осуществили западная реформация и революция; Палацкий правильно указал на то, что в нашей реформации проявили себя в зародыше все те идеи и направления, которые позднее развились на Западе. Коменский был духовно спаян с Западом и английское влияние было для него благотворно.

Под владычеством Австрии мы были под односторонним немецким влиянием, но как раз поэтому английское и французское влияния, которые не вщеплялись нам насильственно к которым мы стремились, были более плодородны. Симпатии к Франции, к идеям французской революции были для нас могущественной культурой и политической опорой в эпоху, так называемого, нашего возрождения; поэтому вполне логично и естественно, что во время мировой войны мы стали на сторону Франции и союзников вообще и против наших притеснителей.

С нами на стороне союзников были все славянские народы — за исключением болгар; часть поляков тоже колебалась некоторое время. Австро-Венгрия и Германия угнетали не только нас, но и югославян, поляков и русин; русские и сербы (находящиеся вне Австрии) были тоже против центральных держав. Подобно нам и остальные славянские народы тяну-

лись в культурном отношении к Франции; культурная история поляков и русских дает для этого достаточно доказательств. У южных славян были сильны также итальянское и греческое влияния.

Я не могу разбирать здесь до какой степени в политических и культурных отношениях славян к Западу играет решающую роль географическое положение, политическое давление немцев и венгров и до какой симпатии, происходящие из родства или сходства характеров; это весьма сложный вопрос культурной взаимности и культурного развития вообще. В данном случае дело касается нашей политической ориентации в Европе.

От центральных держав нас, прежде всего, отталкивала габсбургская Австро-Венгрия. Она провела насильственную контр-реформацию, изменила политическому договору с нашим народом, постоянно уменьшала его политическую независимость, а после Великой Революции стала главной вдохновительницей старого режима. Из роли вождей римской империи Габсбурги пали до уровня авангарда пангерманского движения на восток. Габсбурги насильно хотели онемечить наш народ. С Габсбургами шли Гогенцоллерны, и уже этим определялось наше политическое отношение к Германии; оно определялось, конечно, также немецким напором на славян вообще. Поэтому в мировой войне наш народ не мог стоять нигде на ином месте, кроме как на стороне западных народов и их союзников.

Наше отношение к Франции, Англии, Италии и Америке, которым мы должны быть благодарны за свою независимость, еще не означает, что мы не можем быть самостоятельными в своей политике, особенно по отношению к Германии. Прежние отношения Франции и Германии улучшились; Эльзас-Лотарингия не была главной и истинной причиной спора, как об этом высказывались до войны и пангерманцы, постоянно указывавшие на восток и незнавшие, являются ли истинными врагами Германии Россия и Англия. При чем в обоих случаях обращали свои взоры в Азию и Африку.

Спор Франции и Германии не является в наших интересах, наоборот, по силе возможности мы будем содействовать тому; чтобы оба эти народа договорились.

М-р Темперлей, в уже приводившейся истории мира, констатирует с известным удовлетворением, что по отношению к нам немцы не вели себя враждебно, как по отношению к иным народам. Д-р Рашин и д-р Соукуп в своем сообщении о перевороте рассказывают о немецком генеральном консуле в Праге, который сейчас же после переворота (2 ноября) сообщил, что германская империя признает чехословацкое государство и не расчитывает на нашу немецкую территорию. Из истории нашего войска в России могу привести тот факт, что наши солдаты относились совершенно иначе к немцам, чем к австрийцам и венграм; мы были в состоянии войны, но между нами было взаимное уважение, как это доказывает договор у Бахмача и иные мелкие инциденты. Это вполне естественно — притеснения Австор-Венгрии были более непосредственны, более личны. Поэтому наши политические отношения к новой республиканской и демократической Германии могут быть совершенно иными, чем к прежней Австро-Венгрии и Пруссии.

Что касается наших отношений к Германии в новейшую эпоху, то я позволю привести в пример сам себя, так как сознательно и критически прожил эти отношения. Я работал еще до войны над нашей политической независимостью; но я никогда не выступал враждебно против немцев, даже против Австрии. От начала войны и даже до нее я был решительно против австрийского габсбургизма и против прусской Германии; когда начался бой, то я открыто присоединился к союзникам, но в продолжении всей борьбы, во всей своей оборонительной пропаганде я ни одним словом не оскорбил ни немцев, ни австрийцев, как народ. Я хорошо осведомлен, и у меня есть несомненные свидетельства, что в официальных немецких кругах уважали и признавали эту мою позицию. Мне хорошо известно и то, что некоторые круги в Германии, точно так же как и австрийские органы, подумывали еще до войны о насильственном подавлении моих приверженцев и о моем аресте,

потому что я им казался опасным; это, однако, не изменило моей политики.

Духовно все мое развитие коренится в античной, французской, английской, американской, а не столько немецкой культуре. Мне кажется, что мое личное развитие соответствует культурному развитию нашего народа, я только глубже прошел через русскую культуру и полнее и последовательнее, чем большинство, переживал античную и западную литературы. Немецкой литературы, философии и культуры мне не было достаточно, а потому я старался пополнить образование западными культурами; я это делал вовсе не из-за политической предубежденности, но сравнивая критически немецкую культуру с остальными и ища культурной независимости и синтеза. Дальше я об этом скажу подробнее, пока же подчеркиваю, что культурные симпатии и связи не должны препятствовать политике и наоборот; мы оцениваем культуры по существу а не только политически, а взаимные связи народов определяются не только политикой, но и культурой.

118.

Наши связи с Востоком были гораздо слабее, чем с Западом.

Наши отношения к византийской империи и культуре в древности до сих пор еще достаточно не выяснены; мы знаем лишь одно, что после краткого византийского периода решающим для всего дальнейшего развития стали сношения с Западом. Политические сношения у нас были с поляками и венграми; с поляками уже в давнишние времена у нас были культурные связи. С русскими и югославянами более серьезные сношения начались лишь с конца XVII ст.

Австрия своей односторонней немецкой, а потом и венгерской политикой сама вела славянские народы к сближению; вполне естественно возник, как его назвал Гавличек, малый панславизм; кроме него был еще и большой панславизм (полагающийся на Россию, Сербию, Черногорию и Болгарию).

В абсолютистическую эпоху панславизм не мог проявлять себя политически; но в сравнительно больших размерах он проявил себя Славянским Съездом в Праге в революционный 1848 г.; после пореволюционной реакции парламент в Вене сближал политически славянские народы Австрии.

Национальное и лингвистическое родство приводили естественно мысли славян к культурной взаимности; это родство гораздо глубже и интимнее, чем, например, у романских и германских языков, а потому у панславизма есть более естественные национальные и лингвистические основы, чем у панлатинизма и пангерманизма (повторяю, сужу с национальной и лингвистической точки зрения). Коллар (ученик Гердера!) формулировал программу славянской взаимности в смысле чистой человечности и просвещения: славянин для него соответствовал понятию человека, а славянские политические идеалы чистой демократии, которую обычно относили до более или менее отдаленной мифологической эпохи или приписывали отдельным славянским народам («голубиный народ» и т. д.). Коллар ожидал, что своеобразная и высшая культура славян спасет и западные народы; славяне станут во главе народов и человечества, они займут место западных народов, уходящих с исторической сцены и разлагающихся. Подобно тому, как у нас Коллар, в то же приблизительно время в России провозглашали мессианизм славянофилы; подобный же мессианизм проповедывали и поляки — славянская, русская, польская культуры спасут не только славянство, но и остальные народы и все человечество. Чешская культура основана на реформации и просвещении; подобным же образом из эпохи просвещения вырастают и югославянские мессианисты; русская культура основана на православии, польская на католичестве.

Все эти теории были формулированы своими главными представителями совершенно не политически — это была программа культурной и духовной взаимности, это не был политический панславизм; в более позднюю эпоху, не без влияния пангерманистов, панславизм, первоначально культурный, начал приобретать у некоторых политиков и философов истории политический характер.

Славянский панславизм нельзя научно обосновать, как нельзя обосновать и мессианские стремления пангерманцев и тому подобные явления. Я относился всегда скептически ко всем этим без различия философским или политическим теориям. Я не могу некритически принимать славянского мессианизма, подобно тому, как я не принимал и односторонне преклонения перед западной культурой. Разговоры об упадке Запада, которые вели славянские и германские мессианисты, научно ни на чем не обоснованы; я отвергаю также теорию об упадке Германии и подобным же образом отрицаю культурную философию Шпенглера. Более глубокое знание Культур всех народов, философская критика их культурного развития — приводит нас к культурному синтезу, не только к славянской, но к всенародной взаимности. Поэтому на старую программу «Ex oriente lux?» я отвечаю — да, но также и «Ex occidente!». Вся наша история, наше географическое положение ведут нас к этому синтезу.

В действительности этот синтез уже осуществляется у всех народов. Нет необходимости доказывать, как всюду культивируют отовсюду пришедшую науку и философию, как отдельные народы дополняют друг друга в этой области и как они взаимно влияют; я не буду указывать, как все народы усваивают результаты совместной технической и, вообще, внешней цивилизации. Что касается литературы и искусства, то мы знаем, что славяне давно и постоянно жадно впитывают западную литературу; в противовес, Запад охотно, а в последнее время даже напряженно, принимает русскую культуру. Известный романист Поль Адам уже много лет тому назад сказал: Il faut que l'Empire d'Orient et celui d'Occident s'épousent — а Поль Адам был среди иных французским и романским мессианистом.

Я уже обращал внимание, как в западных литературах, во Франции, Англии, Америке и Италии усиливалась перед войной литературная взаимность: эти европейские течения не пострадали от войны, а после нее развиваются весьма многообещающим образом.

Европеизм не противоречит здоровому ядру Колларовской взаимности, наоборот, он его дополняет и довершает; европеизм исключает лишь романтический мессианизм и шовинизм. Поскольку мессианизм обратил внимание на некоторые положительные свойства и особенности народов, постольку это является его заслугой. Реалистическая критика не будет лишь отрицать мессианизм, она даст оценку всех живых культурных элементов и подготовит таким образом тот органический синтез, который не будет ни национальным, ни противонациональным, а наоборот национальным — каждый народ будет развивать свой национальный характер и свои национальные особенности под влиянием всех жизненных, сильных культурных элементов и направлений.

Это всеобщее правило, которое при каждом отдельном случае должно быть конкретизовано. Весьма трудно критически констатировать как действовали у нас чужие влияния которые из них были сильнее, которые слабее (глубже и более общи), которые были продолжительны и которые проходящи и т. д.; еще труднее определить, которые из чужих влияний и в какой степени были для нас благотворны и необходимы, которые были конгениальны. Обо всем этом до сих пор у нас мало точных изысканий; для этого ведь необходимо знать, что является нашей истинной национальной основой, нашим национальным характером, насколько верно содержание нашей национальной жизни и стремлений, какова его культурная ценность, что из чужих влияний нам нужно и благоприятно. Вполне естественно, что у нас шли против всего немецкого и против германизации в то время, когда нам насильственно и официально прививали немецкий дух, немецкий язык и культуру; наоборот, французские и иные влияния и образцы принимались охотно, особенно это можно сказать о славянских и русских влияниях.

Культурная взаимность, искание и приятие чужих влияний не только политических, но и культурных является расценкой своего и чужого народа, расценкой вообще всей человеческой культуры. Такая критическая, научная философия национальности и культуры является теперь одной из наших

первых задач. Недостаточно требовать лишь любви к народу и отечеству, нам ведь нужна сознательная любовь, как это формулировал Неруда, нам нужна обдуманная культурная программа. К созданию такой обширной и содержательной национальной программы я стремился постоянно еще до войны и так возникли споры и борьба вокруг ценности нашей национальности; я не сомневаюсь, что теперь, когда мы политически свободны, у нас будут более последовательно заниматься столь желательной философией культуры и национальности. Наши историки литературы и художественные критики, наши социологи и историки, точно так же как и наши политики, теперь прямо принуждены принять критическую ориентацию: что мы вносили и будем вносить в человеческую сокровищницу, что нам нужно от остальных народов, дабы мы могли содействовать человечеству.

119.

С этой точки зрения я и буду обсуждать требования славянской политики. Лично я во время войны, как и всегда, делал славянскую политику, но у меня были иные взгляды на ее основы и цели, чем это обыкновенно провозглашали и провозглашают еще и теперь.

Благодаря освобождению, мы получили новые задачи у себя дома: единение со Словакией и историческими землями, правильное разрешение вопросов о Подкарпатской Руси, и славянских — польской и малорусской (в Словакии) — меньшинах. Это является политической, административной и культурной задачей.

Теперь у нас есть свое государство, как у всех славянских народов (за исключением самых малых — лужицких сербов), а благодаря этому наши политические отношения к независимым славянским народам — государствам — стали более ясными, чем при Австро-Венгрии. Наше правительство, само собою разумеется, будет культивировать официальные политические и экономические сношения; но культурную связь

с славянскими народами будет поддерживать не только правительство, но все культурные круги и учреждения.

Теперь для этих сношений нет препятствий, а потому, благодаря приобретенной свободе, и культурные сношения будут более производительными, чем прежде; именно благодаря общему освобождению славянских народов культурная идея Коллара может быть осуществлена в более полных размерах.

Я уже излагал, как во время войны, благодаря общим интересам с поляками и югославянами, возникла совместная освободительная деятельность. Это будет исходным пунктом для будущего; лишь отношения к Болгарии были до известной степени испорчены войной, но это переходное состояние. Я писал обширно о наших заграничных сношениях с Россией — они являются живой иллюстрацией к нашему предвоенному руссофильству.

С самого начала нашего возрождения мы питали сильные симпатии к России; но подлинные сношения с Россией были весьма скудны. Уже в конце XVII столетия Россия играла в Европе значительную роль, позднее революция и пореволюционная реставрация создавали России часто руководящее положение. Уже Добровский формулировал нашу руссофильскую точку зрения; размеры России повлияли у нас естественно на то, что панславизм понимался часто как панруссизм.

Русские, напротив, не питали к нам таких живых симпатий. В прежние времена правительство и бюрократия были консервативны и легитимистичны. Известно, например, что император Николай отвергал панславизм из-за легитимизма. К православным народам уже в давние времена чувствовались симпатии потому, что они находились под владычеством нехристианской и враждебной Турции; освобождение этих народов (и приобретение при этом Константинополя и проливов) стало официальной программой. Либеральная часть русского общества отвергала официальный национализм, славянских симпатий у нее собственно не было. В России, как и в иных землях, славянская идея пропагандировалась тесным кружком славистов и историков; отсюда понемногу проникали в более

широкие круги сведения о славянских народах и симпатии к ним. Лишь к православным народам, т. е. к сербам и болгарам, были некоторые симпатии и среди народа, они основывались на древних отношениях русской церкви к Византии и к балканским и вообще восточным народам. Официальная консервативная Россия вела себя сдержанно, а иногда и прямо отрицательно к католическим и либеральным славянам.

Россия Петра (и еще до него) вела дружбу с Пруссией и Германией, а русские немцы имели при дворе большое влияние. В XVIII столетии дворянство начало склоняться к французской культуре — русская культурная жизнь превратилась в удивительную франко-немецкую смесь. В XIX столетии (после революции) немецкое влияние стало еще сильнее, в новейшую эпоху социализм, особенно у младшего поколения, шел в немецком направлении. Познания в области славянских литератур и культуры были до последнего времени совершенно незначительны.

Россия, как великая держава, гордящаяся своими размерами, делала такую мировую политику, какую требовало ее положение в Европе и в Азии. Балканы и Турция играли в этой политике значительную роль. Финансовые и политические потребности привели Россию к союзу с Францией, а наконец было заключено соглашение и с Англией, с которой Россия долго не могла сговориться по поводу балканской и азиатской политики.

В таких условиях, как я уже излагал, нас застала мировая война; наше старшее, некритическое руссофильство было опровергнуто и, надеюсь, преодолено военными событиями. Наша любовь к славянству не смеет быть слепой; я отвергаю особенно тот панруссизм, который, прикрываясь лозунгом славянской идеи и славянской политики, возлагает все свои надежды на Россию, на воображаемую Россию; под этим руссофильством скрывается пессимизм, часто прямо нигилистического характера. Опровержением этого руссофильства является как раз тот факт, что за наше освобождение мы обязаны прежде всего Западу и менее России: некритическая руссофильская политика, господствовавшая еще в начале войны,

потерпела крушение. Она потерпела крушение не только благодаря поражению России, но и из-за ее развала.

Мы должны желать укрепления России, но это укрепление может прийти из ее же недр, оно произойдет при помощи самих же русских, оно не может быть проведено извне, иными народами; в кризисе, в котором оказалась Россия, она может помочь себе лишь сама — России можно помочь денежным займом, торговлей, всеми внешними средствами европейской цивилизации, но спасти ее этим нельзя. И Франция и иные народы — среди них и мы — пережили революцию и такой же кризис, как и Россия, но помогали и помогли лишь самим себе. Мы лично можем очень мало помочь России; то, что мы можем, мы делали уже во время и после войны; в своей политике невмешательства я руководствовался проникновением в глубокий политический кризис России. Я верю, что Россия опамятуется и укрепится и будет снова играть большую политическую роль, еще большую, чем при царизме; Россия нужна не только нам и остальным славянам, но и всему свету. Мы были руссофилами до войны и во время войны, ими мы и останемся, но будем лучшими руссофилами, мыслящими и практически — мы пойдем за Гавличком, который первый из наших политиков сумел правильно отличать царизм от народа.

Иногда раздаются в Польше голоса, что польский народ будет вождем славянских народов, что после русских он является самым большим народом и что кроме того у него имеются истинные основы западной культуры; подождем и увидим сумеет ли Польша вести такую политику. Однако я не буду скрывать своего мнения и скажу, что пока мы не видим у поляков для этого достаточно оснований.

Часто, особенно теперь после войны, у нас и в русских и югославянских кругах Прага восхваляется, как самый большой славянский город. Если под этим подразумевать культурный центр, то я могу согласиться; и географически Прага расположена очень выгодно, все славяне стремящиеся на запад могут легко к нам попасть. У нас есть правильные культурные основы, своими культурными стремлениями, особенно реформацией мы опередили развитие остальных славян и могли бы стать руководителями. Так думать дает нам право и тот факт, что мы

единственные из славян питаем симпатии ко всем славянам, не обращая внимания на различия, особенно религиозные, которые до сих пор так обособляют народы, особенно славянские. Но для этого предпосылкой является предположение, что мы сами сумеем духовно окрепнуть и что мы найдем одновременно правильное отношение к неславянским народам. Наша политика должна быть прежде всего чешской, действительно чешской, а благодаря этому и славянской.

Основы и директивы иностранной политики нашей республики были выработаны во время войны на основании опыта и сношений со всеми почти государствами; у нас есть уже хотя и недолговременная, но все же традиция; за продолжение работы в направлении тех же традиций говорят успехи, достигнутые реальным пониманием славянской, европейской и мировой ситуации и истории.

120.

Наша иностранная политика определяется в известной степени соображениями, касающимися меньшинств. У всех государств (за исключением самых малых) есть меньшины; чисто этнографическое ограничение и устройство государства невозможно. Современные государства возникли в эпоху, когда национальности не играли непосредственной политической роли и когда применялись иные политические и государственно созидательные силы; лишь в новейшую эпоху национальный принцип стал государственным, но все же отнюдь не решающим. Отсюда факт, что государства были и есть национально смешанны.

Я часто обращал внимание на то, что каждый вопрос о меньшинах является особым вопросом и не похож на остальные вопросы о меньшинах. Конечно наше немецкое меньшинство является совершенно особым среди наших же и вообще всех европейских меньшин; во-первых, оно довольно значительно — 3 миллиона против 10 —в Европе есть 11 государств меньших, чем наше немецкое меньшинство; наши немцы культурно зрелы, экономически, промышленно и финансово сильны; в поли-

тическом отношении они находятся в невыгодном положении благодаря тому, что в Австрии за них делало политику венское правительство, и их политическое чутье не обострилось. За нашими немцами находится великая немецкая держава, они находятся на границе с Австрией, которая граничит с Германией.

Поэтому для того, чтобы немецкое меньшинство осталось с нами, мы ссылаемся на историческое право и на факт, что наши немцы ни во время австрийского владычества, ни во время чешского королевства никогда не стремились к слиянию с Германией. Лишь самая новейшая пангерманская пропаганда нашла среди них приверженцев. Во время войны немцы были за Австрию и Германию, и против нас; после войны и особенно после переворота в Праге наши немцы попытались организовать свои территории, но как раз эта попытка, как я уже говорил, показала невозможность объединить административно разбросанные и ничем не связанные территории. Факт, что были созданы четыре отдельных немецких территории, говорит за себя.

Когда-то и с чешской стороны предлагали уступить Германии часть немецкой территории; это план обсуждали и на мировых конференциях. В Англии и в Америке, как я уже говорил, было достаточно приверженцев программы, предлагающей организовать новые государства как можно более национально. После зрелых размышлений многие политики, с которыми я вел переговоры по этому вопросу, согласились со мной в том, что экономические интересы и разрозненность значительной части немецких меньшинств говорит за наше историческое право. Эта точка зрения победила и на мирной конференции.

Если вопрос разобрать спокойно и реально, то становится ясным, что для самих немцев выгоднее, чтобы их у нас было как можно больше. Предположим, что 1—$1^1/_2$ миллиона, а быть может, и все два были бы уступлены Германии: оставшийся миллион должен бы был гораздо больше опасаться за свое национальное существование, конечно в случае, если 3 миллиона боялись бы чешского влияния.

Если мы посмотрим на соотношение наших немцев и нас в том виде, как оно было в Австрии и как его бы хотели видеть пангерманисты еще и сейчас, то тогда возникнет основной во-

прос, что более справедливо, то ли, чтобы 3 миллиона, т. е. об ломок немецкого народа вошел в немецкое государство или же 10 миллионов чехов и словаков, т. е. целый народ, было в немецком государстве?

Наши и австрийские немцы ссылались на право самоопределения и на авторитет Вильсона. В противовес этому я могу привести, что не все немцы требовали этого права: такие люди, как например, Ламмаш, Редлих и иные его не признавали, не говоря уже о том, что его не признавали и австрийские министры (Чернин и иные) и что оно не признано и в Германии. В действительности это право, которое так проповедывалось с нашей стороны еще до войны, не было точно формулировано — касается ли оно лишь целых народов или также и частей отдельных народов? Даже значительное меньшинство не является народом. Термин «право на самоопределение» не обозначает безусловного права на политическую самостоятельность; и наши немцы могли бы постановить, что останутся с нами, как немцы в Швейцарии определили свое пребывание вне Германии. Независимость, как целого, так и части не определяется лишь собственным правом, но и правом иных, а о самостоятельности всюду и всегда решают не только национальные и лингвистические, но и экономические и иные соображения. Вопрос наших немецких меньшинств является не только немецким, но и нашим чешским вопросом и вопросом обоюдных, особенно экономических, выгод. Поэтому и на мирной конференции было указано, что отделение немецких меньшинств повредило бы чешскому большинству. Кроме экономических причин есть еще и политические: немецкий народ благодаря тому, что значительная его часть организована в виде независимого австрийского государства, что в Швейцарии немцы являются руководящим элементом и что у нас и в иных государствах у него есть меньшины, обладает такими политическими преимуществами, которых бы он не имел будучи объединен. Многие немецкие политики и историки культуры доказывали и доказывают и после войны, что немецкий народ культурно выигрывает благодаря тому, что он разделен на несколько государств. То же самое будет справедливо и по отношению к французам (Франция—Бельгия—

Швейцария), англичанам и т. д. Однако, теперь, после войны, остальные народы требуют, чтобы эти части немецкого народа не были воинственным авангардом, каким их объявляли и к чему их направляли пангерманисты, а решились, наконец, вести мирную совместную деятельность с народами, с которыми живут с давних пор и с которыми их связывают экономические и культурные интересы. Само собой разумеется, что меньшины имеют право требовать национальную свободу и соответствующее участие в управлении государством.

В своем послании я подчеркнул факт, что наши немцы пришли к нам, как колонисты. Если бы даже было правдой, что небольшая группа немцев была на нашей территории и до немецкой колонизации, то все же значение колонизации не было бы из-за этого умалено. Немцы, как колонисты, не являются второразрядными гражданами, т. к. их призывали в нашу землю наши же короли, обеспечив им этим все права, необходимые для культурной и национальной жизни. Это важно в политическом и тактическом отношении не только для нас, но и прежде всего для самих немцев: я присоединяюсь вполне сознательно к национальной политике Премысловцев, которые защищали немецкую национальность. Я не признаю однако стремления онемечить, господствовавшее при некоторых Премысловцах. Если же найдутся люди, которые с династией наших Премысловцев будут связывать имя греческого Прометея, то я ничего против этого не буду возражать; наоборот я вижу в имени нашей первой династии программу, т. е. то, что наша политика не только по отношению к немцам, но и во всем своем масштабе должна быть продуманной, полной мысли или, как этого требовал Гавличек, разумной и честной.

Разрешение спора между нами и нашими немцами будет весьма важным политическим актом. Дело идет о разрешении вопроса, затянувшегося на столетия, об регулировании отношений нашего народа к значительной части, а благодаря ней и ко всему немецкому народу. В этом случае наши немцы должны будут отвыкнуть от австрийских обычаев, должны будут отказаться от старой привычки господствовать и превышать право.

Кроме немцев у нас есть небольшое количество поляков и уже больше малороссов (в Словакии); больше всего у нас венгров. Этих незначительных меньшинств тоже касается правило, гласящее, что их национальный быт должен быть обеспечен.

У всех меньшинств должны быть их собственные народные и средние школы; что касается высших учебных заведений и вообще высших научных учреждений, то их основание и количество регулируется теперь во всей образованной Европе определенным количеством, степенью образованности и потребностями жителей. В самой Германии приходится приблизительно один университет на 3 миллиона и одно техническое училище на 6 миллионов жителей — у нас у трех миллионов немцев есть 1 университет и 2 технические школы.

В политическом отношении немецкое меньшинство является наиболее важным; его привлечение к республике упростит все остальные вопросы меньшинств.

Когда в неодноязычном государстве дело касается правительственных учреждений и государственного языка, то должно быть применено правило, что в вопросе об официальном языке решающим являются потребности жителей и административные выгоды — ведь государство существует для граждан, а не граждане для государства. У государства, как цельного и единого организма, и у его армии будет свой язык — чешский (словацкий); это дано самим демократическим принципом большинства. И так государство будет чехословацким. Однако национальный характер государства не обеспечивается одним государственным языком; речь не исчерпывает характера народа, национальный характер нашего государства должен основываться на качестве общекультурной программы, последовательно и усиленно осуществляемой.

Перед войной я принял участие в дискуссии о двуязычности и одноязычности государственных учреждений; при новых условиях я считаю двуязычность наиболее практическим решением; одноязычность чиновников в двуязычном государственном учреждении применима в переходное время в некоторых районах.

Опыт нам покажет возможна ли будет такая одноязычность и в будущем.

В виду того, что мы являемся государством национально смешанным и в виду нашего совершенно собого положения в центре Европы, вопрос о языке является весьма важным не только в политическом, но и культурном отношении.

Прежде всего дело касается языков, на которых говорят в самом государстве. В интересах самих меньшин заключается ознакомление с государственным языком; но и наоборот — знание языков меньшин, особенно же значительных меньшин, будет в интересах большинства; в связи с этим будет организовано и обучение языков в школах: и в этом случае дело касается административных, экономических и культурных потребностей. Немецкий язык важен для нас политически; наши чиновники должны знать немецкий язык, они должны знать его хорошо, дабы могли проникнуть и в народные диалекты. Немецкий язык является мировым языком, а потому он выгоден, как культурное и просветительное средство.

В средних чешских и словацких школах, а также и в городских училищах должен быть преподаваем немецкий язык, а в немецких — чешский. В Словакии подобное же правило должно быть применено, хотя и в более скромной мере, ко взаимному обучению словацкого и венгерского языков. Вопрос о том, должно ли быть обучение языкам обязательное или нет, разрешит опыт и практика. Что касается вопроса необходимости обучать этим языкам также в народных школах и в каких классах, то тут это будет разрешено сообразно с потребностями и волей обывателей.

Кроме языков, на которых у нас говорят дома, нам необходимы еще и иностранные языки — французский, английский, русский и итальянский. Если мы примем в расчет, что у нас в гимназиях проходят латинский и греческий языки, то увидим, что вопрос о языке становится для нас весьма сложным и трудным; перед нашими Коменскими — или разве мы не народ Коменского? — предстанет задача, как можно больше всего упростить и усовершенствовать преподавание, особенно же преподавание языков, дабы их усовение было сделано наиболее легким.

Лингвистический вопрос действительно для нас весьма сложен: я еще к нему вернусь.

Усовершенствованное самоуправление и процентуальное представительство (меньшин) являются в демократическом государстве прекрасными средствами защиты меньшинства; самоуправление и процентуальное представительство — вот требования демократии.

Для националистического шовинизма нигде нельзя найти оправданий, но меньше всего у нас. Я сам привожу немцам и иностранцам важный факт, характеризующий наш переворот, а также, полагаю, и наш национальный характер: несмотря на все австрийские притеснения во время войны, на все шовинистические выступления значительной части наших немцев, 28 октября 1918 г. ни в Праге, ни в иных местах по отношению к немцам не было применено насилие. Во время переворота мы так были заняты своей положительной и созидательной государственной задачей, что даже не вспомнили о зле, сделанном нам, и не начали делать ответной политики. Выходки нескольких отдельных личностей не являются опровержением.

В кругах, руководящих переворотом, думали с самого начала на совместную деятельность с немцами. На женевском собрании делегатов Национального Комитета было сделано предложение, принятое без дебатов, как нечто само собою разумеющееся, а именно, что будет один немецкий министр: в демократии само собою разумеется, что каждая партия, как только она признает политику государства, получает право на участие в управлении государством. Даже больше, — это является ее обязанностью. Далее у меня есть сведения, что Национальный Комитет стремился одновременно привлечь наших немцев в Национальный Комитет и что он вел с ними об этом переговоры. В немецких кругах утверждают, что 29 ноября самому наместнику Куденгове было сделаго предложение вступить в Национальный Комитет от лица немцев. Подобным же образом Национальный Комитет в Брне обещал военному управлению, что примет в свой состав двух немцев. Если мне не изменяет память, то после переворота с чешской стороны было сделано предложение создать министерство национальностей для немцев. Такое

поведение наших вождей во время переворота было продиктовано, конечно, не только желанием мира, но и дальнозоркой политикой.

История доказывает, что крушение всех государств происходило всегда от шовинизма, безразлично какого — национального, классового, политического или религиозного. Не могу сейчас вспомнить фамилию одного современного португальского историка, из произведений которого я читал обширные выдержки: он излагает весьма убедительно, как мировая держава Португалия пала из-за шовинистического империализма. А что доказывает нам крушение Австрии и Венгрии, Пруссии, Германии и России? Каждый, подымающий меч, от меча же и погибает.

Мы правильно разрешим национальную проблему, если поймем, наконец, что чем национальнее мы хотим быть, тем должны мы быть общечеловечнее. И наоборот, чем мы будем общечеловечнее, тем будем и национальнее. Между народом и человечеством, между национализмом и гуманностью нет такого соотношения, которое бы ставило человечество, как целое, человечество и международность, как моральное усилие экстенсивное и интенсивное, вне народа, против народа или над народом и национальностью. Народы являются естественными органами человечества.

Благодаря новой организации Европы и созданию новых государств национализм потерял свой отрицательный характер, ибо угнетенные народы стали независимыми. А против положительного национализма, стремящегося к положительной и усиленной работе, к поднятию уровня своего государства, никто ничего не может возразить. Не любовь к своему народу, но шовинизм является врагом народов и человечества. Любовь к своему народу не требует ненависти к иному народу.

Естественно, что национальность, принадлежность к национальности определяется языком: язык бесспорно является выражением духа народа. Однако это не является его единственным выражением. Начиная с XVIII столетия изучается сущность народности, и теперь мы приходим к заключению, что национальность, вид и характер народа выражается во всем духовном и

культурном его стремлении. Потому-то теперь сознательное развитие национальности требует не только лингвистической программы — наша литература и искусство, наша философия и наука, наше законодательство и государство, наша политика и администрация, наш моральный, религиозный и вообще духовный характер должны тоже быть национальными; теперь, когда у нас есть политическая независимость, и мы являемся господами своей судьбы, нас не может уже удовлетворить национальная программа времени народного и государственного порабощения; тогда естественно выдвигалась лингвистическая программа, теперь же национальная программа должна быть общекультурной.*)

Мы уже говорили о культурном синтезе, к которому теперь стремятся в образованной Европе; он должен быть синтезом культурных элементов различных народов. Осуществлять этот синтез должны начать как раз в государствах со смешанными национальностями: меньшинства образованных народов могут в этом случае иметь весьма важную и почетную задачу.

---

*) Моей задачей не является разбор сложного понятия национального характера, но все же я хочу предостеречь перед неясностью и поверхностностью, с которыми так часто говорят об этом предмете. Является ли характер следствием расы? Что собственно говоря думают, когда говорят, что то или иное свойство у нас в крови? Существует вообще чистая раса, несмешанная кровь? Что такое национальный инстинкт и что такое национальное чувство? Насколько характер народа зависит от физических и поскольку от душевных свойств? Отличается ли, а если да, то чем и как характер народа от индивидуального характера? Не меняется ли национальный характер, подобно индивидуальному, благодаря воспитанию, школе, большому опыту (выигранной или проигранной войне и т. д.)? Говорят о славянском характере вообще, но ясно ли нам какие свойства являются общими для всех славян, чем мы отличаемся один от другого, русский от чеха и т. д.? Не отличается ли весьма ясно католик от протестанта, хотя оба принадлежат к одному и тому же народу? Разве северянин не отличается от южанина и т. д. и т. д.? Я снова и снова обращаю на все это внимание (я говорил уже обо всем этом в «Новой Европе» и часто еще ранее, до войны) потому что мы постоянно обращаемся к национальному принципу и его политическим последствиям, но делаем это без достаточной и надлежащей сдержанности.

Демократия будет нашей программой во внутренней политике постольку же, поскольку мы будем стремиться к демократизму и в политике внешней: мы возродили наше государство во имя демократической свободы — мы сможем удержать его лишь свободой, одной лишь все более и более совершенствующейся свободой.

Еще нигде нет последовательно осуществленной демократии; все демократические государства являются до сих пор лишь опытом создания демократии. Демократические государства, одно более, другое менее, сохранили в себе многое из духа и устройства старого режима, из которого они возникли, — на свободе, равенстве и братстве, как внутренне, так и внешне будут основаны лишь действительно новые государства, государства будущего.

Наше государство не только должно быть демократическим, но недемократическим оно и не может быть. Сравнивая нас с Америкой, я уже говорил, что у нас нет династии, нет национального дворянства, у нас нет традиций старого милитаристического войска, у нас нет и церкви политически так признанной, как в старых, особенно монархических, царских, теократических государствах. Уже по этим причинам наше возрожденное государство должно быть демократической республикой, и у меня лично эти доводы, совместно с положительными свойствами республики и демократии, влияли при выборе формы нашего государства. Я конечно сознавал, что столетнее воспитание и пример абсолютистической и чисто династической Австрии оставили на нас свои следы; до сих пор наш демократизм был отрицательный, отвергающий австрийский абсолютизм, но теперь он должен стать положительным; то, что мы защищали как идеал, должно теперь сделаться действительностью. Это не будет легким делом.

Демократия, защищающая суверенитет народа, не похожа не только относительно, но и всем своим существом на аристократию, особенно же на монархию. Старая монархия была милостью Божьей, республиканская демократия является государством,

рожденным из народа, благодаря народу и для народа: демократия не опирается, как старая монархия на церковь, но зато она основана на гуманности.

В демократии, потому что она является обладанием всех всем, дело не в господстве, а в управлении, в самоуправлении и в гармонизации всех творческих сил государства. Идеалом демократии должно бы было быть непосредственное управление и власть; но при все возрастающей численности народов и государств демократия может быть лишь косвенная, осуществляемая избранными представителями граждан, парламентом, избранным на основании всеобщего избирательного права. Этот парламент и его власть не смеет сделаться господином старого образца, он должен постоянно сознавать, что его авторитет проистекает из права делегирования, которое он получил от своих избирателей.

Демократические конституции вводят референдум, при помощи которого всеобщая демократия, по крайней мере в законодательстве, применяется и количественно.

Демократия естественна всей своей основой защищает индивидуализм — свобода является целью и основой демократии, демократия выросла и растет еще долее из индивидуализма. Поэтому избрание представителей является одновременно и расценкой; демократия признает квалификацию и авторитет, но авторитет в демократии не означает политическое и сословное первенства и привилегии, а политические и административные способности и особые качества специалистов. Поэтому перед демократией лежит задача организовывать и обеспечивать, при свободе и совместном управлении всех, авторитет избранных вождей — не господ! — и их воспитание. Демократия — это вовсе не стадное равенство, не признающее качественного различия — свобода, равенство и братство не означает нивеллизации, но наоборот индивидуализацию, а потому и квалификацию.

Для управления и руководства демократическим государством необходимы административные познания и организацион-

ная ловкость, которые ex pluribus et multis умеют организовывать unum; ко всему этому должны присоединяться политическое чутье и понимание куда государство и народ направляются в зависимости от своего и мирового развития. Теперь уже всюду делают различие между государственным деятелем и политиком.

Демократия опирается на науку и всестороннее и всеобщее образование; демократия — это постоянное стремление к политическому и всеобщему воспитанию всего населения. Но воспитание в значительной степени является самовоспитанием — тяжело воспитывать не детей, но взрослых, самих себя.

В связи с усиливающейся демократией возникает всюду и в республиках неотложный вопрос как приспособить и преобразовать парламент. И это не касается лишь технической стороны! Одних институций недостаточно: демократии необходимы личности, руководящие государственным управлением, личности способные к политической творческой работе. В наше время всюду проявляется в разнообразнейших степенях недовольство парламентаризмом, и всюду говорят о его кризисе; но демократия без избранных через нее же представителей просто не может быть — у русских большевиков несмотря на их отвращение к парламенту и демократии все же есть парламент, даже парламенты, которые лишь иначе, не демократически избраны. Истинная реформа парламента произойдет благодаря изменению избирателей, благодаря их политическому образованию и моральному уровню.

Однако возможны различнейшие изменения до сих пор существующих избирательных законов, а благодаря им и парламентов. Эти модификации могли бы быть направлены на обеспечение политической квалификации депутатов и на упрощение парламентского организма. Например партии могли бы получить право отзывать при известных условиях своих депутатов и заменять его иным депутатом. Парламенты могли бы быть менее обширны; при пропорциональных выборах можно бы было найти несколько средств, как сохранить количество депутатов в зависимости от величины партии. Однако большее количество депутатов имеет ту хорошую сторону, что парламентаризм вносит

ся в огромное количество избирателей и что парламент, вернее правительство, находится в более узких сношениях с избирателями. А потому главным требованием парламента при всякой его форме останется образованность и нравственность депутатов!

К реформе парламентаризма должна будет присоединиться реформа бюрократии, в новое время бюрократия является до известной степени скелетом государства. Монархическая, царская бюрократия была аристократической, она была средством владычества; демократическая бюрократия будет лишь администрацией для народа. В Австрии последний чиновник на казенных железных дорогах разыгрывал барина по отношению к публике, исполняя свою службу, он как бы оказывал милость — в демократии наиболее высоко поставленный чиновник остается свободным гражданином и работником народа и для народа. Процедура не должна затягиваться, дела и бумаги не должны поздно решаться, чиновники не должны бояться ответственности и решений; излишняя переписка отпадет и будет заменена устными решениями и весь государственный и административный апарат упростится и сократится. Демократическая бюрократия будет чистой и честной. Уже в Австрии поговаривали об изменении управления; в республике подобная реформа еще более неотложна. Замена орла львом еще не все: демократия и республика не являются простым отрицанием монархизма и абсолютизма, но положительной более высокой ступенью политического развития.

Внешне демократия в иностранной политике заключается в дружеской организации междугосударственности и международности в виде организованной общекультурной совместной работы и разделении труда между народами и государствами. Всеобщая демократическая иностранная политика означает всеобщий мир и всеобщую свободу.

Часто требуют новую дипломатию. И это правильно, т. к. унаследованная дипломатия была династической. Новая дипломатия, представляюшая гражданство, будет образованна, честна и всесословна, она будет служить своему государству и народу без задней мысли по отношению к чужому государству и

народу, она будет тактичной и сдержанной, но в то же время откровенной. Понятие о хитрящей дипломатии уже пережито; люди начинают понимать, что в отношении отдельных лиц и государств ложь глупа и излишне осложняет и задерживает переговоры. Как во всем остальном правда и в политике наиболее практична. Старый режим был миром иллюзий, а потому у него была иллюзорная дипломатия.

Если новая дипломатия является дипломатией целого народа, то ей должны доверять весь народ и парламент, а не лишь глава государства. Последовательно это бы означало, что посол должен был бы выступать в парламенте (иностранном) и в нем защищать интересы и политику своего государства. Таким образом к международности и междугосударственности присоединился бы и междупарламентаризм, который можно бы было в будущем еще расширить.

Достоевский указывал вполне правильно, что русской и славянской особенностью является стремление к соединению с людьми — всечеловечность; это желание всех людей и народов; человек и народ не переносят одиночества. Та всемирность, которую я так проповедывал, является лишь иным выражением для этого естественного стремления и соответствующего ему усилия всех людей создать всеобщую дружбу и единение. Подобно тому, как отдельная личность не может жить без симпатии окружающей его среды, так и народу необходима симпатия иных народов. История стремится к более единой организации всего человечества.

Международность и междугосударственность укрепляются в связи с развитием демократических государств; Лига Наций является теперь наиболее общей и важной институцией, она становится прямо органом международности и междугосударственности. Теперь уже есть целый ряд международных и чрезвычайно важных учреждений, подобных Красному Кресту, Почтовой Унии и т. д.; «Statesman's Year Book на 1924 г. приводит их 25, в действительности их уже несколько сотен.*)

---

*) Вот количество международных организаций в конце 1922 г.; они взяты из Handbook of International Organisations:

Понятие, содержание и размер государственной мощи изменяется: наиболее точно понятие суверенности было определено в эпоху пореформационного абсолютизма, бывшего в основе своей еще теократическим; это было еще в то время, когда государства вследствие недостатка путей сообщения и малого количества жителей были сами в себе замкнуты или, как теперь говорят, они самоудовлетворяли себя; теперь междугосударственная и международная взаимность настолько развилась, что ни одно государство не может жить, не сообразуясь с иными государствами. Теперь государство лишь относительно независимо, как внутренне, так и внешне, так как государства — чем дальше, тем больше — зависят одно от другого, всеобщая взаимность укрепляется и она все более ясно и точно организуется в правовом отношении.

Абсолютистическое, монархическое государство, развившееся из теократии, принимает теократическое понимание суверенности как непогрешимости; поговорка «The king can do no wrong» произошла в демократической Англии, а в демократической Америке наука о государстве создала непогрешимость государства, считая это прогрессом по отношению к непогрешимости отдельной личности монарха. Юриспруденция и наука о государстве должны демократизироваться, т. е. избавиться от фикции и построений теократического режима.

земледелие, торговля и промышленность	24
коммуникация и транспорт	27
труд	58
медицина и здравоохранение	36
народное хозяйство и финансы	23
право и управление	34
наука и искусство	76
гуманитаризм, религия, мораль и воспитание	84
спорт и туристика	22
феминизм	7
международные языки	8
библиография и изучение документов	4
вооружение	2
различные	32
Итого	437

Истинная демократия не будет лишь политической, но также и экономической и социальной.

Экономическая проблема теперь так важна потому, что война и революция уничтожили богатства и запасы народов и создали неорганическое состояние экономической примитивности и недостатка. Этот кризис целой Европы, даже больше, целого человечества, ведет неизбежно к экономической реконструкции. Но ошибочно видеть в этой ситуации, вызванной войной, новое доказательство экономического (исторического) материализма, как будто перед нами лежат лишь экономические задачи. Именно война и послевоенное экономическое и социальное положение доказывают, что голод это не программа, как верно заметил Маркс. В военном и послевоенном кризисе переживает свой кризис также и социализм.

Стремление к экономической и социальной справедливости не ослаблено войной, скорее — оно даже усилено. Это доказывает уже само возникновение новых республик и демократий. Демократическое равенство не допускает социального дворянства; но я уже сказал, говоря о русском большевизме, что желаемое экономическое равенство я не вижу идеально разрешенным в коммунизме. На этой ступени развития демократия подходит к отстранению нищеты и крупных материальных противоречий; демократия и в экономической области не смеет быть нивеллизацией, но должна быть квалификацией.

Так называемый капитализм вредней не столько своим производством, сколько тем, что люди непроизводящие и даже не работающие могут незаслуженно присваивать себе плоды чужого честного и утомительного труда.

Начиная с Адама Смита политико-экономические теоретики производят экономность и хозяйственность от эгоизма: конечно, эгоизм является в этом случае большой двигательной силой. Однако при этом забывают о существенном специальном интересе, который одни люди питают к той, другие к этой специальности труда и производства. Предприниматель и изобретатель не только эгоисты; некоторые, и именно

эти наилучшие, заинтересованы предпринимательством, изобретением, организацией, руководством и усовершенствованием работы, производства и т. д. Социальный и экономический анархизм, на который жалуется Маркс, происходит именно от того, что люди не находятся на своих настоящих местах соответственно со своими склонностями. Это может быть применено вообще ко всем отраслям, а не только к экономике; эгоизм это свойство каждого человека, но рядом с эгоизмом есть еще склонность к какой-либо особой отрасли.

Я вовсе не против социализации — социализации а не переведения имущества во владение государства, или государственного контроля — в некоторых областях: я стою за социализацию железных дорог и транспортных средств вообще, водяной энергии, угля и т. д.; я представляю себе, что социализация должна происходить постепенно, эволюционно, она должна быть подготовлена при помощи образования рабочих и вообще населения, руководящих производством и обменом. Для этого необходимо более точное финансовое хозяйство государства и более тщательный и реальный контроль всех финансов, особенно же банков.

Но прежде всего должно быть достроено начатое социальное законодательство, т. е. усовершенствование и объединение социального страхования и особенно страхования против безработицы.

Нашей особой задачей является осуществление земельной реформы; еще до войны это было требованием всех партий. Я указал насколько наша страна похожа на восток Пруссии. Основной причиной латифундий были у нас антиреформационные конфискации, которыми руководили корыстные Габсбурги и иностранное дворянство. Наша земля богата — поэтому тем большая задача предстоит демократии в экономической и социальной областях.

Другой большой и специфической нашей задачей является забота государства, самоуправлений и так называемых гуманитарных учреждений о физическом и душевном здоровьи народа; то, что в республике было сейчас же создано не только министерством социального обеспечения, но и министерством

здравоохранения, доказывает, что представители народа хорошо подметили его потребности. Во время войны не только благодаря всеобщему объединению, но и благодаря психофизическому истощению, была ослаблена жизненная сила всего населения; и это не только у нас, но и всюду в иных государствах. Но малый народ чувствует такое изнурение гораздо интенсивнее. Самый обыкновенный опыт и медицинская статистика показывают нам многие симптомы и проявления этой слабости; приведу для примера лишь количество жертв туберкулеза — у нас умирает в год от туберкулеза почти в шесть раз больше людей, чем в Англии. На одном уровне с нами находятся Франция и Сербия, две страны, которые больше всего пострадали от войны.

Эту интенсивную туберкулезность и слабое здоровье вообще мы должны рассматривать в связи с усилившимися у нас самоубийствами и с тем фактом, что по вопросу о самоубийстве мы находимся на четвертом или даже третьем месте среди остальных народов.

В противовес взгляду, что здоровье и продолжительная жизнь обеспечиваются достаточным количеством пищи и благосостояния вообще, необходимо снова подчеркнуть, что не единым хлебом сыт человек! Благосостояние и богатство сами по себе тут ничего не решают: мы начинаем уже понимать, что люди страдают и болеют от переедания не менее, чем и от недоедания. физиологи, изучающие питание говорят нам, что люди объедаются мясом; мы страдаем не только алкоголизмом; но и альбуминизмом. Разве это не парадокс, что цивилизованный человек не умеет еще есть? Здоровье тела и души обеспечивается воздержанием и нравственностью: человек поддерживает жизнь и остается здоровым, если у него есть жизненная цель, если у него есть работа, если он кого-нибудь любит и если он не боится смерти. Этот страх не проявляется однако лишь в моменты опасности для жизни (т. е. опасности, грозящей в данный момент), но постоянно, во всех мелких и ничтожных заботах о здоровьи: цивилизованный человек постоянно ищет счастья и здоровья и однако он несчастен и нездоров.

Этот современный цивилизованный человек еще ужасно некультурен!

С вопросом о здоровьи связан вопрос и о переселении. Меня привели к нему еще до войны посещения всех наших колоний; во время войны вопрос для меня еще более выдвинут вперед. Вопрос об увеличении народонаселения важен для каждого государства, он одинаково важен для малых и больших государств. У нас, в особенности из Словакии, переселяется в Америку значительное количество граждан; задачей нового государства будет создание образцового переселенческого бюро, которое внимательно бы занималось целым переселенческим вопросом. Дело не заключается лишь в надзоре за путешествием наших переселенцев, но тоже в том, чтобы объяснить им положение той страны, в которую они переселяются и в контроле и регулировании потока переселенцев. Дипломатические и консульские учреждения должны также помогать переселенцам в новой стране; мне кажется, что в Италии, земле переселенцев по преимуществу, существует образцовое переселенческое учреждение; нечто подобное должны создать и мы. Конечно, необходимо также расследовать причины переселения и предупреждать их организацией работ, внутренней колонизацией и т. п., необходимо также бороться с преувеличенной пропагандой переселенчества, которую ведут некоторые транспортные общества.

Культурная политика ревностно будет посвящать себя заботам о здравоохранении и социальном обеспечении; у министерства или какого-бы то ни было учреждения по здравоохранению будет важная и новая область деятельности.

123.

Демократия, новая демократическая республика нуждается в новых людях, в новом человеке, в новом Адаме. Человек — это создание, поддающееся привычкам; если мы хотим иметь настоящую современную, последовательную демократию, то мы должны отвыкнуть от прежних политических привычек,

т. е. от всех видов и форм насилия. То же самое означает прежде всего лозунг: избавиться от Австрии!

Необходимо постоянно выдвигать мысль: демократическая республика вовсе не заключается в замене монарха президентом, разница не заключается лишь в государственной форме, но в различии принципов. Демократия это государственная форма современного организованного общества, современного миросозерцания, современного человека; демократия вырастает из целостного взгляда на мир и на жизнь, из нового взгляда, из новой точки зрения и нового метода. Признание и осуществление равенства всех граждан, признание за всеми гражданами права на свободу, гуманитарный принцип как внешнего, так и внутреннего братства — это не толко политическая, но и моральная новизна.

Я указывал недавно на примере России, как действует политический антропоморфизм. Не только религиозные, но и политические деятели создают идеал будущего, земной рай и небо по своему образу и подобию, т. е. в зависимости от своих способностей, хороших и дурных свойств и своих установившихся привычек. Как в каждом из нас, так и в каждой политической партии есть кусочек антропоморфического и социоморфического пристрастия. В своей основе антропоморфизм состоит в привычном мышлении и действии. Люди с трудом создают новое, в лучших случаях они изменяют старое и то как можно меньше; говорят логически и гносеологически, как в теории, так и на практике большинством людей руководит аналогия, а не творческий разум. Однако истинные философия и наука требуют во всех областях, чтобы люди мыслили, чтобы они собирали как можно больше опыта (индукции), чтобы они наблюдали и сравнивали все, что дано современностью и прошлым, чтобы они проверяли свои выводы, сделанные на основании опытов, с дальнейшим опытом и все это для того, чтобы не попасть при помощи дедукции, выведенной из недостаточного опыта, спешной дедукции, в мир фантазий. Фантастика, как в искусстве, так и в политике и вообще в практике, отличается от образности, от точной образ-

ности, как ее назвал Гете. Образность это весьма необходимое средство правильного и точного мышления. Точная образность!

Человек думающий и обдуманно действующий — это тот, который может выдвинуть из себя свою образованность, освободиться от жизненных условий, в которых он связан привычками, это тот, который умеет проникнуть умом и чувством в иных людей, в иные времена, который может погрузиться в народ, Европу, человечество. Лишь так можно творить новое и самому стать новым человеком; однако и такое творчество будет всегда скромным. Мы не титаны и уже ни в коем случае не боги.

Всюду современная политика, особенно парламентаризм, страдаютъ от антропоморфизма; огромное большинство политически деятельных людей не имеют силы стать выше себя, высвободиться из клещей некритического эгоцентризма. В виду того, что теперь почти каждый гражданин является членом партии, в парламенте применяется партийность, интерес целого соединяется с исключительным интересом партий и нескольких лиц, иногда даже одного лица. Парламенты не являются до сих пор представителями народа, массы, но партий и даже котерий, влиятельных и сильных — я не говорю руководящих лиц.

124.

В противовес огромному злу политического антропоморфизма демократия выдвигает требование политического образования граждан и избирателей.

Я не стремлюсь к учености — храни меня Господь — особенно перед односторонней и школьной ученостью. Школьная дисциплина и школа необходимы, но они не дают ума, таланта и политического чутья; хороший аттестат славная вещь, но здоровый и сильный мозг куда лучше. Не раз я высказывался против политики, которую я прозвал учительской: не только профессора и учителя, но и духовные лица и чиновники, словом все те, кто привык обращаться с молодежью и несамостоятельными людьми, eo ipso послушными и непротестующими, как только

становятся депутатами, чиновниками или министрами обнаруживают очень часто склонность к абсолютистической, упрямой и удивительно детской политике. (Всюду и постоянно политическій антропоморфизм!).

С демократической точки врения неотложной является политическая проблема интеллигенции и ее отношения к экономически и сословно утвердившимся партиям, имеющим в своем распоряжении большие массы. С программной точки зрения это является в значительной степени порблемой буржуазии и либерализма, проблемой их отношений к социализму и аграризму.

Интеллигенция это класс сословно неорганизованный, продукт высшего и найвысшего образования; в наше время образование получается в школах, главным образом в высших школах. Интеллигенция является представительницей научной специализации, философии и так называемого общего образования; потому она играла и играет до сих пор значительную политическую роль, особенно ее публицистическая часть. Интеллигенция в лице своих наиболее интеллигентных представителей всюду выступала против абсолютизма и теократизма; правда она не стояла всегда во главе общественности, но происходило это потому, что руководство интеллигенции скорее воспитательное, чем политическое. Большинство интеллигенции, особенно академической, довольно консервативно, оно привыкло к спокойной работе. Характер интеллигенции меняется конечно в зависимости от народа и эпохи.

Во всех демократических землях, особенно же в республиках, возникших из аристократии (монархии) в политику, государственное управление и общественную жизнь проникают на руководящие посты люди без высшего школьного образования. Как обеспечить специализацию в партиях, управлении и парламенте является вопросом каждой демократии, как только центр политической мощи переходит в парламент и следовательно по принципу большинства в партии, особенно большие, массовые партии. При этом нельзя забывать о том, на что я уже обращал внимание, а именно о том, что политическое чутье и государственный такт нельзя приобрести ни в школах, ни при

помощи административных учреждений: академически образованный человек и хороший чиновник очень часто плетутся в хвосте за опытным организатором и вождем партии в области необходимого знания людей и практических способностей вести переговоры с партиями, парламентом и провительством. И в том и другом случае есть опасность, что государство будет понято (антропоморфически) в одном случае как канцелярия, в другом как партия. На практике вопрос приобретает следующую форму — как при парламентарном правительстве обеспечить правительству и управлению необходимое количество образованных специалистов?

Проблема интеллигенции заключает в себе и вопрос о полуинтеллигенции, полуобразовании вообще. Полуобразованность, как промежуточное состояние нашей переходной эпохи, перехода теократии в демократию, является настоящим бичем эпохи и общества. Это чувствуется в политике, особенно же в демократии. (Я обратил внимание на вопрос в своих сообщениях о России). Поэтому у демократии и возникает вопрос как заменить полуобразованность настоящим образованием.

Люди как в теории, так и на практике охотно удовлетворяются словами вместо понятий и предметов. Это всеобщее правило, оно применяется всюду, а потому и в политике; Гавличек вполне основательно боролся с круглыми словами в политике.

От этой округлости необходимо отличать естественную склонность к обычным понятиям, установленную развитием мышления; потому в политике особенно конечные цели партии и программы вообще носят всеобщий, отвлеченный, а благодаря этому до известной степени неопределенный характер. Конкретного мышления всюду, особенно же в политике чрезвычайно мало. Для большинства людей весьма не ясны, нерасчленены особенно коллективные понятия, как-то; народ, человечество государство, церковь, масса, партия, интеллигенция, буржуазия, пролетариат и т. д. Не остается ничего иного, как усиливать конкретность, пытаться представить себе как можно конкретнее всю сложность обобщающего понятия. Поэтому необходимо быть всегда на стороже по отношению к лозунгам; из-за

этого однако не нужно забывать, что в политике и практической жизни нельзя обойтись без лозунгов.

По этой же самой причине и законы всеобщи, абстрактны, представляют собой как бы раму и конкретизируются только практикой, опытом. Из этого выплывает важная задача администрации и вопрос до какой степени исполнительная и судебная власть являются тем осуществителем, вернее прямо законодательной властью параллельно с правом законодательных учреждений. И вот мы снова стоим перед необходимостью образования, юридического, политического и социального образования и социологического мышления.

Потому-то вопрос всеобщего просвещения, образования народа, образованности и реформе публицистики, образования бюрократии и last not least — политических вождей, является такой неотложной проблемой демократии. В средних школах уже долгое время вопрос об аристократизме и демократизме проявляет себя в форме между классицизмом и наукой: в противовес классицизму выдвигается более практическая, трудовая, экономически полезная школа. (Здесь я коснулся так называемой американизации.) При этом конечно практичность для молодежи чрезмерно преувеличивается: школы не должны давать лишь материальное образование и как можно больше научного материала, но должны также учить мыслить, они должны приучать к методу и научному духу. Поэтому не важно забудет ли позднее ученик многое из того, что он учил раньше; во время специальных занятий и практической жизни он забудет не только латинский и греческий языки, но и математику и иные весьма полезные и практические познания. Важно то, чтобы он легко ориентировался в своей специальной области. Конечно средняя школа должна давать всеобщее образование и даже философские познания, что весьма важно с демократической точки зрения для желаемого единства общества. Требованием эпохи и демократии является единая средняя школа.

Главные недостатки нашей школы связаны с переходным характером нашей эпохи. Все то, в чем я обвинял современную эпоху — разъединенность, раздробленность, половинчатость, духовная анархия, все это мы находим в школе, начиная с низшей

и кончая высшей. Уже давно начали исследовать, и вполне основательно, влияние школы на здоровье и на нервы; дело касается однако не только физического влияния, но и духовного и морального. Специальной областью этой школьной патологии является вопрос об ученических самоубийствах. В школе, т. е. на наших детях, разыгрывается борьба государства и церкви, борьба философии и теологии, борьба отцов и детей, борьба за воззрения на мир и жизнь.

С этой точки зрения и нужно судить о требовании наших учителей, о необходимости и для народных учителей высшего образования; учитель, стремящийся при своей утомительной работе к высшему образованию, сам чувствует наиболее остро недостаточность своего образования.

125.

Демократия опирается на общественное мнение, это проистекает из принципов свободы и равенства; этим она отличается от аристократии. Поэтому-то так называемое общественное мнение и достигло в современности такого значения; свобода общественного мнения является политической свободой или во всяком случае ее необходимым условием. В виду того, что парламент постоянно не заседает, свободное общественное мнение, практически журналистика и особенно ежедневная печать являются продолжением и заменой парламентского контроля. (Это приводят, как довод против парламентаризма.)

Свобода печати обеспечивает право критики всего государственного и общественного аппарата, а также и критику личностей. Критика является предпосылкой и методом науки и научного взгляда: критика является предпосылкой и методом демократической политики.

Право критики, критики во всех областях есть правом политической инициативы — у ежедневной печати имеется огромное, хотя и не кодифицированное право на всеобщую инициативу и референдум; из этого проистекает ее огромная ответственность.

Соотношение политики и журналистики так тесны, что обе эти отрасли почти что сливаются: однако не в интересах политики не сознавать точных различий этих специальностей. Печать, особенно же ежедневные газеты становятся центром кристаллизации направлений, фракций, партий, а кроме того у них имеются свои особые экономические интересы; и вот перед нами встает вопрос на сколько выгода партии, направления и фракции соответствуют выгоде государства. Стремление расширить собственную газету приводит легко к соблазну демагогии и партийности; к этому еще прибавляется то, что от спешной работы для сегодняшнего дня, а иногда и для минуты, страдает точность мнения и корреспонденций. Поэтому теперь всюду подумывают о реформе и реорганизации журналистики и об образовании журналистов.

Обязанностью и правом демократического общественного мнения является отстранение таинственности, тайны и авгурства в самом широком смысле слова: развитие и движение вперед нравственности и всей общественной и частной жизни означает устранение лжи и лживости. Можно бы было написать длинную главу, в которой бы анализировалась лживость, причины ее вызывающие, как она пустила корни и как постепенно она заменяется правдивостью; здесь дело касается всего развития морали, развития науки, философии и исскуства. Лозунг литературного и художественного реализма — правда, правдивость — является лозунгом и политики, он происходит в конце концов их тех же духовных и культурных потребностей.

Правдивость или, как бы я сказал, интелектуальная чистота политики и всей жизни различна в зависимости от эпохи, народа, церкви, сословия и т. д.

Старый аристократический режим не знал правдивости, несмотря на то, что именно аристократии приписывается особая честность. Государственный и церковный абсолютизм покоился на авторитете, на тайне, на прятании и состоял в порабощении народа; «единственное оружие рабов — измена», так характеризовал Мицкевич движение Валенрода, которое было средством против абсолютизма. Но валенродство это изгнание чорта при помощи сатаны: единственным правильным средством

против духовного и светского абсолютизма это свобода демократии, демократическое общественное мнение и правдивость. Известно, например, по опыту, что на востоке турки по сравнению с христианами отличаются большей честностью и откровенностью: притеснитель, насильник, господин не нуждается во лжи, оружии слабого, униженного раба.

Характерно, что почти всюду, на политику смотрят как на политиканство, как на искусство обмануть, надуть, как на хитрость; и у нас это мнение весьма распространено.

Я ожидаю от демократий морального возрождения не только политики, но и школы и частной и общественной жизни. И вот снова нам нужно избавиться от Австрии! Политик Биконсфильд, выступавший как писатель по именем Дизраэли, нашел в Англии два народа — один господствующий, другой социально обокраденный; но у каждого народа бывает два разных языка, правды и лжи — Достоевский полагал, что Россия может дойти к правде через ложь — я не верю в это ни для России, ни для нас.

Старый режим характеризует два имени, Маккиавели и Лойола, современники перелома реформации; для обоих самое важное приобрести и удержать в своих руках власть; для этой цели Маккиавели прямо рекомендует всякого рода насилие (до лжи включительно). Лойола отдался вполне папскому авторитету и своей тактикой дал импульс к развитию иезуитизма, который, ради того, чтобы обеспечить церкви власть и авторитет, допускал слишком легко компромиссы с совестью и стал синонимом маккиавеллизма. Достижение цели каждой ценой — из этого принципа всегда и всюду родится моральное безразличие при оценке средств (смотри снова на Россию!). Ложь всегда под рукой, как средство безкровного насилия — но ведь известно, что некоторые иэеуиты не отворачивались и перед кровью, когда дело касалось устранения еретического или тиранического повелителя.

126.

Если я требую для демократии образования, то ни в коем случае не одностороннего интеллектуализма (я уже ранее это

подчеркивал), а нравственного и одновременно проникнутого моральными идеалами образования.

Мой главный исторический и политический тезис заключается в том, что демократия развилась из теократии, что демократия является противоположностью аристократизма, который был совершеннейшим образом организован теократией.

Что это означает? Человек примитивный, дикий и варвар с своим врожденным стремлением к насилию и эгоистической прямолинейностью был организован в общество аристократами (в большинстве случаев они были монархистами, абсолютистами) и духовенством — на более высокой ступени развития совместной деятельностью церкви и государства (смотри чешское слово knéz, означающее священника и kniže, означающее князь). Религия первенствовала, в ее руках была вся жизнь, все мышление и все действия человека, потому-то и государственной жизнью и политикой руководила религия. В древние времена религия состояла главным образом из веры в различнейшие сверхестественные существа, вмешивающиеся дружественно или враждебно в жизнь человека. Человека человеку, человеку самого себя не было достаточно — страх создавал не только богов, как мы уже сказали, но и различных человеческих полубогов, королей, императоров, иерархов и жрецов. На высшей ступени развития разнообразная священническая колегия организуется более единообразно, возникает церковь, точно так же, как благодаря эволюции мышления и политеизм приобретает иерархическое единообразие.

Подобным же образом возникают и большие государства. Возникают различные формы теократии. Если как пример приводится обычно теократия евреев или египтян, то в то же время нельзя забывать на большое влияние религии и священнослужителей и в Греции и в Риме. В Риме религия была по преимуществу государственной институцией. Из теократии в Риме и Греции развилась средневековая римская и византийская теократия, в католичестве теократия достигла вершины, как благодаря единообразию своего учения, так и организации.

Из-за реформации великая теократия распалась на меньшие теократии и от этого стало более сильным государство; в

протестантских землях государство поддерживало реформацию, в католических землях руководило антиреформацией — в обоих случаях государство усилилось и на место церковного абсолютизма наступил государственный абсолютизм. Против него возникали революции, длящиеся до наших дней. Переходной ступенью к республике и демократии были конституционные государства.

Таким образом демократия исторически и по преимуществу составляет противовес теократии: отсюда возникает этот постоянный, постепенный процесс освобождения от церкви во всех областях общественной жизни, а наконец даже в самой религии.

К этому объяснению я должен еще кое-что добавить, во избежание словесных недоразумений. Слово теократия означает владычество богов, но ясно, что на практике теократия была иерархократией, т. е. владычеством священнослужителей; но до тех пор пока люди твердо верили в сошествие божества, пока они верили в учение священников, в богословие, в теологию, до тех пор они были убеждены, что над людьми и обществом господствует божество. Уже первый большой социолог Вико видел в древних временах эпоху богов и героев, и лишь после нее наступает человеческая эпоха; подобное же мнение высказал и Конт, который назвал первый человеческий период теологическим, после настала переходная эпоха метафизики, а лишь за ним наступила новая эпоха науки (позитивизма). Разделение жизни на эпохи богов, героев и людей, сделанное Вико, мы бы могли выразить двумя противоположными понятиями — аристократизмом и демократизмом; древняя эпоха была аристократической и основой всего аристократизма был религиозный, жреческий аристократизм. Политически и административно аристократизм был олигархией, монархизм был одним видом олигархии.

Средневековая аристократия является конечно вершиной и образцом общественного аристократизма и монархизма. Духовное сословие является аристократической институцией, это религиозный аристократизм — священник отличается от светского человека, как своей сущностью, так и рангом, папа явля-

ется наместником Божиим, он абсолютен, непогрешим, он вождь священнической иерархии и светского общества.

Реформация уничтожила высокое священническое сословие и этим подломила церковный и политический абсолютизм, несмотря на то, что в начале борьба с церковью усилила государство.

Современный, пореволюционный человек лучше сознает основу религии. Он особенно понимает разницу между религией и нравственностью; он не отвергает религии, но отличает от нее и в ней самой нравственность, и на нравственности строит сожительство, потому что нравственность — любовь, симпатия, гуманитарность — не поддаются скепсису так, как трансцендентальные теологические идеи, на которых была построена теократия. Развитие церкви и церквей, развитие теологии и философии показывает, как изменялись основные религиозные идеи, как они слабели, в то время как основы морали, реальное чувство человекаy к человек не могут быть опровергнуты ни каким разумом, никаким скептицизмом. Смотри Юма! Из этого возникает удивительное явление, а именно, что в новой эпохе во всех землях работают и углубляют этику философы и логики, Юм и Конт, она делается основой миросозерцания, а следовательно и политики.

Это вовсе не означает, что религия нежелательна, необоснованна, не нужна; это означает лишь, что современный человек хочет религию, не противоречащую разуму, свободную и индивидуальную. Религия могущественно спаивает людей, но эта связь должна быть не вынужденной, а свободной. Человек бросил якорь в вечность, но здесь на земле его врнее всего связывает с ближними врожденная любовь. Таково значение исторического процесса отделения от церкви в новую эпоху, особенно же отделения церкви от государства и всех тех разнообразных и бесконечных попыток формулировки религиозного процесса и организации.

Если я противопоставляю аристократию демократии, то это не значит, что я забываю, что демократия развивалась и развивается и что следовательно существуют различные и разнообразные степени демократичности и демократии: демократия

более или менее республиканская (конституционная монархия — но тут же необходимо сравнить Англию с прежней Австрией!), нетеократическая, отделившаяся от церкви. Истинный элемент прежних отношений церкви и государства останется в демократии в высшей форме, истинная демократическая политика будет вестись sub specie aeternitatis духовный абсолютизм, разные формы цезаропапизма и светского абсолютизма, злоупотребляющие религией будут преодолены высшей моралью, человечностью и высшей религией, свободно управляющей всей общественной жизнью — Христос а не Кесарь! Я этим хочу сказать, что нашей задачей является осуществление религии и этики Христа, его чистой и неосквернённой человечности. В любви к Богу и к ближнему Иисус видел все заветы и пророчества, всю основу религии и нравственности. Все остальное второстепенно; духовный абсолютизм, разделяющий с государством светскую власть, был вреден. Это как раз и был дух римской империи: Цезарь был не только за административную, но и моральную и религиозную реформу, точно так же как и Август и его преемники, но религия надиктованная политикой, государством, не может уже удовлетворить современного человека, истинного христианина. Поэтому — Христос, а не Кесарь!

Реформация была попыткой осуществления Христовой религии согласно писанию. Реформация уничтожила касту священников и этим подломила религиозно-церковный, а следовательно и политический аристократизм. Права человека гражданина были узаконены под прямым влиянием реформации. Я указывал в своих прежних трудах, что реформация усилила демократию и парламентаризм; управление церковью и внесение в нее светского элемента в протестантских государствах подготовляет верующих к государственному управлению, а приучая его к религиозной и моральной самостоятельности и независимости от священников, подготовляет к политической ответственности. Это касается более всего кальвинизма и уже менее протестантства. В католических и православных землях (Франция, Россия) демократия усиливалась главным образом отрицательным путем, т. е. отталкиванием от церкви и абсолютизма: такие земли бывают политически и религиозно более

радикальны и революционны, чем протестантские. К этому приводит более глубокое противоречие церковного учения и морали с наукой и светской моралью новой эпохи.

Из различия католичества и протестантства происходит, бросающаяся в глаза, разница развития политических партий. В Англии и в Америке до сих пор есть лишь две большие политические партии, но за то огромное количество церквей и сект; там развит религиозный и церковный индивидуализм и субъективизм — в католических и полукатолических государствах (в Германии) при помощи государства сохранено единство церкви, но за то индивидуализм и субъективизм проявляется в политической партийности.

Уже в древнюю эпоху начинает развиваться междугосударственность и международность, т. е. государства регулируют отношения при помощи договоров, возникает международное право и организованный интернационализм. В римской империи этот интернационализм находится еще в зародыше, но в средневековой теократии он значительно усиливается именно благодаря кафоличности христианского мира и его централистической организации. Благодаря религиозной и политической революции и ее признанию прав человека и гражданина международность начинают все более и более признавать юридически. В последнее столетие появился, как я уже указывал, целый ряд важных международных договоров и институций; по мировой войне продолжают действовать в том же направлении; Вильсон понимал Лигу Наций, как основной пункт мира. Международное право является плодом нового времени. (Исторические подтверждения этих взглядов читатель может найти в трудах Еллинка о государстве; существует чешский перевод. Обращаю внимание лишь на то, что Еллинку, как вообще юристам и исследователям государства очень часто не достает объединяющей мысли, а она как по существу, так и методически дана пониманием теократии, ее развития и падения, постепенного освобождения государства и права от церкви и вообще всей современной культуры.)

Демократическое государство это государство новое. Государственники по разному определяли и характеризовали

новое государство: говорят, что оно конституциональное (конституциональность развивалась разнообразнейшими путями), правовое, бюрократическое, экономическое, культурное; все эти определения имеют в себе долю правды. Но демократическое государство потому ново, что все его цели покоятся на новом миросозерцании, на нетеократическом взгляде. Вот это-то в нем и ново. Государство нового времени взяло на себя функции теократии, главным образом церкви, а потому оно и ново; у старого государства не было забот о школах и образовании, всем воспитанием общества руководила и управляла церковь, в то время как новое государство шаг за шагом берет в свои руки школу. В виду того, что из реформации, гуманизма и ренесанса возникла новая, светская этика и мораль, государство взяло от церкви и филантропию и переработало ее в социальное законодательство. По сравнению с новым государством старое государство было весьма мало; я бы сказал что оно не мыслило — мыслила церковь. Если во времена теократии философия (схоластика) была ancilla theologiae, то древнее (средневековое) государство было servus ecclesiae. При освобождении от церкви государство должно было начать думать, оно приняло функции церкви, расширило и умножило их. Потому-то оно и является новым демократическим государством.

127.

Я знаю то презрение политиков, особенно тех, которые считают себя весьма практичными и реальными, с которым они смотрят на требование моральной основы государства и политики.

Говоря о демократии в Америке, я привел Токвиля и то как он в своей книге об американской демократии подчеркивает и для современности значение религиозной основы американской республики и благодаря этому именно ее моральный фундамент; и это вполне правильно, т. к. ни писанная конституция, ни парламент, ни бюрократия, ни полиция, ни войско, ни промышленность, ни торговля и тому подобные явления не обеспе-

чивают демократии, не может обеспечить ее и ни одно государство, если у граждан нет истинной нравственности и согласия по крайней мере в главных взглядах на мир и жизнь. При переоценивании государственной организации, материальной и экономической основы государства и общества легко забывают о том, что всегда и всюду общество держалось и держится также идеалами и идеями, моралью и мировоззрениями. Потому-то государство от начала исторического развития всюду опиралось на моральный авторитет церкви, из чего проистекало как раз возникновение теократии и ее перерождение в демократию.

Что касается нас, то мы должны хорошенько сознавать, что значит создавать новое государство. Мы уже давно потеряли династию, у нас не было своего государства и войска, дворянство и церковь были оторваны от народа, у нас не было парламента (земские собрания были лишь слабым его возмещением) — какими же институциями, какими политическими идеями мы вознаградим недостаток государственной и политической традиции и авторитета в момент организации своего возрожденного государства? Достаточно ли для создания и поддержания республиканского и демократического государства бюрократии и полиции, достаточно ли вообще одной фискальной силы? Хватит ли парламента, разбитого на партии и национальности? Во времена Австрии у монарха была старая теократическая традиция, он был освящен верой в Божию милость (назывался прямо «святым»), церковь приводила для поддержки его и его государства слова Павла, бюрократия, дворянство и войско воспитывались в том же духе лойяльности ... каков же авторитет нашей молодой республики? Каковы доказательства в пользу ее признания собственными гражданами, народами и чужими государствами?

В первый момент всеобщего восторга при виде добытой независимости граждане всех партий и направлений подчинились революционному домашнему и заграничному авторитету: что будет когда настанут будни?

Нельзя сказать, чтобы я не дооценивал авторитет государства, я не присоединяюсь к нашему Хельчицкому, но с другой стороны я не могу переоценивать государства и его власти,

обожествлять его; принимая пост президента, я сознавал свои ближайшие задачи как во внутреннем, так и во внешнем управлении государства, но я сознавал также и то, что государство и политика без моральной основы не выдержит... «Приняв на себя эту обязанность, мы полны милосердия и потому не имеем страха в сердце своем; но мы отвергаем всякое укрывательство гнусности и обещаем не жить в хитрости и льстиво злоупотреблять словом Божьим, но перед ликом Божьим мы предстанем, как объявители правды в каждой человеческой совести.» (II послание к Коринф. 4. 1—2). Вот программа республики и демократии sub specie aeternitatis.

Моральной основой всей политики должен быть гуманизм — а гуманизм это наша национальная программа.

Гуманизм это более новое слово для старого понятия любви к ближнему. Слово «любовь» употребляется под влиянием литературы главным образом для выражения серьезного вопроса отношений двух полов, а кроме того современный человек избегает употреблять понятия, принятые официальной религией. Потому в философии, а вскоре потом и в обычном употреблении, начиная с XVIII столетия привились слова «гуманность» или «симпатия», а позднее «альтруизм». К этому привел бывший ранее гуманизм и его идеал гуманности. (Необходимо делать различие между гуманизмом и гуманитарностью!) В действительности гуманность это ничто иное как любовь к ближнему, но принцип формулирован соответственно с новыми условиями, особенно с политическими и социальными.

Гуманитарность вовсе не сентиментализм; и Христос требовал, чтобы мы любили ближнего, как самого себя. Человек по природе своей, конечно, эгоист; но является еще вопрос только ли он эгоист или в нем есть по отношению к ближнему еще чувство симпатии или любви, чувство непосредственное, прямое, без примеси эгоистических соображений. Психологический анализ показывает мне, что человек по природе своей питает к ближнему непосредственную, бескорыстную, неэгоистическую любовь. (Я перевел этику Юма и это послужило мне как раз поддержкой данного познания.)

Быть может эгоизм и сильнее; из этого вытекает однако

требование, что необходимо сознательно усиливать и облагораживать врожденную любовь к людям. Опыт нас учит, что в конце концов любовь к людям оправдывает себя (соображение эгоистическое); любовь и проистекающий из нее общественный порядок более всего удовлетворяют нормального человека.

Заповедь любви не говорит, что мы должны убивать в себе эгоизм. Так как мы заботимся о любви, так же должны заботиться и об эгоизме; ведь между эгоизмом и эгоизмом есть разница; есть не только хитрый и умный, но и глупый, чрезвычайно глупый эгоизм, вредящий людям не менее, даже более, чем глупая гуманность. Одна хитрость не может оправдать себя.

Совершенно неправильно утверждать, что гуманитарность утопает в чувствах и в чувствительности; наоборот гуманитарность требует разумности и практичности. Признавая — я это говорю достаточно часто — важность, а в определенном смысле и первенство разумности я требую образования, просвещения, науки и научности. Я требую вместе с Дантем: luce intellectual plena d'amore. Англичане и американцы говорят: люби меня немного, но долго — хорошая, практичная пословица.

Было также сказано, что мы должны любить и врагов своих, многие видят в этой заповеди настоящий смысл любви к ближнему. Конечно можно любить и врага; до тех пор, пока люди не дорастут до этой моральной высоты они будут руководствоваться практичной и человеческой заповедью — быть справедливым к врагу.

Понятие эгоизма для многих довольно не ясно. Если человек заботится о себе, прежде всего о себе, о своей семье, о близких, о своем народе, то это вовсе не должно быть всегда эгоизмом; полезная работа легче всего идет там, где может быть легче и постоянно применяема. Я бы сказал, что каждый человек постоянно имеет себя под рукой, а потому он может постоянно работать над собой и для себя. Поэтому люди самому себе не только больше всего приносят выгод, но и вредят. Поэтому разумный человек будет работать для тех, до кого достигает его влияние — любовь должна быть работой для любимого; сентиментальная разбросанность по целому свету вовсе не гуманность, совсем наоборот.

Энергия, бьющая ключом из таланта, из любви к специальности, из одержимости идеей — эрос Платона — вовсе не эгоизм.

Кто такой наш ближний? Уже у евреев была заповедь любить ближнего, но под ближним они понимали единоплеменников — Иисус и его приверженцы расширили понятие и на инородцев. В средние века, как было уже сказано, потом в новую эпоху начинает создаваться междугосударственность и международность в гуманитарном духе; мы принимаем гуманитарный принцип не только интенсивно (этически), но и экстенсивно (политически и юридически). Это означает: при всей любви к собственному народу мы осуждаем национальный шовинизм и придерживаемся идеала международности и стремимся, чтобы Европа и целое человечество организовались как можно единообразнее. Мы требуем мировой политики. Под международностью мы не подразумеваем что-либо ненародное, антинародное, сверхнародное; мы не будем таять от бесцельной любви к какому-нибудь там народу в Азии — человечество не является для нас понятием абстрактным, но наоборот конкретным, практическим. Это означает, что нет и не может быть международности без народности; человечество это организация народов. Я уже сказал и снова повторяю: чем национальнее, тем человечнее, чем человечнее, тем национальнее: гуманность требует позитивной любви к отечеству и народу, она отвергает ненависть к иным народам.

Гуманность не означает то же самое, что пацифизм во что бы то ни стало, пассивный пацифизм. Оборонительная война морально дозволенная и необходима; гуманность исключает лишь войну наступательную, гуманность направлена против насилия: но в то же время она не за пассивность, наоборот она за активность, за самую действенную энергию — гуманность не должна быть словом, не должна быть лишь на бумаге, но действием, непрерывным действием.

Наконец, неправильно делать различие между малой и большой нравственностью и говорить, что политик в интересах государства не должен и не имеет права оглядываться на нравственные предписания. В действительности дело обстоит так,

что человек, который, например, лжет и обманывает в политической жизни будет лгать и обманывать и в частной жизни и наоборот; лишь истинно честный человек будет всегда и во всем честен. Вполне правильно полагал Гавличек, когда не делал различия между частной и политической моралью.

Без признания моральных основ государства и политики нельзя руководить ни одним государством, ни одной общественной организацией; ни одно государство, нарушающее человеческие основы морали, не сможет удержаться. Государство и закон черпают свой авторитет во всеобщем признании моральных принципов и в общем согласии граждан в главных взглядах на жизнь и мир. Повторяю и подчеркиваю; демократия вовсе не только государственная и административная форма, но и воззрение на мир и жизнь.

Основой государства, как уже говорили греки и римляне, является справедливость, а справедливость это арифметика любви. Государство при помощи писанного и неписанного закона, распространяет понемногу заповедь любви на все практические случаи общественной жизни, а по мере надобности принуждает к осуществлению этой заповеди властью (не насилием! как было указано при анализе немецко-прусского воззрения на право). Отсюда проистекает старый спор о ценности нравственности и закона — закон, право хотя и являются моральным минимумом имеют такое огромное значение благодаря своей точности и практичности. Этический максимум — идеал — осуществляется государством на практике при помощи этического минимума, права; но благодаря развитию человечества этот минимум приближается все больше и больше к идеалу.

Моральную основу каждого права уже греки и римляне видели в естественном праве: средневековая церковь углубила это учение соответственно с принципом теократии. В новое время учение о естественном праве благодаря падению теократии не было уничтожено, но за то было изменено. Теперь мы, так называемое естественное право формулируем этически, гуманно, а не религиозно, как в средних веках и как в Греции (уже Гераклит говорил, что человеческое право живет правом божественным).

Для людей, знающих данный вопрос и спор в области философии и юридической науке, формулирую кратко свой взгляд: этический взгляд не может быть формулирован формально, но по существу. Например, категорический императив Канта неправилен. Эта точка зрения принципиально верна так же для политики, права и науки о государстве; я отвергаю всякую попытку оторвать государство, закон, право и политику от этики в том смысле, что у государства и права имеются свои происхождение, оправдание и цель, находящиеся вне этики, что они неэтичны вследствие какой-то необходимости и абсолютности, проистекающих из общественной совместной жизни. Нравственность и право (закон) конечно должны быть отличаемы и отделяемы как понятия, различие уже дано историческим развитием; поскольку нравственность была и теперь еще санкционируется религией, являясь основным, ее слагаемым, постольку освобождение от Церкви, отделение государства от церкви, увеличение независимости государства от религии является расширением независимости и права (закона). Обычно юристы ищут доказательства этой независимости государства и закона во всяких неэтических принципах, не сознавая, что оперируют все еще со старыми теократическими понятиями, формулированными по новому. Я сознательно выступаю против современных попыток установить санкцию государства и права в каком бы то ни было неэтическом нормативном принципе; методологическое требование: «principia non sunt multiplicenda praeter necessitatem» действительно и для науки о государстве и праве; государство это организация сотрудничества, данного природой. В этом я как раз вижу остаток теократизма, сокращенного юридической отвлеченностью и схоластикой и работающего еще до сих пор, по примеру теологии, с фиктивными понятиями.

128.

Когда мы говорим об основах государства и политики, то необходимо обращать внимание на связь государства и политики с искусством и эстетикой: об соотношении правды, добра и кра-

соты отвлеченно философия уже давно рассуждает, нас же в данном случае занимает более конкретное соотношение между красотой и добром в политике. Если нравственность является основой политики, то в таком случае она соприкасается с определением соотношений красоты, нравственности (добра) и политики.

Об организации общества так же необходимо судить с художественной и эстетической точки зрения: говорят ведь не только о государственной машине или механизме, но и строительстве и архитектуре государства. Требование политической и социальной гармонии скрывает в себе художественный элемент. Достоевский с полным правом бичует эстетическое отвращение Ивана к бедности и к нищенству, но его сатира de facto касается лишь односторонности и чрезмерности.

Уже греки конкретно рассуждали об одной области искусства и красоты и ее связи с политикой — а именно о красноречии в политике. До сих пор обычно хороший оратор считается и хорошим политиком; если красноречие и реторическое искусство соединяется чаще с демагогией, чем с политикой, то мы не должны забывать, что демагогия ведь тоже политика: где начинается демагогия и где кончается политика? И если уже греки не отличали точно демагогии от демократии, если до сих пор демократию обвиняют в демагогии, то я бы хотел знать не примешивали ли и короли и императоры той же демагогии к Божьей милости.

У нас имеется достаточно трудов, занимающихся демагогией, но в большинстве случаев авторы слишком придерживаются унаследованных аристократических форм и осуждают здоровый простонародный элемент, проявляющий себя в политической агитации и речах. Я сам должен был преодолеть в себе интеллигента, привыкшего к академическим театральным котурнам. Я заглянул в историю политического красноречия и увидел, насколько французская революция опростила литературный и разговорный слог. Были преувеличения, но ведь они бывали и в противоположном лагере. Меня занимали так же проповедники и разного рода проповеди: среди них (Санта Клара принадлежит к более старой и грубой эпохе) я нашел

лондонского проповедника Спургена — демагог говорили его противники, но сам он руководствовался принципом, что в храме без смущения можно стать на голову, если благодаря этому могут быть спасены человеческие души. Конечно, это опасное правило, но ведь и задача демократии сводится к проблеме, как настоящее и, я бы сказал благородное народничество применить в политике и в управлении государством; крепкое слово сказанное на своем месте и в соответствующий момент отпугнет лишь нервных эстетов и декадентов. Было уже сказано, что хорошее слово то же, что и действие — ну конечно же! А что же в конце концов вся литература? Доброе слово не может погибнуть, оно как бы подчиняется сохранению энергии — Платон, Христос и все великие духовные руководители, все они говорят с нами.

Мысли государственного деятеля и особенно законодателя должны быть выражены меткими словами; политический, законодательный, военный слог чрезвычайно важны; в данном случае искусство может весьма плодотворно помочь политике. Я не забываю при этом бюрократии — основательная шлифовка бюрократического языка не только с грамматической, но и с эстетической точки зрения будет весьма благотворным обогащением демократической политики и администрации. В особенности у нас! Нечего уже говорить о журналистическом слоге! В этом отношении Гавличек остается нашим лучшим учителем.

Сюда же относится и создание демократического государственного церемониала и геральдики. Это весьма важная глава, над которой приходится много думать. Например, как переделать в демократическое здание пражские Градчаны (замок), по своей архитектуре чисто демократические; как представить себе демократические сады и парки и т. д. — все это задачи и весьма важные задачи, которые должны бы были занимать головы лучших художников. Церемонии выражают идею, доступную глазу и вообще чувствам, а потому они имеют весьма поучительное и воспитательное значение.

Меня уже давно занимает связь политики, государственности и поэзии (отсылаю к тому что и говорил при свидании с Падеревским): у всех народов поэты являются творцами и стражами

национальных и политических идеалов. Я по крайней мере, лучше всего утончал свое образотворчество при помощи поэзии и, как приверженец художественного реализма, стремился к точной фантазии Гете. Без образотворчества (фантазии, а не фантастики) невозможна широкая, мировая, творческая политика; государственный деятель так же как и поэт — poiétés — творец, создатель.

Наконец можно бы было многое сказать о политическом и общественном поведении — Д-р Гут-Ярковский неустанно обучает демократию приличному обхождению; на это оно имеет полное основание. У французов есть прямо классические труды о «savoir vivre», то же самое есть и у англичан и у демократических американцев. В этом отношении мы плетемся за Западом одновременно вследствие недостатка и вследствие чрезмерного общественного щегольства общественными формами: одни не умеют вести себя, — а другие мучают себя и других устаревшими формами. Демократия это не грубость и вульгарность, она требует простых и естественных форм общественных сношений: они могут вырабатываться лишь там, где люди свободны и искренны по отношению друг к другу. И у демократии есть своя элегантность. Мы до сих пор подвержены накрахмаленности и мелочной формальности.

Совершенно особая глава составляет «общество» или так называемое «хорошее общество». Довольно часто делались попытки создать «общество» или «чешский салон»; я не исключаю возможности, что теперь под влиянием иностранцев он и разовьется: гуманность не противоречит общественным приличиям, но необходимо помнить, что цивилизация это еще не культура и что так называемое «общество» может быть гробом вдохновения, без которого ничто великое не может быть совершено; конечно не будет вредить если и у нас будет кладбище для минутных порывов и припадков, которыми мы так часто маскируем наше непостоянство.

Истинная демократия требует от каждого гражданина живого интереса к общественным делам и государству; как церковь требует от верующих живой веры, так демократическое государство требует от граждан живых политических интересов.

Во времена австрийского владычества мы все, одни больше другие меньше, отвергали Австрию и наконец сговорились на резолюции: мы вызываем императорское и королевское правительство и т. д. Это означало, что управление государством мы предоставили господам, а сами весело перебранивались и партия опровергала партию. Тех, кто помнил об необходимости воспитывать народ и партии при помощи оппозиции для истинной государственности и активного участия в государственной жизни, было мало: участие в правительстве называлось изменой, т. к. в государстве мы видели врага. Теперь у нас есть свое государство: а есть ли у нас для него достаточно людей и партий с необходимой государственностью? Достаточно ли у нас людей, у которых имеется живой, специальный интерес к государству, которое сумело освободиться от отрицания государства, к которому мы привыкли за время Австрии, которые сумеют положительно создавать новое государство и его управление? (Вот снова постоянный пример опасного антропоморфизма!).

В старом государстве требовалось признание самодержавия, господствующей аристократии и бюрократии, от народа требовалось послушание; демократия требует от каждого гражданина от всех интереса и чутья к государственному управлению и к его политике; чувство государства означает интерес не только к узкому кругу, оно означает освобождение от политического индеферентизма, который был распространен в абсолютистическом государстве и составлял собственно говоря его основу. Без этого интереса к государству республика становится de facto государством аристократическим, бюрократическим, государством меньшинства — форма не играет решающей роли в самой основе государства.

Демократия по существу против анархизма (агосудар-

ственности), все равно происходит ли этот анархизм от политического радикализма или от политической апатии. Анархизм многих честных людей так же как и анархизм Толстого родной сын абсолютизма, который оттолкнул людей от политики и государства.

Мы должны уяснить себе разницу между анархизмом и демократией.

Анархизм выступает против демократии во имя свободы, этой основной мысли демократии; некоторые доказывают, что государство это временная институция, что в начале истории его не было, что оно возникло позднее и что оно снова исчезнет. Этот взгляд был подробно разобран Марксом и Энгельсом, а теперь коммунисты его выдвигают против социал-демократов. Другие отвергают государство вообще, в какой бы то ни было форме, т. к. по их мнению оно eo ipso неестественно, насильственно и порабощает свободу. К этому разряду принадлежит анархизм, происходящий из чрезмерного индивидуализма, дошедшего до солипсизма — государство мешает титану, оно недостаточно для титана. Далее есть, так сказать религиозный, этический анархизм — анархизм Хельчицкого, Толстого.

В противовес анархизму всех видов я последовательно защищаю демократию. Каждый человек вполне естественно стремится к свободе и государство должно уважать это стремление; но из истории я делаю вывод, что общество всегда было организовано в форме государства. Общественная совместная жизнь и совместная работа всегда были организованы; отдельные личности всегда были, как целое между собой более или менее сознательно соединены. Эта организация может быть осуществляема или насильственно (из-за желания господствовать и т. д.) или при помощи взаимного соглашения ради общественных потребностей, из симпатии и разумных соображений. История нас учит, что в древние времена организация общества возникла в значительной степени благодаря стремлению господствовать и насилию сильных и ловких вождей, что государства имели военный характер, а войско было зародышем и опорой государства; но и это не абсолютно — даже эти первичные государства возникли по моральным и разумным причинам.

Правда в начале не было общественного договора Руссо, или он был в самом зачаточном состоянии; он создается лишь позднее благодаря развитию образования, так сказать дополнительно. Против взгляда, что государство возникло лишь из насилия, говорит также и религиозное влияние, бывшее уже на первых ступенях общественного развития; это общество хотя и примитивно все же было организовано теократически. А даже в самой примитивной религии есть моральный элемент. Первое общество не было демократией, но аристократией и монархическим абсолютизмом; но один, даже самый сильный вождь, никогда не мог бы сам создать государство, лишь своей волей, без согласия общественного целого. Было бы ошибкой идеализировать возникновение и сущность государства, как это до сих пор делают некоторые его защитники.

Я хочу еще напомнить, что я также отвергаю, так называемую патриархальную теорию, т. е. что государство возникло как бы в виде естественного продолжения семьи и благодаря этому eo ipso оно оправдано и хорошо. Эта теория часто приподносится славянскими теоретиками и политиками. У государства нет ничего общего с семьей, оно является продуктом совершенно иных сил, чем семья: государство является организатором совместной общественной жизни, что в основе своей отличается от семейной жизни. Новое изучение примитивных народов подтверждает весьма убедительно этот взгляд. Уже Аристотель сказал, что человек по природе своей создание политическое; среди элементов, из которых состояла эта «врожденность» и которыми ex post теоретики объясняют государство, были с самого начала умственные рассуждения.

Государство и его организация изменяются в зависимости от времени и условий, так же изменяются и функции того же государства. Иногда например одно сословие или класс захватывают в свои руки государственную власть и использовывают государство для своих целей; иногда государственный аппарат занят больше всего специальными экономическими или культурными вопросами и этим придает всему особый характер Всегда государство, in conkreto люди, управляющие государством, стремятся опереться на самые крепкие общественные силы: на

религию, науку, финансы и т. д. Бывает и так, что сильная личность захватывает в свои руки государственную власть. Все это злоупотребление государством. Вообще история государства доказывает, что государство не совершенно, но из этого вовсе не следует анархизм (агосударственность), как например, из несовершенства школ не следует необходимость неграмотности. Общественная жизнь людей невозможна, если нет центрального, централизирующего, контролирующего авторитета; если есть люди, которым хочется это назвать иным словом чем государством, пусть они это делают, но потом это становится вопросом филологическим, не более; я знаю, что филология — круглые слова — играет в политике большую роль!

Некоторая наклонность к анархизму развилась у нас благодаря тому, что мы не имея своего собственного государства, организовывались национально и ставили народ выше государства, над государством. У Коллара мы слышим отзвуки Гердера, что государство это организация искусственная, а народ естественная. В этом лишь постольку правды, поскольку государственная организация уже и не может вместить жизни всего народа, несмотря на то, что стремится к централизирующему контролю целой народной жизни.

Государство и демократическое государство не является божественной, всемогущей организацией, как это представлял себе Гегель; оно лишь человеческая институция со всеми слабостями и качествами тех людей, которые его организовали и которые его ведут. Государство вовсе не так скверно, как говорят анархисты, но и не так прекрасно и добро, как воспевают официозы — в общем оно не хуже чем остальные человеческие дела. Оно необходимо.

То же можно сказать и о законах. Закон это кодификация правил государственной администрации. В этой администрации много чисто технического, происходящего, я бы сказал, от государственных махинаций. Но у закона есть также моральное значение, всюду от государства и закона требуют справедливости и права. У права есть своя основа, своя уверенность и обеспечение в нравственности, т. е. в гуманности, в человечности.

Я отвергаю пангерманское учение, что право это сила, если понятие силы отожествляется и понятием насилия.

То, что с демократической точки зрения государство требует как можно меньше, я понимаю в том смысле, что демократия по своей сущности ожидает от каждого гражданина чувства государственности, администрации и закона. Демократия покоится на индивидуализме, но индивидуализм не означает самоволия, а стремление к сильной индивидуальности не только самого себя, но и остальных граждан. Демократия это самоуправление, а самоуправление, это себя управление — самоуправление начинается с самого себя. Посмотрите на Англию: почему там сравнительно приличная демократия при аристократизме и монархии? А потому, что там граждане интересуются государством не безразличны к администрации и политике, потому, что развили сильный индивидуализм. Я уже обращал внимание, что этот индивидуализм развился церковно и религиозно. Английский гражданин помогает как можно чаще сам себе, а поэтому ему помогает и государство; английский гражданин не зовет при каждой безделице и глупости полицию. В Англии автономия, самоуправление, себяуправление.

Демократия возможна лишь при этом живом интересе к государству, к его развитию и его постоянному усовершенствованию: демократия это естественное право на инициативу во всех отраслях общественной жизни, при чем безразлично узаконено формально это право или нет. В свободном государстве оно существует de facto.

Теперь часто рекомендуют организационную работу, как деятельность по преимуществу политическую и государственностроительную; это правило, но и организационность можно преувеличивать. Я, например, полагаю, что наши соседи немцы переорганизовались; каждая организация будь то государственная, или социальная, или религиозная становится в силу привычки механической формой. Нам нужны живые организмы — откуда их взять, если мы сами не будем живыми? А жизнь это постоянное изменение, рост. Живая организация будет у созидающих, у творческих людей — новое нужно создать, нужно

постоянно создавать так же и в общественной и государственной жизни.

130.

Демократия возникает из революции и революционерства; наша республика и демократия возникли тоже из революции: революция оправдывается как необходимая оборона; ее необходимость наступает тогда, когда исчерпываются все остальные средства. По отношению к революции правильно то же, что и по отношению к войне: допустима защита. Революция допустима если, как например во время войны, грозит административный и политический хаос; революция допустима, если она является реформой, усовершенствованием. Но демократия не означает перманентной революции. Мировая война и возникшая из нее революция раздразнили революционную фантазию; но военное и революционное волнение должно утихнуть, люди должны перейти к спокойной и постоянной работе, а это многие делают с трудом.

Конечно, революция это не пуч. Политический и социальный утопизм увеличивал абнормально требования, обращаемые к государству, как будто оно всемогуще и всеведуще; отсюда у многих происходит разочарование, усталость и отупение от излишних волнений. Совершенно по прежнему люди ищут причину своих неуспехов всюду, кроме как в себе. Мы должны преодолеть революцию и революционерство, так же как и милитаризм — каждое пролитие человеческой крови является уделом минувших эпох; мы хотим государство, Европу и человечество без войн, а следовательно и без революций. Как война так и революция будут демократии казаться отсталостью, т. к. обе являются старым, чрезвычайно старым средством. Демократия это режим жизни и для жизни, она требует труда и является режимом труда, работа же это покой, это в большинстве случаев мелкая работа. Труд, труд материальный и духовный преодолеет аристократизм и революционность. Уже Маркс и Энгельс исправляли самое понятие революции, созданное в 1848 г. и видели в машине, т. е. в конце концов, в изобре-

тательности, в технике, в науке и труде наиболее верную и целесообразную социальную революцию и высказались за парламентаризм.

О так называемых анархических выступлениях и терроризме я сделаю лишь краткое замечание. В последние десятилетия об этом говорили достаточно в политической литературе, в особенности в русской. Отдельные, самостоятельные террористические акты осуждались социалистами; допускался лишь акт по постановлению партии; это проистекало из совершенно правильного взгляда, что отдельная личность присваивающая себе право на жизнь и смерть другой личности, каждого гражданина и действующая самовольно, изолированно будет или абсолютистом, или титанистом или просто разбойником. Обо всем этом я говорил подробнее в своей работе о России, этой земле радикального анархизма, нигилизма и нигилистического терроризма.

Интересно наблюдать, как привились слова — борьба и революция — каждый мещанин говорит о литературной революции, об экономической борьбе и т. д. Особое удовольствие должны испытывать социалисты и марсисты от того, на сколько буржуазные экономисты и политики переняли всю марксистскую терминологию. Правда, что современная эпоха началась революциями и религиозной, философской, политической и социальной борьбой; но дело как раз в том и заключается, чтобы одолеть эту революционность.

Относительно радикализма можно сказать то же самое, что было сказано о революции. Буквально это слово означает «усилие от корня», происхождения оно испанского, где им пользовались против теократии и католичества. Я уже излагал почему именно католические государства бывают более радикальны, чем протестантские, но это не означает, что всегда и необходимо они бывают также более передовыми, современными и демократическими.

Я часто высказывался против общепринятого радикализма и в этой же книге я изложил на него свою точку зрения; я обвиняю этот общепринятый радикализм в том, что он весьма часто злоупотребляет правом на политическую слепоту; радикал обращается односторонне к чувствам и инстинкту, путает сла-

бовольное расстройство, энергию и храбрость, прячется за народ, массу, церковь — эти и еще иные всем известные свойства радикалов принуждали меня к критике.

Демократия, говорят с презрением ее противники, состоит сплошь из компромиссов; ее защитники это допускают, но видят в этом как раз плюс. Я высказал свое мнение уже давно и поэтому вопросу; в политической практике, как во всякой деятельности и вообще в жизни, необходимы компромиссы, не в области принципов, но именно в области практических поступков; их делают величайшие радикалы (огромный пример — Ленин пришедший к власти). Однако политика образованных и сознательных государственных деятелей — это касается в полной мере и образованных и сознательных партий — не будет состоять из компромиссов между противоположностями и крайностями, но главным образом в осуществлении программы, созданной на познании и понимании истории и общего положения государства, народа, Европы, человечества. В этом заключается постоянное требование мировой политики. Не золотой, средний путь, а ясная цель и сознательное, неутомимое ее достижение. Между компромиссом и компромиссом бывает разница. Честный человек избежит принципиальных компромиссов, но сделает компромисс в средствах, особенно во второстепенных, менее важных вопросах. Настаивать в мелких, второстепенных и менее важных вопросах всегда и во всем кажется последовательным и крепким, но в действительности это мелочно и мелко. В этом отношении полным правом осуждается доктринерство. Демократия держится и развивается при помощи всеобщего мышления и деятельности; а потому что никто из нас не непогрешим, демократия должна означать терпимость и приятие от каждого хороших сторон. Однако отвратительна компромиссность людей без определенной цели, и убеждения людей политически близоруких, необразованных, мелких, их деятельность в конце концов ничто иное, как метание от мнения к мнению, искание золотого, среднего пути, который в действительности означает часто блужданием между двух стен, политиканство, слабость, недостаток суждений, полуобразованность, бесхарактерность и страх.

Можно сказать, что при современном уровне образования государства развиваются при помощи революции сверху и снизу; этой борьбе революции, идущей впереди, с революцией, тянущей назад, этому качанию между реакцией и радикализмом положит конец демократия — конечно истинная демоктраия.

131.

Я защищаю демократию от абсолютизма диктатуры, все равно присвоит ли себе право на диктатуру церковь, государство или пролетариат, вообще кто бы то ни было. Я знаю аргументы, что совесть и право абсолютны, что так же абсолютны разум и наука и что следовательно имеет право и диктатура; я знаю аргументы о диктатуре «сердца» и тому подобные оправдания. Конечно логика, математика, моральные и быть может иные принципы абсолютны, т. е., что они не могут быть относительны в том смысле, что каждый народ, каждая партия и наконец каждый отдельный человек имеют свою собственную мораль, свою математику и логику; но между этим поэтическим абсолютом в теории и между практическим, политическим абсолютизмом есть разница. Самая научная политика, так же как и все науки (математика и логика в этом отношении немного отличаются) зависит от опыта, индукции и не может, что заключается в самом понятии науки, требовать непогрешимости. Самая научная политика не может быть непогрешимой, она не дает вечных правд и не может быть доводом для политического абсолютизма.

Абсолютизм не заключается в едином монархе, но в его непогрешимости. История государственного абсолютизма и его теоретиков представляет из себя интересное чтение; государство освобождалось от церковной опеки, но в свою очередь требовало для себя хотя бы часть той непогрешимости, которая принадлежала церкви и папе. Титул «Милостью Божьей» является выражением той непогрешимости, которую монархи хотели обеспечить своей диктатуре. Папа ссылался на чудеса и традицию, восходящую к самому Христу, — теория же монар-

хического и государственного абсолютизма это ни что иное, как подглядывание у теоретиков абсолютизма и диктатуры церкви. То, что незадолго до французской революции теоретик абсолютизма Мерсье де-ля Ривьер ссылался на Эвклида, как на абсолютиста, является интересным доказательством, того, как уже тогда мало верили в людовиковский абсолютизм и как защитники абсолютизма должны были головоломно доказывать непогрешимость, бесконтрольность и диктатуру монарха.

С самого начала нового времени все народы с полным правом восстают против политического и духовного абсолютизма, от чего и происходят все эти религиозные, литературные, социальные и политические революции; сопротивление и борьба с абсолютизмом дали характер новому времени, прогрессу, демократии.

Диктатура еще в римскую эпоху, была вполне правильно ограничена войной; во время войны и вообще в практической деятельности один вождь лучше, чем дюжина. Диктатура вообще возникает в революционные эпохи, пока революция еще война; но диктатура не может быть институцией нормальной эпохи. Политические вожди не непогрешимы. Четыре глаза видят лучше чем два, это вывод, который я сделал из политического опыта и изучения истории. Отсюда также доводы за парламентский и вообще демократический режим.

На русском большевизме мы видим недостатки диктатуры: большевизм объявил себя non plus ultra развития и заявил, что он непогрешим — отсюда его инквизиция, проистекающая из тех же причин и доводов, как и испанская инквизиция. Непогрешимость это признак необразованности или полуобразованности; а демократия должна быть именно на страже против политических выскочек.

И я думал за границей, что нам для нашей антиавстрийской революции нужна бы была временная диктатура. В случае, если бы все легионы были сосредоточены во Франции, была бы возможность войти в Германию с союзническими войсками. Победоносная Антанта могла бы диктовать мир в Берлине, как немцы диктовали его в Париже и Версале. Я уже говорил, что об этом плане я вел переговоры с Вильсоном. Я представлял

себе, что мы бы вошли в столицу Германии, и что уже оттуда вся армия была бы перевезена домой. План не был фантастичен даже после капитуляции центральных держав; Фош хотел идти на Рейн и даже думал о том, чтобы сделать из Праги опорный пункт против немцев, особенно для освобождения Польши. При таком положении временная диктатура была бы необходима в обновленном государстве до тех пор, пока законные выборы не дали бы правовых основ конституции. Мне казалось, что во время революционных волнений, такой временный абсолютизм мог бы разрешить многие жгучие вопросы, при чем парламент получил бы дополнительно право одобрять или изменять подобные решения. У меня были готовы планы для всяких случаев.

События развернулись иначе. То, что я составил план, централизованной и войсками поддерживаемой временной диктатуры, не по абсолютистическим и властолюбивым побуждениям, думаю, не требует доказательства; кроме того план составлялся при согласии домашних руководителей. Я представлял себе также и временную директорию, состоящую из заграничных и домашних вождей, директориум, который бы был настоящим правительством не боящимся ответственности. После перевода осуществленного бескровно при помощи неожиданного развала Австрии было вполне достаточно диктатуры Национального Комитета и Национального Собрания.

Будучи избран президентом, я естественно размышлял о проблеме демократического президенства. Во время войны я имел случай близко наблюдать республику в Швейцарии, Франции и Америке и сравнивать ее с конституционными монархиями (Англией и Италией) и проверять таким образом на практике взгляды, приобретенные при помощи изучения. Я уже кое-что об этом сказал специально в главе о пребывании в Америке.

Втечение всего пребывания за границей о своем президентстве я не думал, мне просто не приходила эта мысль, т. к. я был слишком захвачен освободительным движением. В новой республике я видел себя по привычке (вот тоже антропоморфизм депутатом и писателем (быть профессором я уже не рассчитывал), работником, создающим республику.

Уже ранее я занимался чисто теоретическим вопросом:

не является ли один президент пережитком монархизма (в республиканском Риме было два консула, в Японии были два императора и т. д.); но ведь и монархизм не заключается, как уже было сказано, в том, что монарх единственен — в большом государстве он все равно не царствует один, а при помощи еще нескольких людей, потому что иначе это административно невозможно; монархия это род олигархии; управление одного лица просто невозможно практически. Какая-нибудь форма директории могла бы буквально соответствовать демократии, но если бы было даже несколько президентов, все же у одного будет всегда больше влияния и авторитета, иначе невозможно.

Развитие в обратную от монархизма сторону будет и у нас, как и у остальных народов, постепенно. У нас есть, как я уже указывал, основания для республики, но тут же взращивалась усиленная приверженность к королевству и королю, сильный роялизм; лишь социалистические партии и часть интеллигенции были программовыми республиканцами. Все воспитание во время Австрии было недемократично, а люди, как было сказано, руководятся в политике больше привычкой, чем разумом. Не только президент, но и все остальные республиканцы должны стать по настоящему республиканцами и демократами. Конечно между республикой и демократией есть и может быть разница — республика это форма, демократия предмет. Форма писанная конституция не обеспечивает всегда сущности: в политике никогда нельзя достаточно выдвигать требования, чтобы люди следили за сущностью, содержанием, а не за формой и буквой. Можно легко написать хорошую конституцию — хорошо и последовательно ее осуществлять трудно. Иногда монархия может быть демократичнее республики.

Для республики есть четыре главных образца: Швейцария, Франция, Соединенные Штаты Америки и до известной степени императорская Германия (наглядный пример различия между формой и сущностью!). Каждый это пример соответствует условиям жизни в данной земле и их развитию: ни одну институцию нельзя механически и неорганически переносить из одной страны в другую.

Во всех республиках применяется федеративный и автоно-

мистический принцип, это находится в самой основе демократии: демократия означает свободу и как можно более широкое самоуправление.

Что касается президентства, то швейцарский и немецкий примеры отпадают, остается французский и американский. Я сказал об американской республике, что после революции роль президента была сознательно скопирована с роли английского короля; Вашингтон по происхождению был аристократом и как президент украсил свой дом в Моунт Вернон статуями Александра, Цезаря, Карла XII, Мальборо, принца Евгения и Фридриха Великого. После Вашингтона президенты демократизировались. В Америке президент избирает правительство не из числа депутатов; во Франции правительство состоит из депутатов, оно парламентарно. В наших условиях я бы считал смешанную систему наиболее правильной: президент избирает определенное количество министров (большинство? половину?) из числа депутатов, сенаторов, а остальное среди недепутатов. Так бы было возможно ввести в правительство специалистов, ибо признанные недостатки парламентаризма заключаются именно в неспециализации многих депутатов и их партийности. Само собою разумеется, что президент при выборе министров советуется и сговаривается со всеми партиями.

В Америке имеется кроме того для составления бюджета особая, непарламентская комиссия; это здравая мысль, чтобы в парламенте партии не злоупотребляли nervu rerum, но на практике у этой комиссии нет силы.

Я коснулся вопроса как формировать парламент и парламентаризм; я размышлял и об иных способах: например, чтобы промежуток между объявлением и осуществлением всеобщих выборов был как можно короче, лишь такой, какой необходим для осуществления технической стороны выборов; партиям не следует давать долгого времени для агитации. Одна из главных причин мертвости партии заключается в том, что они во время мира, как бы я сказал, мало заботятся об организации и воспитании членов; партийная и политическая энергия пробуждается или во время выборов или же трений и раскола в партии. А ведь демократия это мелкая, настоящая, положительная работа!

Было бы можно сказать еще много в более подробном изложении образования и управления демократической республики, но я ограничусь этими немногими примерами.

133.

Я изложил на протяжении своего рассказа и своих размышлений основные политические принципы, которыми я руководствовался во время своей заграничной деятельности: ими я хочу руководствоваться и как президент. Конечно это программа лишь в главных ее чертах, более подробные правила и их практическое осуществление зависит от условий и от лиц, с которыми я призван работать, а в демократической республике таких лиц очень много — все. Истинная демократия, народное правительство, управление при помощи народа и для народа заключается во всеобщем праве на инициативу; в демократии каждый гражданин призван, каждый ответственен. Но, конечно, и в демократии: много званных, но мало избранных.

Переход от аристократизма и монархизма всюду затруднителен потому, что граждане в аристократической монархии не привыкли к ответственности и решению вопросов; а кроме того у многих осталась от монархизма и царизма доля аристократизма и абсолютизма. Приказывать не означает всегда вести.

С другой стороны человек по своей природе хочет быть не только господином, но одновременно и покорным, руководимым учеником и вождем — во всяком случае у нашей республике будет задача воспитывать своих демократов.

Чрезвычайно важно для будущего определить с самого начала в главных областях управления и внутренней и внешней политики то направление, в котором будет развиваться наше государство — это гораздо важнее чем детали. Направление: решить в главных вопросах принципы и тактику, дабы при дальнейшем развитии создавалась правильная традиция, чтобы мы не шатались из стороны в сторону по золотой широкой дороге, но твердо и с уверенностью шли к своей народной цели.

Мои принципы и прогамма органически выросли из нашей

истории, в которую я погрузился и из которой я вывел свою политическую и культурную программу. В этом отношении моим учителем был отец народа; Палацкий дал нам философскую историю нашего народа, он понял нашу мировую и историческую ситуацию и этим определил нашу национальную программу.

Палацкий понял, что благодаря своему географическому положению и своему прошлому развитию мы составляем часть мирового целого и что вследствие этого нашей задачей является осознать эту свою позицию и определить в ней и ради нее свое политическое направление.

Палацкий видел, что Европа и человечество объединяются и организуются, и указал нам, какая наступает для нас роль в этой «мировой централизации». «Благодаря чудесной силе пара и электричества мировым условиям дана иная мера, старые преграды между землями и народами исчезают, все человеческие племена, поколения и роды сблизились, они касаются и сливаются друг с другом и скоро уже будут принадлежать к области преданий чистые представители рода. Вследствие этого между народами возникло соревнование в до сих пор невиданных размерах. Оно все еще растет и будет расти и чем дальше, тем больше; тот, кто не побежит в перегонку со своими соседями остановит свой рост и погибнет окончательно и безвозвратно. Я спрашиваю должен ли именно наш народ, богато одаренный Богом любезнейшими дарами духа, сторониться и отвергать из-за халатности и недомыслия вождей состязание, которое может обеспечить его будущую жизнь?

Но выйдем из области идей и возвышенных образов и перейдем в голую конкретную действительность: быть может тогда смысл наших слов станет более светел и ясен. Настал час, когда наш народ должен восстать и ориентироваться в сторону нового духа; он должен проникнуть своим взором за границы своего отечества и, не переставая быть верным патриотом, должен стать одновременно осторожным и наблюдательным гражданином вселенной. И мы должны принять участие в мировой торговле и извлекать для себя выгоды из мирового прогресса; мы должны оставить не древнюю веру и честность, а

старую и отсталую привычку быть халатными, эту старую слабость и недеятельность, которые и являются причинами нашей бедности и маломыслия; мы все должны вступить на новый путь и укрепить свои силы промышленности, не только фабриканты, купцы и ремесленники, но и сельские хозяева, ученые и чиновники, повторяю все это должны сделать. Некогда бывшая преудобная дешевизна исчезла навсегда совместно с грубостью и незнанием потребностей и наслаждений цивилизованного века; каково бы ни было потом правительство нашего государства общественные дани не будут и не могут убывать. Если мы не хотим умалиться и оказаться разоренными, то мы должны утроить свою деятельность и идти как можно в ногу с иными народами, которые владели благодаря своей предприимчивости всеми концами мира.

Для этой действительно мировой политики Палацкий рекомендует нам, иначе ведь и не могло быть, принципы гуманитарного идеала. «Последним моим словом будет горячее сердечное пожелание, чтобы мои милые соотечественники в Чехии и в Моравии, в каком бы они положении ни оказались, никогда не переставали быть верными себе, праву и справедливости!»... «Времена Гуса были славными временами, в то время чешский народ благодаря своему духовному образованию стоял во главе остальных народов Европы... теперь стало необходимо, чтобы мы учились и действовали сообразно с образованным разумом. В этом заключается единственное завещание, которое умирая я оставляю своему народу.» «Когда бы мы ни побеждали, всегда это происходило более благодаря перевесу дуах, чем физической силы, каждый раз, когда мы были побеждены... всегда был в этом виноват недостаток духовной деятельности, морального мужества и отваги. Весьма ошибаются те, кто полагает, что военные чудеса, которые совершали наши предки во время гуситских волнений, заключались в каком-то неудержимом бесновании, стрельбе и громлении рычащих варваров (как, к сожалению, с давних пор вошло в обычай их изображать), а не в юношеском взлете духа, вдохновленного идеей, моральной свежести и в уровне просвещения нашего народа. И наоборот, когда 200 лет позднее мы пали почти в могилу в подобной же

борьбе, виной этому было то, что не превышая образованностью духа, но равняясь с неприятелем скорее моральным разложением, чем количеством силы, мы призывали к мечу и насилию...» «Мы лишь тогда обеспечим себе продолжительное будущее, когда духом будем побеждать и руководствоваться в предвечном бое, предназначенном нам премудростью Божьей.»

Палацкий часто размышлял о наших моральных недостатках и пороках; в статье о причинах онемечения он сравнивает нас и наших соседей, с которыми мы естественно должны постоянно меряться силами и приходит к заключению, что мы до известной степени сами виноваты в своем национальном упадке. Палацкий не верит, что немцы являются благодаря крови и рассе от природы высшим народом, что у них высший дух и разум, но зато у них нет в такой степени недостатка, который Палацкий описывает следующим образом: «недостатки и недочеты нашего народа различны; но один из главных и самых вредных это тот, который мы не умеем и назвать по чешски, несмотря на то, что с давних пор он пожирает самые корни нашей общественной жизни: я подразумеваю luxus в самой широком смысле слова... чех и вообще славянин умеет гораздо лучше вести себя в несчастьи, чем в счастьи. Он верен и одарен способностями, трудолюбив и догадлив, энергичен и неуступчив, но также страстен и легкомыслен, он не заботится о будущем и непостоянен, буен и труслив. Для него гораздо легче приобрести средства и имущество, чем приобретенное удержать и сохранить. Сегодняшний заработок он разбросает в тот же день, а если не сегодня, то наверное уже завтра... Особенно же наш прекрасный пол не умеет держать на узде свою страсть к пустым украшениям; во всем широком свете нет наверно такой другой земли, как Чехия, где бы богине Моде приносились такие страстные молитвы и делалось столько жертв; никто, кто с открытыми глазами путешествовал по Европе не мог этого не заметить. И не только в наше время делаются подобные вещи... Первый Далемил, а последний Коменский выводили падение своего народа из этой расточительности и безудержности; король своими законами, иные отцы особыми заботами и напоминаниями тщетно против всего этого выступали... Чехи уже шестьсот лет тому назад

начали приобретать и по собственной вине заслуживать прозвище «обезьяньего народа», ибо они все ловят и всему подражают, что видят у своих соседей. Не то у немцев, гораздо более спокойных, осторожных и обдуманных; немец умеет не только приобретать состояние, но и хозяйничать с ним; он не стыдится, по возвращению из чужих земель в Чехию, снова приняться за сельскую работу, хотя бы он был, например в Кадиксе, и приобрел дворянское состояние; хотя он любит хорошо поесть и попить, но меньше набрасывается на лакомства и украшения и больше думает о будущем... есть, правда, и иные причины нашего неуспеха, как, например, задушенное с давних пор национальное чувство; слепая привязанность к родной земле и соединенная с этим непредприимчивость в чужих землях; стремление к новшествам скорее пассивное, чем деятельное, т. е. ведущее скорее к наслаждению, чем к творчеству; а наконец эти наши терпеливость и спокойствие, которые удаляются от всякого насилия по отношению к ближнему и так чех скорее страдает от несправедливости, чем что-нибудь предпримет. Кто хочет избавиться от старого, вредного духа, должен прежде всего его знать и познать, в особенности если уже дело касается жизни; лишь после этого он сможет ухватиться за правильные средства и спасти свою жизнь. Для этого необходимо энергичная воля, которая должна отличаться более всего твердостью и продолжительностью. Шумом и громом мы ничего здесь не достигнем, но лишь тихим, верным и искренним и непрерывным усилием, которое нельзя сдвинуть ни соблазнами, ни устранить угрозами. Разумное, моральное образование должно быть доведено у нашего народа до высшей ступени, чтобы он мог в связи с этим прежде всего понять сам себя, а далее на этом уже создавать свое будущее. Все остальные средства были бы лишь слабыми палиативыми... Все патриоты, старайтесь прежде всего доставлять и умножать для своих сограждан удобоваримую и духовную и моральную пищу — у них же достаточно здравого смысла, чтобы потом уже самим избегать ядовитой заразы!»

Восстановление нашей политической независимости в форме демократической республики является естественным следствием и продолжением нашего развития.

Потеря независимости, подчинение чужой династии и ее античешскому режиму подготовляло нас к республике и демократии; чужая династия, чужое войско, отчужденное дворянство и принудительная церковь удалили нас от монархизма и его главных институций. Я уже показывал, как все наше историческое развитие толкало нас к республике и демократии.

Кроме того наше развитие подготовляло нас и положительно к республике и демократии; нашей реформацией были положены основы современного гуманизма и следовательно демократии. Палацкий выдвигает в реформации значение нашей Чешской братской церкви, которая превзошла своими моральными достоинствами все остальные церкви и попытки реформаций. Основатель Братства отвергал всякое насилие и, вследствие создавшегося положения, не только государство, но и церковь; он хорошо подметил основу средневековой теократии, эту интимную связь государства и церкви. Крайности Хельчицкого были вскоре смягчены его последователями, точно так же, как и крайности Таборитов, коммунизм которых не удержался; король Ири, несмотря на то, что был противником Братьев, выдвигает — а это совпадает с основной идеей братства, идеал вечного мира; Коменский, последний епископ Чешско-братской церкви, творит человечность при помощи школы и воспитания, при помощи же образования он стремится осуществить национальную и при том общечеловеческую программу. Коменский, потом Лейбниц и Гердер — это прекрасно сказал Дени — говорят к нам через Добровского и Коллара; после них Палацкий, Шаффарик и Гавличек формулировал наш национальный гуманитарный идеал в связи с требованиями эпохи.

В нашей оппозиции против абсолютизма антиреформационной Австрии мы приблизились в XVIII столетии к идеалам просвещения и французской революции; передовые идеи Запада стали руководящими мыслями нашего народного возрождения.

Это было тем легче, что духовные вожди революции (Руссо) выросли среди швейцарского республиканства и кальвинизма, происходящих из идеи реформации; люди революции, как правильно отметил Маркс, продолжали идти по пути реформаторов. Просвещенность, гуманизм и руководящие идеи XVIII столетия вообще продолжают идти в направлении, данном реформацией, а следовательно и нашей чешской реформацией.

Гуманитарный идеал не является чешской особенностью, он наоборот общечеловечен, но каждый народ осуществляет его своим способом: англичане формулировали его главным образом этически, французы политически (объявление прав человека и гражданина), немцы социально (социализм), мы национально и религиозно. Теперь гуманитарные стремления становятся всеобщими и приходит время, когда они будут признаны всеми образованными народами основой государства и международных отношений.

Я не утверждаю, что мы чехи и словаки наделены от природы особенно милым, нежным, так сказать голубиным характером. Мне кажется наоборот, что рядом с своей характерной мягкостью — мягкость не совпадает с чувством и лаской, а скоре с чувствительностью — мы довольно тверды; быть может мы симпатизируем с людьми более непосредственными и откровенными, чем на западе и не поддаемся в такой степени всякого рода формализму. Как развивался наш характер это иной вопрос; я уже обращал внимание на неясность споров о народном характере.

О нашей национальной гуманитарной программе были оживленные споры еще перед войной, после войны они продолжаются; дело идет о двух предметах. Прежде всего дело касается гуманитаризма (гуманистической программы или как кратко говорят гуманности), а во-вторых основывается ли наша чешская гуманность на религии.

О самой гуманности особенно не спорят, скорее всего дело касается различных недоразумений, происходящих из неясности понятий; я надеюсь, что они отпадают благодаря данному мной разбору. Будет труднее, а быть может и совершенно невозможно, договориться с теми противниками, которые вооб-

ще отвергают гуманитаризм и не соглашаются с его религиозным обоснованием.

Таких противников гуманитаризма имеется несколько родов. Отвергают его те, кто не считает политически важной вещью мораль и религию, и вообще какую бы то ни было «идеологию»; мораль и религия являются уже «преодоленными точками зрения», они хороши для детей, женщин и сентименталистов, но практические, реальные политики — «realpolitik-и» оперируют с практическими реальностями, они не сентиментальны и т. д. Очевидно существуют «реальные политики» и «реальные политики». Бисмарк с этой реальной политикой не соглашался, не соглашались с ней и пангерманисты; они не признавали гуманности, но чрезвычайно защищали религию или церковную (Бисмарк), или новую пангерманскую (Лагард).

Против гуманизма выступают также во имя национальности. Я недавно читал изложение взглядов одного бывшего легионера: «Мы стали свободными, потому что обещали союзникам, что будем плотиной против немецкого империализма. Наш народ стал свободным потому, что у него было славное прошлое, потому, что он был культурно и экономически зрел, потому, что он был народом Гуса, Коменского и Палацкого, а потому, что наши вожди сумели убедить за границей, что независимость нашего народа означает усиление их позиций против опасности немецкого империализма. Мы взяли на себя обязательство, теперь мы должны его исполнять. Оно будет выполнено лишь в том случае, когда наше государство всем духом своего управления будет действительно чехословацким и национальным государством». Это односторонняя и неправильная точка зрения. Полагаю, что я имею право говорить о том, что я обещал союзникам. Я опровергал — и даже очень энергично — пангерманизм; но дело ведь заключается в том, при помощи каких доказательств я защищал наши права на независимость. Я не утверждал, да и не мог утверждать, что мы будем плотиной, понимай, единственной плотиной, против немецкого империализма. Для меня было важно пробудить у Союзников полное понимание пангерманского плана и привлечь их к борьбе с общей опасностью; суть заключалась в том, чтобы убедить Со-

юзников, что мы, именно как народ Гуса и Коменского, имеем права добиваться свободы и обращаться за их помощью. Конечно, шли в счет и штыки наших легионеров и я сам первый с начала войны стремился создать эти штыки; но я делал это ни в коем случае не из шовинизма, но из убеждения, что у нас есть полное право к обороне, что наша независимость оправдана не только моралью, но и правом и что то, что мы защищаем — культурно-ценно. Одни лишь штыки — это именно и есть преодоленная точка зрения, преодоленная как раз мировой войной; если бы мы хотели оперировать в Англии и в Америке лишь с одними штыками, то это бы означало прямо убийственную близорукость. Вся наша заграничная пропаганда является опровержением шовинистического национализма.

Я ничего не возражаю против национализма, если этим словом определяется любовь к народу; национальная идея, как обычно говорят, является весьма ценной и благородной политической силой, организующей отдельные личности в готовое жертвовать собой целое. Эти организованные национальные целые объединяются в человечество. О любви к народу не может быть спора; он может быть лишь о качестве любви и о том, чего мы достигаем для народа, какова программа и тактика любви к народу. Я уже с давних пор стою за сознательную, «нерудовскую» любовь к народу, мне недостаточно уверений в любви к народу, эта любовь сама собою разумеется, но само собой не разумеется, что правильна и законна каждая программа, которую объявляют народной отдельные личности, фракции и партии. Существует много, так называемых, национальных программ, составленных с добрым умыслом, но слабых и прямо немыслимых; несмотря на громкий протест Гавличка существует еще много спекулянтов с патриотизмом.

Не существует такого народа, руководящие деятели которого в политике, в литературе, или в публицистике, удовлетворились бы ссылкой на количество имеющихся штыков; всегда приводят доводы в пользу моральных достоинств своего народа; и пангерманисты доказывали качество и прямо превосходство немецкого народа при помощи качеств немецкой науки, философии и т. д. Француз приводит в свою пользу политическую

преемственность начиная с римлян, гордится стройностью государственного строительства, тем, как он создал государственный централизм и тем, насколько французская идея государственного суверенитета действительна еще до сих пор; француз будет ссылаться на борьбу своих королей с папами, т. е. на борьбу с теократией, но, главным образом, будет указывать на Великую Революцию, ее идеи и политику; быть может, он сошлется и на Наполеона, но все же выдвинет республику и демократию, в наше время он будет указывать на роль Франции в мировой войне и послевоенном мире и, конечно, будет ценить всю свою литературу, цивилизацию и культуру. Сам по себе французский штык не был главным доказательством в целом ряде аргументов и фактов.

Не иначе будет действовать и англичанин. Он так же будет указывать на свою государственность и на то, как создал величайшую мировую державу; но как раз англичанин будет подчеркивать, что эту державу он создал не при помощи штыков, а политики и администрации. Англичанин гордится своей реформацией, все равно какой, английской или индепендентской, он будет излагать, какое значение имела английская революция для демократии. Англичанин укажет на огромный факт, что его государственная форма — парламентаризм — была принята целым светом. А должен ли я говорить, что скажет англичанин о своей литературе, об одном только Шекспире?

И не одни только англичане и французы будут расценивать свое культурное творчество — все остальные народы идут в этом отношении с ними нога в ногу и принимают без отвращения эти культурные достижения французского и немецкого народа. Статистика нам показывает, что на свете больше всего людей, говорящих на английском языке.

Я бы потом должен был привести то, что могут сказать о себе миру немцы, итальянцы, русские и т. д. что говорят ему представители малых народов — голландцев, датчан, норвежцев и т. д. Что скажем мы о себе миру? А что этот мир примет от нас и о нас? Вот в чем вопрос.

В политической области мы будем указывать на то, что уже в древние времена мы создали свое и при этом довольно большое

государство, что у нас было и есть достаточно государственного творчества; доказательством этого может быть не только Карл IV и король Ири, но и бывшая до Карла попытка создать великоморавскую империю и организация империи Премысловцев — государство созданное домашней династией и администрацией по соседству с немцами, которые уничтожили остальные славянские государства. Мы подчеркиваем наши административные способности, доказательством чего могут быть наши земские доски и иные институции.

Главное внимание мы должны обратить на культурные стремления; на школу уже в древнейшие времена и на первый университет в Центральной Европе. Но наилучшая наша рекомендация для всей Европы заключается в реформации и в Гусе; наша реформация началась еще до Гуса характерным образом целым рядом моралистов (Штитный и иные); Гус и его последователи продолжали в этом же духе; наша реформация была по преимуществу этической, на теологическое учение обращалось меньше внимания. В гуситском движении мы защищались против целой Европы, руководимой папством; подчеркнем слова Жижки — «что чех, то гетман».

А ведь не были лишь Гус и Жижка; рядом с ними мы должны поставить Хельчицкого и Чешское Братство, заканчивающееся Коменским. Если Англичане могут ссылаться на Шекспира, французы на Руссо, немцы на Гете, мы можем сказать, что мы народ Коменского. Перед Белой Горой наши чины добились от императора грамоты этого редкостного доказательства чешской терпимости; это тем более ценное доказательство, если мы сравним, как бурно отделялись церкви в Германии. Вспомним Белую Гору и габсбургскую антиреформацию, наш национальный упадок, но в конце XVIII столетия и наше возрождение, которое было возможно лишь благодаря тому, что народ перетерпев все религиозные бури, остался ненадломленным, как физически так и духовно. Похвастаемся немного нашим беспрерывным сопротивлением Австро-Венгрии; наконец остановимся на изображении нашего участия в мирвовой войне и восстановлении нашей государственной независимости и уверим Европу, что мы стремимся к демократии, миру и прогрессу — одним сло-

вом нашей наилучшей рекомендацией будет философия нашей и мировой истории Палацкого: с конца XIV до конца XVIII столетия религиозный, а следовательно гуманитарный вопрос был чешским вопросом.

Таковы вкратце были главные освободительные аргументы, при помощи которых мы доказывали миру почему мы защищаем свободу своего народа и почему мир обязан помочь нам при нашей обороне. Освободительная деятельность не была и не могла быть националистической в том смысле, как это понимал вышеприведенный легионер.

Недавно я читал иное объяснение своей гуманитарности, сделанное во имя либерализма: по мнению пишущего это лишь теории; наша истинная и национальная гуманитарность развилась, как соответствующее новому времени оружие слабого. Конечно, малый не бросается в первую же минуту на большого с оружием, а попробует подействовать на него сначала разумным словом и вообще умом (Давид не составляет исключения, т. к. Голиаф был шовинистический хвастун); это само собою разумеется теперь, как само собой разумелось и прежде. Но наши Хельчицкий и Коменский, а в эпоху возрождения Коллар и Палацкий требовали гуманность не только по утилитарным соображениям, но прежде всего как принцип и дисциплину характера, а не исключительно, как тактическое средство. Мы хотели и хотим быть настоящими людьми.

Против Палацкого высказываются и иные соображения. Существуют еще сентиментальные люди, которые уже почти не верят, но для которых кадило, обряды, орган в церкви и т. д. составляют дорогое воспоминание детства; для них достаточно этого воспоминания — разрешать религиозные вопросы им неприятно и неудобно. Они выдвигают против Палацкого историка Палацкого политика, который по их словам был против религиозных распрей и будучи протестантом более чем примирился с католической церковью («чешский брат на крестном ходу!»). Лично уже сам Палацкий выступал против этого, подчеркивал, что он никогда не откажется от своего мнения о превосходстве Чешского Братства, и отвергал в религиозных вопросах внешнюю авторитативность; «я сам никогда не смогу стать

католиком». Он старался отвести народ от догматических споров не из-за религиозного индиферентизма, а потому что они вредили; но он соглашался с братом Лукашем, защищавшем (против Лютера) право разума и при объяснении Евангелия.

Весьма энергично отвергают некоторые либералы моральное и особенно религиозное обоснование гуманитарности. Одни стараются всю нашу реформацию свести к пробуждению и борьбе национального сознания с немцами; это столь мелкое и не додуманное выступление, что даже не заслуживает особого опровержения. Иные допускают, что реформаторы, особенно Коменский обосновали свой гуманитаризм религией, но уже воджи национального возрождения этого не делали. Более критическое противники допускают, что Палацкого и быть может Коллара можно выставлять, как религиозных гуманистов, на что все остальные руководящие деятели нашего возрождения были либералами в том смысле, что выдвигали народность и защищали распространенные в их эпоху либеральные принципы демократии и свободы совести. Религия в их национальной программе не играла никакой роли.

Не может быть никаких сомнений, что Палацкий понимал и обосновывал национальную гуманитарную программу религиозно; вся его история и его философия истории (изложенная в трудах против Гефлера) являются неопровержимыми доказательствами. Как уже было сказано, это допускают даже противники (например проф. Кайцль). Я полагаю, что достаточно одного Палацкого, чтобы был доказан тезис религиозной основы нашего гуманитаризма. Я ведь сам достаточно ясно указал, что Юнгман был либералом: при этом мне даже не приходит в голову отвергать всю важность сотрудничества Юнгмана в деятельности возрождения; однако важно установить каковы были история и идеологический смысл этого возрождения. А это решает конечно Палацкий, а не Юнгман.

Рядом с Палацким можно поставить и Коллара, который тоже продолжал связь с нашей реформацией. Я сам обращал внимание, что гуманитаризм Коллара не так глубок и сознателен, как у Палацкого; но несмотря не это и в данном случае решающую роль играет факт, что Коллар, как и Палацкий, был

протестант и что у обоих было сознание своей церкви и религиозной связи с реформацией. Повторяю я вижу разницу между Колларом и Палацким; Коллар не понял так глубоко, как Палацкий Гуса и всю нашу реформацию (он сравнивает Гуса не только с Сократом, но и с Сенекой и с Вацлавом и с иными), но несмотря на это он чувствует преемственность реформации точно так, как и остальные словацкие протестанты, которые сознавали, что они идут не только от Лютера, но и от Гуса. Рядом с Колларом можно и должно поставить еще Шафаржика, тоже словака и протестанта — неужели это случайность, что три главные вождя возрождения были протестантами? И неужели это тоже случайность, что основатель славистики был, правда священник, даже иезуит, но в то же время франкмасон и последователь Декарта?

Наше возрождение развивалось и составлялось из множества отдельных направлений и стремлений; важно определить, которое из них было самым сильным, решающим, важно понять каков смысл нашего возрождения. Я уже приводил заявление Дени, что через Добровского и Коллара с нами, устами Лейбница и Гердера, говорит Коменский — это и есть смысл нашего возрождения. Чрезвычайно важно понять, что XVIII и XIX столетие у нас и в Европе вообще являются продолжением идей и стремлений реформации. Должно быть ясно, что такое в истории руководящие идеи, как эти идеи развивались и как несмотря на все изменения подробностей они по существу остаются неизменными. Я приведу пример такой философии идей. Палацкий был кантианец, а Кант, как вполне правильно утверждают, был философом протестантизма; это не означает, что он проповедывал катехизм Лютера (он всегда отвергал всякую теологию и т. д.), но то, что он принимал протестанский индивидуализм и субъективизм, что в религии он выдвигая мораль, что он отвергал авторитативность, что говоря кратко, он претворял основные идеи протестантизма в философскую систему, которая несмотря на все это была, враждебна ортодоксальному протестантизму. Подобным же образом и Палацкий, как чешский протестант, претворил чеко-братскую церковь в свою гуманитарную систему, отвергая при этом так же ортодоксаль-

ность Лютера и придерживаясь, как было сказано, брата Лукаша. Именно в этом смысле Маркс мог сказать, что вожди французской революции продолжают развивать идеи Лютера и Кальвина. Прямо трудно поверить, насколько даже некоторые историки у нас мало социологически проработаны, а философски недостаточно образованы.

Папа-философ Лев XIII может послужить соответствующим поучительным примером для наших историков. Известно, как этот основатель томизма осудил нашу реформацию и какое возмущение в свое время вызвало его осуждение. В своей энциклике «Diuturnum illud» (1881 г.) Лев XIII доказывает, что реформация является матерью не только современной философии, но и современной политики, особенно же демократии; Лев XIII выводит, как следствие реформации не только современное юридическое воззрение и социализм, но и нигилизм и коммунизм. Лев XIII и в позднейших посланиях восставал таким же образом против реформации («протестанского бунта») и осуждал смешанные школы, требуя чисто исповедные школы и т. д.

Полагаю, что будет лишнее обращать внимание на такие крайности, как например, на то, что он ставит на одну доску нигилизм и социализм и т. д.; но в главных вопросах Лев XIII был прав, действительно, после реформации и благодаря реформации возник новый взгляд на мир и жизнь, новое государство и современная демократия и политика. Мы лишь расходимся с главой римской церкви в оценке современной эпохи, ее идеалов, стремлений и институций.

Именно в этом отношении наше возрождение и новая эпоха идут в том же направлении, что и реформация; в этом же смысле наши возродители чувствовали себя связанными с этой высшей точкой нашей истории: одни (Палацкий) делали это сознательно и ясно, другие менее ясно и несознательно, но все наши выдающиеся люди и даже духовные вожди никогда не были так индиферентны к религиозным вопросам, как это объявляют упомянутые либералы. Первый пример Добровский: он был масоном, энциклопедистом и шел сознательно против своей церкки, но не против религии. О Колларе, Шафаржике и Палацком

мы уже все сказали; Гавличек был либерал, но не был равнодушен к вере. А наши поэты? Возьмем первого и самого большого — Маху, который был человеком абсолютно религиозным, хотя и раздвоенным скептицизмом; религиозный вопрос был для Махи жизненным вопросом. У Неруды было сильное религиозное чувство, как это должен почувствовать каждый при чтении его «Псалмов на день пятницы»: Немцова, Светла, а позднее Новакова являются живыми религиозными характерами; Светла и еще глубже Новакова искали следы реформации среди нашего народа. А из современных — как анализирует морально и религиозно свои характеры Голечек, Чапек-Ход? Шольда даже проповедует возврат к Богу. То, что Святоплук Чех и Врхлицкий были либералами вовсе не является доказательством того, что наша литература в действительности не переживала религиозного вопроса; и Чех ведь молился Неизвестному, а Верхлицкий всю жизнь страдал от фаустовского вопроса.

Наш чешский либерал бывает обычно по бумагам католиком и полным невеждой в религиозных вопросах: он не способен представить себе религию вне своей церкви, ее культа и учения; поэтому он не понимает Палацкого и наших лучших писателей, хотя их имена все время вертятся у него на языке. Он не понимает истории, хотя он и историк.

135.

Принципиальными, серьезными и последовательными противниками Палацкого являются католические историки и политики; они расценивают нашу реформацию с своей религиозной точки зрения. Для них реформация была и есть религиозной и политической ошибкой; габсбургская католизация народа, с их точки зрения, была его духовным и национальным спасением — Братство и протестантизм нас бы онемечили: Белая Гора была нашим счастьем.

Католические историки и политики в Германии, в Англии и в иных государствах смотрят более объективно чем наши на реформацию, ее возникновение и значение; они признают, по

крайней мере, относительное и временное право протестантизма, признают ошибки и недостаки своей церкви в конце средних веков и необходимость ее реформы. Если ход истории направляется Божественной премудростью, если в истории есть порядок и план, то как же можно так огульно и без всяких размышлений осуждать возникновение реформации и протестантизма; ведь что означает для целого мира и особенно для католиков такое большое, даже огромное и продолжительное движение? Именно с теистической точки зрения философия истории наших католических противников Палацкого прямо невозможна: разве бы возникла реформация, если бы церковь удовлетворяла народы? А разве реформационное движение не возникло внутри самой церкви? Лучшие католические деятели всегда критиковали недостатки своей церкви — не хватило бы никакой библиотеки для помещения этой литературы от начала католицизма до реформации; как только стремление к реформе оказалось вне церкви и возникли даже новые церкви, старая церковь становится в стороне и удержание власти при помощи насилия или компромисса становится главным объектом ее политики. Отсюда происходят договоры с нами, отсюда же инквизиция и иезуитизм — инквизиция и иезуиты и у нас проводили католизацию. Если церковь была недостаточной, то я не говорю, что реформации хватило во всем и всюду. Конечно, очень скоро и в протестанстве вместо духовной емулации возникла партийная борьба; очень скоро против старой теократии восстала новая теократия, также домагающаяся власти. Церкви, проповедывавшие религию любви, начали употреблять насилие и охотно позволили светской власти злоупотреблять собой.

Для поддержки своего мнения, что католизация спасла народ тем, что отделила его от Германии и Пруссии, наши католические противники чешской реформации могли бы сослаться на Бисмарка. Говорят, что Железный Канцлер раз не спал целую ночь, раздумывая над проблемой, какой бы оборот приняла история, если бы у Белой Горы победили протестанты. Быть может Бисмарк раздумывал о том, присоединились ли бы протестанские чехи к политике протестанской Пруссии против Австрии; в таком случае Австрия осталась бы незначительной

пешкой, а из Чехии и при помощи Чехии немцы могли бы завладеть Дунаем и так, с чешской помощью — Берлин — Багдад! Мы знаем, насколько Бисмарк ценил географическое положение Чехии для владычества над Европой.

Я не любитель истории «если бы, да кабы», приведу поэтому факты. Наша реформация укрепила небывалым образом нашу национальность; онемечение делалось под владычеством католиков, гуситство — было спасением от германизации. Это доказывают снова какраз немецкие историки, говорящие, что наша реформация влияла весьма сильно антинемецки не только у нас, но и в Польше. Реформация всюду, а следовательно и у нас, укрепила народный язык и литературу тем, что богослужение стало чешским, а богослужение в те времена — особенно же чтение библии — имело гораздо большее значение для литературы и народного воспитания, чем теперь. Реформация, стремясь к исправлению нравственности, укрепила наш национальный характер; именно потому что она была религиозной, она была и народной. Победоносная Белая Гора — несмотря на зачаточное проникание немецких элементов к нам в протестантскую эпоху — могла означать лишь дальнейшие усиление и возрождение народа. А если во время мировой войны именно протестантская Пруссия — пангерманизм — была поражена протестантской Англией и Америкой и революционной Францией, то где же написано, что чехи евангелики позволили бы без сопротивления вести себя Пруссией? Уже каким доказательством является один Коменский, довершитель и венец Братства, а кроме него есть целая эмигрантская деятельность и литература; Гуситы, Братья и чехи евангелики поддерживали, правда, живое сношение с немцами, которые их охотно принимали, но то же они делали и по отношению к голландцам, швейцарцам, англичанам и шведам, работая всюду для освобождения своего отечества. Коменский для спасения народа вел, действительно, мировую и культурную политику. А ведь католические Габсбурги, как после, так и до Белой Горы, не только насильно переводили в католицизм, но и старались онемечить при помощи меча, огня, конфискаций и уничтожения просвещения; католические враги «сверхеретика» Гуса заставили всех ненавидеть чешский народ,

как народ еретический. А ведь именно эта католическая, ультракатолическая Австрия подпала под влияние политики протестантской Пруссии и стала ее послушным авангардом на Дунае.

Меня бы завело слишком далеко, если бы я хотел подробно разобрать, какую роль в развитии прусской Германии играл протестантизм и какую прусская кровь; ясно одно, что Лютерова церковь стала служанкой прусского государства. Но Германия была полукатолической — нам ничего не известно о том, чтобы «центр», который хотя и был в оппозиции против Бисмарка, делал иную политику по сравнению с не немецкими католиками. Я допускаю, что он защищал поляков в некоторых религиозных вопросах. Когда мы говорим о немецком протестантизме и его национальной политике, то должны посмотреть поближе на его основателя Лютера. Пока Лютер был католиком, он был против чехов; когда же он разошелся с церковью, то начал выступать за справедливую и глубокую оценку чешского народа, проповедывал мир среди народов и восхвалял моральную чистоту Чешского Братства, ставил его в пример немцам, объявляя себя и своих приверженцев гуситами. После Лютера передовые немецкие мыслители высказывали свои симпатии чешскому народу и осуждали габсбургские преследования; привожу как пример Лейбница, Гердера и Гете. Гердер особенно воспринял взгляды Коменского и желал обновления чешской независимости. Немецким поэтам полюбились сюжеты из нашей истории: Шиллер, Ленау; подобным же образом и писатели из Чехии: А. Мейснеру, Гартману и иным.

Аргумент о национальной пользе от Белой Горы весьма сомнителен. Сомнителен он потому, что вопрос религиозный переводится на почву национальную; это является кооптацией патриотической благожелательности. Католические историки следуют в этом, до известной степени, за тими из наших историков, которые в реформации не умеют ценить ничего иного, кроме усиления национального самосознания. И одни и другие не постигают основы религии и не понимают смысла нашей истории и истории вообще.

Не предвзятая история нашего религиозного развития покажет нам в ином свете, чем нам предлагают противники Палац-

кого, соотношение католичества и реформации (протестантства). Тот факт, что у нас реформа проникла так глубоко, что огромное большинство народа ее приняло (говорят девять десятых), что при огромном напоре и сопротивлении Рима, Габсбургов и их немецких насильников (баварцев и иных) реформация удержалась так долго (последнее крестьянское религиозное восстание было в 1775 г. в Моравии), то-есть, что сознательное стремление и борьба за религию и нравственность в течение четырех столетий составляли главное содержание нашей истории, этот факт, повторяю, доказывает, что наша реформация была плодом национального характера. Необходимо допустить, что наши историки должны также исследовать до какой степени и католицизм до и во время реформации (меньшинство народа осталось католическим) был национален. Я не буду ссылаться на влияние Византии в VIII и IX ст. ст., как будто бы у нас была борьба между католичеством и православием; я изложил свою точку зрения на это уже много лет тому назад; наоборот, можно размышлять о том, не вредило ли у нас католицизму то, что он не был достаточно национален, что он был занесен к нам из чужих стран, из Германии, частью из Италии и из иных государств. Что касается католицизма после Белой Горы, то он не мог пустить глубоких корней, потому что был насильственный, а его вожди были национально чужды; это особенно касается иезуитов (они остались чужими и до сих пор) и высшего духовенства, которое, за малым исключением, оставалось габсбургским и немецким и никогда не было чешским.

Я хорошо знаю, что католичество международно; но несмотря на свою централизационную тенденцию католичество во Франции, Англии, Германии, Италии и иных государствах носят свой особый национальный характер, который специалист отмечает в теологии и церковной жизни. У нас низшее духовенство, будучи почти всегда из народа, было народно и обладало национальным сознанием; представители этого духовенства приняли деятельное участие в литературной будительной работе. Однако высшее духовенство, дающее у католиков направление церковной политике и вообще церковной жизни, за малым исключением было не чешское — не было по чешски образованных и

священников; бросается в глаза то, что католицизм до сих пор не вырастил у нас чешского богословия. Вообще наш католицизм не обладает той независимостью и своеобразностью, как в иных землях.

Проблема, которой я здесь коснулся, должна бы была быть подробнее разобрана. Возьмем, например, немцев, которые наполовину протестанты, наполовину католики; англичане по преимуществу англиканцы, но есть и радикальные протестанты; у французов тоже есть значительное протестантское меньшинство; я привожу народы образованнейшие и игравшие в истории человечества значительную роль, как доказательство, что целостная национальность не исключает религиозных и церковных различий и что это различие было ценным для народов и человечества. В противовес этому народы, которые не пережили реформации и религиозно не дифференцировались не играют пока в истории такой роли, как народы, пережившие реформацию и религиозно и церковно не-объединенные. К ним принадлежим и мы; конечно, история вообще, а особенно же с XIV столетия является одной из наиболее живых и духовно ценных. Что касается того, до какой степени та или иная религия и церковь наиболее соответствуют национальному характеру, повторяю, является проблемой, которая должна быть более глубоко взята и анализирована.

136.

Наша реформированная церковь, наша собственная церковь — гуситская и чешско-братская — была за малым исключением уничтожена; Габсбурги вщепляли католичество с согласия и с помощью церкви огнем и мечом, конфискациями и изгнанием: что означает для нас теперь эта наша габсбургская антиреформация?

Нет иного примера, чтобы христианский народ (целый народ или по крайней мере его огромное большинство) так бы изменил свое вероисповедание. Французы задавили реформацию тоже насилием, но у них реформационное движение проникло лишь среди меньшинства; подобно этому и Италия и Испания

подавили реформацию, которая и там была лишь среди меньшинства. Всюду антиреформация делалась собственным же народом; у нас антиреформацию делала чужая династия, чужой режим, враждебный нашему народу и нашим духовным традициям. Поэтому каждый образованный и сознательный чех приходит через разбор нашей истории к вопросу: если наша реформация, особенно же Чешско-Братская церковь, как утверждает Палацкий, является вершиной нашей истории, то что же значит насильственная католизация народа, то есть возврат к старшей религиозной и церковной форме? И при том довольно скорый возврат. Можно ли это объяснить лишь насилием или был какой-нибудь недостаток в самой реформации? Если — да, то какой же? Не проявляется ли в габсбургской католизации также какой-нибудь недостаток национального характера — недостаток твердости, выносливости? Быть может недостаток политических способностей? Какое значение имеет наш протестантизм, в котором, благодаря эдикту Иосифа о веротерпимости, под церковной формой лютеранства и кальвинизма сохранились гуситство и Чешское Братство, то есть, по мнению Палацкого, совершеннейшая церковь? Если философия нашей истории, разработанная Палацким правильна (я полагаю, что в своей основе она правильна), то в таком случае противоречие между церковью и образованием у нас имеет не только философское и религиозное значение, как у остальных народов, но сверх этого еще и особое национальное: это означает, что наша реформированная церковь была подавлена династией с согласия католической церкви. Между современностью и эпохой реформации зияет пропасть габсбургской антиреформации.

С самого начала нашего возрождения память о нашей реформации ожила и влияла в свободомысленном направлении; имена Гуса, Жижки, Коменского и иных, а позднее и Хельчицкого стали дорогими для всех. Чешский историк не может избежать вопроса о нашей католизации. Палацкий видит в раздвоении церкви на католицизм и протестантство телеологическое развитие истории, так как и католичество и протестанство соответствует требованиям человеческого духа: католичество удовлетворяет принцип авторитета, протестанство разум. Это

различие не абсолютно, а относительно и будет развиваться и далее; Палацкий полагает, что спасение не заключается в применении одного или другого принципа, но в их соединении, гармонии и взаимном проникновении. Таким образом обе церкви не должны бы были уничтожать одна другую, но относиться терпимо, тем более, что в будущем против обеих выступит безверие.

Я не думаю, чтобы этого разъяснения Палацкого было достаточно для современного религиозного положения; для понимания отношений католицизма и протестантства оно слишком абстрактно и поверхностно; далее дело касается особого отношения католичества к протестантизму у нас и при этом оценки габсбургской антиреформации и ее религиозной ценности. Этой формулировки Палацкого недостаточно даже, как ответа на возражения, которые выдвинули против него либерала. Однако в нашем либерализме были всегда течения, которые понимали религиозную сторону нашего возрождения. Для него оставались лишь неясными основы реформации и религии. В какой это было степени, мы можем ясно убедиться на Сладковском; этот политический вождь свободомысленной младочешской партии перешел в православие, надеясь, что за ним последуют его партийные товарищи и все те, кто выступал против церкви.

Я знал критическую позицию по отношению к либерализму, поскольку он был индиферентен в религиозных вопросах, я указывал и доказывал, что религия не преодолена и что мы не можем избежать оценки и суждения об отдельных церквах. Я не соглашался с кокетничанием с православием, требуя, чтобы религиозный вопрос серьезно изучался и чтобы подготовлялось его разрешение. Так возникли споры о смысле возрождения, о реформации и габсбургской антиреформации и вообще религиозных вопросах.

Когда теперь при добытой религиозной свободе тысячи выступают из лона церкви и составляют новую церковь, связанную с реформацией, религиозный вопрос становится практическим и принуждает мыслящие головы к пересмотру либерального взгляда на религию. Правда и до сих пор существуют защитники религиозного индиферентизма, уверяющие, что религия преодолена и что споры о католичестве и протестантстве не имеют

никакого значения, но это лишь ошибка и поверхностный взгляд для либерализма, которые всюду становятся роковыми.

Некоторые люди требуют во имя движения вперед, чтобы мы не касались религиозного вопроса, так как мы, по их мнению, не можем вернуться к средним векам; это весьма неясная и не передовая точка зрения. Религиозный вопрос нигде не означает теперь простое принятие старых религиозных форм; религиозный кризис есть и в католичестве и в протестантстве: перекинуть мост через пропасть габсбургской антиреформации и соединиться с нашей национальной реформацией означает продолжать дело в ее же направлении в зависимости от духовных потребностей нашей эпохи. Говорят, что современный чех не верит как Гус и что Гус был ближе к Риму, чем к нам; правда, этот современный чешский человек не верит в то и так, как верил Гус, но разве он верит, как Рим? Да, мы не верим, как Гус, но для нас Гус и его последователи являются образцом нравственной решимости, твердости и религиозной искренности. Гус начал борьбу против светскости церкви и народ пошел за ним; его борьба за высшую нравственность и религиозность, закрепленная жертвой, была направлена против нравственного упадка церкви, духовенства и папства. Жижка сумел борьбу Гуса за жизненные принципы дополнить вооруженной обороной, когда Рим во имя креста объявил поход Европы против нашего народа. Хельчицкий увидел, что борьба против тогдашнего светского господства священников ведет последовательно к борьбе против государства, опирающегося на церковь, против церковного и, одновременно, политического насилия и начал, с истинно жижковской энергией, вести борьбу гуманности с насилием; Хельчицкий преувеличивал, но из-за этого его великая идея не теряет силы. Коменский, последний епископ Чешской Братской Едноты, уяснил нам, что глубокая религиозная и моральная реформа не может быть без просвещения и образования и без тщательного воспитания. Гус и Жижка являются для нас доказательством, что жизнь без правды и убеждения, руководящего целой жизнью, бесценна; Хельчицкий и Братья учат, что жизнь, основанная на насилии, церковном и государственном насилии, скверна; Коменский нам указал путь к ясности

всеобъемлющей мудрости и человечности: мы должны продолжать действовать в духе этих национальных учителей и передавать свет будущим поколениям... *λαμπάδα περιδιδόντες*.

Гус—Жижка—Хельчицкий—Коменский: какое имя может противопоставить габсбургская антиреформация этим именам, дорогим целому народу и признанным не только нашим, но и всеми остальными народами? Против великой идеи стоит лишь одно насилие.

Наша реформация была революцией против теократии ради демократии. Отношение религии и политики к реальной жизни, я, вообще, понимаю по слову — ищите царствие Божие и его справедливость, а все остальное приложится вам; человек и народ, имеющие религиозное убеждение, народ, обладающий твердой волей осуществить свои идеалы, всегда добьется своего. В этом заключается мой жизненный опыт, это поучение я вывел из истории, как нашего, так и всех остальных народов.

То, что реформация, как первый опыт, не была без ошибок, не является еще доказательством, направленнным против принципов и основ этого нашего национального стремления; раздумывая о 28 октября, пришел к заключению, что мнение, будто наша реформация, потому что была преодолена насилием, была совершенно неправильна и что в ней проявилась наша политическая пассивность и негосударственность.

Разрешение всеобщего религиозного кризиса является обязанностью нас всех, наших мыслителей и нашей церкви; что касается государства, то наша республика должна обеспечить всем гражданам абсолютную свободу совести, дабы они могли свободно и сообразно с личными убеждениями разрешить эти противоречия; кроме того, в отличие от Австрии, республика должна провести отделение церкви от государства и все реформы, связанные с отделением, главным же образом, школьные реформы.

Дабы этот процесс прошел без, так называемого, культурного боя, я решил еще во время войны, что наша республика учредит сейчас же свое представительство у Ватикана. Я сделал об этом доклад и указал, как на пример отделения государства от церкви, на Америку; я указал, что при помощи Штефаника мы поддерживали сношения с Ватиканом. Я предвидел, что

после войны религиозный и церковный вопрос станет всюду, а особенно у нас, злободневными.

Благодаря отделению государства от церкви церковь и её вероисповедания должны стать независимыми от государства, а государство независимым от церкви. Религия должна стать вопросом свободного убеждения. При австрийском режиме церковь полагалась на полицейскую силу государства, официальная религия была обязательна для чиновников и т. д.; от этого страдала церковь, которая полагалась больше на полицию, чем на свое учение и религиозную жизнь. Подобным же образом страдает и государство, полагаясь на церковь, а не на себя и не на свои качества. Лозунг — освободиться от Австрии, в первую очередь, означает отделение государства и церкви.

Исторический опыт нас учит, что все церкви, особенно же католическая, не принимают охотно своего отделения от государства: несмотря на то, что в религиозном отношении отделение доказало свои преимущества; несмотря на то, что оно принято во многих государствах, мы должны быть подготовлены к сопротивлению. Его осуществление потребует много дипломатического такта, а главное, определенности культурной программы.

137.

Отделение церкви от государства рекомендуется не только соображениями, касающимися нашего религиозного вопроса, но и церковными условиями в нашей республике. Я ожидал, что, благодаря слиянию с Словакией и присоединению Прикарпатской Руси к нашей республике, церковные и религиозные отношения у нашего народа осложнятся; кроме того я еще предвидел, что политическая свобода, как это всегда бывало в иных государствах, обострит церковный и религиозный вопрос, и именно поэтому я хотел ограничить этот процесс исключительно церковным и религиозным полем.

У нас уже есть новая чехословацкая церковь, кроме того, распространяется и православие; количество протестантов увеличилось значительным количеством словаков аугсбургского

вероисповедания, прибыли еще карпаторусские униаты; на объединенной территории нашей республики приобрела значение и большая еврейская группа. Таким образом, наша республика состоит не только из нескольких народностей но в ней есть и значительное разнообразие церквей и вероисповеданий. У нас есть вероисповедания католическое и униатское, чехословацкое, протестанское (различных оттенков), православное, унитарское и иудейское; к этому еще необходимо прибавить довольно большое количество людей без исповедания, вернее людей, не принадлежащих ни к какой церкви, так как многие из них все же имеют свою личную веру. В политической спешке мало наших людей сознает насколько церковно сложна наша республика и насколько глубок кризис нашей церковной жизни.

Во времена Австро-Венгрии на территории нашей республики господствующей церковью была католическая; домашние протестанты, реформисты (кальвинисты) и лютеране (аугсбургцы) в так называемых исторических землях были признаны государством, но не пользовались официальной симпатией; некоторые иностранные миссии (например баптисты) более или менее терпелись. В Словакии словацкое лютеранское меньшинства (лютеране и немного реформистов) угнеталось национально, так же как и католическое большинство. В Подкарпатской Руси униатов мадьяризировали, православное движение душили (известный мармарошский процесс). Евреи добились симпатии венгерского и венского правительства.

Теперь, при господствующей церковной свободе, условия изменились, особенно, в исторических землях, и те, кто не верил, что религиозный вопрос является чрезвычайно важным для нашего народа, должны будут изменить свое мнение.

Если мы сравним официальные данные 1910 и 1921 г.г. (у нас нет подробных цифровых данных, как изменялись церковные условия в течение этих лет), то увидим, что за время существования республики создалась чехословацкая церковь, насчитывающая 525.333 члена, которые, за малым исключением, перешли из католической церкви; это количество теперь значительно возросло. Кроме того, из католической церкви выступило (из остальных церквей бывает мало случаев выступления) 724.507

членов, оставшихся без конфессии. Во времена Австрии в 1910 г. бесконфессиональных было в исторических землях всего 12.981; из приведенного количества теперь приходится на Словакию 6.818, на Подкарпатскую Русь 1.174.

Католическая (униатская) церковь в Подкарпатской Руси тоже убывает; под властьи Венгрии там в 1910 г. считалось 558 человек православных, а в 1921 — 60.986.

Рядом с этим сильным возрастанием чехословацкой и православной церкви мы констатируем также значительное увеличение всех протестантских церквей; это среди чешского народонаселения, среди немецкого прирост шел нормально. В 1910 г. в исторических землях было лютеран и реформистов чехов 157.067 (немцев 153.612), в 1921 г. чехов 231.199 (немцев 153.767). Таким образом, прибыло очень много наших протестантов.

Подобным же образом прибывают члены, по сравнению с довоенным количеством, и в меньших церквах, прежде всего, в Чешско-Братской Едноте (охрановской): 3.933, 1.022; свободных реформистов (конгрегационистов) было в 1921 г. — 5.511, в 1910 г. — 2.497; баптистов 9.360, в 1910 г. — 4.292; методистов теперь насчитывается 1.455.

Протестантов различных названий и всех народностей насчитывается в республике почти миллион (990.319).

Прибыли в последнее время унитаристы (их насчитыают 10.000).

Значительное количество православных прибыло так же как в исторических землях (1.054, 9.082), так и в Словакии (1439, 2.877).

Мы находим незначительный обломок и армяноправославной церкви (152, в то время, как в 1910 г. было всего 9 на целой территории республики).

У старокатоликов (в большинстве случаев немецкой национальности) замечается также значительный прирост (17.121, 20.255).

Благодаря присоединению Словакии и Подкарпатской Руси у нас стало значительное количество евреев: 354.342 (1921 г.); однако, общее количество по сравнению с 1910 г. уменьшилось: 361.650. Более подробные цифры таковы: Чехия 79.777; Моравия

37.989; Силезия 7.317; Словакия 135.918; Подкарпатская Русь 87.041.

Рядом с религиозным брожением во всех церквах всюду заметно сильное спиритистическое движение; предполагают, что спиритов несколько сот тысяч (2—3). Попадаются также теософы и иная подобная экзотика.

Эти церковные условия жизни в нашей республике, особенно же религиозное движение, характеризуются силой гуситской традиции и религиозной преемственностью с реформацией; параллельно этому движению у нас в Подкарпатской Руси идет подобное же православное движение.

Все протестантские церкви связывают себя с реформацией; чешские реформисты и лютеране объединились в виде «чешско-братских евангеликов» (Евангелическая чешско-братская Церковь); свободная реформированная Церковь называется теперь чешско-братской Еднотой, а баптисты — Братской Еднотой Хельчицкого; непосредственную традицию и преемственность с Чешским Братством сохраняет охрановская Братская Еднота. Чехословацкая церковь тоже гуситская церковь, унитары также объявляют о своей связи с Братством.

Наше религиозное движение возбуждает всюду за границей интерес, особенно, благодаря тому, что католицизм почти везде выигрывает почву или приобретает, по крайней мере, авторитет, в то время, как у нас сильнее традиция реформации. И заграница начинает понимать, что чешский вопрос не имел узко-политического значения.

Естественно, что новые и обновленные церкви будут искать сближения с иностранными близкими церквами. Чехословацкая церковь близка с англиканской и старокатолической церквами; указывают также на известную близость с польскими мариавитами и в некотором отношении с православием. Православное движение стремится сблизиться с Сербской и цареградской церквами; кроме того у нас есть православные русские и румынские соседи. Различные протестанские церкви находятся в сношении с своими же церквами на Западе. Вообще, церковное движение получает международное, а следовательно и политическое значение.

Значительное религиозное движение заметно и у евреев; у нас имеется ортодоксальное, восточное направлние в Словакии и Подкарпатской Руси, а рядом западное, более либеральное. В еврейском вопросе большое значение играют сионизм и национальное еврейское течение.

Разнообразие вероисповеданий способствует религиозной терпимости так же, как разнообразие национальностей приводит к национальной терпимости.

Закон терпимости тоже реформационного происхождения. Я не хочу сказать, что реформация сейчас же и в самом начале осуществила свободу, которой добивалась для церкви; лишь при дальнейшем развитии и особенно благодаря индепендентам в Англии, окрепла свобода совести и терпимости. В средневековой церкви, благодаря авторитету Августина и Фомы Аквинского, еретик казнился смертью; я не буду приводить пример Сервета для того, чтобы стало ясным, что и в новых церквах средневековое варварство исчезло не сразу. Развитие духа терпимости шло весьма медленно; вспомним, что Лок, великий защитник терпимости, не мог перенести атеистов. Лишь французская революция узаконила права человека и, следовательно, полную свободу совести и осуществила ее в области религии, но еще пока не политики.

В Австрии свободы совести не было; в нашей демократической республике настоящая свобода совести, терпимость и проповедывание добра и совершенствования должны быть не только узаконены, но и осуществляемы во всех областях общественной жизни. Это национальное требование, требование, данное нашим историческим развитием; философия истории Палацкого расценивает Чешское Братство, как вершину: чистое христианство, то-есть, учение Христа и его заповедь любви являются завещанием отца народа и нашей истории — демократия это политическая форма человечности. При помощи терпимости мы превратимся из габсбургской теократии в демократию.

Повторяю, Христос, а не Кесарь, вот смысл нашей истории и демократии.

СОДЕРЖАНИЕ

VII

Американская демократия

FINIS AUSTRIAE.

Вашингтон 29-го апреля—20-го ноября 1918

63. На Тихом океане. Военное и политическое положение, начиная с моего отъезда из Лондона (март 1918 г.). Клемансо и его энергический очистительный режим. Россия становится нейтральной благодаря Брест-литовскому миру, окраинные государства становятся независимыми: пангерманизм в России одерживает победу. Многочисленные тайные и явные переговоры о мире происходят весь 1917 год и весну 1918 г. Мирные предложения императора Карла, сделанные через принца Сикста и иные тайные переговоры Австрии с Антантой. Немецкий Рейхстаг высказывается за мир 19-го июля 1917 г.; тайные переговоры Германии с Францией (Лонкен—Бриан) и Англией. Переговоры Германии и Болгарии с Россией, Лойд Джордж тоже склоняется к миру. Мирные выступления Ватикана 1-го и 30-го августа 1917 г. Мирные условия Вильсона, данные 8-го января 1918 г.: XIV пунктов. Мирные заявления социал-демократии неполного интернационала в Стокгольме (май—июнь 1917 г.). Заявление чешских социал-демократов: Д-р Шмераль о своем направлении. Развал немецкой социал-демократии. Первые политические забастовки в Берлине и в Вене. Мы были подготовлены к миру легионами. Успех легионов в России ускорил формировку легионов во Франции и Италии. Конгресс порабощенных австро-венгерских народов в Риме (8-го апреля 1918 г.). Благоприятные известия из Чехии: влияние русской революции и заседание венского парламента. 29 го апреля в Ванкувере. Через Канаду в Соединенные Штаты 5

64. Прием в Чикаго. Моя деятельность среди земляков. Католики и свободомыслящие. Единение чехов и словаков: питсбургское соглашение. Политическая пропаганда нашей колонии..... 17

65. Предисловие к американской деятельности: на Геттисбургском поле битвы. Американская демократия: религиозно-моральная основа. Наша демократия подобна американской. Проблема так называемого американизма 24

66. Вопрос о «декадансе» и в молодой Америке. Современная американская литература: реализм. Интерес Америки к Европе. Американское войско исполнит свое назначение и поможет Европе 28

67. Демократическая основа нашей пропаганды в Америке. Сношения с публицистикой (Хорд—Беннет—Диксон—Мортен). М-р Чарльс Р. и Ричард Крей. Сношения с правительством; государственные секретари Филлипс, Полк, Лонг. Военный секретарь Бенер, министр внутренних дел Лон. Полковник Ганзен. Президент Вильсон. Профессор Мезес и его подготовительный комитет. (В нем чех проф. Кернер). Журналистический штаб для мирной конференции. Финансовые круги. Университеты: пред. Юдзон, пред. Элиот, проф. Колидж и Винер, пред. Бутлер.... 35

68. С союзническими послами и миссиями: М. Жюсеран—Бергсон—м-р Голер и лорд Ридинг—Сир Вильям Виземан—граф Целер—граф Пехли — барон Кортис — югославяне — Россия 38

69. Совместная работа с представителями славянских народов в Америке. Прежде всего с югославянами. Дружеская ревность. Договор югославян на Корфу (20 го июля 1917 г.). Съезд в Риме и соглашение итальянцев с югославянами в апреле 1918 г. До женевской конференции в ноябре 1918 г. Черногорцы: представитель короля..... 39

70. Поляки (Дмовский—Падаревский). Высокая политика варшавского регентства. Малоруссы. Русские. Румыны 50

71. Литовцы. Латыши. Эстонцы. Албанцы. Греки. Итальянцы из Ирриденты. Средневековая демократическая уния..... 55

72. Подкарпатская Русь. История ее присоединения к нашей республике. Ее политическое и международное значение. Вопрос языка 56

73. Наша тайная служба в Америке (Воска) и ее политические последствия..... 60

74. Австрофильство в Америке и вообще у союзников. Австрийская пропаганда и помощь католических сфер. (План обновления папского государства). Вильсон в своих первых заявлениях еще в начале 1918 г. представляется австрофилом. (Проф. Геррон). Переговоры Императора Карла о сепаратном мире при помощи Сикста Бурбонского 1917 и 1918 г. Разоблачение Клемансо и его борьба с Черниным и Карлом. Дальнейшие переговоры поляков. Арманда с графом Ревертерой и генерала Смутса с Менсдоржой. План военного отторжения Австрии от Германии подается не только западным союзником, но и Россией (Терещенко). Знали ли Германия о предложении Карла? Наша борьба с австрофильством и ее успехи..... 64

75. Сибирский анабазис и его успех. Вспомогательная экспедиция американского войска в Сибири и финансовая деятельность Вильсона и Американского Красного Креста. Несправедливая критика сибирского войска. Значение безупречной переправы сибирской армии домой. Сибирский анабазис, как оправдание стремлений к большой армии..... 77

76. Политическое и международное значение самостоятельного войска в союзнических армиях: официальное признание войска, Национального совета и национальной программы. Легионы в различных союзнических государствах, как единое целое. Генерал Жанен генералиссимус нашего войска. Бальфур и Пуанкарэ о возникновении нашей независимости..... 86

77. Схематический обзор официальных признаний нашей армии, Национального Совета и его программы правительствами и политическими деятелями Антанты и Соединенных Штатов с самого начала и до конца войны 110
78. Значение 1918 г. для мировой войны, особенно же для нас. Поражение немцев во Франции и австрийцев в Италии. Болгария и Турция. Центральные державы принуждены заключить мир по политическим и стратегическим причинам; усталость от войны у союзнических народов. Благоприятные условия на родине. Заграничный Национальный Совет объявляется Временным Правительством Чехословакии, что признается и Антантой. Первые чехословацкие послы 110
79. Finis Austriae! Мирная нота Центральных держав от 5-го октября и ответ Вильсона Австро-Венгрии от 18-го октября. В тот же день Временное Правительство объявило независимость. Вильсон и правительство Соединенных штатов шаг за шагом отступают от австрофильской точки зрения. Признание Соединенных Штатов до ответа Вильсона: 29-го мая, 28-го июня, 3-го сентября 115
80. Мои личные сношения с президентом Вильсоном. Споры о главных проблемах войны и мира. Пруссия и Австрия. Австрия предает Германию. Вильсон за скорое окончание войны; союзники выиграли войну стратегически. Данциг вольною гаванью. Симпатии Вильсона к полякам и югославянам. Незнание лондонского договора. Почему Вильсон хочет ехать в Париж. Почему президент не создал коалиционного правительства. Вильсон в роли толкователя и защитника американских идеалов. Его программа: самоопределение и Лига Наций. Вильсоновский идеал истинной демократии 118
81. Вильсон против Австро-Венгрии со своей американской программой. Проф. Геррон доверенный Вильсона в Европе. Сведения Геррона об Австро-Венгрии и его переговоры с политиками Центральных держав и нейтральных государств. Меморандум Герце в пользу Австро-Венгрии. Предложения Ламмаша. Штефан Осуский контролирует австро-венгерскую пропаганду; он становится сотрудником Геррона. 126
82. После ответа Вильсона. Последние месяцы в Америке. Падение Австрии и Германии — Австрия заключает перемирие (3-го ноября). Необходимость следить за Австрией до последней минуты. Перемирие с Германией (11-го ноября). Сведения о женевском свидании. Я стал президентом. Прощание с Вильсоном и со всеми друзьями. Первый заем в Америке. Новому президенту оказываются впервые военные почести. На «Carmanii» 20-го ноября из Нью-Йорка в Англию 132

VIII

Мировая революция и Германия.

Из Вашингтона в Прагу через Лондон, Париж и Падую: 20-го ноября — 21-го декабря 1918 г.

83. На Атлантическом океане: вопрос совести. Как я был подготовлен к работе во время мировой войны: телеология в жизни отдельного человека и общества. Мои философские и политические стремления. Три правила довольно важных для политики и общественной деятельности вообще 136

84. Последние военные события. Окончательная победа союзников. Перевес французской стратегии и тактики над немецкой: прусский милитаризм и абсолютизм повредили и армии. Двухфронтовый план 1914 г. Шлифена был неприемлем. Беспомощность при широко-развитой деятельности: генералы, а не полководцы. Всюду армии целых народов нуждаются в новой тактике. Германия пала не только вследствие недостатков своей армии, но и благодаря непониманию военного и мирового положения. За окончательную победу мы должны быть благодарны не только французам, но и остальным союзникам 147

85. О смысле мировой войны. Марксистское толкование односторонне. Национальное толкование также односторонне: национальный принцип является лишь одним из слагаемых современной политики и войны. Поскольку мировая война была вызвана церковными и религиозными спорами. Мировая война 154

86. Военные цели и программы обоих воюющих сторон и формулировка руководящих идей Запада. По сравнению с средневековой теократией новая эпоха, начавшаяся реформацией, гуманизмом и наукой, усиливает государство и ведет к освобождению от церкви. Цели государства формулированы Великой французской революцией: Свобода — Равенство — Братство. Демократия, как идея гуманизма. Права человека и гражданина. Естественное право. Идеал единообразной организации всего человечества, старого и нового света. Признание всех народов, в том числе и малых. Энциклопедизм, признание авторитета науки и попытка создать новую философию. Идея прогресса. Эти мысли достояние целого Запада 157

87. Немецкие идеалы. Германия изолирует себя от Запада. Идея прусского королевства: старый аристократический, монархический и теократический режим. Церковь, как помощница государства. Государство божественная институция. Прусский цезаризм. Солдат — национальный герой, война — призвание. Немецкий политический идеал: господство в Европе и колонизация Азии и Африки (Берлин—Багдад). Историческое право и материалистическое развитие. Против национальности. Право проистекает из силы 159

88. Германия под влиянием Пруссии: Веймар — Потсдам? (Гете — Бисмарк? Кант — Крупп?). Насилие мешает правильному чувствованию и мышлению. Гегель синтез Германии и Пруссии. Действительное разложение: Бетховен — Бисмарк 161

89. Начиная с Канта немецкая философия и немецкое мышление наложено на пути субъективизма и абсолютизма. Пангерманская постройка Вавилонской башни 164

90. Как я прожил развитие от Гете до Бисмарка. Экспрессионизм последний фазис затяжного немецкого литературного кризиса. 166

91. Мировая война возникает из культурного состояния современного общества. Характерным признаком этого состояния является болезненное явление самоубийства. Психологическое и моральное отличие современной войны от прежней. Прусский милитаризм, как научная система убийства. Проблема демократического войска. Современная война была войной народных масс: в ней были применены все национальные особенности. Абстрактный, научный характер войны. В окопах были Фаусты и Заратустры, Роллы и Октавы, Манфреды, Иваны и Левины, но также и Алеши. Война, как насильственная объективи-

зация, направленная против чрезмерным субъективизму и социализму. Культурное значение (Нитше), виновности в происхождении войны 170
92. Проблема убийства и самоубийства в современной литературе. 176
93. Благодаря войне многие осознают духовный кризис современного человека и цивилизации. Война и религиозный вопрос. Духовный кризис современного человека не был создан войной. Потребность в ревизии всей духовной жизни и усилие создать гегемонию всех ее составных частей. Кризис вовсе не окончательное падение 178
94. Значение этого кризиса в историческом освещении. Центральные державы, как теократия, воюющая с Союзниками — демократией. Прусская Германия принимает средневековую империю и подчиняет себе Австрию. Пангерманская империя поработительница Старого Света. Союзники принимают национальный принцип: освобождение малых народов. Национальность без шовинизма: гуманитарная программа, как объединение целого человечества, Лига Наций. Европейские соединенные штаты .. 182
95. Снова в Англии. Завтрак у мистера Бальфура. Английские государственные деятели. Подготовление к мировой конференции. Первая дипломатическая афера: свержение статуи Мадонны. Более подробные сведения о последних днях Австрии 186
96. В Париже. У президента Пуанкарэ. Посещение легионов. Пишон и Клемансо. Скепсис сравнивается с энергией. Бертело. Полковник Гауз. Веснич и Трумбич. Первые очертания Малой Антанты: Таке Ионеску и Венизелос. С Брианом у мадам Жувенель. Клэмон-Симон первый посол у нас 189
97. В гостях у итальянского короля. С легионами. Семья Бензони. 192
98. Через Австрию и Чехию: Бриксен! На чешской границе и в Чешских Будеовицах 193
99. 21-го декабря в Праге. Торжественная встреча. Присяга конституции и первая ночь в Пражском Граде (замке). Первые депутации 194

IX

Возникновение нашей республики.

100. Цель этих размышлений. Независимость была достигнута благодаря поражению Австрии и Германии союзниками и нашей революционной деятельности во время войны. Особенность нашей революции: ее военные силы были заграницей, а не дома. Военные и штатские революционеры в армии и у себя на родине. Заграничный Национальный Совет. Заграничная пропаганда против австрофильства и Австрии. Финансовая независимость освободительного движения 196
101. Борьба и революция против Австрии дома: политическая зрелость всего народа и его антиавстрийское настроение. Мелкая политическая работа (питание). Народ без видимых вождей ведет сам себя: плоды более ранних трудов эпохи возрождения. Все же был политический центр, объединяющий множество параллельных движений и были определенные вожде. Маффия — «Чешский Союз» и «Национальный Комитет». Новый Национальный Комитет. (Социалистический совет). Политика депутатов и народа. Заявления недепутатов, начиная с января 1917 г. На

чиная с лета 1927 г. выступления депутатов становятся более единообразными и определенными. Участие колоний в освободительном движении. Качество домашней и заграничной революции 200

102. Политическое и правовое возникновение нашего государства: легализация заграничной революции. Заграничный Национальный Совет, позднее Временное Правительство признаются постепенно de facto или de jure. Национальный Совет (Временное Правительство) и войско без собственной территории. Признания иностранных держав обладают различным международным весом и качеством. Некоторые признания являются обоюдными договорами; все они были заключены, как результат предшествующих разговоров. Признания не только обещения..... 206

103. Которые из признаний решают в государственно-строительном масштабе, с каких пор существует наше государство? Государственно-строительное значение союзнических признаний и 28-го октября 1918 г. У нас было два правительства — заграничное и местное. Союзники вели переговоры лишь с заграничным правительством. Местные вожди тоже признают заграничное правительство. Несмотря на это независимым наше государство может считаться с 28-го октября..... 211

104. Переворот 28-го октября и следующих дней. Капитуляция Австро-Венгрии перед Вильсоном. Первый закон и манифест 28-го октября. Пражская делегация в Женеве. Ее более точные переговоры. Ликвидация парижского правительства. Политическое и правовое значение женевской встречи и ее постановлений. Материальное и формальное завершение переворота 14-го ноября. Переворот в Моравии и Словакии..... 218

105. Вопрос о форме нашего государства: монархия или республика? 225

106. Венское правительство о 28-м октябре и его попытки привлечь Союзников в Швейцарии и остальных нейтральных государствах уже после переворота. Истинные причины уступчивости Вены. Женевское свидание в новом освещении..... 227

107. Поскольку наше государство было признано старыми Австрией и Венгрией. Правовое значение манифеста Карла от 17-го октября. Государственно-правовое значение 14-го ноября. Просьба Карла о разрешении жить в Брандысе 233

108. Международное признание и оформление государственной территории. Государственно-правовое значение сепаратизма наших немцев. Присоединение Словакии и остальных территорий к историческим землям. Вопрос о меньшинах. Подкарпатская Русь. 235

109. Теория исторического и естественного права..... 236

110. Участие России и остальных славян в создании нашей независимости. Царская Россия. Временное Правительство. Керенский и Советы. Россия не могла нас освободить. Несмотря на это в наших легионах проявлялось живое руссофильство. Истинная славянская политика..... 237

111. Мнимо-славянофильская теория, будто бы Союзники пользовались нашим заграничным движением для ведения переговоров о сепаратном мире с Австрией..... 242

112. История является судом не только над событиями, но и над мышлениями и побуждениями людей, творящих эту историю. Сущность спора о 28-м октябре: так называемая романтическая или реальная политика? Приобретение независимости является проверкой национального гуманитаризма и гуманного реализма.. 244

X

Демократия и гуманизм.

113. Основы нашей политики: демократия и гуманизм. Европа и весь мир стали республиканскими и демократическими благодаря войне и революции 249

114. Благодаря войне возникли новые малые государства. Пояс малых государств и народов между Западом и Россией. Проблема малых народов. «Балканизация» 251

115. Причины и доводы объединения народов и государств. Попытки объединения малых народов во время войны. (Среднеевропейская уния в Америке). Малая Антанта и дружественный союз народов бывшей Австро-Венгрии. Наше отношение к Югославии и вообще к Балканам: вопрос о Константинополе. Что значит для нас восток и юг. Новая Австрия и «Идея» старой Австрии. Наши отношения к полякам, малороссам, румынам, венграм 255

116. Наше отношение к немцам. Drang nach Osten. Пример малой Дании. Наше не только политическое, но и культурное отношение к Германии 260

117. Наше отношение к Франции и вообще к Западу. Наше культурное развитие связывает нас с Западом. Западничество остальных славян. Наша политика примирения Франции и Германии. Культурная связь с Францией и вообще с Западом не означает еще антигерманской политики 262

118. Мы и Восток: славянская взаимность. Малый и большой панславизм под давлением Австрии. Неполитический панславизм Колара и его славянский мессионизм. Необходимость пересмотра мессианского учения славянофильских философов истории. Необходимо пересмотреть и западничество. Наша история ведет нас к культурному синтезу: Ex oriente lux — да, но также и ex occidente. Культурный европеизм. Культурный синтез будет национальным. Необходимость в новой философии национальности и культуры 266

119. Славянская политика. Наши славянские задачи у себя дома: словаки, Подкарпатская Русь и славянские меньшины (поляки, малоруссы в Словакии). Программа Колара становится возможной благодаря освобождению всех славянских народов. Славянская иностранная политика. Наше руссофильство и русская политика. Наша политика должна быть чешской и мировой, а не только славянской 270

120. Наши национальные меньшинства, особенно немецкое. Уступка части немецкой территории Австрии или Германии была бы невыгодной самим немцам. Сущность спора. Так называемый принцип самоопределения. Немцы колонисты. Возврат к политике Премысловцев. Государственный язык в смешенном государстве. Государство и национальность. Вопрос о языке в государственных учреждениях и школах. Самоуправление и представительство от меньшин является гарантией для меньшин в парламентском государстве. Пагубность шовинистического национализма: доказательства, взятые из истории и мировой войны. В Женеве, в Праге и в Вене революционный Национальный Комитет относился миролюбиво к немцам. Национальность и гуманная международность. Основа национальности. Культурный синтез в смешанных государствах 274

121. Все наше развитие вело нас к республике и демократии. Истинная демократия! Демократия не господствует, а руководит. Свобода и индивидуализм не являются нивелизацией, а наоборот квалификацией. Избрание через оценку. Администрация и политическое чутье (государственный деятель). Демократия и наука. Достижение демократии через воспитание и самовоспитание. Реформа парламента и бюрократии. Демократизация иностранной политики. Новая дипломатия. Международность, человечность, как естествен. стремление всех людей и народов. Развитие международных институций. Государственное господство. 283

122. Не только политическая, но и экономическая и социальная демократия. Против коммунизма. Недостатки капитализма. Эгоизм и специализация. Социализация. Наши особые задачи: аграрная реформа и усиленное здравоохранение (туберкулез и самоубийство). Вопрос эмиграции. Значение здравоохранения. 289

123. Демократия требует нового человека. Человек, как создание, подчиненное своим привычкам. Политический антропоморфизм и его лечение: точное познание вещей и людей и создание нового. Демократия, как взгляд на мир и жизнь. Парламентаризм и страдает антропоморфизмом, говоря конкретно, партийностью. 292

124. Проблема политического образования граждан. Проблема специализации. Интеллигенция и полуинтеллигенция; полуобразованность. Круглые слова в политике, абстрактность и конкретность: лозунги. Ограниченность законов и конкретизирующая задача исполнительной власти и суда. Демократическая и аристократическая школа. Школа и переходная эпоха: ее расщепленность. Школьная патология..... 294

125. Демократия зиждется на общественности. Общественное мнение демократии, журналистика. Свобода печати и право критики. Право всеобщей инициативы и референдума. Демократическая ответственность. Разница между политикой и журналистикой. Демократическая общественность направлена против лжи и лживости. Реалистический лозунг: правда и в политике. Аристократический и теократический абсолютизм является системой, направленной против общественности и правдивости. Валенродство. Маккиавелизм и иезуитизм..... 298

126. Демократия развивается из теократии: развитие теократии. Различие между религией и нравственностью для политики. Демократия sub specie aetrnitatis. Христос, а не Цезарь. Реформация усиливает демократию и международность. Индивидуализм и субъективизм в землях протестантских и католических. Основа нового государства. Международное право — проблема новейшей эпохи..... 300

127. Государство и политика должны основываться на нравственности. Нравственность это гуманность, гуманность это любовь к ближнему. Любовь и эгоизм. Гуманность не сентиментальность. Гуманность в междугосударственности и международности. Любовь и справедливость, нравственность и право. Так называемое естественное право. Против формальных принципов в этике. Следствия всего этого для понимания государства и права. 306

128. Связь политики и государственности с искусством и эстетикой. Ораторское искусство. Демагогия и демократия: простонародность. Политический и законодательный слой (бюрократия). Журналистика. Государственный церемониал и общий символизм. Умение вести себя..... 312

129. Государственность в демократии. Демократия принципиально против анархизма (негосударственности). Различные формы и степени анархизма. Первоначальное государство, как необходимая общественная организация. Государство оправдано умом, хотя оно и не совершенно. (Патриархальная теория). Тоже касается и закона. Закон и право. Право не возникает из силы и насилия, но из нравственности. Развитие от первоначального насилия к договору. Как можно меньше государств? Самоуправление себе управлением. Демократия это естественное право на инициативу. Требование организованности 316
130. Демократия преодолевает абсолютизм и также и революционность. Демократия это режим работы — мелкой работы. Мелкая работа преодолевает аристократизм и революционность. Терроризм. Революционность. Демократия компромисс? Так называемый золотой, средний путь 321
131. Демократия выступает против диктатуры, абсолютизма и непогрешимости. Диктатура во время войны. Диктатура, как непогрешимость и инквизиция. Политические выскочки. Возможность диктатуры в антиавстрийской революции 324
132. Проблема республиканского президентства. Американский и французский образцы. Эволюция от ройялизма к демократии. 326
133. Главная задача: установить направление и обеспечить преемственность государственной политики. Завет Палацкого чешскому народу 329
134. Возобновление нашей республики, как естественное последствие и продолжение нашего развития. Гуманитарная демократия—наша национальная программа. Наш национальный характер. Спор о гуманности и философии истории Палацкого .. 334
135. Католическая философия нашей истории, как противовес философии истории Палацкого 344
136. Значение габсбургской антиреформации в нашем религиозном вопросе: как перекинуть мост через пропасть антиреформации? Продолжение главных идей реформации. Необходимость отделения церкви от государства ..... 349.
137. Состояние различных вероисповеданий и церквей в нашей республике ведет также к отделению государства от церкви. Через религиозную терпимость к демократии 354

Конец.

УКАЗАТЕЛЬ К ПЕРВОМУ И ВТОРОМУ ТОМАМ ВОСПОМИНАНИЙ Т. Г. МАСАРИКА „МИРОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ“*).

Абрагам а Санкта Клара (1644—1709), собственное имя: католический проповедник Ульрих Мегерле. II — 313.

Август (Гай Юлий Цезарь Октавиан), (63 до Р. Х. — 14 по Р. Х.), I—44; II — 304.

Августин Аврелий (354—430), христианский богослов. II — 358.

Авереску, Александр (1859), румынский государственный деятель. I—210.

Адам, Поль (1862—1920), французский романист и драматург. II — 268.

Адлер, Фридрих Вольфганг, д-р (1869), австрийский социал-демократ, застреливший в 1916 г. Штюрка. (См. Штюрк.) I — 143; II — 205.

Александр I-ый, сербский (1888), от 1921 король С.Х.С. II — 188, 192.

Александр Великий (356—323 до Р. Х.), царь македонский. II—328.

Александра Федоровна, жена Николая II, Романова (1872—1918). I — 156, 174; II — 94.

Алексеев Михаил Васильевич (1855—1918), генерал, I — 155, 156, 163, 169, 172, 173, 178, 179, 187, 212, 213, 228.

Альберт I (1875), от 1909 король бельгийский. II — 61, 79.

Амендола, Джиованни (1882), итальянский социалист. II — 43.

д'Амиель, Генрих Фридрих (1821—1881), швейцарский писатель, проф. женевского университета. I — 81.

Амфитеатров, Александр Валентинович (1862), писатель. I — 68, 129.

Андерсон, Шервуд, совр. американский романист. II — 32.

Андраши, Юлий, граф (1860), австро-венгерский и потом венгерский государственный деятель. II—75, 115, 134, 183, 218, 219, 224, 228, 229, 231, 232, 234.

Анна чешская, (1366—1394) дочь Карла IV, бывшая замужем за английским королем Ричардом II. II — 128.

д'Аннунцио, Габриель (1860), собственное имя: Гаетано Рапаниетто, итальянский писатель и политик. 1 — 46, 112.

Антониевич, сербский посланник, служил в Лондоне. I — 130.

Анценгрубер, Людвиг (1839—1889), австрийский писатель-драматург. II — 168.

Аристотель (384 — 322 до Р. Х.), греческий философ. I — 44; II — 318.

Арман, граф, французский офицер. II — 70.

*) Указатель составлен В. Н. Тукалевским. Первая римская: I-обозначает первый том; вторая римская: II-обозначает второй том.

Арчибальд, Джемс, американский журналист. II — 61.
Асквит, Герберт Генри (1852), английский государственный деятель. I — 100, 231; II — 89, 93, 210.
Баиге, британский консул в России во время войны. I — 221.
Байрон, лорд, Джорж Гордон, (1788—1824), английский поэт. II— 172, 176, 177.
Бакунин, Михаил Александрович (1814—1876), анархист. I — 203.
Бальзак, Онорэ де (1799—1850), французский писатель. I — 121, 134.
Бальфур, Артур Джемс, лорд (1848), английский государственный деятель. II — 90, 100, 103, 120, 129, 187, 208, 210, 211, 212.
Барачек, Павел, инженер, чиновник чехо-слов. М. И. Д. I — 57, 59.
Барбюс, Анри (1873) французский писатель. I — 134.
Баррер, Камилл (1851), французский дипломат, быв. послом в Риме во время войны. I — 110.
Баррес, Морис (1862 — 1923), французский писатель и вождь националистов. I — 17, 119.
Баудиш, Иосиф (1885), д-р, чешский филолог, проф. Карлова университета. I — 127.
Бауэрнфельд, фон, Эдуард (1802 — 1890), автор популярных немецких комедий. II — 168.
Бах, Иоганн Себастиан (1685 — 1750), немецкий композитор. II— 163, 164.
Бахметьев, Борис, б. русский посол в Вашингтоне. II — 39, 54.
Безелер, фон, Ганс (1850—1911), немецкий генерал. II — 6.
Безруч, Петр (1867), чеш. писатель. II — 52.
Белеградек, Франц (1876), директор чешск. центр. Школьной Матицы, член Маффии. II — 229.
Белич, Александр (1876), сербский филолог, проф. белградского университета. I — 129.
Беляев, Михаил Алексеевич, (1863) генерал, военный министр с января 1917 г. I — 173.
Бенедикт XV, (1854—1922), римский папа. I — 53; II — 19, 130, 134.
Бенеш, Войтех (1878), учитель, участник освободительного движения. I — 90; II — 17, 24.
Бенеш, Иоганна, жена д-ра Эдуарда Бенеша, I — 58.
Бенеш, Эдуард (1884), д-р. Министр Иностранных дел Чехо-Словацкой республики. I — 6, 15, 34, 35, 36, 37, 42, 59, 70, 83, 84, 86, 89, 90, 91, 92, 93, 96, 98, 99, 105, 108, 112, 113, 116, 129, 131, 132, 140, 141, 149, 211, 215; II — 13, 14, 38, 43, 44, 57, 70, 74, 85, 89, 91, 97, 100, 104, 106, 109, 114, 127, 133, 140, 141, 188, 190, 191, 193, 208, 210, 211, 214, 215, 216, 222, 223, 224, 226, 229, 231, 233, 236, 243.
Бенкендроф, граф, Александр Христофорович (1849—1917), русский дипломат, б. посол в Лондоне. I — 12, 65, 66, 129, 137.
Беннет, американский журналист. II — 35, 116.
Беннет, Енох Арнольд (1867), английский писатель-драматург. I — 124; II — 34.
Бенцони, (семейство) маркизы в Падуе. II — 193.
Бергсон, Анри (1859), французский философ. I — 121; II — 36, 39.
Беренрейтер, Иосиф (1845), д-р, австро-венгерский политический деятель. I — 8.
Берне, Людвиг (1786—1837), немецкий критик и журналист. II — 168.
Бернсторф, Иоганн, Генрих (1862) немецкий дипломат, посол в Вашингтоне. I — 141; II — 117.
Бертело, французский генерал, шеф военной миссии в Румынии. I — 150, 210, 217.
Бертело, Филипп (1866), французский дипломат, заведующий политическим отделением М. И. Д. I — 140; II — 190, 236.
Берхтольд, граф, Леопольд (1863), австро-венгерский дипломат, государственный деятель, быв. послом в Петрограде от 1906 — 1911, министр И. Д. от 1912—1915. I — 8, 76, 77, 115.
Бетман-Гольвег, фон, Теобальд (1856—1921), немецкий государственный деятель, канцлер 1909—1917.

I — 40, 109, 139; II — 9, 10, 74, 148.
Бетховен, Людвиг, ван (1770—1827), немецкий композитор. II — 163, 164, 186.
Бианкини, д-р, хорватский журналист в Америке. II — 40.
Биконсфильд, Бенжамен Дизраэли, граф (1804—1881), англ. госуд. деятель и писатель. II — 300.
Билинский, Лев (1846—1923), польский политик и австрийский государственный деятель. I — 8, 76 77.
Бисмарк, Отто (1815—1898), немецкий государственный деятель, канцлер от 1871—1890. I — 38, 39; II — 75, 149, 160, 161, 162, 163, 165, 166, 175, 182, 183, 258, 259, 336, 345, 346.
Биссолати, Леонид, (1857 — 1920) итальянский министр во время войны. II — 43.
Бленкенгорн, американский офицер. II — 80.
Бодлер, Шарль, (1821—1867), французский поэт. I — 118; II — 29.
Божинов, Мирослав Плесингер (1888), участник освоб. движения, посланник Ч.-С. Р. в Дании. I—57.
Бокль, Генрих Томас (1821—1862), английский историк. I — 122.
Болдуин, Стэнлей (1867), английский государственный деятель II — 28.
Боло-Паша, немецкий агент во время войны во Франции. II — 8, 62.
Борджезе, итальянский политический деятель. II — 43.
Боржил, Ян, чешский легионер в Италии. II — 15.
Бороевич де Боина, Светозар (1856—1920), австро-венгерский генерал. I — 145.
Борский, Лев (1883), собственное имя: Лев Бонди, д-р фил., чешский политический деятель, член Маффии, журналист. II — 109, 114, 223.
Босак, Михаил, словацкий эмигрант в Америке, участник чешского освободительного движения. II — 17.
Боссюэт, Жак-Бенинь (1627—1704) епископ, французский католический писатель. I. — 45.
Ботлер, Николай Мюррай (1862), президент Колумбийского университета в Нью-Йорке. II — 36.
Ботлер, Самуил (1835—1902), английский художник и писатель. I — 124.
Ботомли, Гораций Вильям (1860), английский политик. I — 127.
Боучек, Вацлав (1869), д-р, пражский адвокат. I — 36.
Брайант, Вильям Келлен (1794 — 1878), американский поэт. II — 30.
Брайс, Джемс, виконт (1838—1921), английский юрист и дипломат, посланник в Вашингтоне 1907—1913. I — 126; II — 187.
Братиану, Иован (1864), румынский государственный деятель. I — 210, 211.
Бразда, Оскар, чешский художник, живущий в Италии. I — 95.
Брандайс, Луи, Член верховного суда С. Штатов, сионист. II — 37, 116.
Бриан, Аристид (1862), французский государственный деятель, адвокат. Неоднократно был председателем кабинета министров и министром иностранных дел. I — 104, 105, 106, 107, 113, 139, 141, 164, 166, 185, 230; II — 9, 69, 70, 71, 72, 74, 90, 94, 192, 199, 210.
Бронтье, Эмилия (1818—1848), английская писательница. I — 123.
Бронтье, Шарлотта (1816—1855), английская писательница, известная под псевдонимом Коррер Белл, сестра Эмилии. I — 123; II — 5.
Броунинг, Елизавета, урожденная Беррет (1806—1861), английская поэтесса. I — 123.
Броунинг, Оскар (1837), английский историк. I — 126.
Броунинг, Роберт (1812—1889), английский поэт, муж Елизаветы Беррет-Броунинг. II — 32.
Бруно, Джиордано (1548—1600), итальянский философ доминиканец, приговоренный инквизицией к сожжению. I — 45.
Брусилов, Алексей Александрович (1853—1926), генерал. I—136, 155, 162, 168, 171, 173, 177, 178, 179, 182, 187; II — 241.
Брюкнер, Александр (1856), польский славист. II — 52.
Брюнетьер, Фердинанд (1849—1907), французский историк литературы и критик. I — 118.

Буйон, Франклен, франц. политик. II — 43.
Буксеншутц, во время войны член франц. воен. миссии при русской Ставке. I — 150.
Бурже, Поль (1852), французский романист и критик. I — 119, 120; II — 178.
Буриан, Истван (1851—1922) граф, австро-венг. государственный деятель, в 1918 г. министр иностранных дел. I — 67.
Бутру, Эмиль (1845—1921), французский философ. I — 106.
Бьюкенен, Вильям Джорж (1854), английский дипломат, во время войны был послом в Петрограде. I — 150.
Бэкер, Ньютон (1871), от 1916—1921 военный министр в С. Ш., по назначению Вильсона. II — 36, 118.
Бэкер, Рей Стеннард (1870), директор отдела печати С.А.С.Ш. на мирной конференции в Париже в 1919 г. Издатель книги Вильсона о мирной конференции. II — 215.
Бэкстон, Ноэль (1869), член английского парламента (либерал), знаток Балкан. I — 126.
Бэрроуз, Стефан Монтегю (1856), английский профессор современной истории. I — 100, 125; II — 187.
Бюлов, Бернгард Генрих Карл Мартин (1849), немецкий дипломат, в начале войны был посланником в Риме. I — 51, 67.

Вагнер, Рихард (1813—1883), немецкий композитор. II — 164, 168.
Вайзмен, Вилльям Джорж Эден (1895), чиновник английского М. И. Д. II — 39.
Вальдерзе, фон Альфред, граф (1832—1904), прусский генерал, начальник генерального штаба. II — 149.
Вандервельде, Эмиль (1866), бельгийский государственный деятель, социалист. I — 151.
Ванек, Оттакар, чешский легионер в России. I — 130.
Варбург, немецкий дипломат. I — 154.
Васильев, профессор. I — 151.
Вассерман, Якоб (1873), немецкий писатель. II — 169, 177.
Вацлав, святой (908 — 935). II — 342.
Вашингтон, Джорж (1732—1799), борец за независимость и первый президент С.А.С.Ш. II — 328.
Вебб, Беатриса, английская писательница, социалистка. I — 127.
Вебб, Сидней (1859), английский социалист, фабианского направления I — 127.
Вейган, французский военный специалист. II — 236.
Вейсс, Луиза, французская публицистка. I — 106.
Векерле, Сандор (1848—1921), австро-венгерский государственный деятель, венгерский министр-председатель. II —228.
Велимирович, сербский православный епископ в Англии. I — 130.
Вемисс, французский адмирал. II — 133.
Венизелос, Элеотериос, собственное имя: Креббатас (1864), греческий государственный деятель. II — 191.
Верн, Жюль (1828—1905), французский писатель. II — 5.
Веселитский-Божидарович, Гавриил Сергеевич, псевдоним: «Аргус», русский публицист, с 1882 лондонский корресподент «Новаго Времени». I — 129.
Веселый, Франтишек (1864) д-р, чешский социалист. I — 36.
Веснич, Миленко, профессор белградского университета, б. сербский посланник в Париже. I — 66, 106; II — 49, 191.
Виклеф, (Виклиф), Джон (1320—1384), английский реформатор. I — 128.
Вико, Джиованни Баттиста (1668—1744), итальянский философ и историк. I — 45; II — 142, 302.
Виктор Эмануил III (1869), король итальянский. II — 73, 192.
Вильгельм II (1859), император германский. I — 39, 40, 67, 77, 109, 139, 156, 157; II — 6, 10, 11, 53, 65, 69, 74, 133, 141, 148, 150, 160, 162, 175, 183, 228.
Вильсон, Вудроу (1856—1924), президент С.А.С.Ш. I — 140, 141, 142, 144, 147, 166, 227, 228, 230; II — 11, 23, 25, 27, 35, 36, 37, 38, 41, 42, 46, 48, 49, 55, 56, 61, 64, 67, 68, 70, 74, 75, 76, 78, 79,

80, 81, 90, 95, 107, 112, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 134, 135, 141, 153, 185, 191, 193, 194, 209, 212, 216, 218, 219, 220, 227, 228, 229, 231, 232, 233, 234, 240, 242, 248, 253, 276, 305, 325.
Вильямс, Гартлей (1843), газетный издатель. I — 125.
Вимборн, Айвор, виконт (1873), английский политик. II — 11.
Винер, американский славист, профессор Харвардского университета. II — 36.
Виноградов, Павел Гаврилович (1854-1926), историк, профессор оксфордского университета. I — 15, 126, 129.
Витте, Сергей Юльевич, граф (1849—1915), государственный деятель. I — 156, 157.
Войнович, Л., д-р, югославянский политик. I — 47.
Воклэн, американский чиновник. II — 80.
Волданова, свидетельница в процессе Швиги. I — 10.
Вольтер, Франсуа Аруэ (1694—1778), французский философ, энциклопедист. I — 117; II — 31, 151.
Вондрак, Вацлав, д-р, организатор чешск. воен. «Дружины». I — 171.
Вопичка, Карл (1857), посланник С.А.С.Ш. в Румынии, чешск. происхождения. I — 210.
Вортон, Анна Холингсворд (1845), американская писательница. II — 29.
Воска, Эммануил, америк. чех, промышленник, капитан американской армии. I — 11, 12, 41, 90, 98, 105, 151; II — 61, 62, 63, 64, 66, 87, 118, 207, 210.
Вошняк, Богумил, д-р, словинский профессор, посланник С.Х.С. в Чехословакии. I — 130.
Врхлицкий Ярослав, (1853—1912), чешский поэт. II — 344.
Вульф, Виргиния, английская писательница. I — 123.
Габрман, Густав (1864), чешский социал-демократ. I — 59; II — 12, 15, 16.
Габсбурги, династия, правившая в Австро-Венгрии. I — 78; II — 15, 19, 69, 90, 121, 132, 133, 144, 176, 183, 193, 198, 205, 217, 218, 222, 226, 227, 231, 256, 257, 264, 290, 346, 348, 349.
Гавлена, Бедржих, чешский легионер в Италии. II — 15.
Гавличек, Карел, Боровский (1821—1856), чешский публицист и поэт. I — 26, 37, 38; II — 21, 144, 146, 193, 202, 254, 262, 266, 273, 277, 296, 311, 314, 334, 337, 344.
Гаджич, сербский военный атташе в Италии во время войны. I — 210.
Гайда, Рудольф, генерал чехословацк. армии. II — 83.
Гайдн, Иосиф (1732—1809), немецкий композитор. II — 163, 164.
Гайн, Антонин, д-р (1868), чешский журналист и политик. I — 10, 30.
Гайндман, Генри (1840) английский социалист. I — 126; II — 187.
Гайндман, г-жа, I — 126.
Галенга, итальянский политик. II — 43.
Галилей, Галилео (1564—1642), итальянский физик и астроном. I — 45.
Галлер, Иосиф (1873), польский генерал, вождь польских легий. I — 213.
Гамерлинг, Роберт (1830—1889), австрийский поэт и драматург. II — 168.
Ганото, Габриель Альберт Август (1853), французский историк и государственный деятель. I — 17.
Гантих, Генрих (1855), профессор коммерческого училища в Праге. I — 59.
Гарборг, Арне (1851), норвежский писатель. II — 177.
Гард, Вильям (1878), американский писатель и журналист. II — 35.
Гарди, Томас (1840), английский романист. I — 124, 134.
Гардинг, Уоррен (1865—1923), американский государственный деятель, президент С.А.С.Ш. от 1920—1923. II — 187.
Гартман, д-р медицины, лечивший генерала Штефаника в Париже. I — 106.
Гартман, фон, Эдуард (1842 — 1906), немецкий философ. I — 75; II — 165.

Гартман, Мориц (1821—1872), немецкий писатель и политик. II — 347.
Гаспарри, Пиетро (1852), кардинал, госуд. секретарь папы Бенедикта XV и Пия XI. I — 54; II — 66.
Гауз, Эдуард Мэндель (1858), американский дипломат. I — 141; II — 21, 23, 36, 64, 117, 118, 122, 123, 191.
Гаунт, Гай (Реджинальд Арчер), английский адмирал, морской атташе в Америке. II — 61.
Гауптман, Герхардт (1862), немецкий писатель. II — 169.
Гаусман, Конрад (1857—1922), немецкий политик. II — 129.
Гаустон, Давид Франклин (1866), американский государственный деятель. II — 24, 118.
Геббель, Фридрих (1813—1863), немецкий поэт. II — 166, 167, 168, 177.
Гегель, Георг Вильгельм Фридрих (1770—1831), немецкий философ. II — 162, 165, 172, 319.
Гейне, Генрих, (1798—1856), немецкий поэт. II — 168.
Гендель, Георг, Фридрих (1686—1759), немецкий композитор. II — 164.
Гендерсон, Артур (1883), английский социалист. I — 151.
Гентш, Рихард (1869—1918), офицер германского генерального штаба. II — 139.
Георг V (1865), король английский. II — 70.
Гераклит (ок. пол. VI в. до Р. Х.), греческий философ. II — 311.
Гербен Ян, (1857), д-р, чешский писатель. I — 36.
Гердер, Иоган Готфрид (1744—1803), немецкий философ и писатель. II — 160, 166, 172, 186, 267, 319, 334, 342, 347.
Герен, Шарль (1873—1907), французский поэт. I — 118.
Геринг, Владимир, д-р мед. I —168.
Герпер, проф., американский славист. I — 151.
Геррон, Джорж, профессор, историк и американский дипломат. II — 67, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 134, 227.
Гертлинг, фон, Георг (1843—1919), немецкий философ и политик. II — 115.
Герц, д-р, австрийский политик. II — 129, 130, 131.
Гетгальс, Джорж Вашингтон (1858), инженер в американской армии. II — 80.
Гете, Вольфганг (1749—1832), немецкий поэт. II — 160, 161, 162, 163, 165, 166, 167, 169, 172, 176, 177, 186, 294, 315, 339, 347.
Гефлер, фон, Карл Адольф Константин (1811—1897), профессор истории, с 1851 г. в Праге. II — 341.
Гильснер, обвиняемый в процессе о ритуальном убийстве. II — 147.
Гинденбург, фон Бенкендорф, Пауль (1847), германский фельдмаршал, от 1925 г. президент германской республики. I — 19, 134; II — 10.
Гинкович, хорватский политик. I — 130; II — 40, 48, 51.
Гинэ, французский офицер. II — 83.
Гирс, Михаил Николаевич (1856), русский дипломат. I — 49.
Гирса, Вацлав, (1875) д-р мед., министр, участник чешского освободительного движения. I — 168, 209.
Гисинг, Альждернон (1860), английский романист. I — 124.
Гичкок, Джильберт Монелль (1859), американский политик. II — 35.
Главач, Бедржих, корреспондент чешских газет в Вене перед войной, главный редактор «Трибуны». I — 44.
Главачек, Франтишек, чешский легионер в Италии. II — 15.
Гладстон, Вильям Эварт (1809—1898), английский государственный деятель. I — 126; II — 68, 187.
Глюк, фон, Христофор Вилибальд (1714—1787), немецкий композитор. II — 164.
Говэн, Август, французский журналист. I — 104, 106; II — 191.
Гогенцоллерны, династия, правившая в Германии. II — 264.
Гоголь, Николай Васильевич (1809—1852). I — 158.
Годжа, Милан, д-р, словацкий политик. II — 235.
Голонд-Роз, английский историк. I — 126.
Голер, Томас Бомон (1872), английский дипломат. II — 39.
Голлар, Вацлав (1607—1677), чешский художник в Англии. I — 128.

Голечек, Иосиф (1853), чешский писатель и журналист. II — 344.
Голсуорси, Джон, (1867) английский писатель. I — 124.
Гончаров, Иван Александрович (1812-1891). I — 158.
Гоппе, Виктор, генерал чешск.-слов. армии, церемониймейстер г. Президента. I — 14.
Гор, Самуэль Горней (1880), английский политик (консерватор). I — 125.
Горемыкин, Иван Логгинович (1840—1817), государственный деятель. I— 156.
Горичар, Иосиф, д-р, словинец, чиновник австрийского консульства в Америке. I — 47.
Горький, Карл (1879), чешский писатель и журналист. I — 89; II — 19.
Горький Максим (1868) собственное имя: Алексей Максимович Пешков. I — 151, 158.
Готтгельф, Иеремия (1797 — 1854), собственное имя: Альберт Виццус, швейцарский писатель. I — 81.
Готхейн, Эбергарт (1853), немецкий историк. I — 40.
Гоульс, Вильям Дин (1837—1920), американский романист. II — 30.
Гофман, Макс (1869), прусский офицер. I — 220.
Грабский, Владислав (1874), польский политик. II — 50.
Грей, Эдуард, лорд (1862), английский государственный деятель и писатель. I — 65, 99; II — 118, 210.
Греллинг, Рихард, немецкий политик. II — 169.
Григореску, румынский политик. I — 210.
Грильпарцер, Франц (1791—1872), австрийский поэт. II — 167, 168.
Грин, Коннингем (1854), английский дипломат. I — 227.
Грин, г-жа, вдова английского историка. I — 126, 127.
Грош Карл, д-р, (1865) адвокат, от 1906-1918 пражский городской голова. I — 84; II — 233.
Гуза, Иосиф, чешский легионер в России, личный слуга автора. I — 196; II — 141.
Гурбан, Владимир, офицер русского генерального штаба, потом полковник чехословацких войск в России, аташе в Вашингтоне. II — 80, 81.
Гурбан-Ваянский, Светозар (1847—1916), словацкий писатель. I — 132, 133; II — 20, 21.
Гус, Ян (1369—1415). I — 69, 70, 95, 128, 194, 195; II — 146, 247, 263, 331, 336, 337, 339, 342, 346, 350, 352, 353.
Гусак, Оттокар, чешский легионер в России. I — 212.
Гут-Ярковский, Юрий Станислав, д-р, писатель. II — 315.
Гуцков, Карл (1811—1878), немецкий поэт и журналист. II — 168.
Гучков, Александр Иванович (1862), военный министр Временного Правительства. I — 176.
Гэрвин, Джемс Луис (1868) английский журналист. I — 125.
Гюго, Виктор Мари (1802 — 1885), французский поэт и романист. I — 114.
Далемил, (Далимил), чешский летописец XIV-го ст. II — 332.
Дана, Ричард, Генрих (старший и младший), американские писатели. II — 30.
Данте, Алигьери (1265—1321), итальянский поэт. I — 46; II — 309.
Дарвин, Чарльз Роберт (1809—1882), английский естествоиспытатель. I — 122; II — 175.
Декарт, Рене (1596—1650), французский философ. I — 117; II — 342.
Делейфильд, Е. М. английская писательница. I — 123.
Делькассэ, Теофил (1852—1923), французский журналист и государственный деятель. I — 66, 94, 165.
Дени, Эрнест (1849—1921), французский историк и славист. I — 13, 15, 18, 60, 61, 65, 66, 69, 76, 84, 85, 86, 95, 106, 109, II — 191, 334, 342.
Дерби Эдуард, граф Виллье Станлей (1865), бывший английский военный министр и посланник в Париже. II — 191.
Дестинова, Эмма (1878), чешская певица. I — 95.
Дешанель, Поль (1856—1920), французский политик и президент фран-

цузской республики. I — 106; II — 189.
Джемс, Вильям (1842—1910), американский философ. II — 30.
Джемс, Генри (1843—1916), американский романист, брат предыдущего. II — 30.
Джиолитти, Джиованни (1843), итальянский государственный деятель. I — 52.
Джоберти, Винченцо (1801—1852), итальянский философ и политик. I — 45.
Джойс, Джемс, английский писатель. I — 122.
Джонсон, Самуэль (1709—1784), английский писатель. I — 128.
Джордж, В. Л., совр. английский писатель. I — 122.
Джэдсон, Гарри Пратт (1849), ректор чикагского университета. II — 18.
Диаманди, румынский посланник в Петрограде во время войны. I — 150, 209.
Диац, Армандо Витторио (1861), итальянский генерал, начальник генерального штаба. II — 43.
Дидро, Дени (1713—1783), французский энциклопедист. I — 117.
Дизраэли, см. Биконсфильд.
Диксон, английский журналист. II — 35.
Диллон, Эмиль Джозеф, английский журналист. I —125.
Димитриевич, Драгутин (1877—1917) сербский генерал. II — 46.
Дионео, собственное имя: Шкловский, русский публицист, живущий в Англии. I — 129.
Дитерихс, Михаил Константинович (1874) русский генерал. I — 188, 230.
Дмитриев, Радко, (1859—1919) болгарский генерал, служивший в русской армии. I — 168.
Дмовский Роман (1864) польский политический и государственный деятель. I — 130; II — 43, 50, 51, 52, 102, 191, 215.
Добровский, Иосиф (1753—1829), известный чешский филолог, основатель славистики. II — 144, 202, 271, 334, 342, 343.
Достоевский Федор Михайлович (1821—1881). I — 158; II — 29, 176, 177, 287, 300, 313.
Дрейзер, Теодор (1871) американский романист. II — 32.
Дубский, Густав, пражский издатель. I — 36.
Дудан, итальянский журналист. I — 48.
Дука, Йон (1879) д-р, румынский политик. I — 210.
Думба, Константин Теодор (1856) д-р, австрийский посланник в С.А.С.Ш. II — 61.
Думерг, Гастон (1863), французский государственный деятель, от 1924 г. президент республики. I — 162.
Духонин Николай Николаевич, (1876—1917), генерал. I — 179, 187, 188, 213; II — 97, 239.
Душек, Кирилл, (1881—1924), д-р, чешский политик и дипломат. I — 36.
Дэн, Клеменс (Винифред Эштон) английская писательница. I — 123.
Дюваль, французский журналист, казнен в 1917. II — 8.
Дюрих, Иосиф, (1847) участник чешского освободительного движения. I — 61, 89, 90, 92, 97, 109, 111, 114, 129, 164, 170, 172, 173, 174, 175, 176, 182, 183, 216; II — 19, 45, 206.
Дюшен, Жак Шарль Рене (1837—1918) французский генерал. I — 67.
Евгений, принц савойский (1663—1736), австрийский полководец и государственный деятель. II — 328.
Елизавета, Амалия Евгения (1837—1898), жена Франца Иосифа I, императора австрийского. I — 128.
Еллинек, Георг (1851—1911), немецкий юрист. II — 305.
Жанен, французский генерал, представитель союзников в Сибири во время гражданской войны. I — 112, 150, 159; II — 88, 89.
Жаткович, Григорий, д-р, губернатор Подкарпатской Руси. II — 57, 58, 59.
Живкович, сербский генерал. I — 181.
Жид, Андре, (1869) французский писатель. I — 121.
Жижка, Ян (1360-1424), вождь гуситов. I — 70, 194; II — 146, 246, 339, 350, 352, 353.
Жилуэн, Ренэ, (1881) французский писатель. I — 118.

Жорес, Жан (1859—1914), французский профессор философии, социалист. I — 22, 120, 121.
Жоффр, Жозеф Жак Сезер (1852), французский маршал. I — 119, 134.
Жувенель, де, Клер Боа (1879), I — 106; II — 192.
Жупанич, д-р, библиотекарь в Белграде. I — 47.
Жюсеран, Жан, (1855), французский посол в С.А.С.Ш., писатель. II — 38, 118, 135, 215.

Занарди-Ланди (1882), графиня, выдающая себя за дочь Елизаветы австрийской. I — 128.
Зауэрвейн, Жюль (1880), редактор французской газеты «Матэн». I — 105. 141.
Звездич, русская журналистка. I — 20.
Зейдлер, Эрнст, д-р, австро-венгерский государственный деятель. II — 76.
Зейпшель, Пауль, швейцарский писатель. I — 81.
Зингер, Исидор, д-р, профессор венского университета. II — 129.
Золя, Эмиль (1840—1902), французский романист. I — 118, 121.
Зомбарт, Вернер (1863), немецкий экономист и политик. II — 172.
Зурленден, французский генерал. I — 67.

Иван IV, Грозный (1530—1584). I — 203.
Извольский, Александр Петрович (1865), русский дипломат. I — 107, 108, 161, 166; II — 240.
Иисус из Назарета. II — 304, 308, 314, 324, 358.
Иммерман, Карл (1796—1840), немецкий писатель. II — 166.
Иннез, американский майор. II — 24.
Ионг, де, ван Бек, ен Донк, голландский дипломат. II — 129.
Иованович, сербский дипломат. I — 130.
Ионеску, Таке (1858—1922), румынский политик. I — 210; II — 191.
Иосиф II (1741—1790), император австрийский. I — 181; II — 350.
Иши, граф (1558), японский государственный деятель, дипломат. II — 39.

Кадорна, Луиджи, граф (1850), итальянский генерал. I — 113; II — 73.
Казер, Вилла Зиберт (1876), американская писательница. II — 33.
Кайо, Жозеф (1863), французский государственный деятель. II — 8.
Кайцль, Иосиф (1854—1901), д-р, австрийский политик и экономист. II — 341.
Калина, Антонин Православ (1873—1922), чешский журналист и политик, посланник Ч.С.Р. в Югославии. I — 10, 20.
Кальвин, Жан (1509—1564), религиозный реформатор в Швейцарии. II — 343.
Кальфи, американский юрист. II — 116.
Камбон, Жюль, Мартэн (1854), французский дипломат. II — 72.
Камбон, Пьер Поль (1843—1924), французский дипломат. II — 72.
Камсток, американский писатель. II — 30.
Канингем, Томас, английский военный аташе в Чехословакии и Австрии. II — 192.
Каннер, Генрих, д-р, венский публицист. I — 76.
Кант, Эмануил (1724—1804), немецкий философ. I — 117; II — 160, 161, 162, 163, 164, 165, 169, 170, 172, 176, 186, 303, 312, 342.
Карагеоргиевичи, династия, правящая в Сербии. II — 42.
Кардуччи, Джозуе (1836—1907), итальянский поэт. I — 46.
Карл Франц Иосиф (18 7)—1922), император австро-венгерский. I — 34, 142, 144, II — 6, 9, 54, 65, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 76, 77, 90, 114, 115, 116, 130, 133, 134, 204, 216, 219, 220, 221, 227, 228, 231, 232, 233, 234, 243.
Карл IV (1316—1378), король чешский, император римский. II — 263, 339.
Карл XII (1697—1728), король шведский. II — 328.
Карлотти, итальянский дипломат. I — 150.
Карольи, Михаил, граф (1875), мадьярский политик и с 1919 г. президент венгер. республики. II — 21, 128, 129, 236.

Каррер, французский писатель. I—118.
Картье, барон, бельгийский дипломат. II — 39.
Кастелянский-Кастелян, И. А., д-р, экономист, русский промышленник в Англии. I — 15.
Квидде, Людвиг (1858), немецкий историк и политик. II — 129.
Келлер, Готфрид (1819—1890), швейцарский писатель. I — 81.
Кенион, Вильям (1869), американский судья и сенатор. II — 23, 209.
Кеннан, Джильберт (1884), английский романист. II — 34.
Кепль, Рудольф, участник чешского освободительного движения во Франции. I — 60.
Кербер, фон, Эрнст (1850), австрийский государственный деятель. I—33, 34.
Керенский, Александр Федорович (1881). I — 151, 155, 180, 191, 196, 197, 204, 218; II — 6, 10, 54, 63, 240.
Кернер, Роберт Джозеф (1887), американский профессор. II — 36.
Кийовский, участник чешского освободительного движения. I — 57.
Кинг, Вильям Генрих (1864), американский политик, сенатор. II—23.
Киреевский, Иван Васильевич (1806—1856), славянофил. I — 158.
Кириелль, де, Пьер (1863), французский публицист. I — 106.
Китченер, Герберт, граф (1850—1916), английский фельдмаршал, с 1914 г. военный министр. I — 12, 17, 103, 135.
Клаузевитц, фон, Карл (1780—1831), прусский генерал, военный специалист. II — 149,151.
Клемен-Симон, Луи (1873), французский дипломат, первый французский посланник в Ч.С. Р. II — 192.
Клемансо, Жорж (1841), французский государственный деятель. I — 215, 231; II — 8, 9, 14, 47, 69, 70, 72, 73, 74, 97, 112, 113, 121, 123, 131, 189, 190, 232.
Клецанда, Георгий (1890—1918), член Чешского Национального Совета. I — 6, 170, 184, 221, 223, 224, 225; II — 16, 83, 141.
Клодель, Поль (1868), французский поэт. I — 120, 121.
Клофач, Вацлав Ярослав (1864), чешский политический деятель. I — 10, 21, II — 201.
Клэрк, Джорж Россель (1874), первый английский посланник в Ч. С. Р. I — 125; II — 187.
Ковалевский, Максим Максимович, (1851—1916) проф., историк. I—20.
Кованда, Юлий, заведующий хозяйством у президента Чехословацкой республики. I — 14, 33.
Колетт, Вилли, собственное имя: Анри де Жювенель (1874), французская писательница. I — 119.
Коллар, Ян (1793 — 1852), чешский поэт. I — 28, 70, 117; II — 21, 144, 202, 262, 267, 269, 271, 319, 334, 340, 341, 342, 343.
Колонна, городской голова в Риме. II — 99.
Колоушек, Ян (1859—1922), чешский экономист, профессор пражского технологического института. I — 30.
Колчак, Александр Васильевич (1870—1920). I — 114, 224; II — 83.
Коменский, Ян Амос (1592—1670), чешский философ и педагог. I — 7, 15, 70, 128; II — 263, 279, 332, 334, 336, 337, 339, 340, 341, 342, 346, 350, 352, 353.
Комер, П., французский журналист. I — 150.
Коничек, чех из России. I — 60, 64, 91, 92, 109; II — 22, 23.
Конрад, Жозеф (1857), английский романист польского происхождения. I — 124.
Конрад фон Гетцендорф, Франц (1852), австро-венгерский генерал, начальник генерального штаба. I — 28, 53, 77; II — 144.
Константин (1868), король греческий. II — 7.
Конт, Огюст (1798—1851), французский философ-позитивист. I — 117, 118, 121, 122; II — 142, 173, 302.
Копецкий, Франтишек, чех из Лондона, участник освободительного движения. I — 132; II — 87.
Копецкий, Франтишек, первый чехословацкий консул в С.А.С.Ш. II — 61.

Корелли, Мэри (1864), английская писательница. I — 123.
Корнилов, Лавр Георгиевич (1870—1918), генерал. I — 177, 182, 187, 212, 213, 228.
Коросец, Антон (1872), словинский политик. II — 48.
Корф, Сергей Александрович (1876), профессор истории права. II — 54.
Косак, чех в Англии. I — 12.
Коукол, участник чешского освободительного движения. I — 151.
Кошут, Людвиг (1802—1894), венгерский политик. II — 65.
Крамарж, Карел (1860), чешский политический деятель. I — 23, 34, 58, 62, 69, 97, 109, 143, 144, 173; II — 15, 188, 197, 201, 205, 216, 222, 224, 226, 233, 234, 248.
Крамер, словинский журналист. I — 31.
Красинский, Зигмунд (1812—1859), польский поэт. II — 51.
Краткий-Гофман, И., чех, издатель журнала «Наздар» в Париже. I — 60.
Кратохвил, чех, казненный австрийцами в 1914 г. I — 16.
Крауз, Карл (1874), венский журналист и писатель. I — 78.
Крейн, Чарльс Ричард (1858), американский промышленник и дипломат. I — 15, 151; II — 24, 35, 60, 118, 125.
Крейн, Ричард (1882), сын предыдущего, дипломат, первый посланник С.А.С.Ш. в Ч.-С. Р. II — 36, 118.
Кржикава, начальник пражской полиции. II — 140.
Криль, Джорж, американский журналист. II — 36, 64.
Кропоткин, Петр Александрович, кн. (1842—1922), русский анархист. I — 129.
Кроу, Эйр (1864), чиновник английского министерства иностранных дел. II — 187.
Крупенский, Анатолий Николаевич, русский посол в Риме. I — 50.
Крупп, владелец орудийных заводов в Германии II — 161, 163, 172.
Крыленко, Николай Васильевич (1885), коммунист. I — 188.
Крыстынек, чешский публицист реалистического направления. I—35.
Куденгове, Макс, граф (1865) наместник королевства чешского. II — 77, 221, 233, 280.
Кулидж, Арчибальд Кэрри (1866), американский профессор истории. II — 36.
Купка, Франтишек (1871), чешский художник в Париже. I — 95.
Курц, Герман (1813—1873), немецкий поэт и романист. II — 168.
Кэвелль, Эдит Луиза (1865—1915), английская сестра милосердия, расстрелянная терманцами во время войны. I — 77; II — 9.
Козмет, Рождер (1864—1916), ирландский политик, казненный во время войны. I — 126.
Кэнфильд, Дороти, собственное имя: Доротея Кенфильд Фишер (1879), американская писательница. II — 33.
Кэрр, Филипп Генри (1882), секретарь председателя Совета министров в Англии (Ллойд Джорджа.) I — 125.
Лавернь, французский полковник. I — 150.
Лавичка, Иосиф, д-р, участник чешского освободительного движения, чиновник М. И. Д. I — 57.
Лагард, Пауль (1827—1891) немецкий историк и философ. II — 162 163, 165, 336.
Ладзарини, итальянский политик. II — 43.
Ламанский, Владимир Иванович (1833—1914), славист и историк. II — 22.
Ламмаш, Генрих (1853—1920), австро-венгерский государственный деятель. I — 79; II — 67, 115, 128, 130, 134, 221, 226, 228, 229, 231, 232, 276.
Лампрехт, Карл (1856—1915), немецкий историк. I — 40; II — 175.
Ламсдорф, Владимир Николаевич (1845—1907), граф, русский государств. деятель. I — 157.
Ланкен-Вакниц, фон, Оскар, барон. (1867), немецкий дипломат. II — 9.
Лансинг, Роберт (1864), при Вильсоне стоял во главе государственного департамента (М.И.Д.). II — 35, 36, 80, 117, 118, 119, 120, 123, 131, 132, 135.

Лассаль, Фердинанд (1825—1864), немецкий социалист. II — 68.
Лассер, Пьер, французский историк литературы и критик. I — 118.
Лафайет, Мари Жан Поль Рок Ив Джильберт Мотье, маркиз (1757—1834), французский генерал, сражавшийся за независимость С.А. С.Ш. II — 37.
Лафатер, Иоган Каспар (1741—1801), немецкий духовный писатель. II — 143.
Лебрен, Альберт Франсуа (1871), французский государственный деятель. II — 101.
Лев XIII (1810—1903), собственное имя: Джиокино Печчи, римский папа. I — 45; II — 343.
Легра, фрнцузский офицер. I — 219.
Ледвинский, польский политик. II — 10.
Лейбниц, Готфрид (1646—1716), немецкий философ. II — 163, 164, 334, 342, 347.
Лейг, Жорж Жан Клод (1858), французский государственный деятель, министр. I — 106, 141; II — 101.
Лендсдоун, лорд, Генри (1845), английский политик. II — 11.
Лейн, Франклин, Найт (1864—1921), американский государственный деятель, во время войны министр внутренних дел. II — 36, 78, 118.
Ленау, Николаус (1802—1850), собственное имя: Нимбш фон Штрелленау, австрийский поэт. II — 168, 347.
Лендфильд, Джером Баркер (1871), американский публицист. II — 80.
Ленин (1870—1924), собственное имя: Владимир Ильич Ульянов. I — 80, 149, 188, 199, 200, 201, 204, 216, 217; II — 54, 323.
Леопарди, Джиакомо (1798 — 1837), граф, итальянский писатель. I—46.
Лермонтов, Михаил Юрьевич (1814—1841). I — 158.
Леруа Болье, Анатоль (1842—1912), французский писатель. I — 17.
Лессинг, Готгольд Эфраим (1729—1781), немецкий писатель и литературный критик. II — 160, 166.
Ли, Роберт Эдуард (1807—1870), генерал южной армии во время гражданской войны в Сев. Америке. II — 24.
Либкнехт, Карл (1871—1919), немецкий социалист. I — 15, 220.
Линкольн, Авраам (1809—1865), президент С.А.С.Ш. II — 24, 125.
Ллойд Джорж, Давид (1863), английский государственный деятель, вождь либералов. I — 103, 125, 133, 137, 138, 215; II — 10, 11, 42, 46, 49, 67, 68, 69, 70, 74, 79, 105, 111, 115, 123.
Логай, Иосиф, чешский легионер в Италии. II — 15.
Лодж Генри Кэбот (1850), американский политик и сенатор. II — 35; II — 103.
Лойола Игнатий (1491—1556), основатель иезуитского ордена. II — 300.
Локк, Джон (1632—1704), английский философ. II — 358.
Локарт, Р. Брюс, английский коммерческий агент в России, чиновник Англо-Банка в Праге. I — 219.
Ломоносов, Георгий, б. профессор в Киеве, специалист по вопросам путей сообщения. II — 54.
Лонг, Брекинридж (1881), американский государственный деятель. II — 36, 80, 118.
Лонгфелло, Генри Водсворт (1807—1882), американский поэт. II — 30.
Лонткевич, сербский военный атташе. I — 182.
Лорет, М., польский профессор. I — 49.
Лоркович, д-р, хорватский политик. I — 31.
Лоуренс, Давид Герберт, английский романист. I — 123, 124, 134; II — 34.
Лоуэль, Джемс Россель (1819—1891), американский писатель и государственный деятель. II — 30.
Лука Пражский (1460—1528), первый епископ Братской Едноты. II — 341, 343.
Лумброзо, итальянский профессор и публицист. I — 52.
Лупу, румынский государственный деятель. II — 55.
Львов, Георгий Евгениевич, князь (1861—1925), председатель Временного Правительства. I—150; II—54, 73.
Людвиг, Отто (1813—1865), немецкий писатель. II — 168.

Людендорф, Эрих (1865), немецкий генерал. I — 134, 139; II — 6, 10, 11, 74, 78, 112, 126, 133.
Лютер, Мартин (1483—1526). II — 341, 342, 343, 347.
Лютцов, Френсис, граф (1849—1919), австрийский дипломат, автор английских книг по истории Чехии. I — 57.
Мак-Аду, Вильям Гиббс (1863), министр финансов С. А. С. Ш. при Вильсоне. II — 37.
Мак-Кормик, Вэнс Крисвелл (1872), американский журналист. II — 80.
Макензен, фон, Август (1849), командующий германской армией во время войны. I — 104, 136, 181.
Макиавели, Николай (1469—1527), итальянский историк и политик. II — 300.
Маккио, барон, австрийский посланник в Италии. I — 53, 59.
Маклаков, Николай Алексеевич, (1871) министр внутренних дел в царствование Николая II. I — 172.
Маклаков, Василий Алексеевич (1870) член Государственной Думы, русский посол во Франции. II — 101.
Макса, Прокоп (1883), профессор, посланник, политик реалистического направления, участник чешского освободительного движения, состоит на службе в М.И.Д. I — 216; II — 12, 77.
Макс, принц Баденский, германский канцлер после I-го октября 1918. II — 129, 133.
Мальбороу, Джон Черчиль (1650—1722), английский полководец и государственный деятель. II — 328.
Мальви, Луи (1875), французский социалист, министр внутренних дел. II — 8.
Мамиани делла Роверe, Теренцио (1799—1885), итальянский поэт, философ и политик. I — 45.
Мамонтов, русский офицер, полковник чехословацких войск в Киеве. I — 189, 216.
Мандич, д-р, югославянский политический деятель. II — 44.
Манцони, Александр (1785—1873), итальянский поэт. I — 46.
Маринкович, Войа, д-р (1876), югославянский государственный деятель. I — 210.
Маркович, Б., профессор белградского университета. I — 63.
Маркс, Карл Генрих (1818—1883). I — 201, 203; II — 68, 142, 162, 163, 289, 290, 317, 321, 335, 343.
Маркс, Маделэн, французская писательница. I — 119.
Мартен-дю-Гар, Роже (1881), французский романист. I — 121.
Мартен, заведующий протокольным отделом франц. М. И. Д. II — 72.
Мартин, американский публицист. II — 35.
Мартинек, чешский публицист в России. I — 151.
Марцеску, румынский министр. I — 210.
Марч, Пейтон Конвей (1864), американский генерал. II — 80.
Марьянович, югославянский политический деятель. II — 40.
Масарик, Алиса, (1879) д-р философии, дочь автора. I — 58, 97.
Масарик Герберт (1880—1915), сын автора. I — 57.
Масарик Ольга, (1891) по мужу Ревильо, дочь автора. I — 43, 62; II — 137.
Масарик Шарлота Гарриг, (1850-19 3) жена автора. II — 137, 146, 194.
Матейка, чех, казненный австрийцами во время войны. I — 16.
Маццини, Джиузеппе (1805—1872), итальянский политический деятель. I — 46.
Маха, Карл Гинек (1810—1836), чешский поэт. II — 344.
Махар, Иосиф Святополк (1864), чешский поэт и писатель. I — 14, 59; II — 145.
Мейер-Цюглер, Конрад Фердинанд (1825—1898), швейцарский писатель. I — 81.
Мейнль, Юлий, венский промышленник. II — 129.
Мейснер, Альфред (1822—1885), немецкий поэт. II — 347.
Менсдорфф, граф, австровенгерский дипломат. II — 70, 73, 231, 232.
Мередит, Джорж (1828—1909), английский поэт и романист. I — 124, 134.
Мерсье, Дезире Жозеф (1851—1926),

бельгийский кардинал, философ и католический писатель. I — 54.
Мерсье-де-ла-Ривьер (1720—1793), французский экономист-физиокр. II — 325.
Местрович, Иван (1883), хорватский скульптор, участник движения по объединению югославян. I — 47, 94, 130.
Мид, Джорж Гордон (1815—1872), генерал северо-америк. армии, победивший генерала Ли при Гетизборге. II — 24.
Мизес, Сидней Эдуард (1863), председатель американского комитета, подготовлявшего материал для мирных переговоров. II — 36.
Миллер, Герберт Адольф (1875), американский социолог. II — 55.
Милль, Джон Стюарт (1806—1873), английский философ и экономист. I — 122.
Мильнер, Альфред, лорд (1854), английский государственный деятель. I — 178; II — 187.
Милюков, Павел Николаевич (1859). I — 25, 63, 129, 137, 146, 147, 148, 150, 151, 176, 179, 180, 197, 212, 218; II — 10, 44, 45, 96, 238.
Мицкевич, Адам (1798—1855), польский поэт. II — 51, 229.
Михайлович, Люба, сербский посланник в Италии. I — 47; II — 46.
Михаэлис, Георг (1857), германский государственный деятель, в 1917 г. был имперским канцлером. II — 11.
Мольтке старший, фон, Гельмуд, граф (1800—1890), прусский генерал, военный теоретик. II — 149, 150, 162.
Мольтке младший, фон, Гельмуд, граф (1852—1916), сын предыдущего, военный теоретик. II — 150.
Моммзен, Теодор (1817—1903), немецкий историк. I — 75; II — 165, 215.
Моррис, Эдмунд, английский историк. I — 126.
Морис-де-Бонсен, (1852), английский дипломат. I — 125.
Морлей, Джон, виконт (1838), английский писатель и политический деятель. I — 126.
Морра, Шарль (1868), французский католический писатель и политический деятель. I — 118, 119, 120.
Моррас, Ролланд Слетор (1874), американский юрист и дипломат. I — 227.
Мотт, Джон (1855), один из главных руководителей Х.С.М.Л. I — 151.
Моцарт, Вольфганг Амедеус (1756—1791), немецкий композитор. II — 164.
Муна, Алоис, чешский коммунист. I — 205, 206.
Мур, Джорж (1867), английский романист. I — 122, 127.
Муравьев, Н. Н., начальник советских войск на Украине в 1918 г. I — 197, 198, 199, 206, 209, 213, 225; II — 98, 141.
Мусницкий, польский генерал. I — 213.
Мэк, Юлиан Вильям (1866), американский судья, вождь сионистов. II — 37.
Мэстерс, Эдгар Ли (1869), американский поэт и романист. II — 32.
Мэстр-де, Жозеф (1754—1821), французский католический писатель. I — 117, 120.
Мюссэ, де, Альфред (1810—1857), французский поэт и писатель. I — 117, 123; II — 172, 176, 177.
Мясоедов, русский офицер, казненный за шпионство во время войны. I — 50, 154; II — 112.
Наполеон I (1769—1821). I — 72; II — 160, 338.
Наполеон III (1808—1873), французский император. I — 39.
Немец, Антонин (1858), вождь чешских социал-демократов. I — 212.
Немцова, Божена (1820—1862), собственное имя: Варвара Панклова, чешская писательница. II — 344.
Неруда, Ян (1834—1891), чешский писатель. I — 26; II — 145, 146, 270, 337, 344.
Нестрой, Иоган (1802—1862), венский драматург и актер. II — 168.
Нивелль, Роберт (1856), французский генерал. I — 134, 135; II — 7, 72.
Николай II (1868—1918). I — 19, 20, 24, 30, 64, 68, 111, 153, 154, 157, 159, 160, 162, 163, 174, 175, 197, 202, 216, 218; II — 6, 22, 70, 82, 92, 95, 238, 239, 271.

Николай (1841), король черногорский. II — 50.
Николай Николаевич, великий князь (1856), главнокомандующий во время войны. I — 19, 24, 25, 66, 165; II — 22, 92, 238.
Ниппольд, Отфрид, немецкий профессор, противник пангерманизма. II — 169.
Нитти, Франческо (1868), итальянский экономист и государственный деятель. I — 48.
Ницше, Фридрих (1844—1900), немецкий философ. I — 121; II — 162, 163, 165, 168, 169, 175.
Новакова, Тереза, урожденная Лангауз (1853—1912), чешская писательница. II — 344.
Нортклифф, Альфред Чарльс, Вильям Гармсворт, виконт (1865—1922), издатель английских газет. I — 115, 116, 125; II — 43.
Нуланс, Жозеф (1864), французский политический деятель. В 1917 г. — посол в России. I — 214, 217.

Оберучев, русский социалист-революционер. I — 180.
Орландо, Виктор Эмануил (1860), итальянский государственный деятель, председатель совета министров. I — 111; II — 14, 43, 99, 101, 106, 210.
Орсаг, Я., словацкий коммерсант в России. I — 183.
Остин, Жана (1775—1817), английская романистка. I — 123.
Осуский, Стефан (1889), американский юрист, посланник Ч.С.Р. во Франции. I — 6, 93, 97, 98, 132, 141, 207; II — 14, 114, 127, 128, 129.

Павел, апостол. II — 307.
Павел I (1754—1801), русский император. I — 154.
Павлу, Богдан (1883), чешский журналист, участник освободительного движения, посланник. I — 61, 74, 130, 149, 170; II — 114.
Падеревский, Игнатий (1860), польский композитор, политический и государственный деятель. I — 94; II — 50, 51, 215, 314.
Палацкий, Франтишек (1798—1876), чешский публицист и политический деятель. I — 37, 70, 73; II — 65, 72, 136, 144, 202, 246, 254, 259, 260, 263, 330, 331, 332, 334, 336, 340, 341, 342, 343, 344, 345, 347, 350, 351, 358.
Палеолог, Морис Жорж (1859), французский дипломат, во время войны был послом в России. I — 150, 161; II — 71.
Пальмерстон, Генри Джон Темпль, виконт (1784—1865), английский государственный деятель. II — 68.
Пальфи, фон Ердод, граф, Мориц (1869), был от 1911—1915 австро-венгерским посланником при Ватикане. I — 53.
Панкхорст, Эммелина, английская писательница, феминистка. I—127.
Пантучек, Фердинанд (1863—1925), д-р, председатель верховного административного суда. II — 227.
Папоушек, Ярослав (1890), личный секретарь автора в России, чиновник М.И.Д. в Ч.С.Р. I — 184.
Паппен, фон, немецкий военный атташе в С.А.С.Ш. II — 61.
Паркер, Теодор, (1810—1860), американский теолог и писатель. II — 30.
Паскаль, Блэз (1623—1662), французский философ. I — 116.
Патейдль, Йосиф (1878), д-р, участник чешского освободительного движения, член парламента. II — 83.
Паульсен, Рудольф (1883), немецкий поэт. II — 169.
Паульсен, Фридрих (1846), нем. философ. II — 169.
Пачелли, ватиканский дипломат. II—10, 11.
Пачута, американский русин. II —57.
Пашич, Никола (1846—1926) сербский государственный деятель. I — 8, 77, 115, 130, 164, 165, 166; II—42, 46, 47, 48.
Пеги, Шарль (1873—1914), французский писатель. I — 120; II — 174.
Пэджет, Муриель, английская общественная деятельница, бывшая в 1918 в России с миссией английского Красного Креста. I — 221; II — 187.
Пейдж, Вильям, Тайлер (1868), автор американского «Верую»... II — 27.

Пейдж, Ф., американский посланник в Италии. II — 99, 119.
Перемысловцы, династия, правившая в Чехии в средние века. II — 256, 277, 339.
Перглер, Карел, американский юр., участник чешского освободительного движения, чешский дипломат, II — 17, 23, 38, 114, 119.
Перич, хорватский профессор. I — 64.
Петр Великий (1672—1725). II — 272.
Петэн, Анри Филипп (1856), французский генерал. II — 7.
Пивко, Людевит (1880), д-р, словинский профессор, организатор югославянского войска в Италии. II — 14.
Пилсудский, Иосиф (1867), польский генерал и государственный деятель, президент польской республики. I — 213.
Писецкий, Фердинанд, профессор, участник чешского освободительного движения. I — 130.
Пиччоне, Луиджи, итальянский генерал, начальник итальянской военной миссии в Ч.-С. Р. II — 193.
Пишон, Стефан (1857), французский государственный деятель, министр иностранных дел. I — 106; II — 101, 107, 112, 114, 189, 212, 236.
Платон (429—347 до Р. Х.), греческий философ. II — 142, 310, 314.
Плеханов, Георгий Валентинович (1857 — 1918), соц.-демократ I — 151.
По, Эдгард Аллен (1809—1849), американский писатель. II — 29, 30, 31, 32.
Покровский, Михаил Николаевич (1868) профессор. I — 107, 162
Полк, Франк Лайон (1871), американский юрист, во время войны был секретарем Лансинга. II — 36, 80, 118.
Попович, югославянский профессор. I — 47, 130.
Потиорек, Оскар (1853), австро-венгерский генерал. I — 19.
Потней, А., Готшинсон (1872), американский юрист. II — 119.
Поточняк, д-р, словинский политик. I — 130; II — 40.
Прибичевич, Милан, югославянский политик. II — 40.
Приклонский, чиновник русского М. И. Д. I — 176, 182.
Протопопов, Александр Дмитриевич (1866-1918) русский министр внутренних дел. I — 129, 154, 180; II — 17.
Пфефферман-Заруба, инженер, пражский архитектор. I — 36.
Пуанкарэ, Анри (1854—1912), французский математик и философ. I — 117.
Пуанкаре, Раймонд (1869), французский государственный деятель, президент французской республики. I — 142; II — 69, 70, 97, 101, 111, 189, 197.
Пупин, Михайло, американский серб. II — 40.
Пуришкевич, Владимир Митрофанович (1870-19 0), член Государственной Думы. I — 153.
Пучалка, Милош, д-р, участник чешского освободительного движения. I — 130.
Пушкин, Александр Сергеевич (1799—1837). I — 158; II — 176.
Пшеничка, курьер из России. II — 16.
Пэн, Томас (1737—1809), английский писатель, борец за независимость американск. Соед. Шт., член французского Конвента. II — 30.
Пэнлеве, Поль (1863), французский математик и государственный деятель. I — 231; II — 70.
Пэрс, Бернард, профессор лондонского университета, славист. I — 126.
Радич, Стефан, хорватский политический деятель, вождь аграрной партии. II — 49.
Разин, Степан Тимофеевич (казнен в 1681 г.). I — 203.
Раймунд, Фердинанд (1790—1836), австрийский поэт. II — 168.
Райт, И. Ботлер (1877), американский дипломат. II — 5.
Рампон, генерал французской миссии в России. I — 222.
Рамю, швейцарский писатель. I — 81.
Расмуссен, Кнут, датский писатель, германофил. I — 49.
Распутин Григорий Ефимович (1872—1916). I — 153, 154, 156, 174.
Рашильд, псевдоним: Жан де Шиль-

ра, французская писательница. I — 119.
Рашин, Алоис (1867—1923) чешский, политический деятель, министр финансов чехословацкой республики. I — 36, 37, 58, 59, 69, 97, 143, II — 15, 197, 201, 218, 219, 220; 226, 229, 242, 247, 265.
Ревертера, граф, австрийский дипломат. II — 70, 73.
Редлих, Иосиф (1869), д-р, профессор, австро-венгерский министр финансов. II — 228, 234, 276.
Рейман, Здэнек (1880), участник чешского освободительного движения. I — 130, 183.
Рейсс, швейцарский профессор. I — 78, II — 75.
Ренан, Эрнест (1823—1892), французский философ. I — 120.
Реньо, французский посланник в Японии. I — 230.
Репингтон, Чарльз (1858), английский полковник, военный специалист. I — 102, 103; II — 10.
Рибо, Александр (1842—1923), французский государственный деятель, министр финансов, в 1917 г. премьер-министр и министр иностранных дел. II — 69, 73.
Ривс, Эмбер, английская писательница. I — 123.
Ригер, Франтишек Владислав (1818—1903), вождь старо-чешской партии. II — 202, 204.
Ридинг, Руфус, Даниэль Исаак, виконт Ерлейк (1860), английский государственный деятель, 1917—1918 посол в С.А.С.Ш., в 1921 вице-король Индии. II — 39.
Ризов, болгарский посланник в Германии. II — 10.
Ричард II (1367—1400), король английский. I — 128.
Ричардсон, Доротея, английская писательница. I — 123.
Робертсон, Вильям (1872), английский генерал. I — 103.
Род, Эдуард, (1857—1910), швейцарский писатель, профессор женевского университета. I — 81.
Родд, Джемс Ренелл (1858), английский посол в Италии. I — 51.
Родзянко, Михаил Владимирович, (1859—1924) председатель Государственной Думы. I — 146.
Роз, г-жа, англичанка. I — 115, 125.
Розен, барон, русский дипломат, германофил. I — 160.
Розмини, Сербати, Антонио (1797—1855), католический писатель и политический деятель. I — 45, 46.
Роллан, Ромэн (1866), французский писатель-пацифист. I — 71, 72, 120, 121.
Романовы, династия, царствовавшая в России. II — 93.
Ромэн, Жюль (1880), французский поэт. I — 120.
Ронингер, Эмиль, немецкий писатель-пацифист. I — 81.
Россетти, Данте Габриель (1828—1882), английский художник и поэт. I — 122.
Рузвельт, Теодор (1858—1919), президент С.А.С.Ш. от 1901—1908. I—111; II — 37, 126.
Руссо, Жан Жак (1712—1778), французский философ, педагог и писатель. I — 56, 82, 117, 118, 205; II — 142, 161, 172, 173, 176, 178, 186, 318, 335, 339.
Рут, Е. (1845), американский государственный деятель, пан-американист, получил нобелевскую премию мира. I — 150, II — 35.
Сабат, Адольф Иосиф (1866), член американского конгресса, по происхождению чех. II — 19.
Сабатье, Поль (1858), французский протестантский теолог. I — 115.
Сабина, Карел (1811—1877), чешский журналист и писатель. I — 10.
Савинков, Борис Викторович (1879—1925), псевдоним: Рошшин, русский революционер и романист. I—151, 223.
Савич, сербский профессор. I — 130.
Савонарола, Джироламо (1452—1498), итальянский религиозный реформатор. I — 45.
Садуль, Жак, французский офицер, член военной миссии в России, коммунист. I — 217; II — 81.
Сазонов, Сергей Дмитриевич, русский государственный деятель, министр иностранных дел во время войны. I — 15, 21, 23, 24, 50, 65, 129, 157, 160, 161, 162, 164, 165; 166; II — 44, 71, 92.
Сапик, Войтех, чешский скульптор, убит на войне. II — 197.

Сарайль, Морис (1856), французский генерал на балканском фронте. I — 104, 136.
Сароле́а, Шарль (1870), бельгийский писатель, консул в Эдинбурге, профессор эдинбургского университета. I — 126.
Сватковский, Всеволод, русский журналист. I — 16, 50, 51, 64, 108, 148; II — 71.
Светла, Каролина (1830—1899), чешская писательница. II — 344.
Свинертон, Франц Артур, английский романист. I — 124.
Севе́р, Люций Септимий (146—211), римский император. I — 203.
Сельвер, Эрнест, французский литературный критик. I — 118.
Семенов, Григорий Михайлович (1890) атаман казачьих войск в Сибири. I — 214, 228; II—81.
Сенека, Марк Энней (14 до Р. Х.—38 по Р. Х.), римский философ. II—342.
Сенкевич, Генрик (1846—1916), польский писатель. I — 94.
Сервет, Михаил (1511 — 1553), швейцарский врач и теолог, сожженный по приказу Кальвина. II — 358.
Сесиль, Роберт, Лорд (1864), английский государственный деятель. I — 100; II — 99, 104, 243.
Сетон-Ватсон, Роберт Вильям (1879), профессор истории лондонского университета, знаток Восточной Европы. I — 13, 14, 16, 21, 50, 65, 84, 96, 100, 115, 116, 125, 131, 139; II — 42, 43, 45, 70, 128, 187, 191, 193, 208, 212, 214.
Сиджвик, Эйтель, английская писательница. I — 123.
Сикора, Ян, лондонский чех. I — 132.
Сикс, французский полковник. II — 109.
Сикст, принц Бурбонский, брат Зиты, жены Карла, императора австро-венгерского. I — 142, 231; II — 9, 11, 13, 67, 69, 70, 72, 73, 74, 190, 243.
Симонс, г-жа, германский агент. II — 63.
Синклер, Мэй, английская писательница. I — 123; II — 5.
Сихрава, Лев, д-р, сотрудник автора в Швейцарии, руководил журналистикой чешского освободительного движения. I — 6, 57, 61, 79, 85, 93; II — 14, 114.
Сичинский, галичанин в Америке. II — 54.
Слатковский, Карел (1823—1880), младочешский политик. II — 202, 351.
Сметана, Бедржих (1824—1884), чешский композитор. II — 202.
Сметанка, Ярослав (1881), участник чешского освободительного движения, состоит на службе М.И.Д. II — 24.
Смит, Адам (1723—1790), английский экономист. II — 289.
Смитс-Кей, Шейла, английская писательница. I — 123.
Смутс, Иоанн Христиан (1870), английский генерал в Южной Африке, государственный деятель, пацифист. II — 70.
Соболевский, Александр Иванович, (1856) русский профессор, филолог. II — 45.
Соколов, американский сионист. II—37.
Сократ (470—399 до Р. Х.), греческий философ. II — 342.
Соннино, Сидней, Барон (1847 — 1923), итальянский государственный деятель. I — 67, 110, 178; II — 42, 43, 68, 108, 210, 212.
Сорокин, Питирим, русский социолог. I — 151.
Сорэль, Жорж (1847), французский философ, социалист, теоретик синдикализма. I — 121.
Соукуп, Франтишек (1871), д-р, чешский социал-демократ. I — 10, 58; II — 218, 219, 220, 265.
Спалайкович, сербский посланник в России во время войны. I — 150, 180; II — 45.
Спенсер, Герберт (1820—1903), английский философ. I — 122.
Спэрджен, Чарльз Геддон (1834—1892), английский проповедник. II — 18, 314.
Сталин, Иосиф Виссарионович, (1879) коммунист. I — 225; II — 81.
Станек, Франтишек, депутат аграрной партии, бывший председатель чешского союза депутатов в австрийском парламенте. II — 218.
Стид, Генри Викгем (1871), английский журналист. I — 12, 13, 15,

65, 115, 116, 125, 131, 135, 150; II — 42, 43, 45, 61, 87, 187, 191, 193, 207, 211.

Стиннес, Гуго (1870—1924), немецкий промышленник. I — 154.

Стоика, румынский политический деятель. II — 51.

Стоянович, Никола, д-р, боснийский политик. I — 47.

Странский, Адольф (1855), д-р, чешский политический деятель, после революции министр промышленности и торговли. I — 10.

Стриндберг, Август (1849—1912), шведский драматург. II — 177.

Струве, Петр Бернгардович, (1870) русский экономист и политический деятель. I — 151.

Стшибрный, Юлий (1880), чешский политический деятель. I — 95; II — 201, 220.

Супило, Прано, прогрессивный хорватский политический деятель. I — 47, 63, 130, 132, 164, 165, 166; II — 42, 44, 47, 49.

Сухомлинов, Владимир Александрович, (1849—1926) генерал, военный министр. I — 19, 154.

Сюарес, Андре, французский писатель. I — 120.

Табуи, французский генерал в России. I — 150 214.

Тайрель, чиновник английского М. И.Д. II — 187.

Тардье, Андрэ, французский публицист. I — 141.

Тврзицкий, Иосиф (1884—1921), участник чешского освободительного движения, редактор при чехословацком посольстве в С.А.С.Ш. II — 24, 87.

Тейлер, Джон (1790—1862), президент С.А.С.Ш. II — 27.

Темперлей, Гарольд Вильям Вазель (1879), профессор истории в Кэмбридже, историк мирной конференции. II — 212, 213, 223, 265.

Темпльтоун, Генри Эдуард, виконт (1853), английский политический деятель. I — 131.

Теннисон, Альфред (1809—1892), английский поэт. I — 123.

Терещенко, Михаил Иванович, русский министр иностранных дел во временном правительстве. I — 150, 218; II — 73.

Тисса, Истван, граф (1861—1918), австро-венгерский государственный деятель. I — 49; II — 132, 184, 232.

Тоболка, Зденек Вацлав (1874), д-р, историк и политический деятель, директор библиотеки при чешском парламенте. I — 145.

Токвиль, де, Алексис Элерель (1805—1859), французский историк и государствовед. I — 117, 118; II — 25, 306.

Толстой, Лев Николаевич (1828 — 1910). I — 70, 71, 147, 158; II — 317.

Тома, Альберт (1878), французский социалист, министр снабжения, председатель Международного Бюро Труда при Лиге Наций. I — 150, 186; II — 96.

Торре, Андреа, депутат итальянского парламента, поддерживавший чехословацкие легионы. II — 43.

Тоунсенд, американский морской офицер. II — 38.

Требич-Линкольн международный авантюрист и шпион. II — 63.

Трейчке, фон, Генрих (1834—1867), немецкий историк пангерманист. I — 76; II — 163, 260.

Трепов, Александр Федорович, (1862) русский государственный деятель. I — 24, 153, 154, 162, 174.

Тшебицкий, Ян, д-р (1893), участник чешского освободительного движения. I — 59.

Троцкий, Лев Давидович, (1879) собственное имя: Бронштейн. I—148, 214, 217, 218, 230; II — 81.

Трумбич, Анте, д-р, хорватский политик и государственный деятель. I — 47, 48, 165; II — 41, 42, 43, 47, 48, 49, 129, 191.

Тун, Гогенштейн, фон, Франц, князь (1847—1916), австрийский государственный деятель, наместник королевства чешского. I — 32, 33.

Тургенев, Иван Сергеевич (1818—1883). I — 158.

Тусар, Властимил (1880—1924), чешский социал-демократ и государственный деятель, посланник в Берлине. II — 224, 230, 233.

Тучек, Алоис (1887—1925), участник

чешского освободительного движения, организатор Дружины. I — 183.

Тэн, Ипполит (1828—1893), французский философ и историк. I — 118, 123.

Уайльд, Оскар (1856—1900), английский писатель. I — 122.

Уайтт, Александр Фредерик (1883), английский политический деятель, I — 125.

Уебстер, Даниель (1782—1852), американский госуд. деятель. II — 30.

Уитман, Уот (1819—1892), американский поэт. II — 30.

Уиттьер, Джон Гринлиф (1807—1892), американский писатель. II — 30.

Уйда, собственное имя: Луиза де-ла-Рамэ. (1840—1908), английская писательница. I — 123.

Унру, фон, Фрид (1885), немецкий поэт. II — 169.

Уольноль, Юг, Сеймур (1884), английский романист. I — 124; II — 34.

Уорд, Генфри (1851), английская писательница. I — 123, 135.

Уэлс, Герберт, Джорж (1866), английский романист. I — 124; II — 33.

Уэльский принц—титул английского наследного принца. I — 128.

Фагэ, Эмиль (1847—1916), французский историк литературы и критик. I — 118.

Фашиоти, итальянский посланник. I — 210.

Фейлер, швейцарский полковник. I — 67.

Фейербах, Людвиг (1804 — 1872), немецкий философ. I — 201; II — 162, 165.

Фердинанд I (1865), король румынский. II — 192.

Ферстер, Фридрих Вильгельм (1869), немецкий философ, педагог, пацифист. II — 169.

Филлипс, Вильям (1878), американский дипломат. II — 36, 118.

Фиори, де, д-р. II — 129.

Фитцморис, Джеральд Генри (1865), английский дипломатический чиновник. I — 127.

Фихте, Иоганн Готтлиб (1762—1814), немецкий философ. II — 164.

Фишер, Людвиг, д-р, чешский врач в Америке, председатель национального об'единения. II — 17.

Флаке, Отто (1882), немецкий романист. II — 169.

Флореску, румынский политический деятель. II — 43.

Фома Аквинский (1225—1274), схоластик, богослов. I — 44, 45; II — 358.

Фош, Фердинанд (1851), французский маршал, главнокомандующий французской армии. I — 17, 112, 113, 134; II — 7, 10, 13, 70, 72, 111, 122, 123, 133, 148, 236, 326.

Франклин, Вениамин (1706—1790), американский государственный деятель. II — 30.

Франс, Анатоль, собственное имя: Тибо (1844—1924), французский писатель. I — 121.

Франц Иосиф I (1830—1916), австро-венгерский император. I — 53, 60, 137, 143, 144, 178; II — 9, 71, 192.

Франц Фердинанд (1863—1914), эрцгерцог д'Есте, наследник австро-венгерского престола. I — 10, 32, 44; II — 144.

Франциск Ассизский, собственное имя: Джиованни Бернардоне (1182—1226), основатель францисканского ордена. I — 45, 115.

Фредерикс, Владимир Борисович, (1838—1927) граф, министр двора и уделов б. императора, Николая II. I — 156.

Фрейд, Сигмунд (1856), венский психиатр. I — 123, 134.

Фрейссине, француз. сенатор. II — 72.

Фрейтаг, Густав (1816—1895), немецкий поэт. II — 168.

Фридрих, эрцгерцог австрийский (1856), австрийский фельдмаршал, главнокомандующий австрийской армии. I — 11, 14, 28, 34, 65, 143; II — 144.

Фридрих II Великий (1712—1786), король прусский. II — 160, 162, 328.

Фридрих Вильгельм, кронпринц германский. II — 133.

Фридюнг, Генри (1851—1920), ав-

стрийский историк. I — 132, 150; II — 147.
Фриче, Владимир Макс., историк литературы, марксист. I — 222.
Фурноль, Этьен, французский славист, вице-председатель славянского Института в Париже. I — 106; II — 43.

Халупа, чешский легионер в России и в Италии. I — 212.
Хвощинский, русский дипломатический чиновник I — 49.
Хег, Дуглас, граф (1861), английский генерал. II — 152.
Хельчицкий, Петр (1390—1460), философ-гуманист, защитник гусситов в Чехии. I — 71; II — 146, 246, 307, 317, 334, 340, 350, 352, 353, 357.
Хетчинсон, А. С. М., английский писатель. I — 124.
Хлумецкий, барон, австрийский политический деятель, II — 231; II — 232.
Ходорович, русский генерал. II — 95.
Холмс, Оливер Вендел (1809—1894), американский писатель. II — 30.
Хоуторн, Натаньель (1804—1864), американский романист. II — 28, 30.
Хоц, Вацлав, народный социалист, депутат в австрийском парламенте. I — 10.
Хуэрта, Викториано (1854—1916), мексиканский генерал и президент. II — 62.

Цезарь, Гай Юлий (100—44 до Р. Х.). II — 304, 328.
Циварж, Ярослав, д-р (1894), чиновник М. И. Д. в Чехии. II — 38, 87.
Чаадаев, Петр Яковлевич (1793—1856), I — 158.
Чапек, Ян, чешский легионер в Италии. II — 14.
Чапек-Ход, Карл Матвей (1860), чешский писатель. II — 344.
Чарнецкий, польский журналист в Америке. II — 51.
Челаковский, Яромир (1846—1914), младочешский политический деятель, юрист. II — 235.
Челере, итальянский дипломат. II — 39.
Червеный, Отокар, чешский промышленник в Киеве. I — 168.
Червинка, Ярослав (1848), русский и чешский генерал, принимал участие в организации чешского войска в России. I — 173, 175, 176, 178, 184.
Черман, Богумил Вацлав (1870—1921), первый вице-председатель отдела чехословацкого национального совета в России. I — 170; II — 77.
Чернин, Оттокар, граф (1872), австро-венгерский государственный деятель, министр иностранных дел. I — 44, 144, 231; II — 9, 11, 16, 69, 70, 72, 73, 74, 76, 115, 130, 276.
Черчиль, Винстон Спенсер (1874), английский государственный деятель. I — 81, 187.
Честертон, Джильберт Кейд (1874), английский католический журналист и писатель. I — 127.
Честертон, брат предыдущего. Антисемит. I — 127.
Чех, Святополк (1846—1908), чешский писатель. II — 344.
Чичерин, Георгий Васильевич (1872), советский дипломат, комиссар по иностранными делам. II — 82.

Шальда Франтишек (1867), д-р, литературный критик и писатель. II — 344.
Шамал, Пшемысл д-р (1867), чешский политический деятель. I — 36, 37; II — 229.
Шарп, Вильям Гревс (1859—1922), посол С.А.С.Ш. в Париже. II — 68, 120, 191.
Шатобриан, Франсуа Рене (1768—1848), французский писатель и государственный деятель. I — 117.
Шафарик, Павел Иосиф (1795—1861), знаменитый чешский ученый. II — 202, 334, 342, 343.
Шварц, участник чешского освободительного движения. I — 151.
Швец, Юрий Иосиф (1880—1918), полковник чехословацких войск. II — 84.
Швегла, Антонин (1875), чешский политический деятель. I — 10; II — 220, 229.
Швига, Карел, судья, чешский депу-

тат австрийского парламента, обвиненный в предательстве. I — 10.
Швиговский, Вацлав, русский чех, издававший «Чехослован». I — 61.
Шеба, Ян (1886), чешский легионер в России и Италии, находится на дипломатической службе. I — 196, 212.
Шейдеман, Филипп (1865), немецкий социал-демократ. I—101; II—129, 133.
Шейнер, Иосиф (1861), д-р, староста чехословацкого сокольства. I — 20, 21, 22, 43, 62; II — 208.
Шекспир, Вильям (1564—1616), II — 139, 163, 338, 339.
Шеллинг, Фридрих Вильгельм (1775—1854), немецкий философ. II — 164.
Шельдон, Поул, американский офицер, прикомандированный к чехословацкому военному атташе в С.А.С.Ш. II — 80.
Шелькинг, чиновник русского М. И. Д. II — 16.
Шерадам, Андре, французский публицист, специалист по вопросам, касающимся средней Европы. I — 106; II — 36, 72.
Шефер, Дитрих, профессор истории в берлинском университете. II — 161.
Шидехари, барон Кикуро (1872), японский дипломат. I — 230.
Шиллер, Фридрих (1759 — 1805), немецкий поэт. II — 160, 166, 347.
Шип, Франтишек, начальник финансового управления чехословацкой армии в России, директор Легиобанка. I — 222.
Шлиффен, фон, Альфред, граф (1833—1913), немецкий маршал, военный теоретик. II — 149, 150.
Шлупас, д-р, литовский политик. II — 55.
Шмераль, Богумир, д-р, вождь чешских коммунистов. I—10; II—12.
Шокоров, русский генерал, прикомандированный к чехословацкой армии. I — 188.
Шопенгауер, Артур (1788—1860), немецкий философ. II — 164, 165.
Шоу, Бернард (1856), английский драматург, социалист, один из основателей фабианского общества. I — 127.
Шпенглер, Освальд (1880), немецкий философ-историк. II — 181, 268.
Шпильгаген, Фридрих (1829—1911), немецкий романист. II — 168.
Шпиттелер, Карл (1845—1924), швейцарский романист. I — 81.
Шробар, Вавро (1867), д-р медицины, словацкий политический деятель, прогрессист. II — 16.
Штепанек, Витезслав, д-р, профессор и публицист. I — 65.
Штерн, Адольф (1835—1907), немецкий поэт и историк литературы. II — 168.
Штепина, Иосиф, американский чех, финансист. I — 22, 43; II — 17.
Штефаник, Милан Ростислав (1888 — 1919), д-р, чехословацкий политический деятель. I — 6, 36, 55, 86, 89, 91, 92, 93, 96, 98, 99, 105, 106, 110, 111, 112, 113, 114, 131, 141, 148, 149, 159, 168, 170, 171, 175, 182, 185, 186, 210, 211; II — 13, 14, 15, 19, 37, 38, 41, 44, 87, 89, 99, 101, 114, 135, 141, 192, 193, 202, 210, 224, 227, 240, 353.
Штильгебауэр, Эдуард (1868), немецкий романист .II — 169.
Штирнер, Макс (1806—1856), немецкий философ. II — 168.
Штитный из Штитного, Фома (1325—1404), чешский религиозный мыслитель. II—339.
Штифтер, Адальберт (1805—1868), немецкий поэт. II — 167.
Штур, Людевит (1815—1856), словацкий писатель. II — 20, 22.
Штюрмер, Борис В. (1848—1918), русский государственный деятель. I — 137, 153, 154, 157, 160, 162, 170, 174, 176; II — 17, 71, 94, 150.
Штюрк, Карл (1859—1916), австровенгерский государственный деятель. I — 137, 143.
Шуберт, Франц (1797—1828), немецкий композитор. II — 164.
Шуваев, Д. С. (1854), генерал и военный министр. I — 173.
Шульгин, А. Я., украинский министр иностранных дел, профессор украинского университета в Праге. I — 208.
Шульгин, Василий Виталиевич (1878), член Государственной Думы. I — 208.

Шуман, Роберт (1810—1856) немецкий композитор. II — 164.
Шюкинг, Вальтер (1875), немецкий юрист, знаток международного права, пацифист. II — 169.

Щербачев, Дмитрий Григорьевич, русский генерал на румынском фронте. I — 210.

Эберт, Фридрих (1871—1924), первый президент германской республики, социал-демократ. II — 133.
Эвклид из Мегары (около 400 года до Р. Х.), греческий математик. II — 325.
Эванс, Е. Винсент (1851), английский историк. I — 125.
Эгер, Ганс (1854—1910), норвежский романист. I — 134.
Эдвардс Джонатан (1703—1758), американский философ. II — 30.
Эдисон Томас Альва (1847), американский изобретатель. II — 152.
Эдшмид, Казимир (1890), немецкий романист и литературный критик. II — 169, 177.
Эйзенман, Реми, профессор Сорбоны, французский славист. I — 106.
Эйленбург, Август, граф (1838—1921), церемониймейстер германского императорского двора. I — 156.
Эллиот, Джорж, собственное имя: Мэри Анна Иванс (1819—1880), английская писательница. I — 123.
Эллиот, Чарльз Вильям (1834), профессор Гарвардского университета. II — 24, 36.
Эмерсон, Ральф Вальдо (1803—1882), американский философ и поэт. II — 30.
Энгельс, Фридрих (1820—1895), немецкий социалист, один из основателей марксизма. I — 201; II — 317, 321.
Энкель, русский военный атташе в Италии. I — 49.
Эренталь, Алоис Леопольд Лекса, граф (1854—1912), австро-венгерский дипломат и государственный деятель. I — 53, 59, 96, 107, 115, 132; II — 145, 147.
Эрнст, великий герцог Гессен-Дармштадтский. I — 156.
Эрцбергер, Матвей (1875—1921), немецкий политический деятель. I — 53; II — 9, 10, 133.

Юм, Давид (1711—1776), английский философ. I— 116, 117, 121; II — 164, 170, 303, 308.
Юнг, Р. Ф., чиновник английского М. Н. Пр. I — 126; II — 187.
Юнгман, Иосиф (1773—1847), выдающийся деятель чешского возрождения, филолог, поэт. II — 202, 341.
Юрий из Подебрад и Кунштадта (1420—1471), король чешский. II — 332, 334, 339.

Якобсен, Иен Петер (1847—1885), датский писатель. II — 177.
Ян Люксетбургский (1296—1346), король чешский от 1310—1346. I—128.
Яси, Оскар (1875), венгерский социолог и политический деятель. II — 128, 129.
Ястребов, Николай Владимирович (1869—1923), профессор, славист. II — 44.
Яффе, мюнхенский профессор. II — 129.

ERRATA:

I—	43	вместо	Штейнер	нужно Шейнер
I—	54	,,	Гаспари	,, Гаспарри
I—	81	,,	Рамюз	,, Рамю
I—	134	,,	Эгер	,, Егер
II—	35	,,	Крэн	,, Крейн
II—	43	,,	Лапарини	,, Ладзарини
II—	147	после слов терпение нужно: вот поручка (?) гуманности... начинается 84 глава		
II—	236	вместо	Карой	нужно Карольи
II—	243	,,	Черчиль	,, Сесиль
II—	303	,,	Конт	,, Кант
II—	344	,,	Шольда	,, Шальда

ПЛАМЯ

Центральные склады
PLAMJA
Praha I, Ječná 32